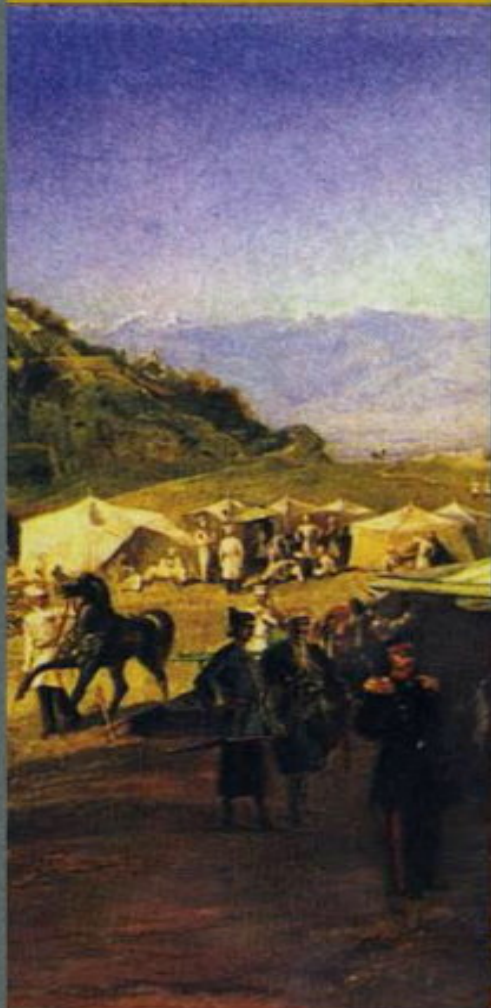

ВОРОНЦОВ

Вячеслав
Удобник

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Предлагаемое вниманию читателей издание представляет собой жизнеописание генерал-фельдмаршала, светлейшего князя, новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, наместника на Кавказе М. С. Воронцова (1782–1856). Личность этого человека вызывает самые противоречивые оценки историков и исследователей-пушкинистов. Первые, признавая в нем талант полководца и мудрого правителя, укоряют его за приверженность монархии и называют угодливым царедворцем. Вторые (по крайней мере большинство из них) игнорируют его заслуги перед Отечеством и видят в нем только врага великого поэта. Рассказывая о жизненном пути Воронцова, о его ратных подвигах и деяниях во славу России, автор книги опровергает распространенное и искаженное представление о нем как о расчетливом вельможе и гонителе Пушкина. В Приложении приводится ценнейший исторический документ — кавказские письма М. С. Воронцова к А. П. Ермолову.

[Адаптировано для AlReader]

-
- [Вячеслав Удовик](#)
    -
    -
    - [Глава I](#)
    - [Глава II](#)

- [Глава III](#)
- [Глава IV](#)
- [Глава V](#)
- [Глава VI](#)
- [Глава VII](#)
- [Глава VIII](#)
- [Глава IX](#)
- [Глава X](#)
- [Глава XI](#)
- [Глава XII](#)
- [Глава XIII](#)
- [Глава XIV](#)
- [Глава XV](#)
- [Глава XVI](#)
- [Глава XVII](#)
- [Глава XVIII](#)
- [Глава XIX](#)
- [Глава XX](#)
- [Глава XXI](#)
- [Глава XXII](#)
- [Глава XXIII](#)
- [Глава XXIV](#)
- [Глава XXV](#)
- [Глава XXVI](#)
- [Глава XXVII](#)
- [Глава XXVIII](#)
- [ПРИЛОЖЕНИЕ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

-
-
-
-
-
-
-

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)

- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)

- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)

- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)

- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)

- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)

- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)

- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)

- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)

- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)

- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)

- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)

- [479](#)
  - [480](#)
  - [481](#)
  - [482](#)
  - [483](#)
  - [484](#)
  - [485](#)
  - [486](#)
  - [487](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1107

---

(907)

Вячеслав Удовик

ВОРОНЦОВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

---

*

© Удовик В. А., 2004

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2004

«Semper immota fides»

(Всегда непоколебимая верность)

Девиз рода Воронцовых

*Люди с властью и с богатством
должны так жить, чтобы другие прощали
им эту власть и богатство.*

М. С. Воронцов

Глава I

ДОЛГОЕ ОЖИДАНИЕ

Граф Роман Илларионович Воронцов (1717-1783) имел полное право гордиться своими сыновьями Александром и Семеном Романовичами, а также своей младшей дочерью княгиней Екатериной Романовной Дашковой (1743-1810), которая более десяти лет возглавляла два высших научных учреждений России — Петербургскую академию наук и художеств и Российскую академию.

Александр Романович (1741-1805) с детства отличался трудолюбием, усидчивостью, прекрасной памятью и глубоким интересом к знаниям. Он незаметным образом научился французскому языку, а отец позаботился, чтобы оба его сына и родной язык знали в совершенстве. С пяти-шести лет Александр обнаружил склонность к чтению книг. К двенадцати годам он был хорошо знаком с сочинениями Вольтера, Расина, Корнеля, Буало и других французских писателей.

Сочинения Вольтера были весьма популярны в России в XVIII веке. Но их могли читать только те россияне, которые владели французским языком. Можно было встретить труды Вольтера в переводах на английский и немецкий языки. Но на русском языке не было издано ни одного произведения французского мыслителя.

В тринадцать лет Александр познакомился с новой философской повестью Вольтера «Микромегас». Космическая тема, путешествие героев повести между планетами, их приключения на земном шаре поразили воображение подростка. И он решил перевести повесть на русский язык.

В 1755 году в Петербурге стал выходить первый в России «ученый журнал» — «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», рассчитанный на широкий круг читателей. В этом журнале в январском номере за 1756 год и был напечатан русский перевод «Микромегаса». Это была первая публикация сочинения Вольтера на русском языке и вообще первый перевод повести «Микромегас» с французского на иностранный язык. В том же году в «Ежемесячных сочинениях» был напечатан переведенный Александром назидательный рассказ Вольтера «Мемнон, желающий быть совершенно разумным».

Почти каждый день Александр бывал в доме своего дяди вице-канцлера Михаила Илларионовича Воронцова (1714–1767). Политики, ученые, писатели, художники, дипломаты, посещавшие этот дом, с удовольствием беседовали с любознательным и серьезным юношей. Нередко в гости к Михаилу Илларионовичу приходил друживший с ним Михаил Васильевич Ломоносов, который, видимо, также не отказывался отвечать на вопросы пытливого племянника вице-канцлера.

Великая княгиня Екатерина Алексеевна, супруга великого князя Петра Федоровича, познакомившись с Александром, сказала, что не может достаточно нахвалиться им. Она назвала его в высшей степени обещающим молодым человеком.

В должности вице-канцлера М. И. Воронцов значительно способствовал восстановлению дружеских отношений между Россией и Францией. В 1756 году в Россию прибыл новый французский посол маркиз де Лопиталь. Посол, естественно, стал желанным гостем вице-канцлера. В его доме он познакомился с Александром, высоко оценил способности и жажду знаний юноши и заявил, что для продолжения образования ему необходимо отправиться во Францию.

Лопиталь рассказал, что в Версале открылась военная школа легкой кавалерии. Школа находилась под покровительством французского короля, и принимали в нее представителей только самых знатных фамилий Франции. Но маркиз был уверен, что из уважения к императрице Елизавете Петровне и ценя заслуги Михаила Илларионовича в укреплении русско-французских отношений, король Людовик XV разрешит принять в это привилегированное военное училище племянника вице-канцлера.

Французский король разрешил, императрица Елизавета Петровна дала согласие, и в конце февраля 1758 года Александр покинул Петербург. Ему было шестнадцать лет, и он гордился тем, что отец отпустил его в далекое путешествие одного, без гувернера. А Роман Илларионович, хотя и полагался на благоразумие сына, руководствовался в своем решении, по всей видимости, не только педагогическими, но и экономическими соображениями.

По пути во Францию, пересекая одну европейскую страну за другой, Александр оказался в Мангейме, небольшом немецком государстве. И узнал, что у главы этого государства гостит Вольтер. «Так как я всегда восхищался произведениями Вольтера, — напишет Александр Романович много лет спустя в своих воспоминаниях, — то и был в неописуемом восторге от того, что имел случай его видеть»^{1}.

Александр решил задержаться в Мангейме. Днем он встречался с Вольтером и подолгу беседовал с ним, а вечерами смотрел в местном театре его трагедии. Перед прощанием юноша с благодарностью выслушал советы Вольтера касательно его будущих занятий во Франции, а знаменитый француз в одном из своих писем в Россию с похвалой отозвался о своем новом знакомом. В дальнейшем между великим мыслителем и его юным

почитателем завязалась переписка, которая продолжалась более десяти лет.

В письмах к Александру Вольтер неизменно выражал восхищение Россией и россиянами. «Я вижу, — писал он, — что русские говорят на нашем языке лучше, чем мы, и разбираются в сути вещей также лучше нас». А об Александре он написал, что тот наилучшим образом представляет великую национальную идею, выдвинутую Петром Первым^{2}.

«Несомненно, я не заслуживаю всего того лестного, что вы высказываете на мой счет, и если любовь моя к литературе и велика, то именно вам, сударь, я этим обязан, с помощью ваших произведений постигнув, что в глазах мудреца единственные существенные преимущества — это преимущества ума и сердца, а все прочее — игра случая, и не более как дым»^{3}, — так Александр ответил Вольтеру на его похвалы.

С годами восхищение Вольтера молодым россиянином все более возрастало. «Что меня трогает больше всего, — писал он ему, — это ваш вкус в области прекрасных искусств, ваше совершенное знание нашего языка; действительно, нет никого, чье одобрение я добивался бы с большим желанием»^{4}. Из другого письма, связанного с воспоминанием о давней встрече с Александром: «Ваша мудрость превосходит ваш возраст, и приятности вашей беседы меня очаровали. Я видел, что вы достойны более великих дел, в которых предстоит вам участвовать»^{5}. Вольтер не ошибся — впоследствии Александр Романович стал выдающимся государственным деятелем екатерининского времени и начала царствования Александра I.

По прибытии в Париж Александр поспешил посетить театр, где шла трагедия Вольтера «Заира». Прогуливаясь по городу, он не пропускал ни одной книжной лавки. Наконец-то он мог утолить свою страсть

к философским, политическим, историческим и иным сочинениям.

Завершив обучение в военной школе в Версале, Александр Романович отправился в путешествие по Европе, а затем поступил на дипломатическую службу. С 1761 по 1768 год он возглавлял русские посольства в разных европейских государствах. После возвращения на родину он какое-то время служил при дворе императрицы Екатерины II, а затем посвятил себя хозяйственным заботам — управлению имениями отца.

В 1773 году возникла необходимость назначить нового президента в Коммерц-коллегию, ведавшую вопросами внешней торговли России. Екатерина II не любила Воронцовых за их самостоятельность и несговорчивость, за их критическое отношение к ее фаворитам. Но в интересах дела императрица нередко поступалась своими чувствами. Так произошло и с назначением Александра Романовича. Екатерина Алексеевна не питала к нему симпатии, но она имела немало случаев убедиться в его незаурядных способностях, в его честности, бескорыстии и бережливости, в его требовательности и упорстве и посчитала, что только он сможет с успехом справиться с непростыми обязанностями президента Коммерц-коллегии.

Императрица сделала правильный выбор. Александр Романович руководил Коммерц-коллегией более двадцати лет. Ни до него, ни после него никто не занимал эту должность так долго. И благодаря его умелому руководству Коллегия в значительной степени способствовала расширению внешних торговых связей России и развитию производительных сил страны. Коллегия обеспечивала ежегодный рост доходов государства за счет таможенных сборов. И императрица, постоянно испытывавшая нехватку денег в казне, не могла этого не ценить.

В январе 1778 года в Коммерц-коллегии появился новый младший член — Александр Николаевич Радищев, будущий автор книги «Путешествие из Петербурга в Москву». Очень скоро между президентом и младшим членом Коллегии сложились дружеские отношения. Причиной их быстрого сближения стали общие взгляды на положение в России.

Александр Николаевич зачастил в дом Александра Романовича на Малой Морской в Петербурге, а в летнее время он навещал своего начальника в Мурине — Воронцовском имении вблизи города. В беседах двух друзей о российских порядках родились многие идеи «Путешествия из Петербурга в Москву». Таким образом, А. Р. Воронцов стал невольным «соавтором» А. Н. Радищева. И кто знает, если бы судьба не свела этих людей, может быть, и не появилась бы эта книга.

В 1779 году Екатерина II назначила Александра Романовича членом Правительствующего сената. Вскоре он стал одним из наиболее авторитетных сенаторов. К его голосу прислушивалась сама императрица. А те из сенаторов, кто путали государственный карман с собственным, ожидали его выступления с опаской.

По мнению Романа Илларионовича, у Александра Романовича, при всех его достоинствах, был один весьма существенный недостаток — он так и не собрался жениться. А Роман Илларионович мечтал о внуке, который унаследовал бы графский титул и состояние Воронцовых. Оставалась надежда на младшего сына.

Семен Романович (1744–1832) с раннего детства имел «страсть и неодолимый порыв к военному ремеслу». В семнадцать лет он получил звание поручика и был определен в гренадерскую роту лейб-гвардии Преображенского полка.

Во время дворцового переворота 28 июня 1762 года Семен Романович, как и другие известные Воронцовы (кроме княгини Е. Р. Дашковой), отказался изменить

присяге, данной императору Петру III. Услышав, что гвардейцы Семеновского полка провозгласили Екатерину Алексеевну, супругу Петра III, российской самодержицей, он был крайне возмущен. «Нетерпеливый как француз» и «вспыльчивый как сицилиец» (так он сам о себе говорил), Семен Романович обнажил шпагу в защиту законного императора, но был обезоружен и взят под арест.

В связи с событиями 28 июня служба в гвардии, сыгравшей решающую роль в перевороте, Семену Романовичу стала противной. По его просьбе он был переведен из Преображенского полка в армейский полк, а затем добился отставки.

В конце осени 1768 года Турция объявила России войну. Семен Романович обратился к вице-президенту Военной коллегии Захару Григорьевичу Чернышеву с просьбой снова принять его на военную службу и отправить в действующую армию. Далеко не все офицеры посчитали честь и защиту Отечества выше личного благополучия. З. Г. Чернышев отметил с горечью, что Семен Романович — единственный, кто пожелал идти воевать, «тогда как со всех сторон сыплются просьбы об увольнении, которых получено уже больше 400-т»^[6].

В армии Семен Романович оказался в подчинении у Петра Александровича Румянцева. Своей храбростью и усердной службой он быстро завоевал расположение прославленного полководца и стал начальником его штаба. Он особенно отличился в битвах при Ларге и Кагуле, за что был отмечен орденом Св. Георгия, сначала 4-й, потом 3-й степени, и получил чин полковника. Его полк, находясь в авангарде, участвовал в успешных операциях под Силистрией.

Героические действия полка объяснялись не только полководческим талантом и отвагой Семена Романовича, но и тем, что он был прекрасным воспитателем своих

солдат и примером для офицеров. В январе 1774 года Семен Романович составил «Инструкцию господам ротным командирам» — это были конкретные рекомендации младшим офицерам по обучению и воспитанию нижних чинов.

Семен Романович считал, что важнейшей задачей офицеров является воспитание в солдатах чувства чести и «честолюбия, которое одно возбуждает на преодоление трудов и опасности, на все славные подвиги: честолюбивый солдат все из амбиции делает и следовательно все делает лучше».

Солдаты в русской армии рекрутировались в основном из крепостных крестьян. До армии их мир чаще всего ограничивался родной деревней, они робели перед своим барином и перед любым чиновником. А потому Семен Романович считал второй важной задачей ротных командиров истребление в нижних чинах крестьянского духа, крестьянской забитости и покорности, «дабы всякий умел говорить так, как солдату прилично, был бы смел, командира своего, если он за собой ничего дурного не знает, не опасался».

Не отрицал Семен Романович и такую меру воспитания, как наказание. «Наказывать должно лгуна, ленивого, неряху, пьяницу». Но надо смотреть, подчеркивал он в «Инструкции», «чтоб наказания не подходили к жестокости; довольно 30-ть или 40 палок». «А если более бить, сим человека не исправишь, а в лазарет отошлешь».

Семен Романович стремился укрепить в полку боевые традиции и развить в подчиненных сознательное отношение к воинскому долгу, к чести, к высокому призванию солдата. «Какая великая разница есть, — писал он в «Инструкции», — командовать людьми прямо выученными, совершенно знающими долг своего звания и преисполненными благородного честолюбия, или

такими, кои под именем солдата образ жития, образ мыслей и дух крестьянства сохраняют»^{7}.

Успешное командование полком стало причиной конфликта С. Р. Воронцова с фаворитом Екатерины II Г. А. Потемкиным. Последний, будучи подполковником Преображенского полка (а полковником полка была сама императрица), предложил Семену Романовичу снова стать преображенцем. Однако тот, помня о событиях июня 1762 года, не принял это предложение. Потемкин посчитал отказ Семена Романовича проявлением высокомерия и надменности.

Из-за трений с Г. А. Потемкиным и из-за интриг некоторых высокопоставленных военных чинов Семен Романович решил снова проситься в отставку. Имелся и благовидный предлог — «воспаление в груди». Екатерина II, сделав несколько попыток уговорить строптивца остаться на службе, подписала необходимый указ.

По словам Семена Романовича, ни он, ни его брат не обогатились на службе, а напротив, должны были добавлять к должностному окладу собственные средства. Семен Романович тратил немало своих денег на нужды полка, и, чтобы сводить концы с концами, ему нередко приходилось входить в долги.

Выйдя в отставку, Семен Романович решил поехать в Италию для восстановления здоровья. Но денег на поездку не было. Поэтому он вынужден был заложить свой петербургский дом и продать ценные вещи.

Из Италии Семен Романович возвратился в 1778 году. В том же году Р. И. Воронцов, его отец, был назначен наместником во Владимирскую губернию. В подчинении у Романа Илларионовича оказались также Пензенская и Тамбовская губернии. А в дальнейшем вместо Пензенской и Тамбовской губерний ему была подчинена Костромская губерния.

11 ноября 1775 года Екатерина II подписала важнейший закон — «Учреждения для управления Губерний Всероссийской Империи». В этом законе, в частности, определялись права и обязанности вводимых в стране новых должностных лиц — наместников или генерал-губернаторов: «Должность Государева Наместника, или Генерал-Губернатора, есть следующая: строгое и точное взыскание чинить со всех ему подчиненных мест <...> и людей о исполнении законов и определенного их звания и должностей, но без суда да не накажет никого; преступников законов и должностей да отошлет, куда по узаконении следует, для суда; ибо Государев Наместник не есть судья, но оберегатель Императорского Величества изданного узаконения, ходатай за пользу общую и Государеву, заступник утесненных и побудитель безгласных дел. Словом сказать, нося имя Государева Наместника, должен он показать в поступках своих доброхотство, любовь и соболезнование народу». Далее отмечается, что от генерал-губернатора зависит благоустройство в наместничестве, что он должен «пресекать всякого рода злоупотребления, а наипаче роскошь безмерную и разорительную, обуздывать излишества, беспутства, мотовство, тиранство и жестокости» и «вступаться за всякого, кого по делам волочат», а также предупреждать «всякий недостаток в нужных для жителей припасах, как то в хлебе, в соли и проч.»^{8}.

Таким был круг обязанностей Романа Илларионовича. Кроме того, предстояла кропотливая работа по делению новых губерний на уезды и по организации местных органов власти.

Роман Илларионович неустанно разъезжал по вверенным ему губерниям. Особенное беспокойство вызывали рекрутские наборы, которые обычно сопровождались массой злоупотреблений. Наместник старался лично наблюдать за проведением наборов. Но

взяточничество и казнокрадство были настолько распространены в то время, что при всем своем старании Роман Илларионович не мог уследить за всеми подчиненными ему чиновниками. Однажды он узнал, что в Петербург поступили на него жалобы. В связи с этим Роман Илларионович писал сыну Александру, что прилагал немало труда для обеспечения благосостояния порученных его попечению жителей и не имел ни дня, ни ночи покоя, но стал жертвой клеветников. А поэтому предложил, чтобы из Петербурга были присланы проверяющие для ознакомления с положением дел. Они, мол, увидят, что нет поводов для жалоб на него, что, напротив, многие прославляют Романа Илларионовича за то, с каким попечением, не думая о своем покое, заботится он о благополучии жителей.

Но никто из Петербурга не приехал для проверки жалоб на Романа Илларионовича, и он остался на своей хлопотливой должности.

Шли годы. Семену Романовичу уже исполнилось тридцать шесть, а он, как и его брат, был все еще холост. Поэтому невозможно описать радость Романа Илларионовича, когда он получил из Петербурга письмо от старшего сына Александра с известием, что Семен Романович наконец-то собрался жениться. Избранницей его стала Екатерина Алексеевна (1763?—1784), дочь адмирала Алексея Наумовича Сенявина.

Роман Илларионович ответил Александру Романовичу, что своим намерением жениться младший сын исполнил его давнишнее желание и что он находит Катерину Алексеевну достойной партией. Роман Илларионович был особенно доволен тем, что сын женится по любви, а не по другим резонам, не из-за приданого, например. Впрочем, приданое у дочери адмирала скорее всего было весьма скромное.

Получил Роман Илларионович письмо и от А. Н. Сенявина. Алексей Наумович сообщал, что он согласен

отдать дочь замуж за Семена Романовича и что она получила Все-милостивейшее Ее Императорского Величества на то соизволение. Заканчивается письмо словами: «Остается мне просить Вашего Сиятельства о принятии дочь мою в вашу Отческую милость, и быть ей вместо меня. Она же будет стараться совершенно приобрести любовь будущего своего супруга, заслужить вашу к себе милость и быть навсегда отдохновением вашим»^{9}.

Из-за служебных обязанностей Роман Илларионович не мог приехать в Петербург. Поэтому он приобщил к хлопотам в связи с женитьбой Семена Романовича старшего сына. Он писал Александру Романовичу, что уверен в его дружеском отношении к брату, но просил, чтобы тот во всем был Семену Романовичу вместо него, отца. Роман Илларионович решил уступить молодоженам свой дом в Петербурге, приморские дачи и Муринскую фабрику со всеми их доходами. Он также посчитал, что перво-наперво необходимо купить Катерине Алексеевне хороший цуг — упряжку из шести лошадей. Деньги для покупки цуга он обещал прислать.

Хлопоты не миновали и Семена Романовича. Он написал отцу, что по причине женитьбы ему необходимо не только завести белье, коего у него нет, ибо все ветхо и износилось, но надо еще иметь в Мурине двойную кровать со всеми принадлежностями. Еще одна кровать понадобится для городского дома, но этим решила озаботиться Екатерина Алексеевна. Кроме того, ему необходимо сделать четыре или пять пар платья, в том числе и венчальное. А в доме у них нет ни рубля, так как, сколько было денег и сколько он занял, все ушли на необходимые переделки.

Екатерина Алексеевна, как и три ее сестры, отличалась не только красотой, но и прекрасными душевными качествами. Среди фрейлин Екатерины II она была на особом счету. К тому же они были полными

тезками. А потому императрица приняла самое активное участие в бракосочетании своей любимицы.

В Петербурге при Высочайшем Дворе велся камер-фурьерский журнал. В него записывались придворные церемонии и быт царской семьи. В камер-фурьерском журнале за 1781 год рассказывается, что по утру 18 августа Ее Императорское Величество изволила прогуливаться в саду в Павловске. А так как на этот день была назначена свадьба фрейлины Ее Императорского Величества Екатерины Алексеевны Сенявиной с господином генерал-майором графом Семеном Романовичем Воронцовым, то после прогулки императрица отправилась в Царское Село.

Здесь произошло следующее. В 12-м часу в покои Ее Императорского Величества прибыли Государь Цесаревич (Павел Петрович) и Государыня Великая княгиня (Мария Федоровна). По полудни, в 1-м часу, невеста фрейлина Сенявина была введена гофмейстериною госпож фрейлин баронессою Демальтиц во внутренние покои Ее Императорского Величества. В то же время в кавалерскую комнату прибыл жених, откуда он прошел в придворную церковь в препровождении господина камер-юнкера графа Артемия Ивановича Воронцова. В исходе 1-го часа Ее Императорское Величество и Их Императорские Высочества прошли в Придворную церковь на хоры, где и состоялось венчание. Потом был обед, на котором присутствовали Ее Императорское Величество и Их Императорские Высочества, свита и новобрачные. На обед были приглашены Алексей Наумович Сенявин, брат невесты, и графы Александр Романович и Артемий Иванович Воронцовы. Во время обеда играла духовая музыка...[{10}](#)

Ужин в этот торжественный день прошел в Мурине, Воронцовском имени под Петербургом. Здесь же молодые провели свой медовый месяц.

После столь счастливого события Роману Илларионовичу оставалось ждать появления на свет внука. И невестка не заставила свекра пребывать в неизвестности долгое время. 19 мая 1782 года она родила мальчика, которого назвали Михаилом.

«Рождение твое, — сказал Семен Романович, глядя на сына, — всех порадовало; веди жизнь такую, чтобы все сокрушались о твоей смерти»^{11}. И действительно, многие сокрушались о смерти светлейшего князя М. С. Воронцова, последовавшей через 74 года после его рождения. А Александр Романович высказал надежду, что племянник станет вторым Михаилом, прославившим фамилию Воронцовых^{12}. И Михаил Семенович еще в большей степени прославил род Воронцовых, чем его тезка, двоюродный дедушка Михаил Илларионович Воронцов, российский канцлер с 1758 года.

Екатерина II, переехавшая в преддверии лета в Царское Село, предложила Семену Романовичу привезти к ней новорожденного. Она пожелала крестить его в дворцовой церкви и стать крестной матерью. Екатерина Алексеевна чувствовала себя после родов плохо, и поэтому младенца повезли в Царское Село Семен Романович и Прасковья Федоровна, супруга Артемия Ивановича Воронцова. Отмечая заслугу Семена Романовича в увеличении столь ценимого в то время мужского населения страны, императрица пожаловала ему табакерку, украшенную бриллиантами.

Через несколько дней после крестин Семен Романович получил письмо от А. А. Безбородко, секретаря Екатерины II и своего бывшего сослуживца в армии П. А. Румянцева-Задунайского. В письме говорилось, что в Италии в Венецианской республике открывается русское посольство и что императрица считает необходимым послать туда особу «знатной породы и отменных способностей». И пожелала Екатерина направить в эту республику первым русским

посланником Семена Романовича, «в мыслях своих самого лучшего человека, которого знает она военные заслуги, а смело судит о политических его способностях». При этом императрица предложила Безбородке осведомиться у Семена Романовича, примет ли он «сие место к ее угодности»^{13}.

Поначалу Семен Романович хотел отказаться от лестного предложения императрицы, но друзья уговорили его согласиться на это назначение. Сообщая эту новость отцу, Семен Романович посетовал, что новая должность потребует немалых расходов, так как он не имеет, что называется, ни ложки, ни плошки.

В другом письме он поясняет, чем особенно озабочен. Он не может «довольно нахвалиться милостью Ее Величества», но его беспокоят «недостатки в заведении дома». У него нет никакой возможности сделать себе серебряный сервиз, а поэтому просит отца ссудить его своим сервизом. В этом случае он избавится от необходимости входить в долги, а также ему не придется «стыдить двор» и фамилию, которую он носит. «Стыдить двор» и свою фамилию Семен Романович станет в том случае, если будет принужден «давать обеды на фаянсовом сервизе, что в чужих краях не только министры или дворяне, но и среднего состояния купцы не делают»^{14}.

Отец выполнил просьбу сына, а также пожелал взять на время внука к себе. Семен Романович поблагодарил отца за это и написал, что отправить к нему Мишу нет никакой возможности. Этому препятствует горячая любовь к сыну Екатерины Алексеевны. Она не выдержит длительную разлуку, так как не расстанется с Мишей ни на час. А когда бывает у родных, «то его с кормилицей и нянькой с собой таскает»^{15}. Роман Илларионович попросил, чтобы Семен Романович приехал к нему с Мишей хотя бы в гости.

Семен Романович решил навестить отца по прошествии жестоких морозов. Он начал закалять сына, приучая к вольному воздуху, «дабы тот не боялся простуды». Но у Миши появился насморк, он стал кашлять. Екатерина Алексеевна так беспокоилась о своем первенце, что не могла спать. Семен Романович опасался, что и она заболеет, а поэтому отъезд был отложен.

В следующем, 1783 году, Екатерина Алексеевна родила дочь, которую называли Катериной. В связи с этим поездка к деду оказалась невозможной. И тогда Роман Илларионович решил сам приехать в Петербург. В столицу он прибыл в начале лета 1783 года. Наконец-то он увидел долгожданных внука и внучку, сыновей, дочерей и других своих родственников.

Во время пребывания Романа Илларионовича в столице Екатерина II несколько раз приглашала его к себе во дворец. А 22 сентября императрица отметила успешную деятельность Романа Илларионовича в хлопотливой и ответственной должности наместника пожалованием ему ордена Св. Владимира 1-й степени. Осенью того же года Роман Илларионович стал членом Российской академии, инициатором создания и президентом которой была его дочь княгиня Е. Р. Дашкова.

На обратном пути во Владимир Роман Илларионович простудился. К началу ноября он стал поправляться, но затем болезнь обострилась, и 30 ноября 1783 года его не стало. Владимирцы похоронили своего первого наместника в древнем Дмитриевском соборе.

Через двадцать лет старанием Александра и Семена Романовичей на могиле их отца было установлено мраморное надгробие. На нем написано: «Почивающему графу Роману Ларионовичу, генерал-аншефу, сенатору, действительному камергеру, Владимирскому и Костромскому государеву наместнику, орденов Св.

апостола Андрея, Александра Невского, Св. Владимира, польского Белого Орла и Св. Анны кавалеру. Родившемуся в 1717 году июля 17 дня, скончавшемуся во Владимире ноября 30 дня 1783 года. Надгробную сию поставили сыновья его графы Александр и Семен Воронцовы в лето 1804 года. Возобновил внук граф Михаил Воронцов в 1841 году».

Могила Р. И. Воронцова — это единственное захоронение в Дмитриевском соборе.

Существует легенда, что будто бы в день своего ангела-хранителя 27 ноября 1783 года Роман Илларионович получил в подарок от Екатерины II большой кошель, чтобы было куда складывать взятки. С легендой связано появившееся позже прозвище Романа Илларионовича «Роман — большой карман». Согласно легенде, Роман Илларионович, получив кошель, очень разволновался. Кошель якобы был знаком того, что императрице известно о его взяточничестве. От волнения он будто бы занемог и через три дня скончался.

До наших дней из одних справочных изданий в другие кочует утверждение, что Роман Илларионович Воронцов «был одним из самых жадных и бесстыдных взяточников своего времени» и что своим лихоимством он довел вверенные ему губернии до крайнего разорения. Если бы это было так, то владимирцы не приняли бы решение похоронить своего первого генерал-губернатора в Дмитриевском соборе. Они не считали Романа Илларионовича ни взяточником, ни разорителем своей губернии. И он не был таковым.

В связи с кончиной Р. И. Воронцова в Петербурге в журнале «Собеседник любителей русского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых Российских писателей» были напечатаны стихи, присланные из Владимира.

Какою ты сражен Владимир злой судьбою,
Повсюду слышу плач; ты весь объят тоскою,
Покрыт твой горизонт днесь тьмой печальных
туч,
И прежних радостей сокрылся ясный луч.
От Клязьмы мрачна тень покров свой простирает
И Волжских берегов приятство сокрывает.
В полях, в лугах, в лесах, везде лишь слышен
стон,
В пределах ваших скорь поставила свой трон.
Несутся жалобы смешенных голосов,
Гласят, и что ж? увы! Скончался Воронцов,
Скончался, кто нам здесь блаженства был виною,
Кто всех покоил нас, не зная себе покою,
Всех вверенных себе считая за детей,
Любил их как отец он всей душой своей.
Которой кроток был, правдив, нелицемерен,
Усерден, ревностен, отечеству был верен,
Без роскоши кой щедр и к бедным милосерд,
Был снисходителен, рассудлив, духом тверд.
Прибежищем он был и сиру и убогу,
И притесненным всем являл защиту многу.
Науки он любил, их тщился насадить,
Невежество, порок в сердцах искоренить.
Сего то мы отца лишились и покрова!
И ах уже на век лишились Воронцова!
Почто похитил ты, о дерзкий рок,
Не свойствен никакой кому порок?
Злодеи в свете есть, есть род строптивых,
Коварных, дерзостных, кичливых, злых,
льстивых;
Почто с лица земли не истребляешь их?
И в пагубу другим щадишь извергов сих?
Но из среды людей взял мужа ты такого,
Который ничего в свой век не сделал злого.
Но уж когда сие невозвратно вечно

И счастье наше здесь толико скоротечно,
Когда уже того не можно миновать;
То нам осталось сие претерпевать
С такую твердостью, какую он имел,
Когда в последний раз он нас с собою зрел^{16}.

Действительно, Роман Илларионович был и правдив, и ревностен, и усерден, и отечеству верен. А прозвище «Роман — большой карман» имеет право на существование лишь с одним смыслом — из своего большого кармана Роман Илларионович черпал средства, чтобы помогать «сырым и убогим».

Если Р. И. Воронцов и заслуживал упрека в том, как он справлялся со своими обязанностями наместника, то, видимо, только в излишней доверчивости к своим подчиненным. Впрочем, при широком распространении взяточничества и казнокрадства в то время уследить за всеми лихоимцами было невозможно.

Трое из пятерых детей Р. И. Воронцова — Александр Романович, Екатерина Романовна и Семен Романович — вошли в историю России как выдающиеся личности, немало сделавшие для блага и славы Отечества. И нет сомнения, что немалая заслуга в этом принадлежит их отцу — графу Роману Илларионовичу Воронцову.

Глава II

АНГЛИЙСКИЕ ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

К месту своей службы Семен Романович отправился с семьей 20 сентября 1783 года. Приехав в Венецию и приступив к посольским делам, он увидел, что в крошечной республике делать ему почти нечего. Бездельничать было не в его натуре, и он обратился в Петербург с просьбой перевести его на службу в другое место. Ему было предложено возглавить посольство в Париже или в Лондоне. Семен Романович выбрал Лондон.

Этот выбор был обусловлен тем, во-первых, что в 1760-е годы послом в Лондоне был брат Семена Романовича Александр Романович и там сохранились старые связи с английскими политическими деятелями. Во-вторых, во Франции назревали революционные события, а Семен Романович был противником кровавых общественных катаклизмов. В-третьих, он считал, что в сложившейся в Европе обстановке именно Англия, а не Франция, станет выгодным и надежным союзником России. И он верил, что сумеет содействовать сближению Англии и России. Наконец, он был убежден, что в Англии можно будет дать сыну и дочери наилучшее воспитание и образование.

Екатерина Алексеевна одобрила выбор супруга. Она обрадовалась, когда из Петербурга пришло сообщение, что указом Екатерины II Семен Романович назначен полномочным министром, то есть посланником, в Лондон. Но вскоре случилось непредвиденное. Зима 1783-1784 годов оказалась в Венеции необычно холодной, Екатерина Алексеевна простудилась,

простуда быстро перешла в чахотку. Врачи оказались бессильны. 25 августа 1784 года Екатерина Алексеевна скончалась. Похоронили ее в Венеции.

Смерть нежно любимой супруги так потрясла Семена Романовича, что он тяжело заболел. Друзья опасались за его жизнь и рассудок. Но на руках у Семена Романовича были осиротевшие Миша и Катя. Ради них он превозмог горе и перенес на них свою нерастраченную любовь. Больше он не женился.

Семен Романович намеревался перевезти со временем прах супруги на родину. Он обратился с Александром Романовичу с просьбой, чтобы тот построил в Мурине церковь-усыпальницу. Проект церкви выполнил известный архитектор Н. А. Львов, которого связывали с братьями Воронцовыми давние дружеские отношения. Усыпальница была построена. Однако перезахоронение останков Екатерины Алексеевны не состоялось. А поэтому над церковью-усыпальницей была сооружена колокольня, а колокольню увенчала ротонда. В 1790 году церковь была освящена во имя Святой Великомученицы Екатерины. Двери этой церкви открыты для верующих и в наши дни.

В Лондон Семен Романович приехал 22 мая (2 июня) 1785 года. С этого времени Англия стала для Миши страной его детства и юности, а для Кати — новой родиной.

Вскоре по просьбе короля и королевы Англии Миша и Катя были им представлены. «Их величества, — писал Семен Романович, — остались довольны детьми моими и вчера отзывались мне о них с большою похвалою. Они находят, что Катенька милевиднее и забавнее, но что у Мишеньки более кроткое и интересное выражение лица: это совершенно верно, потому что действительно ребенок этот имеет в себе нечто, выказывающее доброту и разумность, что и делает его очень интересным»^{17}.

Семен Романович решил наилучшим образом подготовить сына к служению на благо отечества, а дочь — к достойному исполнению обязанностей хозяйки дома. Он сам руководил их воспитанием и образованием. В первую очередь он позаботился, чтобы Миша и Катя владели родным языком и хорошо знали русскую литературу и историю. И в отличие от многих своих сверстников, которые предпочитали общаться по-французски, Миша говорил свободно не только по-французски и по-английски, но и по-русски.

В учебную программу Михаила входило изучение и классических языков — греческого и латыни. И много лет спустя, на склоне своего жизненного пути, Михаил Семенович любил читать в подлиннике Тита Ливия, Тацита, Юлия Цезаря, помнил наизусть стихи Горация и Вергилия.

В расписании занятий Михаила были математика, изучению которой отец придавал особое значение, естественные науки, архитектура, другие виды искусства. Михаил научился владеть разным оружием, стал неплохим наездником. Для расширения кругозора сына Семен Романович водил его на заседания парламента и светские собрания, осматривал с ним промышленные предприятия, бывали они и на русских военных кораблях, бросавших якорь в английских гаванях.

Семен Романович считал, что России не избежать революции, подобной той, которая произошла во Франции. Он писал Александру Романовичу, что это будет «война не на жизнь, а на смерть между теми, которые ничего не имеют, и владельцами собственности, а так как последних гораздо меньше, то, в конце концов, они погибнут». Мы революцию не увидим, но Михаил увидит, «а поэтому я решил обучить его какому-нибудь ремеслу, слесарному или столярному, чтобы, когда его крепостные скажут ему, что они его больше не хотят

знать, а земли его разделят между собой, он мог зарабатывать себе на жизнь честным трудом и иметь возможность сделаться одним из членов будущего пензенского или дмитровского муниципалитета»^{18}.

Как видим, Семен Романович не считал несправедливым, что российские крестьяне освободятся от крепостной зависимости и отберут у помещиков землю. Его заботило только то, чтобы в новой России сын мог трудом, хотя бы и ремесленным, зарабатывать себе и своей семье на кусок хлеба и чтобы заслужил право на участие в политической жизни страны.

Большую роль в духовном развитии Михаила сыграл священник посольства Яков Иванович Смирнов. Мальчик получил от него первые познания в православии вере, прислуживал ему в алтаре, пел на клиросе. Глубокая христианская вера Михаила Семеновича обуславливала его поведение и в важных, и в обыденных делах.

Причетником в посольской церкви был Николай Михайлович Лонгинов. Семен Романович заметил способности и деловитость дьячка и помог перейти на светскую должность здесь же в посольстве. Впоследствии, при содействии Семена Романовича, Николай Михайлович был определен в ведомство вдовствующей императрицы Марии Федоровны, а в 1812 году он стал секретарем императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I. Дружеские отношения связывали Николая Михайловича с обоими Воронцовыми — с Семеном Романовичем и Михаилом Семеновичем — долгие годы. Сохранилась их переписка.

Как и многие мальчики, Михаил с удовольствием отвлекался от учебы и чтения книг на верховую езду и шахматы. Немалых успехов добился Михаил в игре на альте. Но настоящий восторг вызывали у него прогулки по морю на небольшой яхте. В любую погоду отправлялся он в плавание в одиночку или в компании простых рыбаков. Он даже мечтал стать моряком.

В гостях у русского посла бывали известные политические деятели, ученые, представители мира искусств Англии. Михаил присутствовал при беседах отца с гостями и узнавал немало интересного. С особым радушием принимали в доме посланцев далекой России. Таким желанным гостем стал в 1788 году двадцатипятилетний подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка Федор Васильевич Ростопчин, путешествовавший по европейским странам для совершенствования своего образования. В грозном 1812 году генерал от инфантерии граф Ф. В. Ростопчин станет московским генерал-губернатором. Широкую известность получают выпускавшиеся им антифранцузские листовки («афишки»). И хотя Федор Васильевич был на двадцать лет моложе Семена Романовича, между ними установились дружеские отношения. Впоследствии такие же отношения установились и между Ростопчиным и Михаилом Семеновичем.

В 1790 году в доме Семена Романовича гостил молодой Николай Михайлович Карамзин, который прославится впоследствии как писатель и историограф. Возможно, что Карамзин привез рекомендательное письмо от А. Р. Воронцова или от кого-то из друзей Семена Романовича, а поэтому смог быстро сблизиться с хозяином дома. В своей книге «Письма русского путешественника» Карамзин рассказывает: «Но всего чаще обедаю у нашего посла, графа С. Р. Воронцова, человека умного, достойного, приветливого, который живет совершенно по-английски, любит англичан и любим ими. Всегда нахожу у него человек пять или шесть, по большей части иностранных министров. Обхождение графа приятно и ласково без всякой излишней короткости. Он истинный патриот, знает хорошо русскую историю, литературу и читал мне наизусть лучшие места из од Ломоносова. Такой посол

не уронит своего двора; за то Питт и Гренвиль очень уважают его»^{19}.

Результатом общения Карамзина с восьмилетним Мишей стало сочиненное им стихотворение «Мишеньке». Заканчивается оно такими словами:

В тот день, как ты родился,
Природа улыбалась:
Твоя душа любезна,
Подобно сей улыбке
Прекрасная Природы,
Цвети, любезный отрок!
Люби добро всем сердцем,
Ты будешь щастлив в жизни;
Она подобна будет
Приятнейшей улыбке
Прекрасной Природы^{20}.

Воспитание и обучение Михаила проходило на фоне важнейших исторических событий, которые в конце XVIII века потрясли Англию, Россию и Европу в целом. Юноша видел, как самоотверженно исполнял отец все более усложнявшиеся дипломатические обязанности, с каким достоинством вел себя в трудных обстоятельствах. Пример отца сыграл важнейшую роль в становлении Михаила как личности. В его плоть и кровь вошло убеждение, что служба на благо отечества — даже вопреки личному благу — является долгом каждого честного человека. Честь и достоинство стали для него важнейшими жизненными принципами.

Во время войны России с Турцией (с 1787 года) и Швецией (с 1788 года) Англия и ее союзники всячески противодействовали примирению воюющих сторон. Однако в 1790 году военный конфликт России и Швеции

завершился Верельским мирным договором, а вскоре и Турция запросила мира.

Англия и Пруссия противились заключению выгодного для России мирного договора с Турцией. Особенно болезненно восприняли англичане согласие турок отдать России Очаков. Премьер-министр Англии Уильям Питт заявил в палате общин о разрыве дипломатических отношений с Россией и о начале военных приготовлений. Семен Романович, сообщая в Петербург о положении дел в Англии, рекомендовал не идти ни на какие уступки в переговорах с турецкой стороной. А англичане тем временем собирали эскадру, которая должна была отправиться к российским берегам, — 36 линейных кораблей, 12 фрегатов и столько же бригов и куттеров.

Несмотря на разрыв дипломатических отношений, ни английский, ни русский послы не были отозваны. Это дало возможность С. Р. Воронцову предпринять ряд мер для предотвращения надвигавшейся войны. Он несколько раз встречался с У. Питтом и говорил о пагубности для обеих стран военного конфликта. На словах британский премьер соглашался с Воронцовым, но военные приготовления не прекращались. И тогда Семен Романович решился на действия, которые далеко выходили за рамки протокола и норм международного права.

Он обратился за официальным разъяснением к статс-секретарю английского правительства. Тот подтвердил существование военных планов, направленных против России. В ответ Семен Романович сказал: «Коль скоро министерство настолько ослеплено, что готово настаивать (под предлогом сохранения Очакова для Турции, что для Англии не имеет никакого значения) на продолжении бедственной войны, вредной для обеих сторон, то моя обязанность — устранить это зло <...> Поэтому я вам объявляю, господин герцог, что

я всеми мерами буду стараться, чтоб нация узнала о ваших намерениях, столь противных ее интересам, и я слишком убежден в здравомыслии Английского народа, чтоб не надеяться, что громкий голос общественного мнения заставит вас отказаться от несправедливого предприятия»^{21}.

Семен Романович встретился с лидерами оппозиции и добился от них понимания его точки зрения. Ему удалось убедить в своей правоте и ряд других членов парламента. Новый статс-секретарь лорд Гренвиль даже сказал ему, что он выступает как приверженец оппозиционной партии. Семен Романович ответил, что не принадлежит никакой партии, кроме партии своего отечества, что он русский и только русский. Одновременно он и все члены русской дипломатической миссии приступили к составлению записок, в которых доказывалось, что позиция английского правительства приведет к прекращению торговли с Россией, и это затронет интересы всего населения страны. Эти записки рассылались во все провинции и города Англии. В крупных мануфактурных центрах проводились митинги, участники которых требовали от правительства прекращения враждебных действий против России. В Лондоне на стенах домов появились надписи: «Не хотим войны с Россией». Газеты стали печатать статьи, осуждающие намерения правительства.

Предпринятая русским посольством кампания привела к значительному укреплению оппозиции в английском парламенте. Однако в Портсмуте продолжал стоять на якорях огромный флот, готовый к военным действиям. А в Петербург был послан курьер с нотой об объявлении войны России.

В российской столице в окружении Екатерины II росло число лиц, считавших что надо уступить англичанам. Принадлежал к ним и Г. А. Потемкин-Таврический. Но Семен Романович посылал депешу за

депешей, по-прежнему убеждая не идти на уступки, и был поддержан Екатериной II. На одном из больших приемов императрица заявила, что Семен Романович мыслит так же, как и она.

В конце концов Питт вынужден был признать себя побежденным и отказаться от войны с Россией. Семен Романович сумел сделать почти невозможное — предотвратить казавшуюся почти неизбежной катастрофу в англо-русских отношениях. Екатерина II отметила его заслугу похвальным рескриптом, орденом Св. Владимира 1-й степени и увеличением содержания на 6 тысяч рублей. Были отмечены по достоинству и сотрудники посольства, наиболее потрудившиеся в кампании по предотвращению войны.

Однако было немало проблем, в которых Семен Романович расходился с мнением Екатерины II. Он не соглашался с ее оценкой вопроса о вооруженном нейтралитете. Не одобрял раздел Речи Посполитой (Польши). Три раздела, после которых польское государство исчезло с карты Европы, были, по его словам, противны идее справедливости.

В связи с тем, что присоединенные к России Новороссийский край и Крым были очень малолюдны, по предложению Г. А. Потемкина, одобренному Екатериной II, между Англией и Россией начались переговоры о переселении в Крым английских каторжников. Это предложение возмутило Семена Романовича. Он посчитал заселения русских земель каторжниками недостойным и оскорбительным для великой страны. И благодаря его настойчивости Крым был избавлен от появления там отбросов английского общества.

Недоволен был Семен Романович и засильем иностранцев на русской дипломатической службе в должностях посланников, поверенных в делах и консулов. Он считал, что назначение на эти должности

выходцев из чужих стран, принимаемых на службу без всякой осторожности, не согласуется с государственными интересами. Наплыв иностранцев связывали с тем, что среди россиян было очень мало сведущих и образованных. Чтобы таковых стало больше, Семен Романович предложил открыть в Петербурге школу, где бы 25 или 30 бедных дворян обучались русскому и иностранным языкам, а затем на практике в Коллегии иностранных дел готовились к дипломатической службе.

Екатерина II, напуганная революционными событиями во Франции в 1789 и в последующих годах, все более ужесточала внутреннюю политику. После смерти в октябре 1791 года светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического ее ближайшим помощником стал Платон Зубов. Последний фаворит стареющей императрицы сосредоточил в своих руках огромную власть. Не имея и сотой доли тех достоинств, какими обладал всесильный Потемкин, Зубов спешил превзойти светлейшего князя в обогащении и во вмешательстве в государственные дела. Честным людям служить становилось с каждым годом все труднее и труднее. Многие из них подумывали об отставке. Первым, в конце 1793 года, добился отставки А. Р. Воронцов. С того времени он поселился в Андреевском, родовом имении Воронцовых во Владимирской губернии. В 1794 году ушла в длительный отпуск княгиня Е. Р. Дашкова.

Не оставил Зубов без внимания и Семена Романовича. Он отправлял в Лондон распоряжение за распоряжением, которые, как считал посол, лишь компрометировали русский двор. А поэтому Семен Романович отказывался их исполнять. Тогда Зубов обвинил Воронцова в том, что тот более предан Англии, чем России. Посла стали обходить по службе и «оскорблять презрительными отзывами».

Екатерина II также изменила отношение к своему послу при английском дворе. «В России есть много генерал-губернаторских мест, как, например, вакантное в Москве, где он мог бы быть полезен военной и гражданской службе; однако ж, не к оным влечет его склонность, а только быть в местах вне государства»^{22}, — заявила она.

Семен Романович был не прочь последовать примеру брата и уйти в отставку. Он хотел покинуть Лондон и поселиться в окрестностях Бата, где жизнь была дешевле, чем в столице, и где можно было найти для сына учителя математики, науки, по его словам, необходимой везде, и которую сын изучал с особой охотой. Но Семен Романович смирил себя ради детей, и в первую очередь ради Михаила. «Любовь моя к сыну, — напишет он впоследствии, — превозмогла мое отвращение к службе, столь же несчастливой, сколько нелестной для меня, и я решился пожертвовать собою, остаться на моем месте еще четыре года, с целью окончить воспитание и научные занятия моего сына, служащего мне единственным утешением»^{23}.

Семену Романовичу не пришлось выносить унижения все следующие четыре года. 6 ноября 1796 года Екатерина II скончалась, и началось царствование ее сына Павла Петровича. А всецелию Платона Зубова пришел, естественно, конец.

Павел I, помня о событиях 28 июня 1762 года, решил отомстить тем, кто помогал его матери взойти на престол и был, хоть и косвенно, виновен в убийстве Петра III, его отца. Из Воронцовых пострадала одна княгиня Е. Р. Дашкова, верная союзница Екатерины II. Сначала ей было приказано не покидать своего имения, а затем она была отправлена в ссылку и жила некоторое время в Новгородской губернии в глухой деревне Коротово, принадлежавшей ее сыну.

Тех же, кто остался верен Петру III, Павел Петрович постарался вознаградить. Среди таковых оказался и Семен Романович. Государь объявил его чрезвычайным и полномочным послом в Лондоне, пожаловал звание полного генерала — генерал-аншефа, награбил высшим российским орденом Св. Андрея Первозванного, подарил несколько имений, возвел Семена Романовича и его братьев в российское графское достоинство. (До этого Воронцовы были графами Священной Римской империи.)

В то время в английских портах находилась русская военная эскадра под командованием контр-адмирала М. К. Макарова. В связи с событиями во Франции и брожением умов в Англии Павел I высказал опасение, что якобинские идеи распространятся и среди русских моряков. И он приказал С. Р. Воронцову немедленно отправить эскадру в Россию. Но на английских военных судах вспыхнул бунт матросов. Бунтовщики завладели кораблями, арестовали офицеров и противились выходу флота в море. Англия оказалась беззащитной перед возможной высадкой на ее территорию французского десанта. В связи с этим английское правительство обратилось к Семену Романовичу с просьбой отложить отправку русской эскадры на родину.

Семен Романович оказался в затруднительном положении. С одной стороны, имелось прямое указание императора возвратить корабли на родину, а с другой, складывалась ситуация, когда союзница России Англия, оборона которой была ослаблена бунтом моряков, могла подвергнуться нападению противника. И Семен Романович решил откликнуться на просьбу англичан задержать эскадру. В связи с этим он написал начальнику эскадры контр-адмиралу М. К. Макарову: «Дружба и оборонительный союз между нашим двором и Английскою короною вашему превосходительству довольно известны, почему я никак не сомневаюсь, что вы не откажетесь подать помощь притесненному ныне

союзнику нашего Государя Императора, будучи уверены, что ежели сии обстоятельства умедлят несколько возвращение ваше в российские порты, то Его Императорское Величество никак на вас не прогневаётся, но конечно похвалит, что послушать меня изволили. Я же с своей стороны не примину донести нашему двору о замедлении, которое может последовать от нынешней крейсировки, и что я на себя взял, зная утесненное состояние здешней земли и дружбу нашего Всемилости-вейшего Государя к оной, советовать вашему превосходительству, дабы вы не отказали содействовать с адмиралом Дунканом».

Через три часа Семен Романович отправил с нарочным курьером еще одно послание контр-адмиралу. В нем он повторял, что берет на себя ответственность за задержку эскадры, и напоминал об ответственности М. К. Макарова, если он не поможет английской стороне. «Итак, послушаясь меня, вы не будете в ответе, — писал он, — и конечно будет негодовать на вас Государь, если от несоединения вашего с Дунканом последует какое ни есть несчастье слабому в силах английскому адмиралу. Всякое замедление может усугубить сие несчастье»^{24}.

М. К. Макаров согласился с доводами Семена Романовича. Русская эскадра задержалась в английских водах. За три недели англичане справились с бунтом на своем флоте и могли не опасаться больше французского десанта.

Обо всем этом С. Р. Воронцов сообщил в Петербург, опасаясь за свою участь. В Коллегии иностранных дел, страшась гнева Павла I, не решались доложить ему о своеволии посла. Ведь и за незначительные прегрешения, а тем более за неисполнение распоряжений императора, следовало снятие с должности и даже отправка в Сибирь. Однако, когда Павел узнал об обстоятельствах, побудивших Семена

Романовича нарушить его приказание, то, вопреки ожидаемому, не вспылал, а одобрил его действия.

С давних пор дружеские отношения связывали Семена Романовича с А. В. Суворовым. Они оба служили в армии у П. А. Румянцева-Задунайского во время Русско-турецкой войны 1768-1774 годов. Прославленный полководец, прослышав об успешной дипломатической деятельности своего друга и бывшего воина, написал ему: «Тактика ваша должна быть в кабинетах всех государств»^{25}.

По обычаям того времени, когда Мише не исполнилось и четырех лет, он был зачислен на военную службу бомбардир-капралом в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1786 году он уже был прапорщиком этого полка. Но друзья поспешили предупредить Семена Романовича, чтобы он ни в коем случае не отправлял сына в Россию. При Павле I военная служба, говорили они, стала несносной и непредсказуемой. Чтобы уберечь сына от неприятностей, Семен Романович обратился за содействием к А. А. Безбородко. Тот и при Павле Петровиче продолжал занимать высокое положение — был назначен сначала вице-канцлером, а потом и канцлером, то есть главой Коллегии иностранных дел страны.

А. А. Безбородко не отказался помочь своему давнему товарищу. При его содействии шестнадцатилетний Михаил Воронцов был переведен из прапорщиков в камергеры, минуя звание камер-юнкера. Таким образом, вместо военного чина юноша получил высокий придворный чин. При этом исполнение камергерских обязанностей при дворе императора было заменено ему службой в канцелярии посольства. А так как к тому времени у Семена Романовича ухудшилось зрение, то Михаил, который и прежде читал ему газеты и книги, стал писать под его диктовку письма и

дипломатические донесения. Последнее в значительной степени расширило его кругозор и способствовало знакомству с международной политикой.

Годом раньше Семен Романович обратился к Павлу I с письмом, в котором высказал беспокойство тем, что «не может пристроить приличным образом» свою дочь. Он попросил императора поместить «сию сироту под покров И. В-ва Вашей любезной, добродетельной и толь Вас достойной супруги»^{26}. Вскоре Екатерина Воронцова была «пристроена» — стала фрейлиной императрицы. И она также не должна была отправиться для исполнения своих обязанностей фрейлины в Петербург.

Ходили слухи, что Павел I хочет поручить Семену Романовичу воспитание своего сына Николая. К радости Семена Романовича, его родных и друзей, этот план не осуществился.

В сентябре 1798 года Семен Романович получил письмо Павла I. В нем говорилось, что канцлер А. А. Безбородко болеет и просит назначить ему помощника, «который бы мог облегчить труды его по дипломатической части». И он, император, надеется, что Семен Романович согласится занять пост вице-канцлера^{27}.

Сославшись на свое здоровье и на то, что ему не вынести суровый климат Петербурга, Семен Романович не принял предложение Павла. «Два раза в жизнь мою, — писал он императору, — я был уже в чахотке; на 56-м году я уже дряхл. Из года в год здоровье мое чувствительно упадает, зрение и память ослабевают. Наималейшая стужа мне делается чувствительно вредна»^{28}.

21 февраля 1799 года Семен Романович стал кавалером ордена Св. Иоанна Иерусалимского большого креста. Орден был пожалован ему Павлом I. Император принял на себя звание великого магистра Мальтийского

ордена Св. Иоанна Иерусалимского и щедро раздаривал командорские кресты. Это награждение явилось свидетельством того, что Павел Петрович не обиделся на Семена Романовича за его отказ стать вице-канцлером.

В конце 1798 года началась война между Францией и 2-й коалицией европейских государств — Австрии, Великобритании, Королевства обеих Сицилий, России и Турции. 6 февраля 1799 года в село Кончанское, где жил находившийся в опале А. В. Суворов, прискакал флигель-адъютант с рескриптом Павла I. По просьбе императора Священной Римской империи царь предлагал ему, Суворову, взять под свое командование русское войско, находившееся в Италии.

Через час А. В. Суворов уже мчался в Петербург. 9 февраля Павел I возложил на него орден Св. Иоанна Иерусалимского большого креста, а 15 февраля подписал указ — выдать А. В. Суворову 30 тысяч рублей по случаю его отъезда в армию и выдавать по тысяче рублей в месяц во все время кампании.

Семен Романович знал об исключительном полководческом таланте Александра Васильевича. А поэтому, когда до него дошло известие о прибытии Суворова в Вену, он обратился к английскому правительству с предложением, чтобы оно настояло на назначении русского полководца главнокомандующим всех союзных армий в Италии. Авторитет Семена Романовича сыграл свою роль, и по требованию Англии А. В. Суворов был назначен главнокомандующим армий союзников.

Первый период военных действий А. В. Суворова вошел в историю под названием Итальянского похода. Он начался разгромом французской армии под командованием генерала Моро на берегах реки Адда. Сражение продолжалось с 15 по 17 апреля 1799 года. Это было первое крупное поражение французской

армии, которая считалась в то время лучшей армией в Европе. Французы потеряли 2500 человек убитыми и ранеными. 5000 французов сдались в плен.

В английских газетах было помещено подробное описание сражения на реке Адда. А затем стали появляться сообщения о новых и новых победах Суворова. Семен Романович и Михаил с волнением читали и перечитывали рассказы об успехах великого земляка.

Семен Романович возобновил переписку с Суворовым. Узнав о сражении на реке Треббия (6–8 июня 1799 года), он писал Александру Васильевичу: «Какое действие и восторг произвела славная сия победа Ваше Сиятельство из того заключить можете, что здесь, где никогда не палят из пушек, как токмо когда собственные их флоты либо войска одерживают над неприятелем победу, при сем случае против обычая, по приказу короля палили из пушек в крепости Тауэр и в королевском парке. Король, говоря мне с восхищением о храбрости войск Российских и о великих подвигах Вашего Сиятельства и называя Вас назидателем тишины и безопасности и согласия Европы, сказал мне, что ничто столько не доказывает здравый рассудок Вашего Сиятельства, глубокое знание и великую опытность в воинском знании, как то, что, не взирая на негодование и на крики многих, кои желали бы, чтобы Ваше Сиятельство занимались осадю Мантуи и других крепостей, Вы безостановочно продвигаетесь вперед и везде ослабляете неприятельские силы; и щасливые последствия оправдают справедливость Ваших правил, ибо, уничтожая везде вражии силы, крепости сдаются Вам одна за другою».

Король, распуская парламент, не пропустил возможности «отдать справедливость отличным Вашим талантам и подвигам». «Сие также учинено против здешних обыкновений и единственно от восхищения о

сей победе, ибо здесь в Парламенте Король никогда не говорит об иностранных полководцах»^{29}.

Вскоре Семен Романович отправил Суворову письмо, в котором рекомендовал четырех английских офицеров: «Все сии офицеры имеют крайнее желание служить под предводительством славнейшего в наши времена полководца»^{30}.

Семен Романович написал Александру Васильевичу, что в Лондоне многие хотят иметь его портрет. «Что ж принадлежит до портрета моего, — ответил Суворов, — то, удовлетворяя только настоянию Вашего Сиятельства и желанию толь достойной нации, препровождаю его при сем по назначению Вашему через Вену»^{31}.

В письме от 4 августа 1799 года Семен Романович сообщал Суворову, что во время представления в театре Бирмингема в его присутствии после исполнения песни «Правь Британия» были исполнены два куплета, в которых славилась подвиги Суворова и воздавалась хвала его государю. «Вся публика изъявляла крайнее восхищение при пении сих стихов; плескали, кричали: Bravo! Bravo! и заставляли актеров пропеть оные два раза...»

Далее в письме говорилось, что во время смотра Кентской милиции король Георг III устроил торжественный обед, на котором провозгласил тост: «За здравие фельдмаршала Суворова!» «Во всей Англии, — добавлял Семен Романович, — за всеми столами после здравия королевского следует здравие Вашего Сиятельства»^{32}.

По приказу, поступившему из Вены, в августе того же 1799 года А. В. Суворов перешел со своим войском в Швейцарию. Швейцарский поход начался взятием 13 сентября перевала Сен-Готард. 14 сентября был преодолен Чертов мост.

Семен Романович написал Александру Васильевичу, что намерен сделать медаль в честь его побед. Для

подготовки медали срочно потребовался профильный портрет полководца. «С величайшим удовольствием, — ответил Суворов, — удовлетворю я желание Вашего Сиятельства доставлением к Вам портрета моего в профили назначаемым Вами путем, как скоро я отыщу живописца»^{33}.

Живописец, видимо, не отыскался, и профильный портрет не был отправлен, но медаль увидела свет. На лицевой стороне медали была отчеканена копия портрета Суворова с измаильской медали, а на обороте — символические фигуры: воин в римском шлеме помогает подняться сидящей женщине и одновременно попирает ногой неприятеля. На медали была надпись: «Освободителю Италии».

Семен Романович писал своему брату Александру Романовичу в Андреевское: «Вы знаете о многочисленных победах маршала Суворова. Какое счастье для Европы и какая слава для России, что этот великий человек был использован как командующий. Вы не можете себе представить, как им восторгаются здесь. Он стал идолом нации, наравне с Нельсоном. За его здоровье пьют ежедневно и во дворцах, и в трактирах, и в хижинах»^{34}.

Нетрудно представить, как восхищался победами А. В. Суворова Михаил и как гордился он своим отцом, которого великий полководец называл своим старым другом. А с каким волнением должен был читать юноша получаемые от Александра Васильевича письма! И он, конечно, помогал отцу писать ответы Суворову. И в театре Бирмингема, возможно, они были вместе. И в хлопотах по изготовлению медали он конечно же принял посильное участие.

Подозревал ли Михаил, что всего через несколько лет он пойдет по стопам А. В. Суворова — будет бесстрашно отстаивать на полях сражений интересы России?

В то время, когда из Италии и Швейцарии приходили радостные вести о победах, одержанных А. В. Суворовым, письма из Петербурга вселяли в сердце С. Р. Воронцова тревогу. В марте 1799 года Семен Романович получил от Павла I коротенькое письмо. В нем говорилось: «Крайность, в каковой я нахожусь по болезни князя Безбородки, заставляет меня опять прибегнуть к вам и просить вас, не только для меня, но и для государства и для всей Европы, принять на себя призыв мой, на что не ответа, а приезда вашего ожидая, есмь вашим искренним. Павел»^{35}.

Император предложил Семену Романовичу должность канцлера.

Переезд в Россию по-прежнему ужасал Семена Романовича. Однако, уступив желанию Павла Петровича, он стал готовиться в дорогу. Он только попросил у императора разрешения остаться в Англии до мая на время лечения дочери морскими ваннами, а приезд в Петербург оформить как отпуск, чтобы проверить, справится ли он с должностью канцлера и выдержит ли петербургский климат. «Без всякого притворства или ложного уничижения, — писал он, — я себя почитаю, как по крайней слабости моего здоровья, так и по весьма посредственным моим талантам, совершенно неспособным для всякого важного служения». А если чахотка снова будет мучить его, продолжает он, «в таком случае Ваша всемилосердная и человеколюбивая душа не позволит Вам держать старого, верного и Вам преданного слугу, аки осужденного на неизбежную смерть»^{36}.

Император написал Семену Романовичу, что он считал свой выбор полезным. «Но коль скоро здоровье ваше полагает препоны к исполнению предложенного и желанного мною, и вы опасаетесь жестокостию здешнего климата подвергнуть себя совершенному расстройению здоровья вашего: то, желая соблюсти оное,

теперь отдаю совершенно на волю вашу приезд сюда, уверен будучи, что вы в России и вне оной усердием и достоинствами вашими всегда ей полезны будете»^{37}.

После смерти А. А. Безбородко, последовавшей 6 апреля 1799 года, так и не дождавшись приезда Семена Романовича, Павел I назначил Федора Васильевича Ростопчина первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел. Таким образом, Ростопчин возглавил Коллегию, но звание канцлера он не получил. И до 1802 года Россия оставалась без канцлера.

Семен Романович писал брату, что как только в Европе будет заключен мир, он отправится в Россию, чтобы поблагодарить императора за его доброту и чтобы обнять Александра, своего любимого брата, и провести с ним несколько месяцев. В другом письме он пообещал, что в ближайший год пошлет к брату своего сына, который очень рад предстоящей поездке в Россию. Ведь он русский сердцем и душой. Однако, к счастью для Семена Романовича и Михаила, их поездки в Россию в тревожное время не состоялись.

Вскоре над головой Семена Романовича снова сгустились тучи. Чаша терпения Павла I переполнилась. Получив от Семена Романовича несколько отказов от предложенных ему высоких должностей, он решил отправить его в отставку. В письме Ф. В. Ростопчина от 4 апреля 1800 года говорилось: «Его Величество, усматривая из неоднократных ваших [писем] разные представления вопреки воле его, приказал вам сказать, что если исполнение оной вам в тягость, то невозбранно вам просить увольнения от службы»^{38}. А от себя Федор Васильевич написал: «Сердце мое обливается кровью, соболезнуй вам. Орошаю слезами ваши руки. Будем плакать вместе. Делать нечего»^{39}.

Предложение императора об увольнении со службы, которая якобы стала Семену Романовичу «в тягость», равнялось приказу. А поэтому 27 апреля 1800 года он

отправил в Петербург прошение об отставке. 22 мая Павел I поставил подпись под рескриптом, в котором говорилось, что генерал от инфантерии граф Воронцов всемилостивейше увольняется со службы с ношением мундира и с разрешением жить с сыном и дочерью там, где ему заблагорассудится. А через месяц император лишил Михаила Воронцова камергерского звания.

15 июня Семен Романович написал последнее письмо императору. Он остался доволен условиями своей отставки: «Припадая к стопам Вашего Императорского Величества, приношу Вам наинижайшую и глубочайшую мою благодарность»^{40}. Кстати, вскоре и Ф. В. Ростопчин был освобожден императором от должности первоприсутствующего в Коллегии иностранных дел.

После выхода в отставку С. Р. Воронцову предстояло дожидаться отзывной грамоты и прощального визита к королю. К августу 1800 года он освободился от всех посольских обязанностей и переехал с сыном и дочерью в Саутхемптон — небольшой рыбацкий поселок в 80 милях к юго-западу от Лондона на берегу Ла-Манша.

В письмах к брату в Андреевское Семен Романович подробно рассказывал о своей жизни в Саутхемптоне. Встает он спозаранку. После завтрака гуляет по окрестностям поселка. Хозяин квартиры — книгопродавец. За небольшую плату у него можно брать книги на время. Книги легкого содержания, веселые он и дети читают вместе, а с серьезными сочинениями каждый знакомится в своей комнате. Вечерами музицируют, а иногда играют в карты. «Одним словом, — писал Семен Романович, — мы проживаем как нельзя приятнее, и я никогда не был столь доволен и спокоен, как теперь. Я и думать забыл о политике, что так долго не давала мне покоя, и даже отказался от получения лондонских газет, кроме небольшого каждодневного листка, который Миша или Катинька

прочитывают мне за завтраком. Наш образ жизни, пожалуй, покажется однообразным, но в частности он имеет весьма приятные видоизменения, и все мы спокойны и довольны»^{41}.

Александр Романович предложил прислать брату 40 тысяч рублей. Но Семен Романович ответил, что при значительном уменьшении расходов он не нуждается в этих деньгах. Однако стал подумывать о том, чтобы отдать сына в обучение к моряку-торговцу, а для дочери подыскать место наставницы.

Семен Романович продолжал опасаться, что Павел I прикажет ему возвратиться в Россию. Но из Петербурга пришло иное распоряжение, не менее неприятное. В нем говорилось: «Его Императорское Величество высочайше указать соизволил: за недоплаченные Лондонскими банкирами Пишелем и Броденом казне принадлежащие деньги 499 фунтов стерлингов, 14 шиллингов и 5 пенсов конфисковать на такую сумму имения генерала графа Воронцова; прочее же его имение за пребывание его в Англии взять в казенный секвестр»^{42}.

Таким образом, Семен Романович оказался не только не у дел, но и без средств к существованию. Он вынужден был обратиться за кредитом к знакомым банкирам. Представители нескольких знатных английских фамилий также предложили свою поддержку бывшему российскому послу.

Семен Романович был, естественно, расстроен тем, что лишился имений. Особенно огорчало его то, что он не сможет завещать Мише и Кате приличное состояние. Но, поразмыслив, заключил: «Лишь бы сын мой и дочь моя были благовоспитаны и честны (чего я надеюсь достигнуть благодаря их добрым наклонностям и доброму нраву), это будет наилучшим наследством, какое я могу им оставить. Я видел очень богатых людей, всеми презираемых, не способных на какую-либо

государственную службу. Я надеюсь, что этого не будет с моим сыном»[{43}](#).

Семен Романович намеревался отправить Михаила в Россию по достижению им восемнадцати лет. Однако из-за обострившихся отношений с императором с отъездом пришлось повременить. 12 марта 1801 года Павел I был убит, и престол перешел к его старшему сыну Александру.

Вскоре в Саутхемптон прибыл курьер из Петербурга с сообщением, что Александр Павлович восстанавливает Семена Романовича в правах чрезвычайного и полномочного посла, что ему возвращаются все его имения. Кроме того, было увеличено содержание посла. Но Семен Романович отказался от увеличения своего оклада в пользу младших чинов посольства. В послании говорилось также, что за Михаилом Воронцовым сохраняется звание камергера. Теперь ничто не мешало поездке Михаила на родину, чтобы начать там службу на военном или гражданском поприще.

Семен Романович увез Мишу из Петербурга почти ничего не смыслящим младенцем. А теперь это был молодой человек, прекрасно образованный и воспитанный, честный и благородный, уважительно относившийся ко всем людям независимо от их общественного положения. В самостоятельной жизни Михаил намеревался неукоснительно следовать христианским заповедям. Ко времени возвращения на родину он имел уже устоявшиеся взгляды на то, каким должно быть общество, отвечающее духу христианства, и на свое место в этом обществе. Ф. В. Ростопчин так отзывался о молодом Михаиле: «Об воспитании его я давно дивился, и он в 20 лет многие вещи судит лучше батюшки»[{44}](#).

Глава III

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Перед тем как попрощаться с сыном, Семен Романович вручил ему пространное напутственное письмо, датированное 21 апреля 1801 года. Во время долгого плавания от берегов туманного Альбиона до Кронштадта Михаил, видимо, не раз перечитывал этот наказ отца.

Семен Романович предупреждал сына, что Россия совсем не похожа на Англию. В Англии существует свобода, основанная на конституции. Люди здесь зависят только от законов, которые едины для всех классов. Каждый человек обладает чувством собственного достоинства. В России же господствуют невежество и дурные привычки, следующие из этого невежества. Страна управляется не государем, а его фаворитами. Люди постоянно унижаются властью.

Отец просил сына быть осторожным в поведении и в разговорах. Предлагал не спешить со знакомствами. Напоминал, что честь есть высшее благо, и можно всем пожертвовать, лишь бы ее не потерять. Ни при каких обстоятельствах не следует пренебрегать службой. Надо стараться делать добро, как только появится возможность. Делать счастливыми и довольными всех, кто заслуживает это, подчеркивал Семен Романович, является невыразимым утешением.

Прежде чем выбрать род занятий Михаил должен посоветоваться со своим дядей. Ведь Александр Романович по праву является его вторым отцом. По приезде в Петербург сын должен побывать в Мурине и навестить Пелагею. (Пелагея была кормилицей Миши и Кати. А после того, как дети выросли, Семен Романович помог ей вернуться из Англии на родину.) А потом ему

необходимо съездить в Москву и встретиться с теткой княгиней Е. Р. Дашковой. Из Москвы ему предстоит отправиться в Андреевское, где жил Александр Романович^{45}.

Весьма вероятно, что Михаил взял с собой в дорогу и большую записную книжку. Она была подарена ему годом раньше и имела по обычаям того времени длинное название (перевод с английского): «Новая книжка для записи мыслей, улучшенная по сравнению с рекомендованной мистером Локком, вся должным образом разлинованная, с полным указателем основных предметов и пространственным объяснением, как ею пользоваться, равно пригодная литератору и любознательному наблюдателю, путешественнику и предающемуся ученым занятиям, и представляющая собою полезного и приятного спутника в дороге и собеседника в кабинете»^{46}.

В книжку Михаил переписал понравившиеся ему стихи русских и французских авторов, а также пословицы и изречения на французском и итальянском языках (некоторые записи, возможно, были сделаны сестрой Михаила Катей). В его книжке были стихотворения Сумарокова, Ломоносова, Державина, Княжнина, Хераскова, Карамзина и других. Из французских авторов — Вольтер, Расин, Руссо.

Эта ценнейшая реликвия чудом сохранилась. Вскоре после революционных событий 1917 года книжку нашли в Петрограде в куче мусора во дворе дома № 20 на Моховой улице, где жили последние Воронцовы-Дашковы. В 1933 году она была передана в Институт русской литературы Академии наук (Пушкинский Дом). В настоящее время она хранится в Литературном музее Пушкинского Дома.

После отъезда сына в Россию Семен Романович получил письмо от своего старого друга и сослуживца в армии П. А. Румянцева-Задунайского Петра Васильевича

Завадовского. Тот занимал высокий пост — был членом Непременного совета^[1], а с учреждением в 1802 году министерств стал первым министром народного просвещения.

В начале своего царствования Александр I лелеял большие планы преобразований в стране. П. В. Завадовский знал, что Семен Романович относился весьма критически к положению в русской армии. А потому предложил ему изложить свои взгляды в записке императору. Семен Романович, ценя, по его словам, драгоценные минуты государя, адресовал свою записку Петру Васильевичу.

Мысли Семена Романовича о состоянии русской армии и о мерах, которые необходимо предпринять для повышения ее боеспособности и для экономии средств, расходуемых на армию, родились, конечно, не во время работы над запиской, а раньше. Несомненно также и то, что он делился с сыном своими думами и все, о чем говорилось в записке, не раз с ним обсуждал.

Со времени кончины Петра Великого, пишет Семен Романович в «Записке», учрежденное им современное российское войско беспрестанно изменялось. И изменялось не в лучшую сторону. За образец для изменений бралась, как правило, прусская армия. Петр I тоже не отказывался следовать европейским образцам, но он брал на Западе только то, что полезно. В прусской армии, замечает Семен Романович, служат в основном наемники, а поэтому там больше заботятся о сбережении денег, а не о сбережении людей. А Петр I подал пример заботы о солдатах, об их здоровье. Он одел солдат в шинели и обул в сапоги. Полезным было нововведение Г. А. Потемкина, который утвердил в армии одежду, приспособленную к нашему климату и удобную в ношении. Но при Потемкине же, отмечает Семен Романович, полковникам была дана неограниченная власть в подчиненных им полках. А это

привело к злоупотреблениям, к самоуправству командиров по отношению к нижним чинам.

Особенно много вредных нововведений в армии было при Павле I. В ответ на это могли сказать, что именно при Павле I А. В. Суворов одержал ряд побед в Итальянском и Швейцарском походах. Но, замечает Семен Романович, «великий человек этот не применял к делу ни одного из нововведений покойного Императора». И далее: «Подвиги Суворова служат, напротив, подтверждением тому», что он говорит.

Семен Романович, думая о сбережении казенных денег, считал, что количество конницы в армии должно находиться в надлежащем соотношении с пехотой. Конница — дорогой вид войска. Содержание 1 тысячи конницы равно содержанию 6 тысяч пехоты. Еще дороже обходятся кирасиры. Кираса тяжела, а поэтому кирасиры должны быть рослыми, плотными и крепкими. И лошади для них требуются такие же сильные и рослые. Лучше иметь побольше карабинеров, драгун и гусар.

Семен Романович считал, что для подготовки хороших артиллеристов необходимо учредить особые школы, где бы изучались математика, физика и химия. Еще большую подготовку должны проходить те, кто станет служить в штабе. Они должны быть весьма образованными, сведущими в артиллерийской и инженерной частях, а также уметь снимать планы и географические карты, «чтобы карты выходили не вымышленные, а отличались наибольшею точностью».

По мнению Семена Романовича, следовало обратить особое внимание на госпитали и лазареты. Они управляются возмутительным образом, и из-за невежества хирургов в армии наблюдается ужасающая смертность.

Семен Романович подчеркивал, что «войско, где все офицеры — дворяне, конечно выше того войска, где

офицеры — выскочки». Выскочками он называл детей торгашей, которые шли в армию для получения большого чина и ради выгоды. А дети дворян с малых лет слышат рассказы отцов о воинской доблести, о долге перед отечеством, о чести как важнейшем качестве воина. Без чести, отмечает он, «войско есть не более как людское стадо, обременяющее собою страну, позорящее ее и не способное ее защищать».

Многие офицеры, как и сам Семен Романович, тратили немало своих денег на нужды подчиненных им воинских частей. А поэтому в зимнее время офицерам необходимо предоставлять отпуск. Во время отпуска они могли бы заняться хозяйственными делами в имениях и поправить свое материальное положение.

В конце записки Семен Романович выразил пожелание, чтобы его соображения были сообщены лицам, занимающимся устройством русского войска. Он подчеркивает, что был бы счастлив, если хоть одно или два из его замечаний заслужили бы одобрение этих лиц [{47}](#).

Мысли отца о русской армии Михаил запомнил на всю жизнь. Многие из перечисленных в записке предложений были осуществлены им во время командования полком, дивизией, корпусом, легли в основу его требований к подчиненным офицерам. Но это произойдет не скоро. А пока юноша вглядывался с палубы корабля в линию горизонта, с нетерпением ожидая встречи с друзьями отца в Кронштадте.

Семен Романович, отправляя сына на родину, не знал, что с началом царствования Александра I его брат распрощался с Андреевским. Новый император попросил Александра Романовича возвратиться в Петербург и принять участие в государственных делах. Михаил узнал об изменениях в судьбе дяди в Кронштадте. А поэтому, ступив на Английскую набережную, он сразу же направился на Малую Морскую, где Александр

Романович жил в своем доме. И тут же оказался в его объятиях.

Дворня дяди, управители, повара, лакеи, жившие в доме комедианты и музыканты бросились навстречу юноше и были до крайности удивлены тем, что молодой граф приехал один и почти без багажа. А Александр Романович воспринял отсутствие слуги у Михаила как должное. Ведь он был тремя годами моложе, когда в далеком 1758 году отправился один через всю Европу, чтобы продолжить образование во Франции.

На всех, с кем встречался и знакомился Михаил в Петербурге, он производил самое приятное впечатление. В письмах к Семену Романовичу его друзья и знакомые отмечали воспитанность, благородство, доброту и не по летам скромность и рассудительность юноши. Многие поражались тому, как чисто и свободно говорит Михаил по-русски.

В письме П. В. Завадовского читаем: «Не полагал я никак пережить судороги России и начать счастливую эпоху утешением, увидев твоего прेमилго сына. Не могу изобразить того, с коликим чувством зрю в нем образ и душу твою: капля с каплей воды не больше имеют сходства, как он в твоей молодости. Чем больше познаю его, больше удостоверяюсь в том, что ты отец пресчастливейший. Брат твой весьма любитсЯ им, и всяк, кто его видит, не обинуется сказать: вот образец воспитания! Кроме прочего, и то приятно в нем, что, вывезен будучи грудным младенцем из России, говорит и чисто, и свободно Русским языком, как бы вырос на Руси»^{48}.

«Не нужно было иметь много проницательности, — пишет Семену Романовичу Ф. В. Ростопчин, — чтобы подметить в вашем сыне все добрые отцовские качества: это увидел бы и всякий посторонний человек. Более всего поразила меня в нем нравственная чистота, спокойствие, ровность в расположении духа и

основательность суждения. Боюсь только адского общества Петербургской молодежи. Вы, с вашим отвращением от всего потрясающего общественный порядок, были бы поражены окончательно, если б увидели в Петербурге юношей, достойных быть приемными сыновьями Робеспьера или Дантона»^{49}.

Графиня С. В. Панина также посчитала, что сношения Михаила с молодыми петербуржцами могут принести лишь вред. «Впрочем, — заключила она, — с этой стороны вам нечего бояться за вашего сына; у него, по-видимому, столько благоразумия, что он не собьется с указанного вами пути»^{50}.

Семен Романович посоветовал сыну навестить в Петербурге его родную тетку по матери Марию Алексеевну, которая была замужем за А. Л. Нарышкиным. Михаил не ограничился кратким визитом к тетке и ее мужу. Вскоре он стал частым гостем в их доме, известным в Петербурге под названием «Новые Афины».

Александр Львович Нарышкин был настоящим русским баринном. В то время он занимал должность директора Императорских театров. Любил хорошо поесть и угостить своих многочисленных гостей. Отличался остроумием и находчивостью в словесных баталиях и с удовольствием приглашал к себе таких же острословов. А Мария Алексеевна, по отзывам гостей, искусно лепила бюсты и барельефы. Артисты, художники, музыканты, литераторы чувствовали себя у Нарышкиных как дома. На даче Нарышкиных часто устраивались балы, давались спектакли. В солнечную погоду вестовая пушка, стоявшая перед домом, сама собой стреляла (с помощью лучей солнца), возвещая о наступлении полдня.

Семен Романович не был в восторге от того, что Михаил зачастил к Нарышкиным. «Вы имеете прекрасней характер, вы чувствительны к дружбе, —

писал он сыну. — Ваша тетя свидетельствует об этом. Вы часто проводите вечера у нее, не замечая, каким караван-сараем является ее дом. Это Ноев ковчег: здесь встречаются люди с самым разным воспитанием»^{51}. Но Михаил продолжал бывать у своих хлебосольных родственников.

Семен Романович и Александр Романович решили не вмешиваться в выбор Михаилом рода занятий. Но если он выберет что-то, то, говорили они, должен следовать поговорке — «не давши слова — крепись, а давши слово — держись». Вскоре отец узнал, что сын намерен стать военным.

Михаил написал отцу, что хочет вступить во французскую армию, чтобы поскорее принять участие в военных действиях. Семен Романович решительно воспротивился этому намерению сына. Он объяснил, что Россия легко может стать противницей Франции, и тогда он, русский волонтер, окажется во французской тюрьме. Лучше уж вступить в португальскую армию или отправиться воевать в Грузию. «В Грузии вы тоже увидите войну, так как в этой стране никогда не бывает спокойно». Кроме того, в Грузии можно будет познакомиться с войной в горах, а это редкость, и познакомиться заодно с южной частью России^{52}.

В доме Нарышкиных Михаил сблизился с молодыми офицерами лейб-гвардии Преображенского полка, членами любительского литературного кружка. Многие из них и сами сочиняли. А поручик полка Сергей Никифорович Марин имел широкую известность как поэт-сатирик, автор лирических стихотворений и эпиграмм. Знакомство Михаила с Мариным и с его приятелем Дмитрием Васильевичем Арсеньевым очень скоро переросло в дружбу.

С. Н. Марин и Д. В. Арсеньев и другие поручики и штабс-капитаны Преображенского полка были старше Михаила Воронцова на пять-шесть лет, но они приняли

его в свою компанию как равного. Более того, спустя некоторое время он стал душой литературного кружка офицеров. И это не случайно. Если, по словам Ростопчина, Михаил о многих вещах судил лучше своего батюшки, то тем более превосходил в знаниях товарищей по полку.

Дружба с Арсеньевым и Мариным повлияла на выбор Михаила — он решил стать офицером Преображенского полка, в который был записан еще в раннем детстве. Михаил продолжал носить звание камергера, а по существовавшему в то время правилу камергер, переходя на военную службу, получал чин генерал-майора. Но было бы смешно, если бы он, ни дня не служивший в полку, стал бы командовать своими товарищами — поручиками и штабс-капитанами, имевшими немалый срок службы. А поэтому он решил пренебречь своим правом на генеральское звание и проситься в полк поручиком. И 2 октября 1801 года в списке офицеров лейб-гвардии Преображенского полка появилось имя поручика графа Михаила Воронцова.

Его решение отказаться от генеральского звания получило широкую огласку. А когда вскоре два молодых камергера (одним из них был двоюродный брат Михаила Лев Нарышкин) попытались получить звание генерал-майора, то им привели в пример Воронцова и отказали в их притязании. Несколько лет спустя это правило было отменено.

Александр Романович одобрил отказ племянника от генеральского звания. Он заявил, что тот еще молод и успеет получить чины заслуженно, участвуя в сражениях.

В мае 1802 года Александр Романович и Михаил встречали дорогих гостей из Англии — Семена Романовича и Катю. Это был последний их приезд на родину. Радость общения с горячо любимым братом и восхищение сыном в ладно сидящем на нем гвардейском

мундире не могли скрасить разочарования Семена Романовича в столичном обществе, нравственном падении многих представителей высшего света. По его мнению, ничтожные характеры нового поколения не обещали императору энергичных и даровитых сподвижников.

А вот приемом при дворе Семен Романович остался доволен. С ним любили беседовать и вдовствующая императрица Мария Федоровна, и супруга Александра Павловича Елизавета Алексеевна. Чуть ли не каждый день то одна, то другая императрицы желали видеть его с дочерью у себя на обеде. В довершение Семену Романовичу был пожалован портрет государя для ношения на груди.

Семен Романович и Катя покинули Петербург в конце августа. А вскоре, 8 сентября 1802 года, существовавшие с петровских времен Коллегии по указу Александра I были преобразованы в министерства. В именном указе говорилось: Коллегии иностранных дел быть под управлением Государственного канцлера, действительного тайного советника 1-го класса графа Воронцова и носить звание министра^{53}.

Семен Романович был доволен, когда узнал, что, как посол, оказался в подчинении у любимого и уважаемого им брата. К сожалению, из-за болезни Александра Романовича и в связи с его скорой кончиной совместная работа братьев оказалась непродолжительной.

Глава IV

В АРМИИ КНЯЗЯ П. Д. ЦИЦИАНОВА

После отъезда отца и сестры из Петербурга Михаил полностью отдался службе в полку. Но очень скоро разводы караула, дежурства и плац-парады ему надоели. Они не приносили никакого удовлетворения и нисколько не способствовали приобретению навыков в военном деле. Ему хотелось настоящей военной службы. Хотелось испытать себя под пулями в бою.

В то время Россия вела военные действия только на Кавказе. Армией там командовал ученик А. В. Суворова князь Павел Дмитриевич Цицианов. И Михаил обратился к дяде Александру Романовичу с просьбой помочь ему перевестись из Преображенского полка в армию Цицианова.

Семен Романович, узнав, что сын получил разрешение отправиться волонтером к князю Цицианову, написал ему, чтобы он постарался заслужить одобрение этого достойного и уважаемого человека. Служба на Кавказе, считал он, принесет больше пользы, чем жизнь в Петербурге. Праздность не дает возможности заниматься тем, что необходимо для его карьеры. А ведь сын не захочет остаться посредственной личностью. Следует серьезно заняться математикой, инженерным делом, механикой, артиллерией, чтобы не быть водимым за нос и не наделать глупостей. Семен Романович был также рад, что сын порывает с петербургским обществом и с домом Нарышкиных. «Посмотрите, — писал он, — на двоих сыновей дома, о котором я говорю. Какое получили они образование? Готовы ли они служить родине? Какие у

них знания? Какие нравственные принципы воспитаны в них?»^{54}.

Но Семен Романович был не прав, говоря так о воспитании и обучении его племянников — Льва и Кирилла Нарышкиных. Повзрослев, двоюродные братья Михаила не стали прожигателями жизни. Доказательство тому — портрет генерал-майора Л. А. Нарышкина, героя Отечественной войны 1812 года, висит в Военной галерее Зимнего дворца в Петербурге.

20 августа 1803 года Александр I подписал рескрипт, адресованный П. Д. Цицианову. В нем говорилось: «Лейб-гвардии Преображенского полку пор. гр. Воронцова, желающего служить при войсках под начальством вашем в Грузии, препровождая сим к вам, поручаю употребить его на службу по усмотрению вашему»^{55}.

В сентябре 1803 года Михаил Воронцов отправился на Кавказ. Его друзья Дмитрий Арсеньев и Сергей Марин по разным причинам не могли составить ему компанию.

26 сентября Михаил в Астрахани встретился с флигель-адъютантом, поручиком лейб-гвардии Семеновского полка Александром Христофоровичем Бенкендорфом. Тот тоже ехал волонтером к П. Д. Цицианову. Дальнейшая совместная служба на Кавказе сдружила Михаила Семеновича и Александра Христофоровича. Марин писал Михаилу: «Завидую, любезный друг, очень завидую Бенкендорфу (которому, пожалуйста, от меня поклонись) и хвалю его, что едет с тобою; а тебя с тем поздравляю: он прелюбезный»^{56}.

В начале октября Воронцов прибыл к П. Д. Цицианову и вручил ему письмо от своего дяди, в котором говорилось: «Поелику нигде, кроме края, где вы командуете, нет военных действий, где бы молодому офицеру усовершенствоваться можно было в военном искусстве; к тому присовокупляя, что под начальством вашим несомненно можно более в том успеть, нежели во всяком другом месте; то по сим самым

уважениям, как я, так и брат мой согласились на желание графа Михаила Семеновича служить волонтером в корпусе, находящемся в Грузии». Далее Александр Романович писал, что Михаил Семенович у них с братом один, и они желают, чтобы он «был полезен Отечеству своему», и «чтоб усовершенствовался во всем, к тому относящемся»^{57}.

П. Д. Цицианов понимал, какая ответственность лежит на нем за судьбу волонтера Михаила Воронцова. Он решил побережь поручика и отправить в Петербург с сообщением о первой же одержанной победе. Александр Романович воспротивился этому одолжению. Вестники победы, написал он Цицианову, посылаются единственно для доставления им чина, но ни он, ни брат его не хотят, чтобы чин достался Михаилу Семеновичу таким образом.

А Михаил Семенович рвался в бой. Ждать пришлось недолго. 2 декабря 1803 года он участвовал в штурме крепости Гянджа. Эта крепость принадлежала хану Джеваду, который, пользуясь покровительством персов, совершал набеги по всему Закавказью. Штурмом крепости руководил сам П. Д. Цицианов.

Во время штурма перед одной из рот шел ее командир капитан П. С. Котляревский. Он попытался без лестницы вскарабкаться на наружное укрепление и был ранен в ногу. Увидев это, Михаил Воронцов и рядовой Богатырев из роты Котляревского поспешили раненому на помощь. Богатырев тут же упал, пораженный вражеской пулей. Михаил Семенович, не обращая внимания на огонь противника, отвел капитана в безопасное место.

Петр Степанович Котляревский выздоровел, вернулся в строй и стал для Михаила Семеновича верным боевым товарищем. В сражениях они не уступали друг другу в храбрости. П. Д. Цицианов, высоко оценив воинскую доблесть капитана, предложил ему

стать его адъютантом, но тот от штабной службы отказался. Вскоре имя Котляревского прогремит по всему Кавказу.

За бесстрашие, проявленное при взятии Гянджиского фортштата и садов, М. С. Воронцов получил первую боевую награду — орден Св. Анны 3-й степени. Отличился при штурме Гянджи и его новый друг А. Х. Бенкендорф.

Марин и Арсеньев, как и обещали, писали Михаилу Семеновичу довольно часто. Первое письмо Марина начиналось четверостишием:

«Все, что взор мой повстречает,
Ночи тьма и солнца свет,
Все, мне кажется, вещает:
Воронцова с тобой нет!

И всякий раз, — продолжал Марин, — при этой мысли я готов плакать. Ты не согласишься, мой милый друг, как скучно привыкать быть без тебя. В наших играх, удовольствиях, в огорчениях недостает любезного Миши, и слова: *Нету с нами Воронцова* сделались окончанием всех наших разговоров»^{58}.

В очередном письме Марин сообщал другу, что на днях выходит русское сочинение под названием «Сравнение Нового Русского языка со старым». Книга, по мнению Марина, очень интересная. И он обещал прислать ее^{59}.

В другом письме Марина читает: «Ты не согласишься, Воронцов, как весело быть твоим другом: где ни заговорят о молодых людях, везде ставят в пример совершенства тебя. Слышав это, поневоле улыбнешься и прошепчешь: этот совершенный малый меня любит и называет своим другом. Как же после этого не любить

тебя и не браниться с тобою, что ты оставил нас и на такое долгое время!»^{60}.

Еще одно признание Марина в своих чувствах к другу: «Воронцов! Ты знаешь меня: я не умею красноречиво описывать мои чувства, но не умею говорить того, что не чувствую, и так скажу тебе, что я бы дорого заплатил, чтобы быть с тобою. Из людей, которых я встречал в жизнь мою, никто не умел сделать то, что ты со мною сделал. Я не привыкну думать, что мы далеко друг от друга. Верь мне, любезный друг, что слеза брызнула из глаз моих. Скоро ли я тебя увижу? Увижу и не расстанусь»^{61}.

Вскоре в Петербурге заговорили о возможной войне с Пруссией. Марин поспешил сообщить об этом другу. «Очень хочется попробовать себя и узнать, страшна ли пуля», писал он, выражая также надежду, что если война начнется, то Михаил Семенович оставит гористую Грузию и отправится со своими друзьями бить прусаков^{62}.

О европейской войне лишь поговорили, а Михаила Воронцова ожидало участие в новых сражениях. Еще во время осады Гянджи активизировались правители Джаро-Белоканской области. Толпы лезгин переправились через реку Алазань и стали угрожать восточным районам Грузии. В связи с этим П. Д. Цицианов поручил генерал-майору В. С. Гулякову выступить с отрядом против лезгин и восстановить спокойствие в этой области.

1 января 1804 года отряд Гулякова разгромил большую группу лезгин и отбил почти всю добычу, захваченную теми у местных жителей. Вскоре отряд атаковало около 3 тысяч конных горцев. Это сражение длилось более 5 часов. Докладывая о битве с горцами князю Цицианову, Гуляков отметил храбрость флигель-адъютанта Бенкендорфа и графа Воронцова.

После этого отряд В. С. Гулякова переправился через Алазань и с боем овладел местечком Дисары. Гуляков решил преследовать горцев в глубине Дагестана и направил отряд в Закатальское ущелье. Образовалась длинная колонна, во главе которой шла грузинская милиция. За нею следовала рота егерей с оружием и несколько рот Кабардинского полка. Одной из этих рот командовал Михаил Воронцов, другой — Александр Бенкендорф.

15 января произошла вторая схватка. Как только отряд окончательно втянулся в ущелье, по нему с разных сторон был открыт беспорядочный ружейный огонь. Затем лезгины бросились с саблями на грузинскую милицию. Грузины кинулись назад, мешая действиям отряда. Тут же у первого орудия был убит В. С. Гуляков. А Воронцов и еще несколько офицеров избежали смерти только потому, что бежавшие грузины и лезгины столкнули их с крутого яра. Они упали на других и не разбились. Все, кто сумел выбраться наверх, в том числе и Михаил Воронцов, тут же включились в бой. Командование отрядом взял на себя генерал-майор князь Орбелиани. Лезгины отступили.

За храбрость, проявленную в сражениях 1 и 15 января М. С. Воронцов был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Несколько десятилетий спустя об этом злополучном походе напомнил Михаилу Семеновичу его серебряный компас с выгравированной на нем фамилией владельца. Этот компас выпал из его бокового кармана во время падения с крутого яра. Через 22 года компас был найден у убитого горца и еще через десять лет возвращен владельцу. А после кончины М. С. Воронцова в 1856 году его супруга Е. К. Воронцова передала компас на память князю А. И. Барятинскому, боевому товарищу Михаила Семеновича по Кавказской войне 1840—1850-х годов.

В начале XIX века в русской армии не было хороших топографических карт. Без них ориентироваться на местности, особенно в горах Кавказа, было трудно. Из-за этого отряды нередко попадали в засады и несли большие потери. Однако, как видим, М. С. Воронцов уже тогда использовал компас для определения более точного маршрута движения.

До Петербурга, а затем и до Лондона, дошел слух, что М. С. Воронцов погиб или чуть не погиб. Семен Романович, получив от сына письмо с рассказом об экспедиции под командованием В. С. Гулякова, написал ему, что падение с крутого яра могло оказаться фатальным, что от этого известия его охватил ужас отчаяния, а Катя, сестра Михаила, помертвела от боли. Семен Романович добавил, что ни он, ни его брат Александр Романович не переживут смерти Михаила. Воин, говорится в письме далее, не должен избегать опасности, чтобы не заслужить бесчестия и позора, но он не должен и провоцировать опасность гибели неосторожностью. Он и его брат, заключает Семен Романович, очень беспокоятся о Михаиле и хотели бы, чтобы он находился вне Кавказа^{63}.

Много лет спустя сослуживцы В. С. Гулякова решили поставить памятник на месте гибели своего командира. 15 ноября 1845 года на открытии и освящении этого памятника присутствовал М. С. Воронцов, теперь уже командующий Отдельным Кавказским корпусом.

Успехи армии князя П. Д. Цицианова укрепили позиции России в Закавказье. Это вызвало сильное противодействие со стороны Персии. Многочисленные персидские отряды стали нападать на русские посты. Имеретинский царь Соломон, встревоженный беспокойной обстановкой в Закавказье, выразил желание принять подданство России, но поставил условие, чтобы в его распоряжении осталась часть Мингрелии. П. Д. Цицианов не согласился с

предложениями царя. Начались длительные переговоры, и обнаружилось, что царь Соломон ведет двойную игру: прося покровительства России, он одновременно добивался поддержки со стороны Турции.

Для продолжения переговоров Цицианов решил направить к царю Соломону М. С. Воронцова. На это решение повлияло, конечно, то, что отец и дядя Михаила Семеновича были опытными дипломатами и сам он имел опыт работы в русском посольстве в Лондоне. Но возможно, Цицианов хотел таким образом поберечь не желавшего беречься поручика от участия в опасных сражениях. Как бы то ни было, во всеподданнейшем рапорте императору князь так объяснял решение отправить к царю Соломону графа Воронцова: «Твердость сего молодого офицера, исполненного благородных чувствований и неустрашимости беспримерной, рвение к службе В. И. В. и желание отличиться оным удостоверяют меня, что поездка его будет небезуспешна»^{64}.

Переговоры М. С. Воронцова с царем Соломоном оказались сложными. Ему не удалось завершить их. После его возвращения к П. Д. Цицианову переговоры были продолжены и закончились тем, что 25 февраля 1804 года царь Соломон со всем имеретинским народом принес присягу Российскому императору.

Персия была недовольна решением царя Соломона. Сын и наследник персидского шаха стал готовиться к вторжению на земли, занятые русским войском, а визирь потребовал от П. Д. Цицианова, чтобы русские ушли из Грузии. Персы угрожали и ереванскому хану. Это вынудило последнего обратиться к П. Д. Цицианову с просьбой о защите. Произошло несколько жарких сражений с персами.

Михаил Семенович писал своему другу Д. В. Арсеньеву, что хотя в непрерывных сражениях они потеряли довольно много офицеров и солдат, но еще

более «поддели» их недостаток провианта, страшная жара и болезни. От болезней «более шести недель половина корпуса лежала, а другая половина более походила на тень человеческую, нежели на настоящих воинов».

Однажды, писал он далее, противник потревожил их серьезно следующим образом: «Ветер был сильный, нам в тыл, а трава по степи весьма сухая от больших жаров. Они ее зажгли, так что обоз был в крайней опасности, и особливо находящиеся сзади зарядные и патронные ящики. В самое то время они сделали со всех сторон сильное нападение. Тут было очень жутко. Однако, хотя и с большим трудом, успели, наконец, огонь потушить плащами и мешками и пр., а персиан отбить штыками»^{65}.

В донесении в Петербург о ходе войны с персами П. Д. Цицианов писал: «Не могу особенно не рекомендовать при мне находящегося за бригад-майора не сменяющегося лейб-гвардии Пр. <еображенского> полку поручика графа Воронцова, который деятельностью своею, заменяя мою дряхлость, большою мне служит помощью». Его служба, по мнению командующего, заслуживала внимания и ободрения императора^{66}. По представлению Цицианова поручику М. С. Воронцову было присвоено звание капитана, минуя звание штабс-капитана. А за храбрость, проявленную в боях с персами, за взятие их лагеря 30 июня и занятие ереванского предместья, Михаил Семенович получил орден Св. Георгия 4-й степени.

П. Д. Цицианов не преувеличивал заслуг Воронцова. Михаил Семенович писал Арсеньеву, что его друзья не представляют, что значит быть бригад-майором. Он не имеет «ни секунды для отдыха, ни днем, ни ночью, и нет никакой безделицы», которая не должна пройти через его руки^{67}. В другом письме он сетовал, что уже два года находится в диких и варварских местах. А он хотел

бы «увидеть войну и в тех местах, где климат, места, люди и все уменьшает неприятности оной, в тех местах, где случится в Воскресенье быть в сражении, в Понедельник на бале, а во Вторник в театре слушать La Cantatrice Villane или Il Matrimonio Segretto»^{68}.

Участие в военных походах не мешало М. С. Воронцову обмениваться с С. Н. Мариным стихами. Марин писал Михаилу Семеновичу, что стихи его прекрасны, но ему кажется, что он их у кого-то украл. В другом письме он называет присланные стихи хорошими, но хотел бы знать, кто их написал^{69}.

Михаил Семенович обрадовался, когда узнал, что в батальоне Марина завелись шахматы, и пообещал, что по возвращении в Петербург обыграет своих друзей. «Поздравляя» друга с караулами, Воронцов признавался: «Как я подумаю об этих караулах и что мне, может быть, скоро надо будет возобновить с ними знакомство, то по коже мороз задирает»^{70}.

Осенью 1804 года П. Д. Цицианов выступил в поход в Осетию, где начались волнения местного населения. В то время М. С. Воронцов был болен и не мог принять участия в экспедиции. Из Осетии командующий писал ему: «Посылаю на жилет и панталоны дорожные осетинского сукна. Прошу на память неотменно себе сделать. Не подумай, что здесь взято: в Цхинвале куплено именно для тебя»^{71}. Этот факт показывает, насколько близкими стали отношения между пожилым и заслуженным командующим и молодым офицером.

Как только Михаилу Семеновичу стало легче, он отправился догонять отряд Цицианова. Из селения Кошки он писал Д. В. Арсеньеву: «Мы находимся в местах больше пригодных не для людей, а для котов, никогда еще войска не карабкались по таким крутым склонам в самой высокой цепи Кавказских гор и по горло в снегу»^{72}.

Семен Романович и Александр Романович настаивали на том, чтобы Михаил возвратился в Петербург и продолжил службу в Преображенском полку. Их тревога за его жизнь усилилась, когда они узнали, что он болен лихорадкой. Они знали, что в армии Цицианова от болезней умирало значительно больше воинов, чем погибало в сражениях.

В конце концов Михаилу Семеновичу пришлось подчиниться желанию отца и дяди. Он написал Арсеньеву, что хотел остаться в армии князя П. Д. Цицианова. И если бы не требование отца, то он и теперь был бы в Грузии. «Я так был во всем счастлив в том краю, что всегда буду помнить об оном с крайним удовольствием и охотно опять поеду, когда случай и обстоятельства позволят»^{73}. Обстоятельства позволили ему вернуться на Кавказ через 40 лет.

Глава V

КРАТКАЯ ПЕРЕДЫШКА

В начале 1805 года М. С. Воронцов приехал в Москву — больным и сильно исхудавшим. Ведь за последние девять месяцев он перенес две горячки и три лихорадки. Надо было поправить здоровье, а уж потом навещать дядю. Но не в Петербурге, а в Андреевском. Александр Романович тоже был болен. В конце января 1803 года он получил от императора разрешение удалиться от дел на два года с сохранением должности и жалованья. Проведя зиму в Москве, весной Александр Романович переехал в родовое имение. Здесь, в Андреевском, и состоялась последняя встреча племянника и дяди.

Перед отъездом из Москвы в Андреевское Михаил Семенович получил послание с Кавказа от П. Д. Цицианова. Князь писал ему, что ждет от него длинное письмо. И добавил, что хочет получать не чиновные, а дружеские письма. В другом письме Павел Дмитриевич признавался: «Не быв никогда эгоистом и любя искренно и явно, считаю тебя, любезный мой граф, мне принадлежащим по сердцу». И давал совет «любезному графу» как поправить здоровье: «На вишни не нападать неприятельски хотя один год; супу же хотя по три тарелки, а не по две кушать на здоровье»^{74}.

Это письмо оказалось последним в переписке Цицианова с Михаилом Семеновичем. В начале 1806 года Павел Дмитриевич принудил к сдаче Бакинскую крепость. Когда он прибыл туда, чтобы получить ключи от этой крепости, его предательски убили люди бакинского хана.

В Андреевское Михаил Семенович приехал в марте 1805 года. Он был удивлен увиденным. Стараниями его деда Р. И. Воронцова и дяди Александра Романовича

Андреевское обогатилось пятиглавой церковью Андрея Первозванного, просторным господским домом и другими добротными постройками. Господский дом правильнее было бы назвать замком. Как в настоящем замке, у дома был внутренний двор, а над въездными воротами возвышалась высокая башня со шпилем и флюгером.

Общение с Александром Романовичем лишней раз убедило Михаила Семеновича в том, что его второй отец был замечательным человеком. Многие можно было узнать от него и многому поучиться.

Во-первых, Александр Романович был необычным помещиком. Он открыто выступал против крепостного права и принадлежавших ему крестьян называл своими подданными. Он считал себя обязанным заботиться о них — защищал от произвола чиновников, приходил на помощь в голодные годы и во время стихийных бедствий. Его крестьяне не отбывали барщину, а платили необременительный оброк, а поэтому жили лучше, чем крестьяне соседних имений.

Александр Романович был весьма рачительным хозяином. Поражает, например, размах его деятельности в развитии садоводства. В описи оранжерейных «деревов» в Андреевском значилось персиковых деревьев 576, абрикосовых 52, сливовых 310, вишенных 397, грушевых 341, яблоневых 124, лимонных 290, лавровых 197, а также 48 кустов винограда и 1000 кустов ананасов. Ананасов и лимонов собирали столько, что Александр Романович посылал их в подарок друзьям в Москву и Петербург и много отправлял в соседние города на продажу.

Андреевское было известно во Владимирской и других губерниях не только образцовым хозяйством, но и театром. В нем играли крепостные крестьяне. Их нельзя было подвергать телесным наказаниям, за игру в театре они получали жалованье и награды.

В то время многие вельможи увлекались коллекционированием картин и скульптур. Александр Романович также тратил немало денег на приобретение произведений искусства. Но и в собирательстве проявилась его патриотическая жилка. Он решил собрать и сохранить для потомства портреты знатных россиян — представителей царствующего дома и видных российских деятелей. К приезду Михаила Семеновича в Андреевское в коллекции было уже около трехсот портретов, в том числе изображения российских государей Ивана Грозного, Петра I, Елизаветы Петровны, Екатерины II, портреты «знаменитых особ российских» Голицына, Шереметева, Потемкина, Бестужева, Безбородко, Завадовского, Воронцовых, портреты военных — Румянцева, Суворова, Чичагова, Орлова, деятелей науки и искусства — Ломоносова, Сумарокова, Державина, Татищева, Волкова.

У Александра Романовича была огромная библиотека, которую он начал собирать еще во Франции. В ней были книги на разных языках, а также множество географических карт и атласов. Немало книг он унаследовал от отца, Р. И. Воронцова, и дяди, М. И. Воронцова. Впоследствии библиотека Александра Романовича была перевезена Михаилом Семеновичем в его дом в Одессе. От М. И. Воронцова Александр Романович унаследовал и страсть к собиранию архива. Он тратил немало денег на покупку рукописей и снятие копий с отечественных и иностранных документов и даже на первый взгляд незначительных записок или заметок, связанных с российской историей. «Посол наш, гр. С. Р. В.<оронцов>, — пишет, к примеру, в своих воспоминаниях А. И. Тургенев, — по желанию брата своего, гр. А<лександра> Р<омановича>, списал здесь все дипломатические акты по сношениям России с Англией. Я видел этот гигантский фолиант в аршин,

если не более, мелким письмом, у гр. М. С. В<оронцова>»^{75}.

В архиве Александра Романовича хранилась и его обширная переписка (в том числе и копии его собственных посланий). В частности, большая часть писем и рукописей А. Н. Радищева дошла до нас благодаря Александру Романовичу. Его архив также стал впоследствии драгоценной частью архива Михаила Семеновича.

Неподдельный интерес племянника к жизненному пути дяди натолкнул последнего на мысль начать писать воспоминания. Он приступил к работе над ними летом 1805 года, вскоре после отъезда дорогого гостя в Петербург.

Рассказ о своей жизни Александр Романович предварил такими словами: «Они и не годятся и не пишутся для того, чтоб их когда-нибудь печатать для всеобщего сведения. Моя цель — сообщить моим ближайшим родственникам те факты, которые касаются лично меня. Мой племянник Михаил, может быть, найдет в них какие-нибудь сведения и подробности о России, которые могут оказаться полезными для него».

Далее Александр Романович излагает свою жизненную позицию. «Я не лишним считаю заметить, в особенности для пользы моего племянника Михаила, что если я мог служить бескорыстно, беспристрастно и сохраняя мою самостоятельность в той мере, в какой это возможно при абсолютном и довольно безнравственном правительстве и в такой стране, где почти вовсе нет общественного мнения, то этому много способствовал заведенный мною образ жизни. Так как я не любил ни роскоши, ни легкомысленных издержек, то я никогда не находил надобности прибегать к тем просьбам и заискиваниям, к которым должны были прибегать многие высокопоставленные лица вследствие своей чрезмерной роскоши; а потому я мог без труда

сохранять искренность и беспристрастие в служебных занятиях, мог не отказываться от моих убеждений и не искать расположения ни людей сильных, ни временщиков». И уточняет: «Я делаю это отступление не для того, чтобы хвалить самого себя, а для того, чтобы оно служило поучением для моего племянника Михаила и чтоб он убедился, что в своих расходах не должно выходить из пределов, соответствующих тому состоянию, какое имеешь. Тогда только ему будет нетрудно сохранить на государственной службе свою самостоятельность, честность и беспристрастие, а также наслаждаться тем домашним спокойствием, которое едва ли возможно при расстройстве денежных дел и при материальных стеснениях»^{76}.

К сожалению, смерть прервала работу Александра Романовича над воспоминаниями. Он скончался 3 декабря 1805 года и был похоронен в Андреевском в усадебной церкви во имя Андрея Первозванного.

Спустя 60 лет внучатый племянник Александра Романовича Семен Михайлович Воронцов решил установить на могиле своего двоюродного деда плиту с соответствующей надписью и огородить могилу железной решеткой. Плита была сделана из мрамора скульптором Руфинони, а решетка ограды отлита на чугунно-литейном заводе в Петербурге. В изголовье могилы было установлено деревянное распятие.

В советское время церковь Андрея Первозванного была превращена в гараж. Надгробие над могилой Александра Романовича было уничтожено. Но теперь церковь отреставрирована, в ней снова идет служба, а на могиле А. Р. Воронцова есть и плита, и ограда, и крест с распятым Христом.

Михаил Семенович покинул Андреевское в мае 1805 года. По прибытии в Петербург он был назначен командиром роты 3-го батальона Преображенского полка. Каждый день, начиная с 4-х часов утра,

проходили учения. А так как из-за шумных кутил-сослуживцев вовремя отойти ко сну было невозможно, то спать ему доставалось из трех ночей одну. Он считал, что многие офицеры полка не имеют желания «быть когда-нибудь знающими и полезными членами общества. Было бы им только спокойно и весело, а что будет под старость, это и в ум не входит»^{77}. Большинство сослуживцев Михаила Семеновича наслаждалось веселой и беспечной жизнью в столице, а его, как и прежде, столичная жизнь тяготила.

К тому же он тосковал по другу — Д. В. Арсеньеву, который с 1804 года находился с русской армией на Ионических островах в Средиземном море. Ничто не могло его развлечь — ни театр, ни певцы, ни музыка знаменитых композиторов. «Привычка разделять здесь все удовольствия с тобою до того в меня вкоренилась, что я думаю, что без тебя никогда совершенного удовольствия в Петербурге вкушать не буду, — писал Михаил Семенович Арсеньеву. — В театре ли я, ищу тебя и сокрушаюсь, что тебя нет. Замбони без тебя не так меня смешит, Ронкони не так восхищает своим пением, и даже Паезиело и Чимароза кажутся мне не те, которые прежде были. Когда мы вместе сидели, взаимное согласие, примечания наши и одинаковый вкус удваивали наше удовольствие, и мы оное вкушали, можно сказать, вдвое каждый за себя и за друга своего. Теперь же судьба определила мне сидеть возле людей недостойных того, чтобы когда-нибудь хорошая музыка была при них пета, возле невежд, Мидасовых, которых невнимательность, глупые примечания и сравнения приводят меня в отчаяние и отнимают все удовольствие, которым бы без того пользовался»^{78}.

Но долго скучать Михаилу Семеновичу не пришлось. В Европе запахло очередной войной, в которой предстояло участвовать и России, поскольку она вошла в коалицию наряду с Англией, Австрией, Швецией и

королевством обеих Сицилий против наполеоновской Франции. Молодые гвардейские офицеры с воодушевлением ожидали начала военных действий. Царившее в обществе настроение нашло выражение в «Марше лейб-гвардии Преображенского полка», сочиненного в 1805 году С. Н. Мариным. Стихи были положены на музыку, и по распоряжению императора марш стали петь во всех гвардейских полках. Заканчивался марш такими словами:

За французом мы дорогу
И к Парижу будем знать.
Зададим ему тревогу,
Как столицу будем брать.
Так-то мы обогатимся,
В прах разбив богатыря.
И тогда повеселимся
За народ свой и царя^{79}.

Действительно, русские войска пришли в Париж, но только через девять лет после сочинения этого марша.

Глава VI

В НОВЫХ ПОХОДАХ И СРАЖЕНИЯХ

В начавшейся в 1805 году войне с наполеоновской Францией русский корпус под командованием генерал-лейтенанта графа П. А. Толстого должен был действовать вместе с английскими и шведскими войсками в Померании. Перед корпусом стояла задача занять Ганновер и разгромить французов в Голландии. М. С. Воронцов попросился в этот корпус и снова получил хлопотную должность бригад-майора. Вместе с ним отправился в поход его двоюродный брат Л. А. Нарышкин, назначенный адъютантом командующего.

В начале сентября 1805 года корпус погрузился в Кронштадте на корабли и отправился к берегам шведской Померании. По прибытии корпуса в Штральзунд М. С. Воронцов участвовал во встрече и переговорах П. А. Толстого со шведским королем.

О действиях корпуса можно узнать из писем Михаил Семеновича к Александру Романовичу в Андреевское. В первом письме он с возмущением рассказывал о недостатках в управлении корпусом и о плохом обеспечении его провиантом. В письме от 7 декабря он сообщал, что лишь из частных писем и газет им стало известно о разгроме союзных войск под Аустерлицем. И сокрушался: «Я не знаю, как после этого русские будут смотреть в глаза французам, не сгорая от стыда»^{80}. Ко времени написания этого письма Александра Романовича Воронцова уже не было в живых.

С горечью узнал Михаил Семенович, что его друг С. Н. Марин чуть не погиб в битве под Аустерлицем.

Марин был ранен картечью в голову, в левую руку навывлет и двумя пулями в грудь. За проявленное в бою мужество ему была пожалована золотая шпага и присвоено звание штабс-капитана.

В письме от 12 декабря Михаил Семенович, оставаясь в неведении, что Александр Романович скончался, сообщает, что, по всей видимости, война близится к концу и что менее чем через месяц он будет иметь счастье встретиться с ним. Читаем в последнем письме, датированном 24 декабря: «Бонапарт снова празднует победу благодаря хитрости и коварству, или, лучше сказать, благодаря низости и унижения Австрии и Пруссии. Все это несносно. Мы живем в отвратительное столетие, но Государь знает, когда это изменится»^{81}.

После заключения в конце 1805 года мирного договора между Австрией и Францией русские войска отправились домой. Узнав о смерти дяди, Михаил Семенович решил съездить к отцу в Англию.

Удрученный смертью брата, Семен Романович послал в Петербург прошение об отставке. 15 мая 1806 года Александр I подписал указ Государственной коллегии иностранных дел об увольнении генерала от инфантерии графа Воронцова, находившегося в должности чрезвычайного и полномочного посла при Лондонском дворе, и о назначении ему «в воздаяние долговременной службы и отличных трудов, понесенных им на пользу Отечества» пенсии в 6 тысяч рублей^{82}. Прежде, при жизни брата, Семен Романович намеревался возвратиться после отставки в Россию. Теперь же он решил доживать свой век в Англии.

Мирная жизнь Михаила Семеновича продолжалась недолго. В сентябре 1806 года началась новая война с Наполеоном. Теперь в коалицию вошли Россия, Англия, Пруссия, Саксония и Швеция. С. Н. Марин отметил начало войны стихотворением «К русским», которое начинается так:

Восстань народ царем любимый,
И жизнь готовь отчизне в дань!
Идет враг алчностью водимый,
Неся с собой кроваву брань.

В конце стихотворения поэт вновь выражает надежду на сокрушение врага:

На глас царя мы соберемся,
Исторгнем меч — стеной сомкнемся,
Ударим — сокрушим колосс.
Нам Александр пример средь бою —
Отец отечества! С тобою
Дерзнет на все усердный росс [{83}](#).

В ноябре 1806 года Марин пишет Михаилу Семеновичу: «Посылаю тебе стихи, поднесенные мною Государю. Они ему очень понравились, и он приказал их напечатать. Дай Бог, голубчик мой сизой, чтоб мои предсказания исполнились» [{84}](#).

Граф П. А. Толстой, в то время командир Преображенского полка, был назначен командующим главной армии союзников. Предстояло наладить взаимодействие между прусскими и русскими войсками. П. А. Толстой поручил эту миссию М. С. Воронцову. После переговоров с прусским королем Михаил Семенович был прикомандирован к корпусу А. А. Беннигсена, который двигался к Варшаве. А навстречу этому корпусу шел Наполеон. Наполеон оказался проворнее, и 28 ноября 1806 года передовые части французской армии заняли столицу Польши.

После нескольких мелких стычек первое крупное сражение между русскими и французскими войсками произошло 14 декабря при Пултуске у реки Наревы.

Русскими войсками командовал Беннигсен, французскими маршал Ланн. Битва продолжалась с утра до вечера под непрерывным дождем со снегом. И хотя французы имели численное превосходство, победитель так и не определился.

Во время этого сражения лошадь под Михаилом Семеновичем упала и придавила ему ногу. Он попал в госпиталь и пролежал там шесть недель. За храбрость, проявленную в этом бою, М. С. Воронцов 12 января 1807 года был произведен в полковники. Вскоре в армию Беннигсена прибыли гвардейские полки. Воронцову было поручено командовать 1-м батальоном Преображенского полка. С этим батальоном он участвовал в сражениях при Гутштате 24 и 25 мая 1807 года.

В том, что эти сражения не завершились разгромом противника, Беннигсен обвинил генерала Ф. В. Сакена, и тот был предан суду. М. С. Воронцов, будучи членом этого суда, выступил в защиту Сакена, а на принятом судебном решении оставил свое особое мнение: «Полагаем, что генерал Сакен ни в чем по сему делу виновным не нашелся, и во всем, что доносит на него генерал Беннигсен, совершенно оправдался»^{85}.

Ввиду разногласия между судьями был образован совет из наиболее опытных генералов. Они признали Сакена виновным. Сакен был отправлен в отставку и 5 лет жил в Петербурге в крайней нужде. В 1812 году по высочайшему повелению следствие по его делу было прекращено, и он возвратился в армию. Александр I, узнав, как храбро воюет Сакен против французов, заявил, что чувствует себя виновным в том, что Сакен был оклеветан Беннигсеном. И повелел поздравить генерала с Андреевской лентой, то есть с орденом Св. Андрея Первозванного. Таким образом, двадцатипятилетний полковник М. С. Воронцов показал

себя во время суда более прозорливым и независимым, чем заслуженные генералы.

29 мая 1807 года М. С. Воронцов участвовал в ожесточенном рукопашном бою под Гейльсбергом, а 2 июля — в Фрид-ландском сражении. Из-за численного превосходства противника, а также из-за медлительности и грубых ошибок Беннигсена русские дивизии потерпели при Фридланде поражение. Французы заняли Кенигсберг, а в дальнейшем полностью вытеснили русских из Пруссии. Александр I вынужден был согласиться на мирные переговоры с Наполеоном.

Встреча Александра I и Наполеона состоялась 13 (25) июня 1807 года у города Тильзита. На середине Немана на плоту были установлены два павильона. Павильон побольше и богато украшенный предназначался для императоров, павильон поменьше — для их свиты. Александр I прибыл на переговоры в преображенском мундире и с Андреевской лентой через плечо, а Наполеон в мундире старой гвардии и с лентой Почетного легиона. М. С. Воронцов не одобрял переговоров России с Францией и поэтому сказался больным, чтобы не быть свидетелем этой встречи императоров.

Наполеон предложил Александру обосноваться в Тильзите — для удобства ведения переговоров. Город был разделен на две части — французскую и русскую. Кроме императоров и их приближенных, участников переговоров, в городе должны были находиться по одному батальону русской и французской гвардии, а также небольшие конные части для конвоя. Другим военным въезд в город был запрещен.

В Тильзите предстояло дежурить 1-му батальону Преображенского полка, которым командовал М. С. Воронцов. Михаил Семенович вынужден был подчиниться и оставаться в Тильзите все 12 дней

переговоров. Он каждый день видел Наполеона и присутствовал на смотрах французской гвардии и корпуса маршала Даву. А многие русские офицеры и генералы, чтобы попасть в Тильзит и хоть одним глазом увидеть Наполеона, вынуждены были переодеваться в гражданскую одежду. В военной форме их не пропустили бы.

Переговоры в Тильзите завершились подписанием 25 июня (7 июля) 1807 года мирного договора, отдельных секретных статей и наступательного и оборонительного союзного договора. Россия вынуждена была присоединиться к континентальной блокаде Англии. В числе противников мирных переговоров с Наполеоном был и С. Р. Воронцов. Когда гвардия будет возвращаться в Петербург, сановники, подписавшие Тильзитский договор, должны ехать на ослах, заявил он.

После завершения мирных переговоров в Тильзите состоялся парад. Перед Наполеоном и Александром I прошел 1-й батальон лейб-гвардии Преображенского полка под командованием полковника М. С. Воронцова, а за ним дивизии французской гвардии.

С возвращением в Петербург для Михаила Семеновича вновь начались плац-парады, смотры, дежурства. А в декабре 1807 года обычное течение его жизни было прервано трагическим событием. В его доме состоялись переговоры о трех дуэлях. Две из них удалось предотвратить, а третья, ближе всех касавшаяся Михаила Семеновича, состоялась. К нему обратился его старинный друг Д. В. Арсеньев с просьбой быть секундантом на его дуэли с графом Хрептовичем. Михаил Семенович согласился. Причиной дуэли была фрейлина Каролина Мариа фон Рене, с которой Арсеньев был помолвлен. Хрептович, сын богатого помещика, не считаясь с объявленной помолвкой, предложил руку невесте Арсеньева. Мать девушки, предпочтя более богатого претендента на руку дочери, посоветовала ей

отказать Арсеньеву. Арсеньев посчитал поведение Хрептовича непорядочным и вызвал его на дуэль.

На дуэли Д. В. Арсеньев был убит. Многие в Петербурге оплакивали его смерть и осуждали Хрептовича. В предсмертной записке Арсеньев перечислил тех, кому он остался должен. Долг Михаилу Семеновичу равнялся 180 червонцам и 150 рублям. Записка кончается словами: «Я ношу два кольца и один перстень. Секунданты мои возьмут их себе в знак моей дружбы и благодарности»^{86}. В приказе по полку было сказано, что Арсеньев погиб на охоте. А поэтому никто из участников дуэли не был ни повешен, ни даже как-то наказан, как это полагалось по закону. Император обещал заплатить долги Арсеньева и приказал провести похороны со всеми почестями, какие подобают почившему полковнику гвардии.

М. С. Воронцов и С. Н. Марин тяжело переживали смерть друга. Марин написал в связи с этим краткую эпитафию:

Ты душу грешную, о Боже! Ублажи
И горести ее за гроб не продолжи.

Весь 1808-й год Воронцов провел в Петербурге. В этом году произошло немаловажное для Михаила Семеновича событие. В Лондоне состоялось бракосочетание графини Екатерины Семеновны Воронцовой и пэра Герберта Георга Августа 11-го графа Пемброка и 8-го графа Монтгомери.

Годом раньше, когда была объявлена помолвка Екатерины Семеновны с Гербертом Георгом Августом, Семен Романович обратился с письмами к обеим российским императрицам. «Так как моя дочь, — писал он Марии Федоровне, — которой Ваше Императорское Величество всегда делали много добра, имеет счастье

быть фрейлиной, я обращаюсь к вам, Мадам, разрешить ей выйти замуж за англичанина, который просит ее руки». Далее Семен Романович рассказывал о достоинствах жениха: исключительная любезность Герберта Пемброка соединялась с безупречной нравственностью и высшей добродетельностью, король дружен с ним и испытывает к нему особое доверие^{87}. Мария Федоровна дала согласие на бракосочетание, но добавила, что лучше было бы Екатерине Семеновне выйти замуж за русского. Елизавета Алексеевна также не возражала против этого брака.

В то время союзы между российской аристократией и британским пэрством были исключительно редки. Первым был брак князя И. И. Барятинского с дочерью английского лорда в 1806 году. Вторым стал брак дочери С. Р. Воронцова с графом Пемброком.

Герберт был давним приятелем Семена Романовича. И это сыграло немалую роль в его сближении с Екатериной Семеновной и женитьбе на ней. Брак оказался возможен и благодаря большим заслугам Семена Романовича перед английской короной.

После бракосочетания дочери Семен Романович стал жить в Вильтоне, поместье зятя.

Глава VII

НАРВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

1806 год вошел в историю началом двух войн — войны коалиции европейских государств с Наполеоном, о которой рассказывалось выше, и очередной русско-турецкой войны. Турки решили воспользоваться участием России в европейской войне, чтобы добиться уступок от своего давнего противника и соперника в территориальных притязаниях в Черноморье. 30 сентября 1809 года полковник М. С. Воронцов был назначен командиром Нарвского пехотного полка, которому предстояло воевать с турками в составе Дунайской (Молдавской) армии.

По всей видимости, назначение Михаила Семеновича командиром Нарвского полка не было случайным. Этот полк в сражении под Аустерлицем «опозорился» — его знамена были захвачены неприятелем. Для поднятия в полку боевого духа требовался командир отменно храбрый и с сильной волей.

В середине ноября Михаил Семенович попрощался с Петербургом. С одной стороны, он радовался тому, что скоро снова очутится в привычной боевой обстановке. А с другой, ему было грустно расставаться с друзьями, число которых, по словам Н. М. Лонгинова, быстро росло по причине его редких душевных качеств.

На войну с турками пожелали отправиться еще несколько офицеров. Но из-за бедности они не могли приобрести необходимое обмундирование. И тогда Михаил Семенович обмундировал офицеров за свой счет, а их женам, остававшимся дома, назначил «приличное содержание».

Михаил Семенович взял с собой планы, карты и книги, относившиеся к истории Оттоманской Порты и к

военной истории вообще. Он стал собирать географические и топографические карты не из праздного любопытства. Прежде, когда война сводилась к отдельным сражениям, большой потребности в картах не было. Но с расширением военных операций, с проведением длительных рейдов по вражеской территории, подробные карты стали насущной необходимостью. А поэтому имевшимися у Михаила Семеновича картами пользовались в армии не только он сам и его сослуживцы-офицеры, но и командовавшие ими генералы.

9 августа 1809 года командующим Дунайской армией был назначен генерал от инфантерии князь П. И. Багратион. После одного из неудачных сражений он вынужден был снять блокаду турецкой крепости Силистрии и, отступая, перевести армию на левый берег Дуная. Багратиона стали винить в неумелом ведении военных действий. Обидевшись на критику, князь предложил назначить на его место более способного человека. Вопреки ожиданию Александр I не стал уговаривать Багратиона остаться командующим и передал армию Н. М. Каменскому, тридцатитрехлетнему генералу от инфантерии, герою только что закончившейся Русско-шведской войны (1808–1809). Под начальством этого талантливого полководца Дунайская армия одержала ряд значительных побед. М. С. Воронцов был участником многих из них.

Получив под командование Нарвский полк, Михаил Семенович наконец-то смог на практике осуществить свое представление о том, какими должны быть отношения офицеров между собой и отношение офицеров к нижним чинам. Он решил добиться, во-первых, чтобы для всех офицеров полка, как и для него самого, честь и бесстрашие были главными законами воинской службы. Во-вторых, он стал требовать от офицеров уважительного отношения к нижним чинам.

Он говорил, что унижение человеческого достоинства солдат постыдно. Высокий моральный дух солдат — вот что являлось, по мнению Михаила Семеновича, истинным залогом победы. В сущности, он был продолжателем суворовских традиций. В полку, напишет Михаил Семенович позже, «я шесть лет старался заводить дух благородный военный и ставил честь и храбрость выше всего»^[88].

Высокий моральный дух позволил Нарвскому полку одержать победу в сражении за Базарджик 22 мая 1810 года. После длительной артиллерийской подготовки начался стремительный штурм. Колонны, которыми командовали М. С. Воронцов, И. Ф. Паскевич и Э. Ф. Сен-При, первыми ворвались в крепость. 10-тысячный гарнизон крепости сдался.

В ознаменование победы всем участвовавшим в сражении генералам и офицерам были вручены особые золотые кресты, а солдаты получили серебряные медали. И кресты, и медали носились на Георгиевской ленте. Кроме того, 40 солдат Нарвского полка за взятие неприятельской батареи были награждены серебряным крестом Георгия^[2]. Сам Нарвский полк получил георгиевские знамена, а М. С. Воронцов, И. Ф. Паскевич и Э. Ф. Сен-При были произведены в генерал-майоры.

Вместе с Нарвским полком М. С. Воронцов участвовал в штурмах Варны и Шумлы, в битвах под Батином и Систовым, за что был пожалован особым рескриптом и орденом Св. Владимира 3-й степени.

В октябре 1810 года М. С. Воронцов во главе отряда из 3 тысяч пехотинцев и 1 тысячи верхоконных взял Плевну, Ловчу и Сельви, где уничтожил неприятельские укрепления и возвратился к армии с 9 турецкими пушками. За эти операции он был награжден орденом Св. Анны 1-й степени.

В конце года М. С. Воронцов заболел молдавской лихорадкой. Эта болезнь возобновлялась в течение его

жизни несколько раз. Когда Нарвский полк отправился на зимние квартиры, Михаил Семенович получил двухмесячный отпуск и уехал в Петербург. Он встретил здесь лестный прием двора, неоднократно приглашался на обеды и на вечера Александром I и вдовствующей императрицей Марией Федоровной. 12 января 1811 года он стал вместе с Елизаветой Алексеевной, супругой императора, воспреемником сына у своего родственника Полянского. В военном министерстве были удовлетворены все его пожелания, в частности — назначить к нему полковым командиром подполковника А. В. Богдановского, а адъютантом гвардии поручика Н. В. Арсеньева, брата его погибшего на дуэли друга.

Из Петербурга М. С. Воронцов отправился в Бухарест. Здесь находился командующий армией Н. М. Каменский, также заболевший молдавской лихорадкой. Состояние Каменского быстро ухудшалось. Его организм уже не принимал хину. Считалось, что больному поможет хорошее вино, и Михаил Семенович срочно отправил в свой полк курьера. У него в обозе были необходимые херес и портвейн. Врачи решили также, что больной нуждается в перемене климата, и его увезли в Одессу. Однако спасти командующего не удалось. 4 мая 1811 года Н. М. Каменский скончался. Ему было всего тридцать четыре года.

Из Бухареста М. С. Воронцов вернулся в свой полк. Воспользовавшись перерывом в военных действиях, он начал писать «Наставление господам офицерам Нарвского пехотного полка в день сражения». Начинается оно так: «Ежели полку или батальону будет приказано стоять на месте фронтом под неприятельскими ядрами, то начальник роты обязан быть впереди своей роты, замечать и запрещать строго, чтобы люди от ядер не нагибались; солдата, коего нельзя уговорить от сего стыдом, можно пристращать наказанием, ибо ничего нет стыднее, как когда команда

или полк кланяется всякому и мимо летящему ядру. Сам неприятель сие примечает и тем ободряется». И далее: «Когда фронтом идут на штыки, то ротным командирам должно также идти впереди своей роты с ружьем или саблей в руке и быть в полной надежде, что подчиненные, одушевленные таким примером, никогда не допустят одному ему ворваться во фронт неприятельский».

В «Наставлении» говорится и о том, какими должны быть отношения между офицерами и солдатами. «Офицер должен чувствовать в полной мере важность звания своего и что от него зависят поступки и поведение его подчиненных во время сражения. Когда офицер умел приобрести доверенность своих солдат, то в деле каждое слово его будет свято исполнено, и от него никогда люди не отстанут <...> В некоторых полках есть постыдное заведение, что офицеры и ротные командиры в мирное время строги и взыскательны, а в конце слабы и в команде своих подчиненных нерешительны. Нет ничего хуже таковых офицеров; они могут казаться хорошими на парадах, на учениях, но для настоящей службы их терпеть в полку не должно <...> чем больше офицер был в спокойное время справедлив и ласков, тем больше в войне подчиненные будут стараться оправдать сии поступки, и в глазах его один перед другим отличаться».

М. С. Воронцов считал, что офицерские звания не являются привилегией дворян. Главное отличие офицера — не происхождение, а храбрость на поле сражения. Поэтому одна из задач ротных командиров — поощрять храбрецов-солдат. «Господам офицерам, — пишет он, — особливо ротным командирам, в сражении крепко и прилежно замечать, кто из нижних чинов больше отличается храбростью, духом твердости и порядка, таковых долг есть вышнего начальства скорее производить в чины, ибо корпус офицеров всегда

выигрывает получением настояще храброго офицера, из какого рода бы он ни был»^{89}.

В «Наставлении господам офицерам» М. С. Воронцов развивал правила, сформулированные его отцом, С. Р. Воронцовым, в «Инструкции господам ротным командирам». Через полтора года «Наставление» было использовано П. И. Багратионом: немного переделанное М. С. Воронцовым и под названием «Наставление господам пехотным офицерам в день сражения» оно было разослано по всем воинским соединениям 2-й русской армии.

В марте 1811 года в связи с болезнью Н. М. Каменского Дунайскую армию возглавил генерал от инфантерии М. И. Голенищев-Кутузов.

М. С. Воронцов еще в январе 1811 года передал командование Нарвским полком А. В. Богдановскому. Поэтому сразу после назначения Кутузова командующим обратился к нему с просьбой «быть употребленным деятельно». Тот, не дожидаясь решения военного министерства, предложил Михаилу Семеновичу срочно прибыть к нему в ставку.

Главной задачей М. И. Кутузова было скорейшее завершение войны и заключение мирного договора с Турцией. Для этого он кардинальным образом изменил тактику ведения войны. При Каменском она заключалась только в захвате крепостей, их удержании и кордонном расположении войск. Кутузов же создал подвижные корпуса и перешел к активным боевым действиям.

Он решил вынудить визиря на наступление и покончить с турком в открытом поле и для этого прибегнул к уловке. Кутузов стянул значительные силы к крепости Руцук, которой владели русские. Он решил внушить визирю мысль, что русские слабы и будто бы боятся турок.

22 июля 1811 года русская армия одержала блистательную победу под Руцуком, хотя у турок было

60 тысяч воинов, а у Кутузова — 15 тысяч солдат и 114 орудий. Об этом сражении Кутузов доносил императору: «Поведение всех мне подведомственных начальников было таково, что я, ни в котором пункте всей моей позиции, не был в беспокойствии ни на одну минуту... Во всяком воине Вашего Императорского Величества видел я истинного русского и 22 июня (ст. ст.) будет навсегда доказательством того, что возможно малому числу, оживленному послушанием и храбростию, противу безчисленных толп неприятельских. — Господа генералы были мне совершенными помощниками; и я с сим вместе повергаю к стопам Вашего Величества имена отличившихся. — Всех офицеров, бывших со стрелками... представляю я к чинам, которые были и в большой опасности, и потому, что они из лучших офицеров в полку в должности сии назначаются».

За сражение под Рущуком М. С. Воронцов был удостоен высочайшего рескрипта, в котором говорилось, что, командуя с особенным искусством двумя каре и благоразумно распорядившись, он принудил неприятеля «ретироваться с потерей». Ему была пожалована украшенная алмазами золотая шпага с надписью «за храбрость». 7 сентября 1811 года, командуя двумя пехотными и казачьим полками, М. С. Воронцов отразил наступление превосходящих сил противника, обратив его в бегство. За эту победу ему был пожалован орден Св. Владимира большого креста 2-й степени.

В октябре М. И. Кутузов решил ускорить разгром турок и отправил к ним в тыл на правый берег Дуная особый отряд под командованием Воронцова, в который вошли два батальона Мингрельского, один 43 егерского полков и три эскадрона Чугуевского уланского полка. 8 октября отряд Воронцова соединился с отрядом графа Огурка и сербским отрядом воеводы Велько. С наступлением сумерек эти отряды по горным дорогам двинулись к Видино. Из-за трудностей ночного перехода

на равнину они вышли засветло. Турки, заметив противника, выслали из крепости разъезды.

М. С. Воронцов построил боевой порядок. В первой линии были три каре, а между ними сербская пехота. Во второй линии находились кавалерия, казаки и конные сербы. Несколько тысяч турок атаковали отряды Воронцова. Они были встречены картечью и ружейным огнем всей линии. Турецкая конница обошла русских с правого фланга. Но кавалерия отразила атаку, а Волынский гусарский полк и каре Охотского отряда dokonчили разгром противника.

Неприятель вывез из крепости Видино несколько орудий и поставил их на возвышенности. Открыв из пушек прицельный огонь, турецкая конница и пехота снова пошли в атаку. И снова турки потерпели поражение. Из 7 тысяч атаковавших около 500 человек были убиты и еще больше ранены. Была одержана полная победа.

М. И. Кутузову стало известно, что у деревни Васильевцы противник собрал значительные запасы продовольствия. М. С. Воронцов был снова послан за Дунай с отрядом из 8 рот гренадеров, 250 верховых и с 2 орудиями. 12 ноября отряд турок в 500 человек, защищавший склад, был разбит, и русские завладели продовольствием.

За храбрость и умелую организацию рейдов за Дунай М. С. Воронцов был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

Потерпев поражение, турки стали подумывать о мире с Россией. Наполеон, который готовился к нападению на Россию, был крайне заинтересован в продолжении Русско-турецкой войны и всячески пытался помешать заключению мирного договора, однако ему этого не удалось.

16 (28) мая 1812 года в Бухаресте между Россией и Оттоманской Портой был подписан договор, по которому

России отошли Бессарабия (40 тысяч кв. километров и 200 тысяч населения) и крепости Измаил, Килия, Хотин, Бендеры и Аккерман.

Заключение мира с турками за месяц до начала нашествия Наполеона на Россию имело очень важное значение. Можно было не думать о безопасности южных границ и использовать Дунайскую (Молдавскую) армию против нового, более опасного противника.

Несколько лет спустя М. С. Воронцов писал своему другу Арсению Андреевичу Закревскому, что он любит его душевно, ведь познакомились они «не в передних и не на вахт-параде, а там, где людей узнают и где связи основываются твердые, ибо начало оных взаимное уважение»^{90}. Не на вахт-параде, а на полях сражений познакомился и подружился М. С. Воронцов с А. Х. Бенкендорфом, П. С. Котляревским, И. Ф. Паскевичем, с Э. Ф. Сен-При, И. В. Сабанеевым. И в дальнейшем самыми верными друзьями М. С. Воронцова становились его боевые товарищи.

Глава VIII

ОТ БОРОДИНА ДО ПАРИЖА

В связи угрозой нападения Наполеона на Россию несколько частей Дунайской армии перевели ближе к западной границе. В марте 1812 года М. С. Воронцов был направлен во 2-ю армию П. И. Багратиона и назначен командиром 2-й сводной гренадерской дивизии. Как всегда, он уделил особое внимание подбору офицеров, ведь от этого зависел боевой дух солдат. Так, он писал А. А. Закревскому, бывшему в то время директором особой канцелярии при военном министре, что какой-то Мещерский просится в его полк. Но этот Мещерский пьяница и негодяй. Он его и знать не хочет. «Сделайте милость, любезный Арсений Андреевич, не принимайте никого ко мне без моего согласия. Вы мне отказали тех, коих я просил, по крайней мере, не давайте таких, которых я и знать имя не хочу»^{91}. Пройдет немного времени, и А. Х. Бенкендорф отметит, что лучше 2-й гренадерской дивизии М. С. Воронцова нет во всей армии. С мнением Бенкендорфа были согласны многие.

Далеко не все готовились к войне с таким же рвением. «Сердечно бы желал, — писал Закревский Михаилу Семеновичу, — чтобы вы побывали у нас и посмотрели по всем отношениям наши порядки и дела; после того, я уверен, вы бы при всем своем усердии кинули службу. Я, смотря на все, не надивлюсь, иногда с досады плачу. Никто не думает об отечестве, а всякий думает о себе; а станешь говорить правду, сердятся. Научите меня, что после этого остается делать. Видя все, я преждевременно могу вам сказать, что успеху нам не иметь ни в чем, ибо сами распоряжения то показывают. Больно о сем говорить; но никак не могу

умолчать перед вами по благорасположению вашему ко мне дружескому»^{92}.

12 июня 1812 года французские войска переправились по трем понтонным мостам через Неман и вторглись в пределы России. Наполеону противостояли 1-я русская армия под командованием военного министра М. Б. Барклая-де-Толли и 2-я армия под командованием князя П. И. Багратиона.

Вновь рядом с М. С. Воронцовым, были его боевые товарищи — И. Ф. Паскевич и Э. Ф. Сен-При. Генерал-майор Э. Ф. Сен-При стал начальником штаба в армии П. И. Багратиона, генерал-майор И. Ф. Паскевич получил в командование 26-ю дивизию. А дежурным генералом у Багратиона был давний друг Михаила Семеновича С. Н. Марин.

В начале войны, когда русские войска вынуждены были отступать, сводно-гренадерской дивизии М. С. Воронцова было поручено поддерживать в арьергарде казаков атамана М. И. Платова и генерала И. В. Васильчикова. «Мы имели несколько стычек с неприятелем, — вспоминал Михаил Семенович, — в которых наш арьергард неизменно брал верх, а французская, польская и вестфальская кавалерия несла огромные потери в людях, утрачивая былую славу и уверенность»^{93}. Особенно упорными были бои при Мире и при Романове. 11 июля дивизия Воронцова участвовала в сражении под Дашковым. Несмотря на отчаянное сопротивление, гренадеры уступили превосходящим силам противника. 4 августа дивизия участвовала в битве под Смоленском. 24 августа гренадеры Воронцова остановили французов у деревни Шевардино. Устроенный здесь редут трижды переходил из рук в руки. Был полностью истреблен один из французских батальонов. Но противник снова оказался сильнее, и дивизия вынуждена была отойти на главную позицию у села Бородино.

В Бородинском сражении 26 августа армия П. И. Багратиона занимала левый фланг. Гренадеров М. С. Воронцова командующий поставил на защиту Семеновских флешей. Рядом находилась 27-я дивизия генерал-майора Д. П. Неверовского. Дивизиям М. С. Воронцова и Д. П. Неверовского — 8000 человек при 50 орудиях — противостояли 7 пехотных и 8 кавалерийских французских дивизий. Их поддерживал огонь двухсот с лишним орудий. Семеновские флешки трижды подвергались атакам французов, которыми командовали маршалы Мюрат, Даву и Ней. Увидев, что один из редутов занят неприятелем, Михаил Семенович поднял батальон и повел в штыки. «Там я был ранен, а этот батальон почти уничтожен, — писал он впоследствии. — Было почти 8 часов утра, и мне выпала судьба быть первым в длинном списке генералов, выживших из строя в этот ужасный день»^{94}.

В Официальном извещении из русской армии от 27 августа говорилось: «Атака флешей была наисильнейшей и оборона их самой ожесточенной. Борьба за них продолжалась с 7 часов утра до 10 с беспримерным ожесточением и упорством. В этом кровавом бою во время штыковой атаки на врага был ранен генерал-майор гр. Воронцов. Главнокомандующий второй армии князь Багратион был ранен вскоре после того»^{95}.

Михаила Семеновича увезли с поля боя на телеге с подбитым колесом и наскоро прооперировали. В обозе находилась его коляска. В ней он и добрался до Москвы.

Там он узнал, что в больницах и в частных домах лежит много раненых офицеров и солдат. Увидев у своего дома в Немецкой слободе около сотни подвод, которые прибыли сюда из Андреевского за имуществом Воронцовых: библиотеками, картинами и другими ценностями, — Михаил Семенович распорядился погрузить на них раненых офицеров и солдат и отвезти

в имение. Богатства же решил оставить неприятелю. Эвакуацию раненых он поручил своим адъютантам Н. В. Арсеньеву и Д. В. Нарышкину. Кроме того, Арсеньев и Нарышкин должны были предлагать всем раненым, которые встретятся на Владимирской дороге, также направляться в Андреевское.

Михаил Семенович взял с собой и старых дворовых. Они жили на пенсию, которую получали от его отца. Не оставили врагу и около трехсот генеральских и офицерских лошадей.

Господский дом в Андреевском был превращен в госпиталь. Здесь жили генералы и офицеры — около 50 человек, в том числе Э. Ф. Сен-При, получивший в Бородинском сражении тяжелую контузию. Стол для генералов и офицеров был общим. Но любой желающий мог питаться в своей комнате.

Солдаты, более 300 человек, жили в деревне в крестьянских избах. За счет Воронцова они получали хлеб, мясо, овощи. Лечили раненых два доктора и несколько фельдшеров. Их услуги, медикаменты и перевязочные материалы оплачивались Воронцовым. Ежедневные траты достигали 800 рублей.

Слух о том, что в Андреевском устроен частный госпиталь, дошел до императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I. Императрица попросила передать Михаилу Семеновичу, что если ему или его раненым товарищам что-нибудь понадобится, то пусть он напишет ей, и она будет рада помочь ему.

Михаил Семенович старался успокоить отца, сообщая о своем ранении. Он уверял, что рана у него пушечная, что он уже ходит на костылях и может немного опираться на раненое левое бедро. «Ночь с 25-го на 26-е августа, проведенная нами на бивуаках, — писал он, — была очень холодная, и я был тепло одет; по счастью, шинель моя сбилась именно на том месте, в которое попала пуля, что и смягчило удар»^{96}.

Опасаясь, что французская кавалерия может нагрянуть и в имение, Михаил Семенович посвятил несколько дней просмотру огромного архива, который собирало несколько поколений Воронцовых. Он решил держать наиболее ценные документы при себе. Видимо, во время этого просмотра Михаил Семенович познакомился с воспоминаниями своего дяди, Александра Романовича.

День в Андреевском начинался с того, что Михаил Семенович посещал своих «гостей», справлялся об их самочувствии. Обязательно спрашивал, всем ли они довольны. После обеда и вечерами беседовали, читали, слушали музыку, играли в бильярд. Главной темой разговоров была, конечно, война. Многие винили в позорном отступлении и в добровольной сдаче Москвы М. Б. Баркляя-де-Толли. Вспоминали, как критиковали Баркляя П. И. Багратион, А. П. Ермолов, Н. Н. Раевский, Д. В. Давыдов, М. И. Платов, И. В. Васильчиков, братья Тушины. А кое-кто даже называл военного министра изменником.

В юности и А. С. Пушкин, как другие, осуждал тактику отступления. Но много-много лет спустя он написал о Барклае-де-Толли: «Его отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым: не только роптал народ ожесточенный и негодующий, но даже опытные воины горячо упрекали его и почти в глаза называли изменником. Барклай, не внушающий доверенности войску ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злоречием, но убежденный в самого себя, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом»^{97}. Он посвятит Барклаю-де-Толли стихотворение «Полководец».

М. С. Воронцов оказался прозорливее своих боевых товарищей. Он не был согласен с нападками на Барклай-де-Толли. Узнав, что Барклай-де-Толли хочет уйти в отставку, он написал А. А. Закревскому: «Михайло Богданович дурно делает, что просится в отставку; служба его нужна, первое, для государства, второе же, и для него самого. Разные трудные обстоятельства обратили на него от многих негодование. Это пройдет как все усмирится, и ему во многом отдадут справедливость. Выходя же в отставку, он делает то, что неприятели его желают, а прочим покажется еще больше виноватым». Его заслуга, считал Михаил Семенович, состояла в укомплектовании армии и в таком ходе войны, «который мог нас спасти и должен наконец погубить неприятеля»^{98}.

Это письмо было написано М. С. Воронцовым 22 сентября 1812 года. А днем раньше новый главнокомандующий русской армии М. И. Кутузов подписал приказ об увольнении М. Б. Барклай-де-Толли из армии — по его просьбе и в связи с болезнью.

Получив отставку, М. Б. Барклай-де-Толли отправился с верными ему офицерами во Владимир и прожил там, недалеко от Андреевского, несколько дней. А. А. Закревский также остался с бывшим командующим и, конечно, познакомил его с письмом М. С. Воронцова.

Оправившиеся после ранений офицеры и солдаты покидали Андреевское. Калеки расходились по домам, остальные возвращались в армию. Каждый выздоровевший солдат получал от Воронцова белье, обувь, тулуп и 10 рублей. Получали материальную поддержку и малоимущие офицеры.

Вскоре за помощью обратился к Михаилу Семеновичу и его друг С. Н. Марин. «Пожалуйста, Мишель, — писал он, — пришли мне рубашек и платьев; меня обворовали, и я теперь без одежды». И через неделю: «Если у тебя

есть деньги, то пришли, пожалуйста, с верным человеком: я обеднел; надо теперь думать и о конях и о себе»^{99}. Помощь, конечно, последовала незамедлительно.

После того как французы вошли в Москву, В. А. Жуковский написал известное стихотворение «Певец во стане русских воинов», в котором прославлял многих русских полководцев. М. С. Воронцову в стихотворении были посвящены всего две строчки:

Хвала, отважный Воронцов,
Младой, но духом зрелый.

Но когда Жуковский узнал подробности Бородинского сражения, то в новой редакции стихотворения эти две строчки превратились в двадцать четыре:

Наш твердый Воронцов, хвала!
О други, сколь смутилась
Вся рать славян, когда стрела
В бесстрашного вонзилась;
Когда пол мертв, окровавлен,
С потухшими очами
Он на щите был изнесен
За ратный строй друзьями
Смотрите... язвой роковой
К постеле пригвожденный,
Он страждет, братскою толпой
Увечных окруженный.
Ему возглавье — бранный щит;
Незыблемый в мученье,
Он с ясным взором говорит:
«Друзья, бедам презренье!»
И в их сердцах героя речь

Веселье пробуждает,
И, оживясь, до полы меч
Рука их обнажает.
Спеши ж, о витязь наш! воспрянь;
Уж ангел истребленья
Горе подъял ужасну длань,
И близок час отмщенья^{100}.

Если А. П. Ермолову, Н. Н. Раевскому, М. А. Милорадовичу, Д. С. Дохтурову и другим полководцам в новой редакции стихотворения по-прежнему посвящалось несколько строчек, то рассказ о Воронцове стал теперь самым большим и содержательным.

За Бородинское и другие сражения М. С. Воронцову был пожалован орден Св. Анны с бриллиантами. «Список наград, который ваше сиятельство при сем найдете, — писал Н. М. Лонгинов С. Р. Воронцову в Лондон, — не заслуживает пояснений. Он возбудил всеобщее негодование. Если уже дают награды, которых никто не просит за эту войну, то нужно соблюдать известное соотношение, меру и самую строгую справедливость. Вместо того возбуждают только недовольство, вполне, впрочем, справедливое, и я могу уверить вас, что орден Св. Анны с брильянтами, данный графу Михаилу, возмутил всех»^{101}. Генерал Н. Н. Раевский посчитал, что многие награды и повышения даются случайно. Перечислив награжденных военачальников, он отметил, что «граф Воронцов по-прежнему генерал-майор»^{102}. Кстати, генерал-майор Д. П. Неверовский, сражавшийся рядом с М. С. Воронцовым, уже в октябре 1812 года получил звание генерал-лейтенанта.

За свой подвиг в Бородинском сражении Михаил Семенович, несомненно, заслужил боевой орден Св. Георгия, но не получил его потому, что у него было

немало недоброжелателей среди чиновников военного ведомства и в окружении Александра I.

Интриги в армии, как и в обществе в целом, существовали всегда. К сожалению, Отечественная война 1812 года усугубила этот порок. Генералы и высшие офицеры разделились на враждующие группировки. Одни рвались в гущу сражений, а другие, интригуя против первых, предпочитали отсиживаться в тылу, поближе к высокому начальству, раздававшему чины и награды. В письме Ф. В. Ростопчина Михаилу Семеновичу читаем: «Но беда, что армия, где должен быть один дух и одна душа, обратилась в дворцовую переднюю, где все копаются, мараются и выхваляют себя. Если бы всякий думал об отечестве, то бы злодей рода человеческого давно был бы истреблен единою Россиею»^{103}.

А. А. Закревский уговаривал Воронцова ехать после выздоровления не в главную армию, а в Молдавскую^{104}. Там, вдали от столиц, интриганов было меньше. М. С. Воронцов тяжело переживал несправедливое отношение к себе чиновников военного ведомства, но последовать этому совету ему не позволяло чувство собственного достоинства. Залечив рану, он сразу же отправился в действующую армию.

25 декабря 1812 года в Петербурге было принято решение преследовать противника за пределами России. Начался первый заграничный поход русской армии.

М. С. Воронцов снова оказался в гуще событий. 7 января 1813 года его авангардный отряд был в деле у Бромберга. 29 января разбил поляков у местечка Рогозна. 30 января участвовал в битве за Познань. За взятие Познани и другие победы 8 февраля М. С. Воронцову наконец-то присвоили звание генерал-лейтенанта и доверили командование корпусом.

М. И. Кутузов лично сообщил С. Р. Воронцову об успехах его сына: «Генерал лейт. граф Михаила

Семенович командует корпусом и имеет все случаи показать, что он есть и будет для России»^{105}. На что Семен Романович ответил М. И. Кутузову: «Счастливы вы, что, паки служа под командою вашей светлости, находитесь в наилучшей школе для приобретения знания в военном искусстве, которые нужнее и мудрее всех, ибо от знания или незнания оного сохраняются или погибают наивеличайшие государства»^{106}.

Между тем М. С. Воронцов стал в армии так популярен, что многие офицеры захотели иметь его портрет. Несколько десятков гравированных портретов Михаила Семеновича было изготовлено по рисунку, который хранился у С. Н. Марина.

Успел ли увидеть это изображение сам Марин? 21 декабря 1812 года он написал Михаилу Семеновичу: «До свидания друг и командир. Помни, что нас осталось двое, как ты говорил в письме своем после смерти бедного Арсеньева, помни и люби Марина»^{107}. Это послание Сергея Никифоровича оказалось последним. Свидеться друзьям больше не пришлось. По именному повелению Александра I от 11 октября 1812 года С. Н. Марину было разрешено отправиться на лечение в Петербург. Лечение не помогло. Сергей Никифорович скончался 9 февраля 1813 года, не дожив до 37 лет. Смерть, видимо, ускорила пулю, которая осталась в теле Марина после ранения под Аустерлицем.

Н. М. Лонгинов написал С. Р. Воронцову в Лондон: «Посылаю вашему сиятельству последние стихи покойного Марина. Вы найдете изображения поразительные, верные и удивительно язвительные <... > Какая утрата для словесности и общества, а также для друзей в лице этого несчастного Марина, честного человека и настоящего друга своих друзей. Граф Михаил любил его сердечно, а я был связан с ним тесными узами с самого моего возвращения в Россию. Его только что произвели в генерал-майоры и пожаловали ему

Владимира 3-й степени; но он даже не получил удовлетворения узнать о счастливом повороте своей судьбы после казавшегося забвения, которое огорчало его, и после всех трудов, понесенных им в должности свитского генерала при армии князя Багратиона в течение всей кампании». И далее: «Умоляю ваше сиятельство не давать списков с этого произведения, ибо оно могло бы повредить его памяти. Только под этим условием получил и я этот список от одного его друга, единственного обладателя стихов, потому что Марин не хотел давать ему списка, и этот друг узнал от него самого, что тот хотел сообщить письменно стихи только графу Михаилу и мне. Он охотно читал их вслух, когда хотел забавить друзей»^{108}.

16 апреля 1813 года в небольшом силезском городке Бунцлау скончался генерал-фельдмаршал, светлейший князь Смоленский М. И. Кутузов. В мае главнокомандующим русско-прусскими войсками был назначен М. Б. Барк-лай-де-Толли.

В августе 1813 года в войну с Наполеоном вступила Австрия. После этого было образовано три армии союзников — Главная, Силезская и Северная. М. С. Воронцов был направлен в Северную армию, которой командовал шведский крон-принц Бернадот. В русском отряде этой армии он оказался в подчинении у Винценгероде.

В армии Винценгероде не уважали, но он ходил в любимчиках у государя. По словам Н. Н. Раевского, «Винц<енгеро-де> получил Св. Георгия 2 ст. и пользуется доверием у Императора, не пользуясь оным ни у кого в армии. Это все от двора. Связи и интриги делают все, заслуги — очень мало»^{109}. Н. М. Лонгинов писал С. Р. Воронцову, что ему «очень тягостно видеть графа Михаила под начальством этого проходимца» (имея в виду Винценгероде), что «не только генералы,

но и самые мелкие офицеры громко ропщут на него»^{110}.

Винценгероде не заслужил уважения и у крон-принца Бернадота. Крон-принц писал Александру I, что чем больше он узнает графа Воронцова, тем более убеждается, что тот не на своем месте, что он достоин командовать самостоятельно, а не оставаться под началом у Винценгероде. Кронпринц попросил императора повысить Воронцова. Это повышение, подчеркнул он, необходимо «как для Воронцова, так и для командуемой им армии». Если Воронцов получит возможность действовать самостоятельно, то он, Бернадот, сможет лучше использовать русский корпус^{111}. Но и после письма крон-принца положение Михаила Семеновича не изменилось, он остался в подчинении у Винценгероде.

4 октября под Лейпцигом началось сражение, которое вошло в историю под названием «битвы народов». Продолжалось оно до 7 октября. М. С. Воронцов чуть не попал в плен к французским кирасирам. 7 октября он одним из первых ворвался в город во главе полка стрелков. Преследуя противника, Михаил Семенович оторвался от своих и едва не поплатился свободой. Наградой ему за храбрость, проявленную в этом сражении, стал орден Св. Александра Невского.

В конце года на театре военных действий наступило временное затишье. Воспользовавшись этим, М. С. Воронцов и И. Ф. Паскевич встретились под Тамбургом и провели несколько дней вместе. Поговорили о последних боях, а затем стали обсуждать необходимость установления в армии правил, которые ограничили бы произвол офицеров по отношению к нижним чинам. Впоследствии М. С. Воронцов четко сформулирует эти правила и станет претворять их в жизнь. И. Ф. Паскевичу же осуществить это не удалось.

Трудность установления в армии новых отношений между командирами и подчиненными он объяснял сильным противодействием сторонников «акробатства» и муштры. Среди последних был и император Александр I.

В начале 1814 года дивизия М. С. Воронцова воевала в составе армии шведского крон-принца на территории Дании. Затем вместе с войсками союзников двинулась на французскую столицу. В первой половине февраля 12-я пехотная дивизия Воронцова заняла французский город Регель. Обращаясь к жителям города, Михаил Семенович сказал, что русские воины сделают все возможное, чтобы уменьшить беды населения. От французов он потребовал подчинения его распоряжениям и сохранения спокойствия. Позже жители Регеля и Вуазье преподнесли М. С. Воронцову золотые медали за спасение их от разорения.

23 февраля 1814 года произошла ожесточенная битва при Краоне. Войскам союзников противостояла превосходящая их по численности французская армия, которой командовал сам Наполеон. Корпус Воронцова находился под командованием прусского фельдмаршала Блюхера. Кавалерией этого корпуса командовал А. Х. Бенкендорф.

Сражение началось рано утром. Французы сосредоточили в одном месте до ста орудий и расстреливали войско М. С. Воронцова. Русские колонны стояли слишком близко друг от друга и несли большие потери. Наполеон, решив, что корпус Воронцова достаточно ослаблен, приказал начать атаку. Но французы натолкнулись на отчаянное сопротивление русских. На одном участке им противостояла кавалерия Бенкендорфа, на другом — егерские полки, которые пошли в штыки и заставили французов отступить в лес.

Наполеон приказал возобновить наступление. Французские дивизии добились некоторого успеха, но не

могли устоять перед новыми штыковыми атаками. Полки противника, сгрудившиеся в овраге, понесли большие потери от действия русских батарей.

В два часа пополудни Блюхер приказал начать отступление. Воронцов, удерживавший позицию около 5 часов, ответил, что оборона на месте менее опасна, чем отступление при вероятных атаках многочисленной неприятельской кавалерии. Последовал новый приказ отступать. Исполняя распоряжение, Воронцов отправил в тыл 22 подбитых орудия и раненых, а затем построил пехоту в каре и велел им отступать шагом, в шахматном порядке.

Генерал-майор Понсет, раненный годом раньше, командовал своими полками, опираясь на костыли. Получив приказ отступать, он воскликнул: «Умру, но не отойду ни на шаг». Командир первой линии генерал-майор Вуич сказал ему: «Ежели Вашему Превосходительству угодно умереть здесь, то можете располагать собою, но бригаде приказано отступать»^{112}. Армии нужны были живые солдаты, а не мертвые, пожертвовавшие собой без особой пользы.

По свидетельству очевидцев, М. С. Воронцов, несмотря на сильный ушиб ноги, постоянно был в гуще сражения. Своим бесстрашием он поддерживал боевой дух солдат, и те бились как герои. С. И. Маевский, командовавший в сражении 13-м егерским полком, вспоминал впоследствии: «Где больше опасность, где больше огонь, там, конечно, был уже и граф Воронцов... Конечно, надобно отдать здесь всю справедливость графу Воронцову, который из всей своей свиты остался цел только один. Судьба сохранила его для великого»^{113}. Михаил Семенович остался невредим, но его шинель была прострелена несколькими пулями, а лошадь под ним ранена. Судьба действительно сохранила его для великого.

В сражении под Краоном обе стороны понесли значительные потери. Корпус Воронцова потерял около 5 тысяч человек — 1,5 тысячи убитыми и более 3 тысяч ранеными. Французы потеряли 8 тысяч человек. У них было ранено несколько генералов. А в одном из французских полков из 33 офицеров осталось трое.

«Правда, поле битвы осталось за французами, — писал французский историк. — Но приняв во внимание необычайные жертвы, которых оно им стоило, и обстоятельства, побудившие графа Воронцова против воли его к отступлению, нельзя не сознаться, что русские приобрели в сей день столько же славы, сколько и противник их»^{114}. Напомним, что у Наполеона было численное превосходство перед корпусом М. С. Воронцова.

В рапорте М. С. Воронцова об этом сражении говорится: «В жестоком деле под Краоном 15.000 наших войск, сопротивляясь целый день против всех сил Наполеона, не уступили ему ни шагу, покамест не велено было отступить, и при отступлении, несмотря на превосходство его кавалерии, ни один батальон не был расстроен, ни одна пушка, ни один даже ящик не был оставлен. Потеря наша велика и простирается до 3500 человек, но как ни горестно лишиться столь великой части храбрых людей, некоторым утешением должно служить то, что все сии пали со славой, сражаясь против втрое сильнейшего неприятеля, в плен же, кроме самых тяжелых раненых, никто не попался»^{115}.

По мнению М. П. Щербинина, автора первой биографии М. С. Воронцова, под Краоном была упущена возможность полного разгрома Наполеона. «Краонское сражение, как и Бородинский бой, — пишет он, — навсегда останется знаменитым подвигом русского оружия и украшением боевой службы графа Воронцова. Подобно Ватерлоо, Краон мог быть последним днем поприща Наполеона, если б в то время, как он напирал

на позиции русских с фронта и флангов, Винценгероде, Клейст и Бюлов могли ударить в тыл французов; но Блюхер упустил случай одержать над Наполеоном решительную победу»^{116}.

Винценгероде, интриговавший против М. С. Воронцова, старался принизить значение Краонской битвы и роль в ней Михаила Семеновича. Его поддержал в этом бесславном деле С. Г. Волконский, будущий декабрист. Волконский, служивший в штабе Винценгероде, наговаривал на Воронцова, во-первых, из личной преданности своему начальнику, и, во-вторых, из ревности к растущей в армии популярности Михаила Семеновича.

Несмотря на интриги завистников, М. С. Воронцов был награжден за Краон орденом Св. Георгия 2-й степени большого креста. Он представил список своих сослуживцев, отличившихся в последних сражениях, чтобы они были отмечены чинами и наградами. Однако ждать пришлось долго. Михаил Семенович говорил с возмущением, что его представления о наградах все еще не удовлетворены, а в это время награды и чины получают те, кто и ядра не слыхивал. Герои Краона получили заслуженные награды с большим опозданием.

С каждым днем армии союзников приближались к Парижу. Но парижане не особенно волновались. Они были уверены, что Наполеон обязательно придет на защиту своей столицы. Однако вместо императора к Парижу подошли потрепанные войска маршалов Мармона и Мортье. А вслед за ними к Парижу пришли и армии союзников. Зарево их биваков освещало столицу Франции с севера и востока.

Сил для защиты Парижа было явно недостаточно — 28 тысяч пехоты, более 5 тысяч сабель и около 6 тысяч национальной стражи против почти стотысячной армии союзников. Однако французы первыми атаковали

позиции противника. Ведь лучшая оборона — это нападение.

18 марта произошло решающее сражение, длившееся 6 часов. В этом сражении в подчинении у М. С. Воронцова было 12 тысяч пехотинцев. 13-й и 14-й егерские полки в парадной форме, с барабанным боем, с музыкой и песельниками без выстрела пошли в штыковую атаку и вместе с солдатами из другого полка овладели батареей у предместья Ла-Виллет.

На другом участке, у предместья Бельвиль, после отхода французов русские установили на высокой горе пушки и нацелили их на Париж. Французы вынуждены были согласиться на мирные переговоры. Повлияло на их решение, видимо, и то, что солдаты А. П. Ермолова успели сделать из пушек несколько выстрелов по кварталам города.

После того как корпуса генерал-лейтенанта Паскевича, генерал-майора Писарева и графа Ланжерона^[3] с боя взяли Монмартр, сражение за Париж завершилось. Монмартр был взят.

Французы капитулировали. Условия капитуляции были для них достаточно благоприятными. Победители не стали унижать побежденных. Из-за несогласованности действий союзников их потери вдвое превысили потери защитников французской столицы. Они потеряли под Парижем убитыми и ранеными около 8 тысяч человек. Потери русской армии оказались наибольшими — 100 офицеров и 6 тысяч нижних чинов. Войска А. Ф. Ланжерона и М. С. Воронцова потеряли полторы тысячи человек.

Александр I, встретившись после победы с М. Б. Барк-лаем-де-Толли, крикнул ему: «Михаил Богданович, поздравляю вас фельдмаршалом!» В приказе о присвоении звания генерал-фельдмаршала император поставил рядом с именем главнокомандующего и имя своего любимчика

А. А. Аракчеева. Но Аракчеев, опасаясь быть осмеянным, отказался от столь высокой оценки его незначительной роли в этой войне. Тогда Александр Павлович решил пожаловать Александру Андреевичу свой портрет для ношения в петлице. Портрет Аракчеев принять согласился, но попросил, чтобы он был без алмазного украшения. Многие генералы и офицеры были награждены орденом Св. Георгия разных степеней. А. П. Ермолов получил Георгия 2-й степени. М. С. Воронцову была вручена лишь медаль «За взятие Парижа».

19 марта в 10 часов утра Александр I и другие величества и высочества верхом на конях отправились в Париж. С ними шли русские гвардейские полки, гренадерский корпус, три кирасирские дивизии, часть артиллерии, прусская гвардия, австрийские гренадеры, корпус баварцев, корпус виртембергцев и баденская гвардия — те войска, которые сражались под Парижем.

Открываются ворота Парижа. Марш по улицам столицы открыли несколько кавалерийских эскадронов и гвардейские казаки. За ними следовали их величества, многочисленная свита, прославленные генералы. Окраины города огласили звуки военной музыки. Русские гвардейцы шли, распевая «Марш Преображенского полка», сочиненный С. Н. Мариним.

Пехота шла по 30 человек, а конница по 15 всадников в ряду. Парижане теснились на улицах, в окнах домов и даже на крышах. Глядя на разряженную публику, можно было подумать, что народ собрался погулять на празднике, а не для того, чтобы присутствовать при вступлении в их столицу неприятельских войск.

Французские газетчики в угоду Наполеону представляли русских воинов грубыми варварами, татарами, людоедами. Каково же было удивление парижан, когда они увидели пышащих здоровьем солдат

в красивых мундирах и с отменной выправкой. А русские офицеры буквально покорили их остроумием и прекрасным знанием французского языка.

Со всех сторон раздавались крики: «Да здравствует император Александр!» «Да здравствует мир!» — отвечал парижанам Александр Павлович. «Мы уже давно ждали прибытия Вашего Величества», — сказал императору один француз. Александр I ответил галантно: «Я бы ранее к вам прибыл, но меня задержала храбрость ваших войск».

В то время Елисейские Поля представляли собой зеленый, хорошо расчищенный и сбереженный луг, окаймленный небольшим лесочком. Луг пересекала аллея. На этой аллее и состоялся парад войск союзников. Длился он более четырех часов. Принимали парад Александр I и другие высокопоставленные лица.

Наступил вечер. Союзные войска получили приказ не занимать квартиры парижан, чтобы не стеснить их и не доставить неудобства. Биваки устроили на площадях города. Особенно много палаток было на Елисейских Полях.

На следующий день победители знакомились с Парижем: кто пешком, кто верхом, кто в кабриолетах или фиакрах. Смельчаки купались в Сене. Многие устремились в Пале Рояль. Рестораны заполнили сотни офицеров. Многие из них французским деликатесам предпочли рулетку, банк и другие не менее азартные игры.

Вечером в Гранд Опера должны были давать «Торжество Трояна». Но Александр I, не желая лишний раз напомнить французам об их поражении, попросил играть нейтральную «Весталку».

Губернатором Парижа был назначен генерал Ф. В. Сакен. Своей деликатностью и распорядительностью он быстро завоевал расположение

горожан. Через 12 лет, в день коронации Николая I, он станет генерал-фельдмаршалом.

М. С. Воронцов, как и другие, был опьянен радостью победы. Он наслаждался всем, чем был богат Париж — оперой, балетом, спектаклями, живописью. Но за удовольствиями он не забывал и о практических делах. Он начал изучать стенографию, знакомится с новинкой педагогики — ланкастерской системой взаимного обучения.

В пятом номере «Военного сборника» за 1901 год рассказывается, что во время пребывания в Париже М. С. Воронцов заказал художнику-акварелисту Георгу Опицу рисунок «Казачи в Париже в 1814 году». В письменном договоре с художником указывалось, что люди и окружающая их обстановка должны быть исполнены с натуры. В «Сборнике» приводится этот рисунок. На нем изображены два улыбающихся казака в окружении парижанок^{117}.

В «Сборнике» говорится об одном рисунке. Однако в настоящее время в разных музеях насчитывается около сорока рисунков Г. Опица, посвященных пребыванию казаков в Париже. Некоторые из этих рисунков можно увидеть в юбилейном издании «1812-1912. Отечественная война и русское общество» (М. 1912. Т. VI) и в журнале «Родина» (2002, № 8).

Не вся ли эта серия была выполнена по заказу М. С. Воронцова? Или, может быть, заказчиков было несколько? И не исполнил ли Г. Опиц часть рисунков не по заказу, а по собственной инициативе для продажи? Ответов на эти вопросы пока нет. Но вполне очевидно, что без инициативы М. С. Воронцова рисунки, имеющие историческую ценность, не появились бы.

Глава IX

ОТ ПАРИЖА ДО ВЕРТЮ

К 1814 году самыми популярными генералами в русской армии считались М. С. Воронцов и А. П. Ермолов. А. А. Аракчеев, ставший к этому времени правой рукой Александра I, готов был биться с Ермоловым об заклад, что тот будет назначен военным министром. Вскоре Аракчеев обратился к императору с такими словами: «Армия наша, изнуренная продолжительными войнами, нуждается в хорошем военном министре: я могу указать Вашему Величеству на двух генералов, кои могли бы в особенности занять это место с большою пользою: графа Воронцова и Ермолова. Назначением первого, имеющего большие связи и богатства, всегда любезного и приятного в обществе и не лишённого деятельности и тонкого ума, возрадовались бы все; но Ваше Величество вскоре усмотрели бы в нем недостаток энергии и бережливости, какие нам, в настоящее время, необходимы. Назначение Ермолова было бы для многих весьма неприятно, потому что он начнет с того, что передерется со всеми, но его деятельность, ум, твердость характера, бескорыстие и бережливость его бы вполне впоследствии оправдали»^{118}. Как видим, с одной стороны, Аракчеев рекомендовал Воронцова и Ермолова на место военного министра, а с другой, наговаривая на них, подводил императора к мысли о том, что ни первый, ни второй военным министром быть не может. Вместо должности военного министра А. П. Ермолов получил вскоре корпус, а М. С. Воронцов был назначен командиром входившей в этот корпус 12-й дивизии. В составе этой дивизии был и Нарвский пехотный полк.

Корпус Ермолова должен был дислоцироваться на территории Польши. Прежде чем отправиться на новое место службы, М. С. Воронцов взял отпуск. Сначала он побывал в Петербурге, а потом поехал в Англию к отцу.

После отпуска, в начале 1815 года, М. С. Воронцов по пути из Лондона в свою дивизию остановился на некоторое время у А. П. Ермолова в Варшаве. «У нас в Варшаве славно: всякий день бал и праздники не хуже ваших Венских, — писал Михаил Семенович генералу Огурку, — даже Сабанеев танцует кадрили»^{119}. Служебные отношения М. С. Воронцова и А. П. Ермолова вскоре переросли в настоящую дружбу. У них оказалось много общего. Алексей Петрович видел в Михаиле Семеновиче не подчиненного, а равного себе. Он называл его любезным товарищем и братом, чудеснейшим, редчайшим из людей.

В письме к С. Р. Воронцову Н. М. Лонгинов характеризовал Ермолова как достойнейшего человека, обладающего редким умом и образованием, истинно русского, горячо любящего свою родину. «Два брата не могут быть теснее связаны дружбою и доверием, нежели он и граф Михаил, — писал Лонгинов, — и эта близость доставляет счастье обоим»^{120}.

В марте М. С. Воронцов прибыл в Калиш, где квартировала его дивизия. Как прежде в Нарвском полку, он уделял особое внимание воспитанию в своих подчиненных «благородного воинского духа», а от трусов и бездарей старался избавиться. Так, например, он написал начальнику главного штаба Ивану Васильевичу Сабанееву, своему боевому товарищу: «Свечин руками и ногами просится в отпуск <...> Позвольте ему ехать, Бога ради. Неужто я бы о сем просил, ежели бы не знал, что присутствие его в дивизии не только не нужно, но вредно? <...> Что может быть лучше и счастливее для армии, как избавиться от дряни в генеральских чинах?»^{121}.

«Я теперь видел все полки свои, — писал Михаил Семенович Сабанееву неделей позже, — и еще всякий день смотрю и понемножку учу по-своему <...> Ежели не будет войны, займусь ею <дивизией>серьезно и надеюсь, что в год или два она еще больше будет похожа на то, что я полагаю в военной службе совершенством»^{122}.

Свое понимание совершенства в военной службе М. С. Воронцов сформулировал в документе, названном им «Правила для обхождения с нижними чинами 12-й пехотной дивизии». А чтобы его не обвинили в самоуправстве, подчеркнул, что целью его «Правил» является «лучшее исполнение воли Всемилостивейшего Государя».

В то время офицерам не возбранялось наказывать своих подчиненных по собственному разумению. Более того, чем грубее был офицер, чем жестче требовал он от солдат беспрекословного подчинения, чем чаще прибегал к кулаку и палкам, тем выше ценился начальством. Но в Отечественной войне 1812 года и в заграничных походах русской армии 1813-1814 годов нижние чины проявили не меньший героизм и самопожертвование, чем офицеры. К ним, истинным героям, нельзя было относиться по старинке. Новым отношениям между офицерами и нижними чинами должны были соответствовать новые правила.

В армии, пишет Михаил Семенович в «Правилах», накоплен полезный опыт в управлении войском. Новое в управлении — это утверждающиеся новые отношения между командирами и нижними чинами, основанные на благородстве и амбиции, на чувстве чести, и связанные с этими отношениями новые правила. Как настоящая вина никогда не должна оставаться без должного и законного взыскания, так всякое самовольное и безвинное наказание, унижающее только дух солдата, не исправляя его нимало, должно быть искоренено.

В роте никакое лицо, кроме командира, не имеет права наказывать нижних чинов ни одним ударом. А ротный командир, наказывая за пьянство, за потерю или порчу амуниции, за ссору с хозяевами квартиры, не мог превысить сорока ударов. (Вспомним, что о наказании в 40 ударов писал и отец Михаила Семеновича в «Инструкции ротным командирам», о которой рассказывалось выше.) Большая вина — грубость к старшим, кража, разбой — подлежала расследованию комиссией из трех офицеров, а наказание определялось не ротным, а полковым командиром.

Солдаты, которые ни разу не подвергались телесному наказанию, более чувствительны к амбиции, к своей чести. А поэтому обращаться с ними надо осторожно, наказывать не в роте, а в полку. А тех солдат, кто имеет знаки военного отличия, вообще следует освободить от телесных наказаний. Сначала они должны быть лишены по суду этих знаков отличия.

За малую вину необходимо применять не телесные наказания, а штрафы — сажать под караул, лишать винной порции, одевать для смеху на выворот одежду, прикреплять к одежде или шапке бумажку с надписью, что такой-то пьян, ленив, неряха. Наказание, превышающее 100 ударов, и прогон виновного сквозь строй, может назначить только бригадный командир. При этом наказание не должно превышать 1000 ударов, а при экзекуции должен присутствовать лекарь, чтобы наказание не оказалось опасным для виновного. Пьяных нельзя наказывать пока они не протрезвеют под строгим караулом.

Прежде, отмечается в «Правилах», существовал гнусный и варварский обычай добиваться признания вины истязанием. От этого «не только что невинный мог быть наказан, но еще для спасения себя от мучения мог и всклепать на себя вину, к коей не был причастен». Этот «как божеским, так и человеческим законам

противный обычай, есть не что иное, как пытка, одним варварам приличная». Если кто-то из офицеров прибегнет к истязанию, то должен быть предан военному суду.

На учении и за учение не должно быть ни одного удара. Ошибки, непонимание происходят от нерасторопности солдата или от страха. Наказанием эти причины лишь умножаются, «а исправляются терпением и ласковым обхождением, ободряющим солдата, особливо рекрута». Нужно опираться на амбицию солдат, а не на беспрестанные наказания. «Всякий благородно мыслящий офицер всегда захочет скорее быть отцом и другом своих подчиненных, нежели их тираном».

Михаил Семенович понимал, что не все офицеры согласятся следовать его правилам. Поэтому он обещал постараться, «чтобы они выгодно и без всякой для них потери переведены были в другую дивизию».

«Так как уже в том есть унижение, когда кто командует людьми униженными, так ничего нет лестнее и приятнее, как начальствовать людьми, движимыми чувствами благородными. Все такие офицеры почтутся мною за настоящих командиров, товарищей и друзей»^{123}, — писал М. С. Воронцов.

Необходимо отметить, что сам Михаил Семенович всегда относился к подчиненным ему офицерам как к товарищам. От тех же, кто не обладал ни благородством, ни чувством чести, он старался избавиться.

В добавление к «Правилам» Михаил Семенович написал еще один документ — «Наставления, данные графом М. С. Воронцовым гг. офицерам 12-й пехотной дивизии». В нем говорится о том, какими должны быть сами офицеры.

«Гг. офицеры должны знать долг свой и чувствовать всю важность своего звания, их-то есть неременная

обязанность не только во всех случаях подавать пример повиновения, терпения, веселого духа и неустрашимости, но внушать и вкоренять те же качества, те же чувства в своих подчиненных. Мало, ежели офицер сам не боится, а команда его не имеет равной с ним твердости; у истинно храброго офицера, и подчиненные будут герои».

Михаил Семенович отмечает, что при успешных военных действиях настоящую храбрость офицеров не увидишь. Человек, рожденный воином, проявит себя во всем блеске при трудном и опасном отступлении. Условием успехов и побед являются непоколебимая твердость и упорство именно в трудных обстоятельствах.

Быть умным и сведущим не в воле человека, а быть героем зависит от каждого, отмечает автор «Наставлений». «Какой же русский офицер не захочет умереть со славою, нежели жить неизвестным или посредственным воином».

Среди офицеров нередко возникают споры о том, справедливо ли отмечены начальством их заслуги в той или иной военной операции. Чтобы этого не было, в 12-й дивизии списки отличившихся теперь будут составляться с согласия всех офицеров полка, бывшего в деле.

«Мы все должны гордиться своею 12-й дивизиею, — писал Михаил Семенович в заключение, — во всей Российской армии не должно быть лучше одной. <...> Долг чести, благородство, храбрость и неустрашимость должны быть святы и ненарушимы; без них все другие качества ничтожны, храбрость ничем на свете заменить не может; кто в себе не чувствует уверенности, что страх им в деле не овладеет, тот должен немедленно оставить службу и в обществе офицеров 12-й дивизии терпим быть не может».

Офицеры 12-й дивизии «сомнительного товарища между собою терпеть не будут»^{124}.

М. С. Воронцов писал свои «Наставления» в преддверии новых сражений с Наполеоном. Он был уверен, что «12-я дивизия воспользуется случаями, теперь предстоящими, чтобы покрыть себя новою славою и заслужить названия неустрашимой»^{125}.

После своего поражения и отречения от престола 6 апреля 1814 года Наполеон был сослан на остров Эльбу в Средиземном море. Однако император не захотел смириться с бесславным концом и попытался вернуть себе былую власть. 26 февраля 1815 года от Эльбы отчалили 8 судов, на борту которых находились 1600 солдат, 8 лошадей и несколько пушек. Возглавлявший это крошечное войско Наполеон высадился 1 марта на берег Франции и началось его триумфальное шествие к Парижу. С 20 марта пошел счет ста дней новой власти Бонапарта.

Встревоженные случившимся, союзники решили на Венском конгрессе, что Россия, Англия, Австрия и Пруссия направят во Францию 150-тысячную армию для новой войны с Наполеоном. Русской армии, которая размещалась на территории Царства Польского, предстояло проделать самый длинный путь.

А. П. Ермолов, узнав о предстоящем походе, писал М. С. Воронцову: «Слава Богу брани, нет мира на земле! <...> Мне кажется, я имею счастье служить вместе с вами, почтеннейший товарищ. <...> Душа в душу, рука за руку, исполнены усердия к славе народа нашего и Государя, будем мы действовать вместе, любезнейший граф. По взаимным чувствам, по сделанному взаимно обещанию, представим мы пример единопдушия, а соотчичи наши благословят доброе наше согласие. По обороту обстоятельств надобно думать, что не долго оставаться нам в праздности. Я в восхищении и как бы получил новую жизнь. Уверен, что те же и ваши

чувства!» И далее: «Когда дело идет о войне, когда в предмете слава, может ли чем другим наполнена быть душа солдата, любящего честь? Все мои и, можно сказать, наши товарищи, боготворящие вас, которых вы владеете душою, вам кланяются»^{126}, — добавлял Ермолов.

«Дивизия готова выступить; радость общая и чрезвычайная во всех чинах; никогда еще не желали больше драться», — написал в ответ Михаил Семенович. И это была правда. «Все, что вы пишете о предстоящем нам походе, меня восхищает. Вы не можете и, смею сказать, не должны сомневаться в моих чувствах. Приготовляясь к походу *с вами*. я служил уже со многими начальниками, некоторых весьма много почитал, но все что-нибудь недоставало, всегда желал выше всего и теперь только достиг до того, чтобы служить у такого, которого могу равно почитать и любить, видеть в нем настоящего и наилучшего начальника и вместе с тем и настоящего друга, чувствовать к нему душевное почтение и в то же время ласкаться (смею ли это сказать?), что имею с ним сходство в мыслях, правилах и нраве; видеть в одном лице вождя, у которого буду во всем учиться, и тут же быть с ним на ноге откровенности и товарищества». Михаил Семенович радовался, что пойдет в поход с «любезнейшим и почтеннейшим начальником», что они будут действовать с ним действительно «душа в душу, рука за руку». «Будьте уверены что душа ваша и желание ваше будут душою и желанием как моим, так и всех прочих подчиненных ваших»^{127}.

В новом походе русской армии впереди всех шла 12-я дивизия М. С. Воронцова. Но ни 12-й, ни другим российским дивизиям не пришлось участвовать в последних сражениях с Наполеоном. 18 июня 1815 года возле Ватерлоо Наполеон был разгромлен англо-голландскими войсками под командованием

выдающегося английского полководца герцога Веллингтона и прусской армией под командованием фельдмаршала Блюхера. Наполеон отдался в руки англичан, а те отправили его в ссылку подальше — на о. Святой Елены в Атлантическом океане.

«Правила для обхождения с нижними чинами 12-й пехотной дивизии» и «Наставления, данные графом М. С. Воронцовым гг. офицерам 12-й пехотной дивизии» далеко не всем офицерам пришлись по душе. Некоторые из них считали, что, защищая солдат, М. С. Воронцов подрывает в дивизии дисциплину. Не разделяли его взглядов даже кое-кто из друзей. «Между прочим, на дивизию твою в Бреславле жаловались, — писал ему по-дружески И. В. Сабанеев. — Смотри, дружище, воля и холя суть две вещи различны: солдата беречь должно, а баловать непростительно; облегчить ему участь необходимо, но не до такой степени, чтобы от того только что офицер бить солдата не может, последний его и в грош не ставил. Может, мне соврали, но сказали, что и свои унять не могли. За что купил, за то и продаю»^{128}.

На что Михаил Семенович ответил Сабанееву: «Ты пишешь мне, что на мою дивизию в Бреславле жаловались и что будто бы, отнимая волю у офицеров наказывать солдат, я оных избаловал. Сделай милость, пошли кого-нибудь верного пожить несколько дней на квартирах, занимаемых моими полками, и ты увидишь, что тебе наговорили вздор». Действительно, заботливое отношение Михаила Семеновича к солдатам нисколько не мешало ему спрашивать с них строго даже за малейшее нарушение дисциплины. «Что до меня касается, — писал он далее, — то я ничем столько не занимаюсь, как этим, и вместо того, чтобы волю давать, как ты думаешь, я за это верно гораздо строже многих наших товарищей: за всякий разбой или покражу у меня гонят сквозь строй неминуемо. Что не позволяю

офицерам бить солдат за учение или и без учения за ничто по своевольству, это правда; но не вижу, отчего сие может быть вредно; обыкновенно, где дерутся и без причины, там за настоящие преступления мало в препозиции взыскивают. Солдат, который ждет равно наказания за разбой и за то, что он не умел хорошо явиться вестовым, привыкает думать, что и грехи сии суть равные»[{129}](#).

М. С. Воронцов послал Сабанееву текст своих правил и предложил почитать их на досуге. Суть их, подчеркнул он, заключается в том, чтобы строго наказывалась настоящая вина, а не любые проступки. «Пощечины дурного солдата не исправляют, а хорошего портят». «То что я теперь завел в целой дивизии, — продолжает он, — уже 5 лет в Нарвском полку делается, и я ручаюсь, что оный полк еще смирнее прочих стоит на квартирах; напротив того больше шалил 6-й егерский, где Глебов бивал до смерти без разбору и без причины». И далее: «Чем больше я видел, тем больше уверился, что строгость нужна только за настоящие вины, а не по педантству или капризам, что в сем случае она только унижает солдат и совершенно истребляет всякую амбицию и усердие». «Конечно, — заключает он, — я не так опытен, как ты и многие другие; но чтобы я совсем не был опытен, потому что молод, это пустое»[{130}](#).

И. В. Сабанеев судил о дивизии Воронцова по чужим рассказам. Те же, кто видел дивизию своими глазами, были иного мнения. «Генерал Сакен смотрел, как проходила 12-я дивизия через Опенгейм, и остался необычайно доволен, — писал Н. М. Лонгинов С. Р. Воронцову в Лондон. — Действительно, я сам видел в Гейдельберге, как проходили 9 и 11 дивизии Раевского, и ни одна не могла сравниться с дивизией графа Михаила ни выдержкою, ни здоровьем, ни бодрым видом солдат, <...> его люди имели вид, как будто

только что вышли из квартир, а не совершили такого быстрого и дальнего перехода»^{131}.

М. С. Воронцов послал свои «Правила» и С. И. Маевскому, который находился в его подчинении в битве под Краоном, командуя егерским полком. Михаил Семенович был убежден, что Маевский разделяет его мнение и знает, «как легко и полезно вести Русского солдата амбициею». Но поскольку, «много из наших господ все видят и других хотят уверить, что это затеи новые и вредные и что без палок ничего не будет хорошего», просил эти послания не афишировать. «На меня уже многие из старых мудрецов наших нападают; да я думаю, что и ваш дивизионный может быть в том же числе, почему я бы не хотел, чтобы этот лист дошел до него и посылаю оный к вам для любопытства и вашего мнения»^{132}.

В мае 1815 года согласно новой экспозиции дивизия М. С. Воронцова была переведена из корпуса А. П. Ермолова в корпус Ф. В. Сакена. Опечаленный Алексей Петрович писал Михаилу Семеновичу: «Сие принадлежит к тем неприятностям, которые со служением моим неразлучны и к которым придает еще нерасположение ко мне начальства». Помятуя о недругах, просил: «Если что узнаешь, напиши, брат, друг любезнейший, и никогда не пиши иначе, как с верным случаем; я также буду делать. Довольно нам быть дураками, чтобы переписку нашу желали знать».

«Прощай, брат любезнейший, товарищ, которому подобного я иметь не буду, — писал Алексей Петрович далее. — Жаль, что не допустили доказать, что в службе может быть связь дружеская и единоподушие. Храбрым вашим товарищам мой усерднейший поклон. Все, что окружает меня, подобно мне, любит вас без памяти». И снова: «Прощай, брат любезнейший! Если разделили нас по службе, ничто не должно разделять нас по сердцам нашим. Сходно с чувствами моего я равно любить и

почитать тебя буду. Прошу и убеждаю сохранить мне дружбу свою. По гроб верный Ермолов»^{133}. Действительно, второго такого друга, как Воронцов, у Ермолова за всю его долгую жизнь не появилось.

6 июля 1815 года армии союзников снова вошли в Париж. Вскоре стало известно, что перед возвращением русской армии в Россию Александр I решил провести большой смотр. Генералы забеспокоились. Тревожно было на душе и у М. С. Воронцова. Он знал, что император ставил на первое место не героизм полков и дивизий на полях сражений, а умение блистать на парадах. Не желая опозориться на смотре, Михаил Семенович пишет И. С. Маевскому: «Нас все пугают смотром Государя. У нас плохо знают мелкие штуки парадные, которые однако нужны, как то: как держать шпаги, где стоять унтер-офицерам во взводах и полувзводах, где стоять барабанщикам и пр. Не можете ли вы мне прислать на три или четыре дня офицера, который все это твердо узнал в Варшаве и моим полкам бы это показал?»^{134}.

Для смотра была выбрана обширная равнина у французского городка Вертю в Шампани, в 120 верстах от Парижа. В нем участвовали 87 генералов, 4413 штаб- и обер-офицеров и 146045 нижних чинов.

26 августа 1815 года, в третью годовщину Бородинского сражения, в присутствии Александра I была проведена репетиция смотра. Войско было выстроено фронтом к высоте Монт-Эме, где располагалась ставка императора. Репетиция прошла успешно.

Сам смотр состоялся 29 августа. На нем присутствовали Александр I, император Австрии, король Пруссии, герцог Веллингтон и другие важные персоны, а также много сановников и военачальников. Из Парижа и других городов прибыло около 10 тысяч зрителей.

По сигнальному выстрелу пушки вся армия отдала честь. По второму выстрелу она построилась в колонны. По третьему — колонны расположились в одну линию, а по четвертому вся армия в колоннах построилась в огромное каре, составившее в окружности более мили. Затем войска прошли сомкнутыми колоннами. После чего армия снова построилась колоннами в три линии. По последнему сигнальному выстрелу армия развернулась, и беглый огонь всех линий и батарей завершил это необыкновенное зрелище. Огонь длился 12 минут, от чего задрожали окрестности. Тем временем войско скрылось в густых облаках пламени и дыма, затмивших солнце.

Коронованные особы были восхищены блестящим обмундированием и вооружением русского войска, здоровым и бодрым видом участников недавних сражений, быстротой и правильностью их боевого построения. Александр I остался особенно доволен гусарами, уланами и конной артиллерией.

Во время смотра Александр I объявил М. С. Воронцова своим генерал-адъютантом.

В то время как герцог Веллингтон расхваливал устройство русского войска, Александр I говорил прусскому королю: «За все, что вы видите здесь хорошего, я обязан немцам и другим иностранцам». К русским генералам и офицерам, в том числе и к М. С. Воронцову, император относился с недоверием и подозрением.

Впоследствии великий князь Николай Михайлович напишет о своем коронованном родственнике: «Влечение Императора Александра к иностранцам вообще и к немцам в частности было известно и сказывалось во все годы царствования <...> Военным из русских это пристрастие не нравилось. Хотя не роптали, но критиковали многие. Группа любителей всего исключительно русского состояла из таких лиц, как

Ермолов, Закревский, граф М. С. Воронцов. К ним примыкали другие, а именно: князь П. М. Волконский, Н. Н. Раевский, Д. Давыдов, П. Киселев, братья Вельяминовы, Сабанеев, Рудзевич и еще другие. Из переписки между этими лицами на каждом шагу видны критика и порицание как Александра, так и всесильного Аракчеева, за их особое покровительство немцам»[{135}](#).

Глава X

РУССКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ КОРПУС

После окончательной победы над Наполеоном во Франции была восстановлена монархия. Новым королем стал Людовик XVIII. Не надеясь на собственные силы, король обратился к государям стран-победительниц с просьбой оставить на время во Франции часть войск, для обеспечения порядка. Просьба короля была удовлетворена. В составе 150 тысячной армии союзников находился русский оккупационный корпус под командованием М. С. Воронцова.

В инструкции «О целях и характере русского оккупационного корпуса во Франции», подписанной Александром I в сентябре 1815 года, объяснялось, почему командующим корпуса он выбрал М. С. Воронцова: всей своей прежней службой граф заслужил доверие императора и народа и уважение среди военных; в частях, которыми он командовал, была строгая дисциплина, а кроме того, у М. С. Воронцова сложились хорошие отношения с герцогом Веллингтоном, назначенным командовать всеми оккупационными войсками.

Оккупация должна была продлиться пять лет. В русский оккупационный корпус входили 2 пехотные и 1 драгунская дивизии, пионерская рота, 2 запасных артиллерийских парка и подвижной магазин. Всего в корпусе было 36334 человека, включая и невоеннообязанных. Командиры дивизий генерал-лейтенант Е. Е. Удом 2-й, генерал-лейтенант Г. И. Лисаневич и генерал-лейтенант И. И. Алексеев были старше М. С. Воронцова годами. Они участвовали еще в

походах П. А. Румянцева и А. В. Суворова. Но без обиды приняли то, что ими будет командовать более молодой генерал.

Как прежде в полку и в дивизии, так теперь в корпусе М. С. Воронцов занялся кадровым вопросом. Он хотел, чтобы в его подчинении были офицеры, близкие ему по взглядам. «Если бы не с тобою, любезный мой друг, — пишет ему И. В. Сабанеев, — то истинно бы поссорился. Взять у меня двух таких молодцов, как Лисаневич и Ахлестышев, можно делать только тебе со мною <...> Взяти у меня двух славных генералов и два лучших полка». «Единственное желание мое состоит в том, чтоб тебя произвели: тогда я дезертирую к тебе в команду, где бы ты ни был»^{136}, — признавался он. Однако Михаила Семеновича долго не производили в полные генералы, и Сабанеев так и не смог стать членом его команды. А Закревский обратился к Михаилу Семеновичу с упреком: «Позвольте поставить вам на вид, что вы действительно так располагаете, как отличный хозяин в дивизии, и хотите дурных сбывать в другие дивизии, а хороших перетащить к себе»^{137}.

Первоначально русский оккупационный корпус был расквартирован в департаментах Мерт, Мозель, Мец, Марна и Верхняя Марна, а корпусная штаб-квартира располагалась в городе Нанси. 25 ноября герцог Веллингтон подписал распоряжение о передвижении корпуса к бельгийской границе. Теперь русская оккупационная зона раскинулась вдоль северной границы Франции на территории длиной в 120 километров и шириной от 20 до 60 километров. На французских картах и сегодня встречаются русские названия: «Русский редут» («Fort des Russes»), «Русское кладбище» («Cimetiere des Russes»), «Русская тропа» («Chemin des Russes»). Корпусная квартира размещалась в крепости Мобеж.

Жители департаментов и особенно города Нанси с сожалением расставались с русскими воинами, зарекомендовавшими себя более дисциплинированными, чем, например, баварцы и прусаки. В связи с этим Совет французских городов, в которые должны были прийти союзные войска, выразил желание принять именно русских. А жители Рокруа, узнав, что к ним придет русский гарнизон, посчитали, что им повезло. Однако вскоре французам пришлось разочароваться.

Начало 1816 года ознаменовалось со стороны русских рядом бесчинств и актов насилия. Уполномоченный французского правительства при русском оккупационном корпусе маркиз Бросар доложил об этих случаях Э. О. Ришелье, ставшему в 1815 году председателем совета министров Франции. Тому самому Ришелье, который был в прошлом градоначальником Одессы и генерал-губернатором Новороссийского края. «Начало расквартирования русских оказалось неблагоприятным, — писал ему Бросар. — Сбылось то, что я, к сожалению, предвидел. В округе Авена царит неопишущий беспорядок. Он не меньше в округе Камбрэ»^{138}.

Действительно, бесчинства военных участились. На насилие и жестокое обращение солдат с жителями жаловались мэры городка Монтины и сел Сен-Мартен, Вандежен и Сен-Супле. А из Живе и Шарлемона сообщили префекту города Камбрэ о том, что прибытие русских «еще усугубило страдание жителей; многие из них покинули свои дома и можно ожидать массового бегства населения»^{139}. Заместитель мэра этого города заявил генералу Г. И. Лисаневичу, что «русские военные части ведут себя не как дружеские войска, а с неограниченным произволом, будто бы они вступили в неприятельскую страну»^{140}.

Необходимо было принимать меры. И командующий корпусом М. С. Воронцов принял их незамедлительно. За

кражу со взломом один солдат был прогнан сквозь строй, а другой расстрелян. Так же строго были наказаны и другие грабители и насильники. Французы посчитали принятые М. С. Воронцовым меры излишне суровыми. Но командующий считал, что без таких мер дисциплину и порядок в корпусе в мирное время не обеспечить.

С большим трудом устанавливались добрососедские отношения между корпусом и местными властями. Причиной очередного конфликта стало, например, устройство в населенных пунктах, где находились солдатские казармы, русских бань. М. С. Воронцов говорил, что чистота — основа здорового и веселого духа воинов. По его распоряжению каждой воинской части было выделено 100 франков на устройство бани. Но местные власти долго отказывались давать разрешение на их строительство.

Русские бани казались французам чем-то странным, без чего можно было бы и обойтись. Особенно удивлялись они привычке русских окунаться после бани в холодную воду. А солдаты с нетерпением ожидали, когда в их части будет своя баня. Командир гарнизона городка Живе В. И. Левенштерн отметил, что русский солдат охотнее обойдется без кровати, чем без бани, и добавил насмешливо: «В отличие от французского солдата, который прежде всего стремится блеснуть своей наружностью и моется очень редко»^{141}.

Много споров вызывало качество поставляемых корпусу продуктов питания. Французские поставщики в стремлении нажиться шли на обман. Так, для увеличения веса, они подмешивали в муку и зерно песок. Мэру Мобежа было доложено, что в одной партии муки оказалось столько песка, что выпеченный из нее хлеб невозможно было разгрызть. В другой раз из 45 мешков зерна было извлечено 79 килограммов песка. Видя, что его протесты не принимаются во внимание,

М. С. Воронцов решил отказаться от поставок муки и договорился с булочниками о покупке у них хлеба.

Более серьезными оказались конфликты с таможенниками. М. С. Воронцов обещал Веллингтону, что сделает все возможное, чтобы помочь французским таможенникам в их нелегком деле. Однако добрые отношения с ними никак не налаживались. Конфликт следовал за конфликтом. Так, таможенники остановили двух казаков, ехавших в свою часть. Один казак, не поняв, что хотят от него французы, не остановился и был убит таможенником выстрелом из ружья. В другом случае таможенники зарубили в деревенском кабаке нескольких невооруженных русских солдат. На крики прибежали товарищи убитых и разоружили таможенников. М. С. Воронцов отметил, что при этом солдаты проявили дисциплину — они не отомстили таможенникам, а передали их французским властям.

М. С. Воронцов не раз обращался к Веллингтону с жалобами на действия таможенников. Он предупредил, что хотя офицеры корпуса запрещают солдатам мстить обидчикам, раздражение против таможенников достигло такой силы, что может дойти до крайности и завершиться большой бедой. В конфликт пришлось вмешаться Ришелье. С этого времени таможенное начальство стало строго спрашивать со своих подчиненных за каждый случай столкновения с русскими. Однажды после третьего предупреждения таможенники выстрелили в двух русских драгунов и в их французского сообщника. Те действительно занимались контрабандой. Слава Богу, обошлось без человеческих жертв. Была убита только лошадь. Но таможенники поспешили извиниться перед М. С. Воронцовым. А Михаил Семенович выступил в защиту провинившихся, которых уже успели уволить.

По существовавшим правилам провинившихся перед русскими французов судили французские суды, а

русских, посягнувших на интересы французов, — русские суды. Однако французские судьи были явно пристрастны в решениях, всякий раз выгораживая своих соотечественников. Мельника и его слугу тяжело ранивших вилами нескольких русских, вообще не наказали. Дело было прекращено якобы из-за недостатка улик. Француза, избившего двух русских офицеров, приговорили... к одному дню заключения и к штрафу в один франк. Другой француз нанес три удара саблей русскому солдату и был оправдан судом присяжных.

М. С. Воронцов был крайне возмущен поведением французских судей. Тем не менее он не одобрял самосуда со стороны своих подчиненных. Правда, когда в одном городе вспыхнула драка, он отправил туда на постой 150 человек, заявив, что постой продлится до тех пор, пока ему не выдадут виновных.

М. С. Воронцов был недоволен и тем, как ведется судопроизводство в его корпусе. Причиной плохого судопроизводства было слабое знание аудиторами (так звали в то время судей) законов. Михаил Семенович не отрицал необходимости суровых наказаний за серьезные проступки, за трусость в бою, за грабежи, за воровство. Он и сквозь строй прогонял виновных, и подписывал смертные приговоры. Но степень наказания, говорил он, должна соответствовать степени вины. Наказывать провинившихся надо не по произволу, а по закону.

Узнав, что по новому распределению военного министерства судебная часть, или аудиториат, досталась в руки А. А. Закревского, Михаил Семенович поделился с другом своими соображениями о том, как улучшить в армии судебное дело. Законов и правил, говорит он, у нас достаточно. Но они почти не применяются. Это происходит от наших аудиторов. Вместо того, чтобы быть законниками, то есть чтобы

быть специально подготовленными, они просто пережалованы из фельдфебелей и унтер-офицеров.

Михаил Семенович ссылается на Петра I, который говорил, что перед армейскими офицерами стоят свои задачи. Петр считал, что офицеры не могут быть судьями. Для решения судебных дел «должны быть в армии аудиторы, кои должны быть хорошие юристы и знать совершенно *все права и законы*». Однако «вместо того, чтобы иметь юриста понимающего, как общие права, так и дух и смысл законов, у нас аудитор, а иногда в отсутствие оных (что, впрочем, все равно) фельдфебели и унтер-офицеры из крестьян, чуть-чуть читать и писать умеющие, и привыкшие думать, а часто и *чувствовать*, что палка есть единственный закон и управления роты верх человеческого искусства».

Михаил Семенович считал, что для улучшения работы аудиторов необходимо «не производить в чин сей из унтер-офицеров за храбрость или за беспорочную 12 летнюю службу, сопряженную с умением грамоты, ибо сии качества, хотя и почтенные, не имеют никакого отношения с должностью указателя и блюстителя законов». Нужно, пишет он, «поставить аудиторов на лучшую ногу и дать им больше жалованья»^{142}.

Командующий не ограничился добрыми пожеланиями. Он составил проект правил для военных судов корпуса, показал его служившему в корпусе по дипломатической части С. И. Тургеневу и попросил того высказать свои предложения. С учетом замечаний Тургенева М. С. Воронцов составил документ «Некоторые замечания о производстве в корпусе военных судов» и опубликовал приказом по корпусу.

А. П. Ермолов скептически отнесся к идее М. С. Воронцова реформировать в армии судопроизводство. Он продолжал мыслить по старинке и не хотел быть равным с нижними чинами перед законом. Услышав от А. А. Закревского, что будто бы в корпусе у

Воронцова слабеет дисциплина и что нижние чины оказывают неповиновение, Ермолов написал: «Он русского солдата трактует на манер иностранный. Он ударился в законы и беда!» А в другом письме Ермолов с иронией называл Михаила Семеновича «величайшим из министров, военным законодателем»^{143}.

Если порой М. С. Воронцова не понимали и не соглашались с ним даже самые близкие его друзья, то что можно было ожидать от тех, кто завидовал ему и кто интриговал против него? Требование Воронцова следовать законам завистники и интриганы трактовали как проявление его тщеславия, как желание быть во всем выше всех. А чиновники военного министерства видели в его критике армейского судопроизводства критику их самих. И это рождало в них желание мстить Воронцову.

Каждодневной заботой Михаила Семеновича было решение административно-хозяйственных вопросов. Он добивается увеличения жалования офицерам. Считая, что денежное обеспечение солдат тоже недостаточно, он старался улучшить их питание. «Гр. Воронцов так много выхлопотал для наших офицеров, — писал в своем дневнике С. И. Тургенев, — что они никогда не имели так много денег, как теперь здесь. Солдатам тоже во многих местах хорошо»^{144}.

В отношении нижних чинов М. С. Воронцов продолжал следовать прежним правилам — не позволял офицерам унижать их человеческое достоинство, запрещал наказывать палками во время учения, запрещал бить их по произволу. И это снова рождало кое у кого подозрение, что своими требованиями он подрывает в корпусе дисциплину. А. А. Закревский, например, советовал ему по-дружески: «Не давайте потачки людям и держите весь корпус в субординации, дабы можно было, когда надобности в нем не будет, привести домой. И ежели вы своим мастерством, нам

известным, сие исполните, то слава ваша будет вечная»^{145}.

Для нижних чинов Воронцов учредил в оккупационном корпусе школы для обучения солдат грамоте по ланкастарской системе. Непосредственными организаторами школ стали С. И. Тургенев и Н. А. Старынкевич. В этих школах учились не только солдаты, но и офицеры, не имевшие достаточного образования.

В корпусной типографии для этих школ были напечатаны «Краткая метода взаимного обучения для первоначальной школы Русских солдат, приспособленная равно и для детей» и «Собрание стихотворений для чтения в солдатских школах отдельного Российского корпуса во Франции». «Собрание стихотворений» начиналось одой Державина «Бог». Далее шли отрывки из стихотворений Ломоносова, Княжнина, Карамзина и Крылова.

Благодаря увеличению числа грамотных в корпусе все более возрастал поток писем на родину. За годы пребывания корпуса во Франции их было отправлено более 20 тысяч. По распоряжению Воронцова пересылка солдатских писем осуществлялась на средства корпуса. Кроме того, существовал строгий контроль за тем, чтобы в канцеляриях дивизий и полков не терялись письма, которые приходили солдатам от их родных из России.

В начале 1817 года А. П. Ермолов узнал из газет, что М. С. Воронцов стал членом Библейского общества и теперь распространяет слово Божие в подчиненном ему оккупационном корпусе. В связи с этим в письме к А. А. Закревскому Алексей Петрович заметил, что Воронцов не пройдет мимо чего-либо, «из чего можно извлечь пользу»^{146}.

За свою пока еще короткую историю Библейское общество успело получить в России широкую известность. 11 января 1813 года состоялось первое

заседание Санкт-Петербургского Библейского общества. С 1814 года общество стало называться Российским. Целью его было распространение в стране книг Священного Писания. М. С. Воронцов как человек глубоко верующий заботился о поддержании в корпусе православных традиций. В дни Великого поста по его разрешению командиры договаривались с поставщиками о замене мяса рыбой. Были созданы условия, чтобы все православные могли отговорить, а священники успели объехать полки и роты корпуса.

Но конечно же главной заботой М. С. Воронцова было сохранение на должном уровне боеспособности корпуса, для чего регулярно проводились учения и маневры. Когда не было маневров, командующий устраивал по два похода в неделю от 15 до 25 верст, чтобы люди, по его словам, не заболели от лежания. В сентябре 1817 года смотр корпуса провел герцог Веллингтон и остался им вполне доволен.

М. С. Воронцов продолжал пополнять свое собрание географических атласов и карт. По его инициативе были проведены большие картографические работы. Добровольным и добросовестным исполнителем планов Михаила Семеновича стал оберквартирмейстер корпуса полковник Ф. Ф. Шуберт.

Шуберт помимо выполнения своих прямых обязанностей организовал топографическую разведку местности и ее описание. К каждому учению, смотрам и маневрам готовились необходимые топографические карты, планы, схемы и другие документы. Была проведена инструментальная топографическая съемка местности департаментов Арденны и Марна, а также картографирована территория между реками Шельда и Маас. Были составлены подробные планы городов Мобеж, Клермон и Сен-Менеульда.

Летом 1818 года в Мобеже побывал Ф. В. Ростопчин. Ему казалось, что он находится не во Франции, а в

России, что Мобеж такой же русский город, как, например, Клин или Коломна. Везде квас, сбитень, русские печи, даже брань русская. Разъезжают дрожки, звучат родные песни, по-русски пляшут. Вывески на лавках и те написаны по-русски. Что касается командующего, писал Ростопчин, то его боготворят и свои, и французы, так как он хотя и строг, но справедлив и доступен.

Важной задачей для М. С. Воронцова было установление добрососедских отношений с местным населением. Он требовал, чтобы офицеры и солдаты корпуса не только неукоснительно соблюдали французские законы, но и помогали местным жителям. Он не оставлял без внимания ни одной жалобы гражданских лиц на его подчиненных. Виновных ожидало неминуемое наказание.

Отношения между офицерами и солдатами корпуса и местными жителями становились с каждым месяцем все более дружескими. В страдную пору солдаты помогали крестьянам в уборке урожая. В голодный год жителям селения Живе было роздано запасное зерно гарнизона. Кроме того, в корпусе стали собирать пожертвования для голодающих. В записке заместителя префекта города Ретеля говорилось: «Господа генералы и офицеры русской армии лично дали большие деньги. К ним прибавились сборы, которые они провели у всех офицеров, стоящей в моем округе бригады»^{147}. На пожертвования офицеров для приходской церкви этого города был приобретен орган, выкована железная решетка и отлит самый большой колокол. Командующий издал приказ по корпусу, чтобы военные чины не ходили и не ездили по полям, а пользовались тропинками и дорожками, пересекавшими поля, и чтобы никто не ловил рыбу в реке, если она отдана на откуп местному жителю. Офицеры и солдаты корпуса вместе с французами патрулировали города, боролись с

поджигателями и пожарами. В частности, капитан Атамонов и его солдаты спасли от пожара село Сар-Потри.

Русские не отказывались от участия в местных празднествах и увеселениях. В одном городе в день тезоименитства Людовика XVIII на торжественном банкете М. С. Воронцов провозгласил несколько тостов за короля, за французскую нацию. Перед фасадом ратуши был вывешен транспарант с изображением держащих друг друга за руки русского и француза. Над ними витала аллегория славы со словами: «Да здравствуют русские и французы. Союз между Александром I и Людовиком XVIII утверждает благополучие обоих великих народов». По словам мэра Сор-ле-Шато, русские и французы, казалось, «образовали одну единую семью». В Амьене участники празднества «не помнили себя от восторга, когда генерал Полторацкий встал и предложил выпить за благополучие французской и русской наций, объявив, что оба государя и оба народа одно целое». Заместитель префекта Живе сказал: «Такой союз между двумя народами, не так давно воевавшими друг с другом, не имеет прецедента».^{148}.

В городах часто устраивались балы. На одном из балов русские солдаты «вместе с жителями танцевали вальс и плясали казачок к великому удовольствию женщин». А офицеры корпуса прославились как непревзойденные танцоры, и без их участия бал не мог считаться настоящим балом.

В Петербурге с подозрением смотрели на тесное общение офицеров и солдат корпуса с местным населением. Кое-кто опасался, как бы полки не офранцузились, не прониклись бунтарским духом. Это общение, поощряемое М. С. Воронцовым, явилось еще одной причиной подозрительного отношения к нему высшей власти.

Михаил Семенович не терпел тех, кто служил из корысти. «В последние три недели, — писал он А. А. Закревскому, — прибыли сюда из России по крайней мере 6 или 7 офицеров, переведенные или просто прикомандированные по протекции сюда для того только, чтобы пользоваться здешним содержанием». А «всякий штаб-офицер стоит здесь Государю ежегодно от 8 <...> до 14000 рублей»^{149}.

Подобными замечаниями Михаил Семенович, естественно, увеличивал число своих недругов. Одни завидовали его богатству, знатности и популярности в армии, другие считали вредными все его нововведения в корпусе. В бумагах, поступавших из Петербурга, командуящего корпусом критиковали то за одно, то за другое. При появлении в Мобеже очередного фельдъегеря у Михаила Семеновича портилось настроение. Если фельдъегерь приезжал под вечер, то он откладывал знакомство с привезенными бумагами до утра, чтобы не портить себе сон.

В конце концов, выведенный из себя бесконечными придирками, М. С. Воронцов отправил письма императору и П. М. Волконскому, начальнику Главного штаба, в которых сообщил о многочисленных нападках на него и о невозможности в связи с этим служить. А. А. Закревский, узнав об этих письмах, с упреком обратился к другу: «Скажите, почтенный граф Михаил Семенович, как не стыдно при вашем уме сие написать, если позволите сказать, не обдумавши! Кто может на вас нападать и недоброжелательствовать? Не вам служба нужна, а вы отечеству <...> Вы и все в России благомыслящие люди знают, что у нас Воронцовых немного. По сему общему мнению вы и должны так поступать». «Будьте уверены, — продолжал Закревский, — если мы в некоторых предметах не соглашаемся и иногда бранимся, то сие происходит с моей стороны ни от чего иного, как из любви и уважения

моего к вам и того всегдашнего расположения вашего ко мне, которое я в полной мере чувствовать умею»^{150}.

В ответ Воронцов пишет Закревскому, что тот слишком хвалит его и в то же время не хочет признать гонений на него. «Я совсем не думаю, чтоб я нужен был службе, напротив, она мне нужна, потому что я к оной привык, что, проведши в оной лучшее время жизни моей, всякое другое состояние мне сперва покажется скучно: но нельзя с нею не расстаться, когда она сопряжена с унижением, и мне лучше будет не только быть вне оной, но хоть в пустыне, нежели всякий день ждать неприятность и быть трактованным как последний человек»^{151}.

Через месяц Михаил Семенович снова пишет другу о напрасных обвинениях и нападках на него: «Ежели в Петербурге верили (а что верили, в том и сомнения нет), что я здесь завожу татарщину и не занимаюсь предписанным, то должно бы меня тотчас сменить, ибо положим, что у меня и были мысли в рассуждении ученья несогласные с предписанными, все-таки надо мне быть сумасшедшему или пошлому дураку и скотине, чтобы думать и сметь делать в войсках государевых не по повелению Государя, а по моей голове»^{152}.

Пытаясь оправдаться, Михаил Семенович явно лукавил. Да, он действовал в соответствии с повелениями государя, но в то же время и в соответствии со своими принципами. Он по-своему понимал эти повеления, он их совершенствовал, добавляя собственные правила, по которым жили подчиненные ему воинские части.

В Мобеже М. С. Воронцова навестил И. Ф. Паскевич. Он признался, что ожидал найти корпус в беспорядке, но ошибся. Михаил Семенович с возмущением написал А. А. Закревскому: «Неужели Паскевич, служивший со мною четыре года вместе, мог сему поверить на мой счет; какие же должны быть на мой счет у вас толки? И

какие должны быть мои чувства, когда я вижу подобное возмездие за усердие и старание, коим нет свидетеля кроме Бога. Не могу описать тебе, сколь мне отвратительно об этом думать и сколь я более и более чувствую, что оставаться служить не могу и не должен»^{153}. Действительно, не так-то просто было оставаться на службе, если даже друзья не понимали тебя.

15 марта 1818 года на открытии польского сейма Александр I произнес программную речь. Он говорил в ней о даровании польскому народу конституции. В России многие восприняли это решение императора как обещание дать подобную конституцию всей стране. Большинство дворян было против введения конституции в России. Они опасались, что за этим последует отмена крепостного права и начнутся крестьянские бунты. Такого же мнения были и многие военные.

А. А. Закревский отнесся к речи Александра I с сочувствием, а М. С. Воронцов назвал речь «великодушной и прекрасной». Он не испугался ни дворянского возмущения, ни крестьянских бунтов. Он по-прежнему открыто говорил о необходимости «постепенного увольнения от рабства мужиков в России».

Из газет М. С. Воронцов узнал о смерти М. Б. Баркляя-де-Толли, которая последовала 14 мая 1818 года. Между ним и Баркляем-де-Толли не было близких отношений. Но он раньше многих одобрил тактику Баркляя по сохранению русской армии в начальный период Отечественной войны, а бывший военный министр и главнокомандующий высоко ценил полководческий дар Михаила Семеновича. Смерть фельдмаршала, писал Михаил Семенович А. А. Закревскому, еще больше укрепила его намерение уйти в отставку и быть подальше от злости и интриг.

«Он был действительно один покровитель мой в армии и всегда был ко мне милостив»^{154}.

М. С. Воронцов надеялся, что во время поездки по европейским странам Александр I побывает в его корпусе и увидит, что корпус не офранцузился, что они все остались русские, что он не завел в корпусе татарщины и что якобинством в корпусе не пахнет. Однако друзья Михаила Семеновича, зная об увлечении императора «акробатством» и «парадными штучками», опасались, что тот не будет в восхищении от корпуса. Ведь у Воронцова «парадные штучки» были, как и прежде, не в чести.

Раньше императора в путешествие по европейским странам отправился его брат великий князь Михаил Павлович. Вдовствующая императрица Мария Федоровна назначила руководителем этой поездки И. Ф. Паскевича. Паскевич сообщил Воронцову, что Михаил Павлович имеет позволение от государя осмотреть его корпус и после осмотра написать, каким он его нашел.

Великий князь также был сторонником «акробатства» и хорошо знал «парадные штучки», поэтому Паскевич опасался, что он останется недоволен корпусом Михаила Семеновича и дурно аттестует его государю. «Правду сказать, — написал Паскевич впоследствии, — граф Воронцов весь свой век пренебрегал образованием войск, полагаясь исключительно на храбрость и расторопность русского солдата, которые считал его врожденными качествами»^{155}.

Паскевич знал, что в корпусе нет той блестящей парадной выучки, которую требовали высшие военные чины, да и члены августейшей фамилии. А поэтому он решил принять меры, чтобы обезопасить друга. «Ваше высочество, — обратился Паскевич к великому князю, — Вы в трудном положении. Вы можете, конечно, донести, что в корпусе плохая выучка; но подумайте, что Вы тем

обидите одного из лучших и достойнейших генералов русской армии и храброе его войско, с которым надо Вам будет когда-нибудь служить, и не забудьте, что Воронцов нужен русской армии». Заступничество Паскевича подействовало. Михаил Павлович, побывав в корпусе, в своем отчете «так благородно отозвался и с такую редкою осторожностью, что Государь остался доволен и уважил его мнение»^{156}.

В сентябре 1818 года в Ахене состоялся первый конгресс Священного Союза — союза Австрии, Пруссии и России. По просьбе французского правительства на конгрессе было принято решение о досрочном выводе оккупационных войск из Франции. Из Ахена Александр I отправился в городок Валансьенн, расположенный недалеко от Мобежа. Здесь 9 октября император долго беседовал с Воронцовым. Михаил Семенович вышел из кабинета растроганным.

10 октября у Валансьенна состоялся парад и смотр русского войска, обоза и артиллерийских парков. После смотра император сказал М. С. Воронцову, что войско двигалось недостаточно бодрым шагом. Михаил Семенович ответил с достоинством: «Ваше Величество, этим шагом мы пришли в Париж». Позже император сделал еще одно замечание — в церемониальном шаге солдаты не вытягивают носки. Для государя вытягивание носков было важнее всего.

11 октября здесь же в Валансьенне состоялись маневры русских, английских, ганноверских, саксонских и датских войск. Командовал маневрами герцог Веллингтон. Российское войско победило на маневрах и было удостоено похвалы Веллингтона. Но Александр I и цесаревич Константин Павлович не были удовлетворены выучкой своего войска. Правда, при Веллингтоне они не стали высказывать своих претензий к корпусу Воронцова.

Александр I посетил одну из школ, в которой солдаты корпуса обучались по ланкастерской системе, и остался доволен. Однако через несколько лет он подписывает указ о запрещении ланкастерских школ в России. Власти увидели в них «средство распространения вольнодумства и мятежа» в народе. В отличие от властей, М. С. Воронцов видел в распространении грамоты среди крестьян не опасность для страны, а одно из условий улучшения их жизни, и продолжал открывать школы в своих имениях.

12 октября в Мобеже был дан прощальный обед. В этот же день было объявлено, что графу Воронцову жалуются орден Св. Владимира 1-й степени. Слух о том, что он будет произведен в генералы от инфантерии, на что надеялся и сам Михаил Семенович, не подтвердился.

Орденом Св. Владимира награждались и за военную, и за гражданскую службу. Награждение этим орденом М. С. Воронцова свидетельствовало, что государь и высшие военные чины остались недовольны его командованием оккупационным корпусом.

«Совесть меня ни в чем не упрекает, — писал Воронцов Закревскому, — корпус поддерживал в течение трех лет и даже возвысил честь имени русского, при том остался совершенно русским, не потерял ни в чем ни привычек, ни обычаев своей родины; люди всем довольны, одеты, смертности так мало, что и примера тому никогда не было, беглых почти нет»^{157}.

«Я желал совсем не того, что вы по всей справедливости заслуживаете, — ответил ему Закревский. — Но делать нечего; сим доказано, что не совсем вас любят, как по заслугам вашим следует. Плетью обуха не перешибешь»^{158}.

А. Х. Бенкендорф поздравил Воронцова с орденом Св. Владимира, но добавил, что надеялся на присвоение ему звания полного генерала. А С. Р. Воронцов, отец Михаила Семеновича, слышал, что «герцог Веллингтон

принял более к сердцу, чем Михаил, это невнимание к его заслугам» и что он «просил принца Валлийского пожаловать Михаила кавалером военного ордена Бани 1-й степени»[{159}](#).

Единственное, что порадовало М. С. Воронцова, это то, что все его предложения о награждении генералов и офицеров корпуса были полностью удовлетворены. Он говорил, что считает эти отличия наивысшей наградой для себя. Он был особенно доволен тем, что несколько генералов, которые почти не имели средств к существованию, получили солидное денежное вознаграждение. «Ежели надо уже бы было выбирать из двух одно, т. е. чтобы наградить одного меня, а другим отказать, или чтобы меня забыть, а довольное число товарищей моих наградить, то я бы, конечно, выбрал последнее, — писал Михаил Семенович, — ибо на что мне и чин, коли и с оным мне было бы стыдно показаться сослуживцам моим?»[{160}](#)

Французы оказались справедливее в оценке руководства М. С. Воронцовым оккупационным корпусом. Секретарь мэрии Мобежа записал в книге отчетов: «Граф М. С. Воронцов <...> сумел поддержать безупречную дисциплину в своем корпусе и восстановить доверие. Его отношения с местными властями и жителями всегда отличались благожелательностью. К нему нередко обращались за помощью нуждающиеся. За трехлетнюю оккупацию города развилась торговля, и все, кто занимался каким-нибудь видом торговли, смогли за этот срок возместить ущерб и даже увеличить свое имущество. В последнее время Мобеж представлял собой процветающий город. Русские офицеры, которым свойственно милосердие, оказали большую помощь голодающим»[{161}](#).

При прощании с корпусом жители Мобежа, Като-Камбрези, Авена, Валансьенна и других городов изготовили медали с изображением М. С. Воронцова и

выразили ему свою благодарность. Офицерам, командовавшими крепостями Живе, Ретеля и Рокруа, вручили почетные шпаги. На встречах пели песню Беранже «Священный союз народов».

Перед отправкой корпуса в Россию Михаил Семенович собрал сведения о долгах офицеров и солдат местным жителям и заплатил за всех них. Долгов набралось на 1,5 миллиона рублей. Для получения этой огромной суммы графу пришлось продать большое имение Круглое, доставшееся ему по завещанию от родной тетки княгини Е. Р. Дашковой. В благодарность за этот беспримерный поступок офицеры корпуса подарили Михаилу Семеновичу большую серебряную вазу с выгравированными на ней своими фамилиями.

15 октября 1818 года М. С. Воронцов отдал приказ по корпусу о возвращении в Россию. Полки корпуса стали покидать Францию. Михаил Семенович получил разрешение императора довести корпус до Германии, а затем отправиться в отпуск на неопределенный срок. «За одну личную ко мне милость я очень благодарен, а именно, что мне разрешено оставить корпус в Германии, когда почту приличным, и ехать в отпуск, насколько я захочу, к батюшке, — написал он Закревскому. — Потеряв кураж и ревность к службе, буду, по крайней мере, наслаждаться покоем между родными, далеко от зависти, от злобы и от забот»^{162}.

В отчете Александру I о пребывании корпуса во Франции М. С. Воронцов не удержался от осуждения существовавшего в армии бесчеловечного отношения к нижним чинам: «Я был весьма уверен что, дабы укротить порки и вместе с тем поддержать дух и надежду добрых солдат, нужно строгое и неослабное наказание за важные проступки, сопряженные с действительными мерами для укрощения бесчеловечных и без разбору на одном капризе основанных притязаний, особливо таковых, кои еще, к несчастью, у нас в армии

употребляются для узнания виновных, весьма часто сие делается над невинными и честными солдатами». «Одна из самых главных и нужных вещей есть, — считал он, — чтобы солдат знал, что за хорошее поведение в службе, честность, усердие и ревность в учении он должен надеяться на хорошее обращение с ним начальников, как противное поведение немедленно приведет его к строгому и справедливому наказанию»^{163}.

Война с Наполеоном стоила России многих десятков миллионов рублей. Поэтому М. С. Воронцов был особенно доволен тем, что сэкономил для казны несколько миллионов, не ущемив при этом интересов ни офицеров, ни солдат.

Михаил Семенович был уверен, что полки корпуса и «в России также будут отличаться поведением, дисциплиною и субординацией»^{164}. А среди военных было распространено мнение, что корпус М. С. Воронцова по возвращении на родину должен быть сохранен и что он может послужить образцом для реформ, которые следует повести во всей российской армии. Но многие высокопоставленные лица считали, что полки Воронцова заражены либерализмом, что в них нет должной дисциплины, а поэтому по прибытии на родину корпус был распущен.

По прошествии нескольких месяцев Михаил Семенович написал А. А. Закревскому, что начальник Главного штаба М. П. Волконский лично просил государя произвести его, Воронцова, в полные генералы, но получил отказ. «Немилость идет видно свыше»^{165}. А это убивает в нем «всякую охоту и склонность к службе и заставляет думать о тысяче неприятных вещей». Но не служить Воронцов не мог. «Ежели бы я был женат то скорее бы привыкнул, но сего не будет, пока не встречу невесты точно по склонности и знакомству и, следовательно, не скоро еще будет, а между тем

служить как будто под наказанием, без всякой по совести причины, никак не могу»^{166}.

Скоро Михаил Семенович встретит невесту «точно по склонности», женится на ней и получит возможность распрощаться со службой, исполняемой «как бы из-под палки».

Глава XI

ЖЕНИТЬБА

Впервые речь о женитьбе М. С. Воронцова зашла вскоре после того, как он покинул армию П. Д. Цицианова — в 1805 году. С. Н. Марин писал своему другу, что весь Петербург уверен, что тот женится на графине Орловой. Но сам Марин в возможности этого союза сомневался. И оказался прав — двадцатитрехлетний капитан Воронцов еще не созрел для семейной жизни. В следующем году Марин сообщал Воронцову, что некая полковница очень к нему привязана. «Приезжай, да веселым пирком да и за свадебку»^{167}. На этот раз вмешалась война, и Михаил Семенович отправился в поход холостым.

Шли годы. Как когда-то Р. И. Воронцов никак не мог дожждаться женитьбы сына Семена, так теперь Семен Романович был обеспокоен тем, что никак не дождетс женитьбы Михаила. Он даже обратился за содействием в Петербург к Н. М. Лонгинову. Тот ответил, что надо ждать окончания войны.

Н. М. Лонгинов был уверен, что Михаил Семенович будет отличным отцом семейства, обеспечит счастье своей жене и может «произвести для родины лучших детей и потомков одной из прославленнейших фамилий»^{168}. В конце 1813 года он написал Семену Романовичу в Лондон, что есть на примете несколько невест. Одна из них «не обладает красотой, но приятна и к большому уму присоединяет отменный образ действий»^{169}. Но и на этот раз Михаил Семенович не связал себя узами брака.

В 1815 году в письме к Д. П. Бутурлину, своему родственнику, Михаил Семенович изложил свое

представление о браке: «Я разделяю ваш взгляд и чувствую, что подходящее устройство личной жизни и хозяйства было бы лучшим средством обеспечить себе счастливое будущее. Я был бы уже счастлив тем удовольствием, которое это доставило бы отцу и моим родственникам; но я не помышляю ни о браке по расчету, ни о браке, устроенном другими. Нужно, чтобы это случилось само по себе и чтобы я полюбил и оценил человека, желающего добра мне. За одно или два пребывания в России в мирное время я смог бы найти то, что мне нужно, без спешки. Сердце мое совершенно свободно, и я желал бы только, чтобы это могло устроиться с первого раза, поскольку время не молодит: не будучи старым, я начинаю седеть. Это произошло и из-за жизни, которую я вел, но тем не менее это может не понравиться барышням, и они не захотят, может быть, иметь со мной дело». Но, пишет он далее, «возобновляющаяся война заставляет меня отложить эти идеи; мне это досадно, но делать нечего»^{170}.

Войны с Наполеоном помешали устройству семейного очага не только М. С. Воронцову, но и многим офицерам русской армии. «Мне кажется, — писал И. В. Сабанеев Михаилу Семеновичу, — после войны страсть к супружеству (страсть весьма благовидная) приметным образом начала действовать на воинов. Не жениться бы и мне? А тебе не худо бы, лишь бы женитьба не мешала тебе служить»^{171}.

Друзья Михаила Семеновича стали обзаводиться семьями. Так, А. Х. Бенкендорф писал ему в феврале 1817 года: «Спешу, дорогой и чудесный Воронцов, сообщить о моей женитьбе. Моя жена — ангел красоты. Вы полюбите ее как только увидите. Она уже любит вас благодаря моим рассказам о вас»^{172}. В следующем году женился А. А. Закревский, он уговаривал Михаила Семеновича последовать его примеру.

У родителей Натальи Викторовны Кочубей были свои заботы. Годы идут, а дочь все не замужем. В 1818 году поговаривали о ее браке с графом М. С. Воронцовым. Не получилось. Отец Натальи Викторовны сетовал: женихов «не так-то легко отыскать можно».

Михаил Семенович, проводил корпус до Германии и отправился в Лондон к отцу. Навестив сестру — у Екатерины Семеновны было уже пятеро детей, — он не мог не позавидовать ее семейному счастью. А Семен Романович конечно же не переставал говорить сыну, что и ему пора обзавестись семьей. Погостив недолго у родных, Михаил Семенович возвратился в Париж.

В конце 1818 года во французскую столицу приехала графиня Александра Васильевна Браницкая со своей младшей дочерью Лизой, Елизаветой Ксаверьевной. Девушке было почти 27 лет. По меркам того времени — старая дева. Но выглядела она юной, была красива, умна, кокетлива. Она пользовалась успехом в высшем парижском свете, но интерес к ней мог подогреваться и слухами о богатстве ее матери.

Отец Елизаветы, Ксаверий Петрович Браницкий (1731-1819), происходил из знатного польского рода, был блестяще образован, имел звание коронного великого гетмана. Получив большое наследство, он быстро пустил его на ветер. Служил во Франции, в Курляндии, вместе с польским посольством попал в Петербург. Когда Станислав Понятовский был провозглашен польским королем и отношения между Россией и Польшей обострились, Браницкий встал на сторону России и впоследствии перешел на русскую службу.

Мать Елизаветы, Александра Васильевна Энгельгардт (1754-1838), была любимой племянницей светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического. В тринадцать лет она осиротела и стала жить у Дарьи Васильевны, матери Потемкина. Чтобы дать подростке

внучке соответствующее воспитание и образование, Дарья Васильевна переехала с нею сначала в Москву, а потом в Петербург. В 1775 году Александра Энгельгардт стала фрейлиной императрицы, а в 1777 году камер-фрейлиной и получила от Екатерины II богатый подарок. В 1781 году Потемкин выдал Александру Васильевну замуж за К. П. Браницкого.

Весь 1792 год Браницкие прожили в Петербурге. По два-три раза в неделю императрица приглашала Александру Васильевну в Зимний дворец на обеды. 4 сентября Александра Васильевна тоже была во дворце, а всего через четыре дня, 8 сентября, она родила дочь, названную Елизаветой. Крестили новорожденную в придворной церкви. Крестной матерью девочки стала сама императрица. (Напомним, что десятью годами раньше Екатерина II была приемницей от купели Михаила Воронцова, будущего жениха Елизаветы Браницкой.)

Александра Васильевна родила двоих сыновей и троих дочерей. К. П. Браницкий, чувствуя, видимо, вину перед родиной за свой переход на русскую службу, решил выдавать замуж дочерей только за поляков. Старшие дочери, Екатерина и Софья, были выданы замуж за поляков из рода Потоцких. Но судьба младшей дочери Елизаветы сложилась иначе.

Зимой Браницкие жили в Петербурге, а на лето уезжали в свои южные владения. Лиза воспитывалась под строгим надзором матери. От отца она унаследовала фамильную гордость, а от матери широту русской души и отзывчивость к чужому горю.

В 1807 году Лиза Браницкая стала фрейлиной. 8 сентября того же года в Павловске она впервые танцевала на балу, на котором присутствовали их императорские величества и другие члены августейшей фамилии. За этим последовали новые балы, званые

обеда, ужины, прогулки в экипажах, поездки верхом на лошадях.

Александра Васильевна очень сблизилась со вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Впрочем, и Елизавета Алексеевна любила беседовать с племянницей Потемкина. А Лизе обе императрицы с удовольствием покровительствовали. Но Лиза явно засиделась в девицах. Не было ли это связано с тем, что Александра Васильевна решила хоть одну дочь выдать замуж не за поляка, а за русского? И вот мать и дочь оказались в столице мира Париже.

Можно предположить, что Михаил Семенович увлекся Елизаветой Ксаверьевной вскоре после знакомства с нею. Человек благомыслящий и целеустремленный он мог влюбиться именно в такую девушку, выгодно отличавшуюся серьезностью интересов и умом от пустыньких великосветских красавиц.

Бесстрашный в сражениях, перед Елизаветой Ксаверьевной Михаил Семенович, видимо, терялся. Он не набрался смелости объяснить с нею. Уехал в Лондон, страшась, возможно, получить отказ. Но перед самым отъездом отправил письмо Александре Васильевне, в котором спрашивал, не отдала ли ее дочь свое сердце кому-то другому. А если Елизавета Ксаверьевна свободна, то не согласится ли она выйти за него замуж и не пожелает ли Александра Васильевна назвать его своим зятем.

Для Семена Романовича увлечение сына стало приятной неожиданностью. Тот ничего не писал ему из Парижа о знакомстве с Елизаветой Ксаверьевной и о своих чувствах. Вскоре в Лондон на имя Михаила Семеновича пришло письмо от Александры Васильевны. Графиня сообщала, что Елизавета Ксаверьевна свободна и что она не против выдать дочь замуж за него. Семен

Романович с радостью благословил сына, и тот снова поспешил в Париж.

После отъезда Михаила Семеновича из Лондона на одном из званых обедов герцог Веллингтон спросил у Семена Романовича, красива ли суженая его сына. Семен Романович ответил, что никогда не видел избранницу сына, но что она слывет красавицей. И добавил, что попросил Александру Васильевну прислать портрет его будущей невестки. Услышав это, Веллингтон сказал: «Я знаю, кто вам нужен». Он дал Семену Романовичу парижский адрес художницы, которая писала портреты по фарфору. Семен Романович переслал его сыну: «Это доставило мне большое удовольствие; ведь миниатюра через некоторое время выцветает, тогда как живопись по фарфору сохраняет свои краски вечно. Итак, я прошу вас, мой добрый друг, просить графиню Браницкую проявить в отношении меня доброту и прислать портрет моей будущей снохи, написанным на фарфоре художницей, адрес которой дал мне герцог, и который я здесь прилагаю»^{173}.

В марте того же 1819 года Семен Романович писал сыну: «Так как я знаю вас основательно, и так как я начал верить, что характер вашей избранницы таков, что она достойна вас, то я покину этот мир с уверенностью, что я оставляю моих дорогих детей Михаила и Катеньку полностью счастливыми. Счастье семьи зависит от характера супругов. Молодость и красота преходящи, а характеры постоянны»^{174}.

Просьба Семена Романовича была выполнена. В феврале-марте 1819 года французская художница Мари Виктуар Жокото писала на севрском фарфоре портрет Елизаветы Ксаверьевны. Портрет получился превосходный. Им и сегодня можно любоваться в Национальном музее Стокгольма.

Со свадьбой решили не тянуть. Семен Романович приехал в Париж, и 20 апреля в русской православной

церкви состоялось бракосочетание графа М. С. Воронцова с графиней Е. К. Браницкой. Посаженым отцом на свадьбе был герцог Веллингтон.

Семен Романович поспешил сообщить о женитьбе сына обеим российским императрицам. Мария Федоровна написала в ответ: «Вы спрашиваете у меня благословение и мое одобрение этого союза. И я даю его от всего моего сердца и с искренним удовлетворением. Молодая графиня соединяет все качества выдающегося характера, к которому присоединяются все прелести красоты и ума; она создана, чтобы сделать счастливым уважаемого человека, который соединяет с нею свою судьбу»^{175}.

Месяц спустя в Лондон пришло письмо от Елизаветы Алексеевны. Супруга Александра I пишет, что ее обрадовало сообщение о женитьбе Михаила Семеновича: «Я с большим удовлетворением узнала о выборе графа Михаила. Это потому, что я знаю вашу невестку, радуюсь союзу так хорошо подобранному, и который обещает счастье нескончаемое для обоих супругов. Получите, граф, мое чувствительное благословение. Удовлетворение, которое дает вам эта женитьба, является для меня очень важным обстоятельством»^{176}.

Друзья Михаила Семеновича также были рады за него. «Хорошо, что брат Михайло женится. Жена красавица, и не худо, что богата», — написал А. П. Ермолов, выражая общее мнение^{177}.

Злые языки и в наши дни говорят, что М. С. Воронцов женился на Е. К. Браницкой из-за ее богатого приданого. В действительности то, что Михаил Семенович должен был наследовать от отца, в несколько раз превосходило наследованное Елизаветой Ксаверьевной. Она наследовала в Черкасском уезде Киевской губернии местечко Городище с тремя тысячами ревизских душ и винокуренным заводом и местечко Мошны с полутора тысячу ревизских душ и также винокуренным заводом.

А Семен Романович владел десятками тысяч крепостных и немалым числом имений в разных российских губерниях.

До близкого знакомства с Елизаветой Ксаверьевной Семен Романович слышал от своего слуги, что невеста Михаила Семеновича не только красива, но и имеет хороший характер. На вопрос о том, как он узнал о характере Елизаветы Ксаверьевны, слуга ответил: «Мы разговариваем с нашими товарищами о наших хозяевах, и все слуги дома Браницкой уверяют, что молодая графиня кроткая, добрая, с ангельским характером». Что же, сказал в ответ Семен Романович, она выходит замуж за человека с таким же добрым характером. Это могут подтвердить не только слуги, но и все кто служил под его командованием, и жители французских городов, где находились части русского оккупационного корпуса^{178}.

Вскоре после свадьбы молодые уехали в Лондон, навестили Екатерину Семеновну Пемброк, которая из-за новой беременности не смогла присутствовать на свадьбе брата. В августе стало известно, что Елизавета Ксаверьевна ждет ребенка. В сентябре молодожены отправились на родину. По пути они провели четыре недели в Париже и две недели в Вене.

Накануне отъезда сына и невестки Семен Романович писал Ф. В. Ростопчину: «Брак моего милого Михаила совершил мое счастье, благодаря нраву его жены, столь открытому и сходному с характером Катеньки и лорда Пемброка, которые очень ее полюбили». В другом письме Семена Романовича говорилось: «Лиза овладела нашими сердцами; я расстаюсь с нею, как с дочерью, а Катенька и муж ее как с сестрой; она много выигрывает при большем сближении с нею»^{179}.

Судьба соединила двоих прекрасных людей, с одинаково прекрасными характерами. И в конце своего жизненного пути Михаил Семенович скажет, что

женитьба на Елизавете Ксаверьевне дала ему за 36 лет брака так много счастья.

Глава XII

НА ПЕРЕПУТЬЕ

22 февраля 1819 года генерал-майор, флигель-адъютант Павел Дмитриевич Киселев был назначен начальником штаба 2-й армии, защищавшей южные губернии России. Штаб армии находился в Подольской губернии в Тульчине.

И. В. Сабанеев получил во 2-й армии корпус, размещенный в Бессарабии. В этом корпусе оказался один из Воронцовских полков. «Из бывшего твоего корпуса поступил ко мне Якутский полк; люди сбережены, амуниция чудесная, ружей таких я еще не видывал в нашей армии, — писал Сабанеев Михаилу Семеновичу. — Доброй воли много, все прекрасно; надобно только подтвердить устав. Словом, надобно его выработать на показ. Для дела он готов более нежели все другие»^{180}.

И. В. Сабанеев расхвалил Якутский полк отнюдь не из дружеских чувств. Так же отозвался об этом полке и П. Д. Киселев. «Не понимаю почему опорочили до такой крайности войска, из Франции возвращающиеся; я смотрел Якутский полк и нашел его по внутренности и по наружности в хорошей весьма исправности, — писал он Закревскому. — Весь полк боялся моего приезда и ожидал беды; я, напротив, благодарил и показал, чем нужно заняться. Нравственность солдат, усердие всех чинов, амуниция и артели должны обратить признательность начальства; по фронту более нашел я хорошего, чем дурного, и крепко надеюсь, что в Одессе и казармах, куда полк сей переведется, к будущему году он будет из лучших полков армии»^{181}.

П. Д. Киселев был человеком дипломатичным и искусственным в штабных делах. А поэтому не мог не

покритиковать М. С. Воронцова. В Одессе Киселев встречался с Понсетом, который служил прежде в подчинении у Воронцова. В беседе между ними зашла речь о Михаиле Семеновиче. «Мы много говорили о делах их, — рассказывает Киселев в том же письме Закревскому, — и он согласился, что Воронцов не прав во многом и особенно в том, что полагал геройством не скрывать пренебрежения ко всему, что свыше приходило, и порочить явно все постановления, которые по званию своему обязан был представлять не на посмешище, но на уважение подчиненных своих, либо не служить! Я полагаю, что ты со мною согласен». Однако при этом Павел Дмитриевич не преминул отметить, что многие из постановлений Михаила Семеновича «должно признать полезными, в особенности запрещение жестоких телесных наказаний, которые должны быть распространены на всю армию»^{182}.

Действительно, Михаил Семенович не особенно осторожничал, критиковал многие распоряжения, приходившие из Петербурга от высшего начальства. Поняв, что он не в силах искоренить в армии жестокое отношение к нижним чинам и другие недостатки, он решил уйти в отставку.

С. Р. Воронцов одобрил намерение сына оставить службу: «Вы служили с усердием, с величайшей активностью в течение 19 лет, со счастьем и одобрением; вы имеете право пожить для себя, для своей семьи, для устройства ваших дел, которые у вас не было времени устроить, для приготовления подходящего жилища и для пользования, наконец, независимостью, которая является хорошим руководством для человека ваших понятий о чести и вашей возвышенности души»^{183}.

В конце 1819 года, по приезде в Россию, чета Воронцовых отправилась в Белую Церковь, имение Браницких. В ожидании своей отставки Михаил

Семенович задумался о том, где ему жить и чем заниматься. И поехал на разведку в Одессу.

А. П. Ермолов очень переживал за своего друга. «Жаль весьма, — писал он Закревскому, — что брат Михайло имеет по службе неприятности. Надобно беречь подобных ему людей; у нас нет таковых излишних! Не по дружбе к нему, но по самой строгой справедливости оцените его и, без сомнения, найдете, что люди с его достоинствами редки. Прибавьте и ту выгоду, что он молод и государство долго может пользоваться его услугами»^{184}.

Н. Н. Раевский-младший, сын Н. Н. Раевского, героя Бородинского сражения, служил когда-то под началом М. С. Воронцова и очень его уважал. Встретившись с А. П. Ермоловым, он сказал, что служба является господствующей страстью Михаила Семеновича, что тот не может не служить. Впрочем, Ермолов и сам это понимал. «Признаюсь, что мне казалось бы странною мысль сия, и если бы видел я его, то имел бы с ним схватку, — писал он Закревскому. — Я люблю его и слишком люблю пользу Государя, чтобы не стараться победить такую дикую мысль. Кому же служить можно, если не служить графу Воронцову? Его воспитание, его счастливые способности всегда уважаемы будут достойно и, конечно, никто затмить его не в состоянии. Ты, как хороший ему приятель, старайся устыдить его подобною мыслию, но, впрочем, я не думаю, чтобы столько мог он быть неосновательным»^{185}.

А вот что написал Алексей Петрович и самому Михаилу Семеновичу: «Тобою, как человеком известным и слишком примечательным, многие занимаются, и потому и в мой отдаленный край довела молва слухи, что ты желаешь уклониться от службы. Могу ли верить, что ты, отличив себя на пути военном редкими и счастливыми способностями, снискав общее уважение, питаешь надежду каждого видеть в тебе одно из

главнейших орудий правительства, хочешь отнять у себя вернейшее средство быть ему полезным?»^{186}

Несмотря на увещевания друзей, Михаил Семенович продолжал лелеять мысль об отставке, но Александр I отказался удовлетворить его просьбу. Вместо отставки он предложил ему выбор — бессрочный отпуск или без отпуска свободно жить, где хочет, или отправиться путешествовать. Император понимал, что дать отставку уважаемому и любимому в армии Воронцову, значит расписаться в том, что он плохо разбирается в своих генералах, не ценит их заслуги.

В начале 1820 года М. С. и Е. К. Воронцовы приехали в Петербург. В дом на Малой Морской, где они жили, хлынул поток гостей. А на третий день после их приезда сам Александр I посетил находившуюся в положении Елизавету Ксаверьевну. Это возбудило зависть военных, жены которых не удостаивались такой чести. Кроме того, несколькими месяцами позже Елизавете Ксаверьевне был пожалован орден Св. Великомученицы Екатерины — единственный в России «женский» орден.

Император пожелал встретиться и с Михаилом Семеновичем и дал ему аудиенцию. «Государь меня принял весьма милостиво, — писал Михаил Семенович Закревскому, — и ежели ему неприятно, чтобы я пошел в отставку, то я не пойду, но служить также я не расположен и не гожусь, и потому воспользуюсь, я думаю, позволением быть и жить, где по здоровью и по домашним обстоятельствам мне лучше». «Многие думали, — объясняет он другу, — что я иду в отставку от того, что не производят <...> эта причина не могла действовать, а склонили меня другие, о коих ты верно мог догадаться и о коих мы поговорим, когда ты здесь будешь»^{187}. Главной причиной решения М. С. Воронцова уйти в отставку была отрицательная оценка его командования русским оккупационным корпусом во Франции и непринятие высшей властью его

требований изменить отношение к нижним чинам в армии.

Александр I не раз беседовал с Михаилом Семеновичем. Во время одной из встреч император вручил ему необычный рескрипт, в котором говорилось: «Я ожидал прибытия вашего сюда, чтобы лично изъявить вам признательность Мою за все ваши труды и попечения, коими вы совершенно оправдали Мою к вам доверенность во время командования корпусом наших войск во Франции, и соблюдением наилучшего порядка и дисциплины; вы успели сохранить вверенные вам войска, их здоровье и славу доброго имени Русских воинов, приобретших себе уважение обывателей не только во Франции, но и во всех Государствах, чрез которые они возвращались в свои пределы; счастливое достижение их в Россию без изнурения и с самым малым числом больных и бежавших, все сие доказывает благоразумные и попечительные ваши распоряжения. Поручаю вам объявить *Мое* благоволение Генералам, Штаб- и Обер-офицерам, бывшим под вашим начальством и того заслуживающим по вашему усмотрению»^{188}.

Смысл рескрипта ясен. Император фактически извинялся перед Михаилом Семеновичем. Рескрипт был напечатан в газетах. Таким образом, извинение императора и признание заслуг М. С. Воронцова прозвучало на всю Россию и за ее пределами.

Весьма возможно, что Михаил Семенович не поверил в искренность императора. Но он был удовлетворен тем, что оправдан в общественном мнении и что все его действия как командующего оккупационным корпусом признаны правильными. Теперь у него не было морального права уходить со службы. «Я имел разговор с Государем, который поступил со мною так милостиво, что мне нельзя уже продолжать проситься в отставку, — писал он Закревскому. — Отпуск у меня остается и в

чужие края на полтора года, после чего я готов служить где угодно Его Величеству, только просил милости, чтобы это было в южных провинциях, что угодно было Государю и обещать». «Больше всего меня обрадовало, это рескрипт, — признался он, — который ты уже видел в газетах и в коем Его Величество столь лестно говорит на счет корпуса и всех мер мною взятых для выполнения препорученности на меня возложенной. Сей рескрипт совершенно должен успокоить и меня и товарищей моих, имевших причину думать, что нами Государь был недоволен. Его Величество еще лично мне изволил сказать, что поведение всех полков, возвратившихся из Франции, везде есть отличное и что все корпусные командиры оные весьма хвалят. Все сие делает, что мне не стыдно будет с старыми товарищами встретиться, ежели служба когда-нибудь меня к тому приведет, я больше и желать не был в праве»^{189}.

С. Р. Воронцов, получив копию рескрипта, обрадовался ему не меньше сына. Отмечая положительные стороны командования Михаилом Семеновичем оккупационным корпусом, Семен Романович говорил, что благодаря его заботе был поднят дух солдат, что в солдат было вдохновлено чувство гордости, «без которого гряда гнусных вооруженных рабов становятся баранами, а не настоящими воинами»^{190}.

31 января 1820 года Елизавета Ксаверьевна родила дочь. Роды были скорыми и благополучными. Девочку решили назвать Катериной. Но не успел Михаил Семенович порадоваться рождению ребенка, как был поражен ударом — через несколько дней девочка умерла. Михаил Семенович и несколько его друзей опустили маленький гробик в землю Лазаревского кладбища Александро-Невской лавры. Елизавете Ксаверьевне некоторое время не говорили о смерти младенца.

19 февраля 1820 года был подписан указ о назначении генерал-лейтенанта графа Воронцова командиром 3-го пехотного корпуса 1-й армии, который стоял в Кременчуге. Император учел желание Михаила Семеновича служить где-нибудь на юге. Но в корпус Воронцов не поехал. С разрешения государя Михаил Семенович и его супруга решили пожить какое-то время в Петербурге.

В апреле на обеде у М. С. и Е. К. Воронцовых был В. А. Жуковский. Знаменитому поэту давно хотелось познакомиться с человеком, о котором он так вдохновенно написал в стихотворении «Певец во стане русских воинов». Несколько дней спустя Воронцовы и их близкие знакомые отправились в Академию художеств посмотреть портреты генералов, героев Отечественной войны, которые писал английский художник Джордж Доу. Портреты предназначались для Военной галереи, которая создавалась в Зимнем дворце по приказу Александра I.

Вскоре Д. Доу написал для Военной галереи портрет Михаила Семеновича. Тогда же он получил частный заказ на портрет Елизаветы Ксаверьевны.

Глава XIII

КРЕПОСТНИЧЕСТВО — ПОЗОР РОССИИ

И Александр Романович, и Семен Романович Воронцовы были противниками крепостного права. М. С. Воронцов унаследовал взгляды отца и дяди. Он говорил, что существование крепостничества в христианской России является позором. При этом все трое, не дожидаясь, когда крестьяне получат полную свободу, старались и в условиях своего времени облегчить их положение. Об этом, например, свидетельствуют те, кто побывал в Воронцовских имениях.

Из письма И. В. Сабанеева М. С. Воронцову: «В проезд мой через Воронеж, наслышался я о крестьянах твоих в Павловском уезде и говорил с одним мальчиком из Воронцовки, который вез меня из Павловска. Мне кажется, нет другого большего удовольствия, как быть добрым господином. Ты, мой бесценный друг, отец нескольких тысяч. Кто этому не порадуется. Признаюсь, в сем только случае могу я тебе позавидовать. Ты делаешь блаженство нескольких тысяч, а я едва ли одной сотне»^{191}.

В этих же воронежских имениях Воронцовых побывал А. Х. Бенкендорф. О своих впечатлениях он написал Михаилу Семеновичу: «Я не могу высказать вам, мой дорогой друг, радость, которую я испытал, видя благословения тысяч добрых пахарей, расточаемые на всю вашу фамилию. Могу сказать, что и я имею счастье принадлежать к ним: так мне приятно слышать хвалу вашему прекрасному отцу и моему дорогому другу Михаилу. Все поселяне счастливы, богаты и сердечно

привязаны к своим господам, которые от отца к сыну заботятся об их выгоде»^{192}.

«Я никогда не видела этого замечательного и достойного сановника, — вспоминала одна из современниц М. С. Воронцова, — но уважала его с самого детства, за уменье, во время крепостного права, сделать своих крестьян счастливыми и богатыми; он отдавал всю господскую землю миру и взимал за нее легкий оброк. Имением его заведывал управляющий, но крестьяне не боялись его, а скорее он боялся крестьян; едва доходила до Воронцова какая-нибудь жалоба крестьян на управляющего, последний немедленно удалялся»^{193}.

М. С. Воронцов говорил, что не только долг, но и выгода должны заставить дворянство начать думать об освобождении крестьян от рабства. А на вопрос, согласится ли он войти в общество по освобождению крестьян, он ответил, что согласен войти только в такое общество, целью которого будет хоть и постепенная, но не слишком отложенная отмена крепостного права.

В январе 1820 года в Варшаву, где в то время служил князь П. А. Вяземский, приехал С. И. Тургенев. После окончания службы в русском оккупационном корпусе во Франции Сергей Иванович оказался не у дел и направлялся в Россию для получения новой должности. В Варшаве П. А. Вяземский и С. И. Тургенев подолгу беседовали о необходимости отмены крепостного права. По прибытии в Петербург С. И. Тургенев рассказал о встречах с Вяземским своим братьям А. И. и Н. И. Тургеневым. Те согласились с идеей Вяземского о создании легального общества, которое стало бы добиваться свободы для крестьян. Для большего веса общества П. В. Вяземский предложил привлечь в него несколько «высокопревосходительств». Первым решили пригласить М. С. Воронцова, хорошо известного Тургеневым как решительного противника крепостничества.

11 мая 1820 года Н. И. Тургенев писал брату Сергею (к этому времени С. И. Тургенев уехал в Константинополь на службу в русскую миссию): «На сих днях я был у гр. Воронцова, и он мне чрезвычайно понравился и потому уже, что понимает и чувствует вещи так, как должно. Жаль, что он не долго здесь пробудет. Он мог бы быть начинщиком улучшения участи крестьян. И теперь главная надежда на него. К тому же с ним одним можно говорить здесь об этом так, чтобы обе стороны понимали друг друга. Что касается до других, то их надобно еще толковать и доказывать, что рабство несправедливо и что крестьяне не могут вечно оставаться крепостными. А это толкование весьма трудно, часто даже остается без успеха»^{194}.

Инициаторы создания общества составили «Записку» для Александра I. В ней говорилось, что несколько помещиков, одушевленные «чистым доброжелательством к любимому нашему отечеству России», «имеют намерение составить общество под руководством управляющего министерства внутренних дел, которого целью должно быть изыскание способов к улучшению состояния крестьян и к постепенному освобождению от рабства как их, так и дворовых людей, принадлежащих помещикам, в сие общество вступающим». Эти помещики считают, что освобождение крестьян «есть в настоящее время дело не только справедливое, но и благородное»^{195}. Под «Запиской» стояли подписи М. С. Воронцова, А. С. Меншикова, П. А. Вяземского, братьев Тургеневых и еще нескольких лиц. Она была передана императору Воронцовым и Меншиковым.

Александр I не дал согласие на учреждение этого общества. А при дворе стали судачить о том, что Воронцов подписался под «Запиской» не потому, что его заботит участь крестьян, а из присущего ему честолюбия. Братьев же Тургеневых обвинили в том, что

они хотят выслужиться. Терять, де, им нечего, так как крестьян у них ничтожное число. Обвиняли Михаила Семеновича и в том, что своими планами он побуждает крестьян к бунтам.

Совместные действия братьев Тургеневых, М. С. Воронцова, А. С. Меншикова и других в борьбе за освобождение крестьян нашли отражение в 10-й главе «Евгения Онегина» Пушкина:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян [{196}](#).

Хромой Тургенев — это Н. И. Тургенев. Толпа дворян освободителей крестьян была не очень многочисленной, и Пушкин, конечно, не мог не различить в ней М. С. Воронцова.

Среди тех, кто критиковал М. С. Воронцова за выступление против крепостного права, оказался и его друг А. П. Ермолов. «Мысль о свободе крестьян, — писал Алексей Петрович, — смею сказать, невпопад. Если она и по моде, но сообразить нужно, приличествуют ли обстоятельства и время <...> Подозрительно было бы суждение мое, если бы я был человек богатый, но я хотя и ничего не теряю в таком случае, далек однако же, чтобы согласоваться с подобным намерением и собою не умножил бы общества мудрых освободителей <...> Не думает ли брат Михайло сделать себе бессмертное имя? Ему надобно остерегаться, чтобы не оставить по себе памяти беспорядком и неустройствами, которые необходимым будут следствием несогласованного с обстоятельствами переворота. Не большое счастье быть

записану в еженедельное издание иностранного журнала»[{197}](#).

А. П. Ермолов явно несправедлив в своих упреках. М. С. Воронцов не был сторонником таких переворотов, связанных с отменой крепостного права, следствием которых были бы «беспорядки и неустройства».

Шли годы, а крепостное право по-прежнему оставалось в России незыблемым. И тогда Михаил Семенович позволил себе напомнить Николаю I о Божьем суде. Он пишет А. Х. Бенкендорфу: «Государь много сделал для России, много сделал для своего бессмертия, но он не может без страха предстать перед Божьим судом, если оставит страну в 50 мил. душ, не улучшив (насколько позволяет благоразумие) общественного положения этих миллионов, и если будут еще продолжать, как делается это теперь, публично продавать, иногда в интересах казны, мужчин, женщин, детей без земли и как жалкий скот. Уже 130 лет и даже больше тому назад Петр Великий говорил в своих указах, что это ужасно и недостойно христианской страны. Екатерина хотела уничтожить это страшное злоупотребление, но ей помешали старые колпаки и старухи ее двора. Но теперь мы живем под управлением Государя, который соединяет в себе знания, силу и волю. Он не позволит глупцам и мерзавцам удержаться себя и сумеет различить разные необходимые улучшения от опасных новшеств»[{198}](#).

Бенкендорф, назначенный в 1826 году шефом жандармов и главным начальником Третьего отделения канцелярии императора, стал очень близок Николаю I. И Михаил Семенович был уверен, что Александр Христофорович обязательно покажет письмо императору. Познакомил ли Бенкендорф Николая I с этим письмом и какой была его реакция, неизвестно. Но при царствовании Николая Павловича крепостное право не было отменено. Так что Божьего суда император не

побоялся. Для него страшнее были помещики, в массе своей выступавшие против отмены крепостного права.

В 1842 году был сделан, как казалось, важный шаг на пути к отмене крепостного права. 2 апреля Николай I подписал указ об обязанных крестьянах. По этому указу помещикам разрешалось переводить своих крестьян на положение обязанных. Крестьяне получали личную свободу и земельный надел, а за это должны были отбывать некоторые повинности в пользу помещика или платить ему оброк. П. Д. Киселев, участвовавший в подготовке этого указа, посоветовал М. С. Воронцову воспользоваться случаем и в качестве примера перевести в новое состояние крестьян своего имения Мурино. Михаил Семенович согласился.

Летом 1842 года М. С. Воронцов приехал в Петербург и начал вести переговоры со своими крестьянами, обсуждать условия соглашения с ними. Однако столичные чиновники стали всячески тормозить заключение договора. Потребовалось более полугодом и немало усилий, чтобы в 1843 году довести начатое дело до конца. Из-за бюрократических рогаток М. С. Воронцов вынужден был отказаться от перевода в положение обязанных крестьян в других своих имениях.

Примеру М. С. Воронцова последовало всего несколько человек. Из десятков миллионов крепостных относительную вольность получили лишь 24 708 душ мужского пола.

В начале 1853 года П. Д. Киселев послал М. С. Воронцову письмо, в котором говорил, что россияне живут как на вулкане. Подобно извержению вулкана, в любое время может вспыхнуть крестьянское восстание. Он боялся этого, а потому и выступал за урегулирование отношений между крестьянами и их владельцами. В ответ Воронцов написал: «Вы совершенно правы; я разделяю этот страх и, подобно вам, желаю регулирования из страха, но также по чувству

справедливости и по правилам нашей святой религии»[{199}](#).

Киселев пишет, что зло было бы разумнее всего предотвратить. Но как это сделать? Он считал, что невозможно улучшить положение крестьян, не отменив полностью крепостное право. Михаил Семенович не согласился с другом: «Вы, кажется, думаете, что нельзя ничего сделать, не сделав всего; я, напротив, думаю, что сделать все еще долго будет невозможно; но я думаю и убежден в том, что можно сделать что-нибудь и даже многое теперь же, и без шума, мало-помалу, не давая ни причин, ни даже предлога в руки тех, которых мнения, а может быть и намерения, совершенно противоположны нашим. Дело весьма важно, любезный граф; от него зависит наша будущность, наше социальное существование»[{200}](#).

До Манифеста об отмене крепостного права М. С. Воронцову дожить не довелось. Но в том, что 19 февраля 1861 года Россия освободилась от позора крепостничества, есть и его заслуга.

Глава XIV

НАЧАЛО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА

М. С. Воронцов находился в дружеских отношениях с братьями Александром Яковлевичем и Константином Яковлевичем Булгаковыми. Из обширной переписки братьев можно почерпнуть массу интересных сведений о событиях и людях того времени, в частности о Михаиле Семеновиче Воронцове и его семье.

К. Я. Булгаков в 1816–1819 годы был почт-директором в Москве, а в 1819 году занял такую же должность в Петербурге. У него возникла идея пустить между Петербургом и Москвой пассажирские дилижансы. Благодаря дилижансам поездки россиян из одной столицы в другую стали бы занимать меньше времени и обходились бы дешевле, чем поездки на перекладных.

С этим предложением К. Я. Булгаков обратился к М. С. Воронцову и к другим «богачам». Михаил Семенович сразу поддержал этот проект и внес большую сумму денег для его осуществления. О проекте было доложено Александру I.

26 мая 1820 года К. Я. Булгаков писал брату А. Я. Булгакову в Москву: «Завтра собирается у меня комитет о дилижансах и положат основание сему славному заведению; тотчас будут делаться почтовые коляски, и к осени, верно, езда в них начнется. Спасибо Воронцову: без него бы, конечно, ничего не состоялось; он взялся за дело горячо, и к нему пристали и другие. Побывал всего несколько месяцев здесь, а успел сделать что-нибудь полезное; а другой и целый век живет, но и в голову не придет позаботиться об общей пользе»^{201}.

В ноябре 1820 года из Петербурга в Москву отправились два первых дилижанса. Но чете Воронцовых не пришлось воспользоваться дилижансами. Они уехали из Петербурга в Москву еще в июне. Из Москвы они отправились в Андреевское. Пребывание в Андреевском было кратким, но и за это время Михаил Семенович успел учредить там школу для крестьянских детей на основе ланкастерской системы взаимного обучения. Из Андреевского супруги поехали в Киев, а затем в Александрию, имение А. В. Браницкой.

В июле М. С. Воронцов впервые побывал в Мошне, принадлежавшем его жене. Отсюда он отправился в Одессу, потом в Бессарабию. В Воскресенске он присутствовал на маневрах 2-й армии. Был на маневрах и Александр I. В Крым на этот раз Михаил Семенович не ездил, но по рекомендации герцога Ришелье купил земли в Мартьяне и Ай-Даниле на южном берегу полуострова.

В сентябре Михаил Семенович и Елизавета Ксаверьевна отправились в путешествие по Европе — Вена, Венеция, Верона, Милан, Турин, Лион, Париж. В Париже им пришлось задержаться на три недели. Не доезжая до города, их экипаж опрокинулся. Елизавета Ксаверьевна снова была в положении, и, к счастью, с нею ничего не случилось, а Михаил Семенович вывихнул плечо.

В конце октября 1820 года Н. М. Лонгинов написал С. Р. Воронцову большое письмо. Он посылал его с оказией, поэтому писал обо всем наболевшем откровенно. Лонгинов как секретарь императрицы Елизаветы Алексеевны был, видимо, неплохо осведомлен о сокровенных мыслях Александра I: «Государь не любит и никогда, я думаю, не полюбит графа Михаила. Никогда человек, стоящий выше, не мог быть у него в фаворе, особенно человек твердый, мужественный и благородный в своих чувствах,

неизменный в своих принципах, не способный ни к какому унижению, любимый солдатами, уважаемый публикой». Лонгинов был уверен, что при вступлении Михаила Семеновича в командование корпусом ему обязательно будут «чинить неприятности»^{202}.

В декабре Михаил Семенович и Елизавета Ксаверьевна приехали в Лондон. Семен Романович, конечно же, познакомил сына с письмом Лонгинова. Тот не мог не согласиться с мнением автора, и ему еще меньше захотелось вступить в командование корпусом.

В мае 1821 года, во время пребывания в Англии, Елизавета Ксаверьевна родила дочь, которую назвали Александриной. В июле и лондонские, и российские Воронцовы присутствовали при коронации английского короля Георга IV. Тогда же знаменитый английский художник президент Британской королевской академии Томас Лоуренс написал портрет Михаила Семеновича и эскиз портрета Елизаветы Ксаверьевны.

В декабре 1821 года Воронцовы отправились из Англии в Париж. Из-за болезни Михаила Семеновича они задержались здесь до апреля следующего года. В Париже супруги позировали скульптору Дени Фуатье. Прекрасные мраморные бюсты Елизаветы Ксаверьевны и Михаила Семеновича и сегодня украшают Воронцовский дворец в Алушке.

В июне 1822 года супруги уже гостили у А. В. Браницкой в имении Александрия, затем уехали в Мошны. В том же месяце Михаил Семенович отправился в Петербург. Один. Елизавета Ксаверьевна была опять беременна. Вскоре она родила мальчика, названного Александром. К сожалению, он прожил всего один год.

В Петербурге, как и всегда, М. С. Воронцов принимал в своем доме на Малой Морской многочисленных друзей и знакомых и сам был для них желанным гостем. А однажды он даже получил приглашение от самого императора.

Михаила Семеновича очень интересовало все, что происходит на юге России, где он мечтал жить. Он узнал, что А. Д. Гурьев, служивший в русском оккупационном корпусе в его подчинении, стал градоначальником Одессы. А. Ф. Ланжерон ушел в отпуск и отправился в Европу лечиться. Вместо него генерал-губернатором Новороссии был временно назначен генерал И. Н. Инзов, главный попечитель и председатель Комитета о колонистах юга России. Вскоре Инзова назначили и временным наместником Бессарабии вместо ушедшего в отставку Бахметьева. Воронцов узнал также, что из Новороссии и особенно из Бессарабии в Петербург поступает много жалоб на местную власть.

Не в эти ли дни родилась у Михаила Семеновича мысль оставить армию, перейти на гражданскую службу и занять вакантную должность генерал-губернатора Новороссии? На такую мысль могли натолкнуть его и письма из Бессарабии от И. В. Сабанеева. В них Иван Васильевич всячески расхваливал жизнь на юге. Он писал Михаилу Семеновичу, что здесь можно с выгодой заняться выращиванием пшеницы. А вскоре сообщил, что поселился в Одессе, купив хутор с садом и колодцем.

Михаилу Семеновичу не сиделось на месте. Он уехал к теще в Александрию. А. В. Браницкая после разговоров с зятем написала в Петербург Н. М. Лонгинову и попросила купить ей мозаичный камин и двери красного дерева с позолоченными ручками из Михайловского замка. Эти вещи предназначались для нового дома, который собирался строить для себя Михаил Семенович. Приобретения обошлись в 5530 рублей. Михайловский замок, в котором жил и был убит Павел I, перешел в инженерное ведомство. Для перестройки его под учебное заведение требовались деньги. Их и решили собрать за счет продажи роскошных украшений замка.

Михаил Семенович продолжал уклоняться от службы. Император разрешил ему продлить отпуск еще на два месяца — для устройства личных дел. Воронцов побывал в Одессе, объехал южный берег Крыма. Съездил в Мошны, а затем в Белую Церковь — к жене, к детям, к теще. Вероятно, М. С. Воронцову служба в армии в мирное время казалась скучной.

В 1822 году Семен Романович поручил сыну управление всеми своими российскими имениями. Михаил Семенович занялся покупкой земель в южных губерниях. В конце года он приобрел у одного помещика в Херсонской губернии 47 тысяч десятин. Вместе с землей к нему отошли село Николаевка с 350 ревизскими душами и деревня Оскоровка. Вскоре Николаевка стала называться Новой Воронцовкой. Сюда начали переселяться крестьяне из Воронцовских имений, находившихся в Саратовской и Воронежской губерниях. Там они страдали от малоземелья. За один год в Новую Воронцовку переселилось около двух тысяч человек. В течение года ими было построено 300 домов, в том числе 160 каменных. Как видим, Воронцовские переселенцы явно не бедствовали. А в следующем году Михаил Семенович купил землю и дом Ришелье в Гурзуфе и земельный участок с каменным домом и подсобными помещениями в Одессе.

Когда до А. П. Ермолова дошел слух о желании Михаила Семеновича стать генерал-губернатором Новороссийского края, он написал А. А. Закревскому: «Место Ланжерона точно видное и полезное, особливо когда мирное время не представляет лучших занятий, и я нахожу весьма благоразумным сие его желание, но неужели можно отказать ему в том, в чем не затруднили предоставить Ланжерону? Не позволительно столько мало справедливости в отношении к брату Михайле!»^{203}.

Наступил 1823 год. Положение М. С. Воронцова продолжало оставаться неопределенным. В командование 3-м корпусом он так и не вступил. В феврале Михаил Семенович приехал в Петербург. Здесь все говорили, что он будет назначен или на место Ланжерона, или на место Инзова. Но шли недели, а ничто в его судьбе не менялось. Государь никак не мог прийти к окончательному решению.

Лишь 7 мая ситуация наконец прояснилась. В этот день, во-первых, генерал-лейтенанту Инзову за отличную службу, усердие и благоразумное исполнение временно возложенных на него обязанностей по управлению Новороссийским краем и Областью Бессарабию был пожалован орден Св. Александра Невского. Во-вторых, генерал от инфантерии граф Ланжерон был уволен от звания Генерал-Губернатора Новороссийского с сохранением за ним жалованья и столовых денег. (До 1822 года Ланжерон был главнокомандующим Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерний, а по указу от 11 мая этого года главнокомандующему «поведено» было «именоваться» Новороссийским генерал-губернатором.) В третьих, генерал-адъютант, генерал-лейтенант граф Воронцов был назначен Новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Области Бессарабской. Таким образом, в лице М. С. Воронцова были впервые соединены две должности — генерал-губернатора Новороссии, в которую входили Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губернии, и наместника Бессарабии.

М. С. Воронцов был рад сменить не привлекательное для него в мирное время воинское звание генерал-лейтенанта на гражданское звание генерал-губернатора. Вспомним, что в 1778 году, 45-ю годами раньше, генерал-губернатором стал Р. И. Воронцов, дед

Михаила Семеновича. Не сыграло ли и это свою роль в назначении внука на такую же должность?

Принимая назначение, Михаил Семенович попросил, а император разрешил ему: 1. Выбрать для резиденции любой город края и менять его, когда посчитает это необходимым. 2. Ездить в Белую Церковь или в другие свои имения, не спрашивая разрешения из Петербурга. 3. Навещать в Англии отца. 4. Приезжать в Петербург так часто, как потребуют интересы дела.

М. С. Воронцов и его супруга остались довольны этими условиями. Друзья Михаила Семеновича радовались за него и поздравляли со столь важным назначением. «Любя пользу Отечества, — писал ему А. П. Ермолов, — рад я был, что ты получил место, в котором больше можешь оказать ему заслуг»^{204}. Из письма Н. М. Лонгинова к С. Р. Воронцову в Англию: «Из всех гражданских мест это единственное подходящее к положению графа как по значительности самой должности, так личным преимуществам для графа и по выгоды для дел домашних. Стоит взглянуть на карту России и на политическое и естественное положение этого обширного края, чтобы понять, какую великую и неисчислимую пользу может ему принести такой человек, как ваш сын, граф. Я повторю слова графа Кочубея, который писал ему, что если он может поздравить его с таким назначением, то еще больше поздравляет край с таким начальником. Дай Бог России побольше подобных ему губернаторов. <...> Я не нахожу, кого бы можно сравнить с ним в России»^{205}. А Александр I в разговоре с Кочубеем подчеркнул, что он ожидает большую пользу от назначения Воронцова, поскольку тот является любителем всего полезного^{206}.

Перед отъездом на новое место службы Воронцову необходимо было изучить все имеющиеся в Петербурге материалы о положении дел в Новороссии и в Бессарабии, в том числе и жалобы, которые поступали в

столицу, а главное, подобрать сотрудников. На службу к Михаилу Семеновичу просились многие, но он принимал лишь тех, в ком видел единомышленников, на кого мог полностью положиться.

Начальником канцелярии М. С. Воронцова согласился стать полковник А. И. Казначеев, который был адъютантом Михаила Семеновича в бытность его командующим русским оккупационным корпусом во Франции. На гражданскую службу, лишь бы только остаться рядом с Воронцовым, перешли также Ф. И. Брунов и П. Я. Марини. Брунов должен был ведать делами Бессарабской области, а Марини — иностранной перепиской. «Все трое в восхищении, — писал К. А. Булгаков, — да и есть от чего: приятнее начальника иметь нельзя»^{207}. Подбор сотрудников на этом не закончился.

1 июня супруги Воронцовы дали в доме на Малой Морской прощальный обед. Ранним утром следующего дня Михаил Семенович отправился в Мурино, чтобы посетить могилу своей кормилицы Пелагеи. 7 июня чета Воронцовых и новые сослуживцы генерал-губернатора покинули Петербург. По дороге они заехали в Белую Церковь. Елизавета Ксаверьевна была в положении и решила некоторое время пожить у матери.

21 июля М. С. Воронцов, Н. М. Лонгинов, А. И. Левшин, П. Я. Марини, В. М. Шаховской, О. Р. Франк и А. Н. Раевский прибыли в Одессу. О приеме, оказанном им горожанами, рассказывается в путевых письмах Никанора Михайловича Лонгинова, брата Николая Лонгинова, секретаря императрицы Елизаветы Алексеевны.

21 июля, до Одессы 50 верст. «Тут мы узнали, что в Одессе все сословия ожидают нас с энтузиазмом. В самом деле, прибывши в Одессу в 10-м часу вечера, среди глубокой темноты, мы нашли большей частью город иллюминированный, и люди группами толпились

по улицам. На звук наших колокольчиков у экипажей многие за нами бежали; но вообще народ с 4-го часу пополудни был на ногах и оставался в ожидании графа».

22 июля. «В этот день афишкой Итальянского театра возведена была *la Cenerentola*, нарочито для приезда графа. Мы отправились в театр, который был освещен; явились в генерал-губернаторской ложе. Публика была самая многочисленная. Всеобщее ура было знаком радости зрителей при появлении нашего графа, который был от сего в величайшем замешательстве, да и мы были равнодушны к сей сцене».

24 июля коммерческое одесское общество устроило в честь графа Воронцова бал. «При входе его сиятельства встретила огромная музыка на хорах, и с оных полетели тучи печатных листков с стихами в честь графа на Российском, Итальянском, Латинском и Французском языках <...> Полагают, что одних дам было более 300. Вкус туалета и богатство убранства не уступают Петербургу»^{208}.

Празднества были вечерами, а днем кипела работа. 22 июля Воронцову были представлены чиновники, купечество, духовенство, иностранные консулы. В канцелярию генерал-губернатора стали поступать первые жалобы и прошения горожан. М. С. Воронцов лично знакомился с ними и принимал по ним решения.

26 июля М. С. Воронцов и несколько чиновников его канцелярии поехали в Кишинев, чтобы принять дела от И. Н. Инзова. А дела эти оказались в самом плачевном состоянии. Дом, в котором остановился Михаил Семенович, сразу стали осаждать десятки горожан, жалующься на беззаконие местной власти. По свидетельству жителей, самые вопиющие нарушения закона происходили тогда, когда наместником области был Бахметьев. Его супруга прославилась как женщина алчная и бессердечная. Любой мошенник мог купить за деньги любую должность, а честных людей держали в

тюрьмах, чтобы не раскрылась правда. Казнокрады, получившие должность, делились с наместником награбленным и оставались безнаказанными.

Порядка в Бессарабии не было и при И. Н. Инзове. «Инзов самый плохой старик, — писал Н. М. Лонгинов, — ибо никогда не дал себе труда вникнуть в явные происшествия, только что вел обыкновенные бумаги». «Не могу вам описать, — продолжал он, — всех тех мерзостей и беспорядков, которые тут мы нашли по всем частям. Законы в бездействии; финансы в запустении и бессчетности; народ в угнетении; полиция и страсти деспотствуют; варварство на каждом шагу»^{209}.

Воронцову пришлось заменить полицмейстера, частных и квартальных надзирателей. Бессарабский Верховный Совет получил предложения по совершенствованию управления областью.

Поняв, что Бессарабии придется уделять особое внимание, а из Симферополя, где он хотел первоначально обосноваться, туда не наездишься, Воронцов выбрал местом постоянного пребывания Одессу.

В Кишиневе М. С. Воронцов встретился со своим бывшим сослуживцем Иваном Петровичем Липранди. До Отечественной войны 1812 года И. П. Липранди успел поучаствовать в двух кампаниях, был награжден орденом Св. Анны и шпагой с надписью «за храбрость». Отечественную войну он начал в звании поручика, а закончил подполковником генерального штаба. Участвовал в Бородинском сражении, в битве под Малоярославцем. В деле под Смоленском получил тяжелую контузию в колено, от которой страдал до конца жизни. После занятия Парижа союзными войсками был назначен начальником военной полиции, служил в русском оккупационном корпусе М. С. Воронцова.

У М. С. Воронцова и И. П. Липранди было много общего. Оба были храбры, непреклонно следовали

законам чести, критически относились к высшей власти и оба увлекались собиранием исторических и географических сочинений и карт. Но Липранди был отчаянным дуэлянтом. Одна из дуэлей стала причиной понижения его в должности. После возвращения в Россию Липранди был переведен в Якутский пехотный полк, а затем в Егерский полк, расквартированный в Бессарабии. В ноябре 1822 года он ушел в отставку в звании полковника и с правом ношения военного мундира. С тех пор Иван Петрович жил в Кишиневе. Михаил Семенович предложил ему должность чиновника по особым поручениям. Липранди согласился.

Приняв дела от Инзова, М. С. Воронцов отправился вместе И. П. Липранди в приграничные города Измаил, Килию и Аккерман. Возвратившись в Одессу, он поселился в нанятом для него просторном доме Фундуклея.

В первые недели пребывания в Одессе М. С. Воронцов получил возможность ближе узнать и подружиться с П. Д. Киселевым, начальником штаба 2-й армии. Павел Дмитриевич прожил в Одессе около двух месяцев после дуэли со служившим во 2-й армии генерал-майором Мордвиновым.

Зачинщиком дуэли был Мордвинов. Он послал Киселеву оскорбительный вызов, и тому пришлось пожертвовать исполнением закона ради соблюдения чести. На дуэли Мордвинов был ранен, а на следующий день умер. П. Д. Киселев передал свои обязанности дежурному генералу, написал государю об обстоятельствах дуэли и стал ждать решения своей участи. Какое-то время он жил в Тульчине, а потом уехал в Одессу. Александр I не осудил Киселева и оставил его в прежней должности, но заметил, что было бы лучше, если бы поединок состоялся за границей. Михаил Семенович конечно же был на стороне Киселева. Ведь и для него честь была превыше всего. Правда, сам он был

противником дуэлей и стрелял в людей только на войне и только в неприятеля.

У М. С. Воронцова и П. Д. Киселева были общие взгляды на крепостное право и положение солдат в армии. В 1816 году Павел Дмитриевич подал Александру I записку «О постепенном уничтожении рабства в России». Он также выступал за ограничение телесных наказаний нижних чинов и заботился об улучшении их материального положения. И тоже, как и Воронцов, открыл для солдат 2-й армии ланкастерские школы взаимного обучения.

17 августа М. С. Воронцов отправился в длительную командировку в Крым. В качестве секретаря он взял с собой А. И. Левшина. Много лет спустя тот вспоминал: «Проводя дни и ночи в одной коляске или за одним письменным столом; ночуя иногда на одной куче сена, разговаривая нараспашку о делах всякого рода, нельзя было нам не свикнуться друг с другом, а мне нельзя было не оценить достоинств моего начальника и горячего стремления его к благу вверенного ему края; нельзя было мне не привыкнуть смотреть на вещи шире и смелее, нежели смотрят в канцеляриях и разных управлениях. Таким образом, я в течение трех лет совершал дополнительный курс моего политического образования и признаюсь, что в эти три года идеи мои много изменились к лучшему»^{210}.

Глава XV

НЕ ВРАГ И НЕ ГОНИТЕЛЬ ПУШКИНА

О жизни Пушкина в Одессе и о его отношениях с Воронцовым рассказывается во всех биографиях поэта и во множестве статей. В них М. С. Воронцов неизменно изображается как враг и гонитель Пушкина, как человек безнравственный и бесчестный.

В своей известной эпиграмме и в письмах А. С. Пушкин дал Михаилу Семеновичу весьма нелестную характеристику, с которой согласились некоторые из его современников. В дальнейшем исследователи-пушкинисты стали выдвигать новые и новые обвинения в адрес генерал-губернатора Новороссии.

Однако автор этой книги убежден — представление о Воронцове как о враге Пушкина и как о человеке без чести и совести совершенно неверно и несправедливо. Таково было мнение и М. А. Давыдова, который писал: «Нельзя смотреть на Воронцова глазами пушкинистов»^{211}. «Урон репутации Воронцова нанесли не столько пушкинские эпиграммы, сколько дружные усилия многих поколений пушкинистов, включая почтенного В. Вересаева»^{212}, — считает Сергей Есян.

Рассказывая о жизненном пути М. С. Воронцова, нельзя обойти историю его отношений с великим русским поэтом. Обратимся к фактам, к документам и к иным свидетельствам и посмотрим, был ли прав Пушкин, назвав М. С. Воронцова вандалом, хамом, эгоистом, полуневеждой, полугероем и полуподлецом. И правы ли исследователи, объявившие графа врагом и гонителем поэта.

За сочинение вольнолюбивых стихов и смелые речи чиновник Коллегии иностранных дел Александр Пушкин в мае 1820 года был отправлен из Петербурга курьером к генералу И. Н. Инзову, главному попечителю и председателю Комитета о колонистах юга России. Он должен был остаться в подчинении у генерала и с тех пор жил в Кишиневе.

Одним из близких знакомых Пушкина в кишиневский период его жизни был И. П. Липранди. Пушкина, по его словам, покорили в Липранди отличные достоинства военного человека и истинная ученость. Он называл его своим добрым приятелем и писал с одобрением, что тот не любит правительство, а правительство, со своей стороны, не любит его. И эта нелюбовь, считал Александр Сергеевич, есть «верная порука за честь и ум» Липранди^{213}. Многие из того, что известно о жизни Пушкина в Кишиневе и Одессе, дошло до нас благодаря опубликованным, к сожалению, лишь частично, дневникам и воспоминаниям Липранди, а также его комментариям к статье П. И. Бартенева «Пушкин на юге России».

С мая 1823 года пошел четвертый год «ссылки» Пушкина. Поэт несколько раз обращался в Коллегию иностранных дел с просьбой разрешить ему съездить в Петербург по семейным и иным делам, но неизменно получал отказ. В конце июня 1823 года Пушкин попросил И. Н. Инзова отпустить его в Одессу для лечения морскими ваннами. Поэту удалось «уломать» генерала.

С начала июля Пушкин стал жить в Одессе. До него, вероятно, дошло известие о назначении М. С. Воронцова генерал-губернатором Новороссийского края. Но он и не подозревал, что с этим назначением изменится и его жизнь. В судьбу поэта вмешались князь П. А. Вяземский и А. И. Тургенев.

П. А. Вяземский и А. И. Тургенев, давние друзья А. С. Пушкина, решили воспользоваться назначением М. С. Воронцова генерал-губернатором Новороссии для облегчения участи поэта. Они боялись, что смелые речи Пушкина, которыми он грешил, живя в Кишиневе, могли привести к ссылке в Сибирь, а любая очередная дуэль поэта могла закончиться трагически. Спасением для Пушкина, посчитали они, может стать переход в подчинение к М. С. Воронцову. Ведь им были хорошо известны либерализм и образованность генерал-губернатора Новороссии, его внимательное отношение к подчиненным.

В начале мая А. И. Тургенев, живший в Петербурге, писал П. А. Вяземскому в Москву: «Граф Воронцов сделан Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором. Не знаю еще, отойдет ли к нему и *бесарабский?*»^{214}. На что Вяземский отвечал: «Говорили ли Вы Воронцову о Пушкине? Непременно надобно бы ему взять его к себе. Похлопочите, 138 добрые люди! Тем более, что Пушкин точно хочет остепениться, а скука и досада — плохие советники»^{215}.

Вскоре Тургенев сообщил Вяземскому: «Я говорил с Нессельроде и с графом Воронцовым о Пушкине. Он берет его к себе от Инзова и будет употреблять, чтобы спасти его нравственность, а таланту даст досуг и силу развиться»^{216}. До получения этого письма от Тургенева Вяземский все беспокоился: «С Воронцовым говорено ли о Пушкине и какой ответ?»^{217}.

15 июня 1823 года Тургенев написал Вяземскому: «О Пушкине вот как было. Зная политику и опасения сильных мира сего, следовательно и Вор<оронцова>, я не хотел говорить ему, а сказал Нессельроде в виде сомнения, у кого он должен быть: у Воронцова или Инзова. Граф Н<ессельроде> утвердил первого, а я присоветовал ему сказать о сем Воронцову. Сказано — сделано. Я после и сам два раза говорил Воронцову,

истолковал ему Пушкина и что нужно для его спасения. Кажется, это пойдет на лад. Меценат, климат, море, исторические воспоминания — все есть; за талантом дело не станет, лишь бы не захлебнулся»^{218}.

М. С. Воронцов дал согласие на перевод опального Пушкина в его подчинение по разным причинам. Во-первых, он любил, чтобы его сослуживцы были людьми талантливыми или хотя бы со способностями. Во-вторых, он помнил, что его двоюродный дед М. И. Воронцов покровительствовал М. В. Ломоносову, а родной дядя А. Р. Воронцов был, как отмечалось выше, другом А. Н. Радищева и много сделал для облегчения его участи после ареста и ссылки в Сибирь. И, наконец, он не мог не знать, что его двоюродный дядя А. И. Воронцов был крестным отцом Пушкина и что через него род Воронцовых породнился с родом Пушкиных.

22 июля Пушкин узнал от М. С. Воронцова, что переходит в его подчинение. Начался одесский год жизни поэта, сыгравший немаловажную роль в его дальнейшей судьбе.

Весьма вероятно, что до разговора с А. И. Тургеневым М. С. Воронцов мало что знал о Пушкине и о его творчестве. Ведь до переезда в Одессу он не жил подолгу на одном месте, а поэтому новости о культурной жизни страны доходили до него не полностью и с опозданием. А Пушкин услышал впервые о подвигах М. С. Воронцова в Отечественной войне 1812 года еще во время учебы в Лицее. За прошедшие с тех пор десять с лишним лет из рассказов своих друзей и приятелей, из газетных и иных сообщений поэт узнал многое о своем будущем начальнике.

Пушкин с юных лет мечтал о военной карьере. Он дважды пытался определиться на военную службу, но так и не смог добиться желаемого. Однако всю жизнь испытывал глубокое уважение к военному братству. И. П. Липранди писал: «Александр Сергеевич всегда

восхищался подвигом, в котором жизнь ставилась, как он выражался, *на карту*. Он с особенным вниманием слушал рассказы о военных эпизодах; лицо его краснело и изображало жадность узнать какой-либо особенный случай самоотвержения; глаза его блистали, и вдруг часто он задумывался. Не могу судить о степени его славы в поэзии, но могу утвердительно сказать, что он создан был для поприща военного, и на нем, конечно, он был бы лицом замечательным; но, с другой стороны, едва ли к нему не подходят слова императрицы Екатерины II, сказавшей, что она «в самом младшем чине пала бы в первом же сражении, на поле славы»^{219}. А поэтому при знакомстве с М. С. Воронцовым, о героизме и военных подвигах которого продолжали ходить легенды, Пушкин не мог не отнестись к нему с искренним восхищением и глубоким уважением. Можно с уверенностью сказать, что до встречи с Михаилом Семеновичем Пушкину не приходилось находиться в близких отношениях со столь выдающейся личностью.

Ни в одной биографии Пушкина не говорится о том, с каким уважением должен был отнестись Пушкин к М. С. Воронцову. Напротив, многие исследователи согласны с Т. Г. Цявловской, которая пишет, что «с самого начала службы Пушкина при Воронцове поэту стала ясной невозможность каких бы то ни было отношений с новым начальником»^{220}. М. С. Воронцов, говорят пушкинисты, не выполнил обещания, данного им А. И. Тургеневу, — не предоставил Пушкину условий, необходимых для развития его таланта. Пушкин, писал В. И. Кулешов, «сразу почувствовал, что Воронцов видит в нем только мелкого чиновника своей канцелярии, да еще поднадзорного»^{221}.

Известно, что заботливое отношение М. С. Воронцова к чиновникам его канцелярии сочеталось с требованием добросовестного исполнения ими служебных

обязанностей. Определил ли он служебные обязанности Пушкина? Неизвестно. Но нет никаких свидетельств, что поэт являлся в канцелярию генерал-губернатора не только за получением жалованья, но и для того, чтобы что-то там делать. Следуя предписанию Петербурга, Михаил Семенович должен был привлечь Пушкина к служебным делам, чтобы способствовать этим «исправлению его нравственности». На самом деле, навлекая на себя недовольство властей, он предоставил поэту полную свободу. Нет, генерал-губернатор отнесся к Пушкину не как к мелкому чиновнику, а именно как к поэту.

«И одной недели они не могли ужиться»^{222}, — утверждает В. В. Кунин. В действительности, прошли не одна, а четыре с половиной недели, и 25 августа 1823 года Пушкин написал брату Льву, что Воронцов принял его «очень ласково». Эти слова являются первым документальным свидетельством благожелательного отношения генерал-губернатора к поэту. В конце письма Пушкин признается брату, что не может существовать без денежной поддержки отца. «На хлебах у Воронцова, — пишет он, — я не стану жить — не хочу и полно — крайность может довести до крайности»^{223}.

В то время было принято, что крупный начальник держал открытый стол. Любой сослуживец мог прийти на обед, не нуждаясь в особом приглашении. Живя в Кишиневе, Пушкин нередко предпочитал посещениям ресторана обеды у И. Н. Инзова или у генерала М. Ф. Орлова, командира 16-й дивизии, штаб которой находился в Кишиневе. За столом у Инзова или у Орлова Пушкин чувствовал себя равным со всеми, в том числе и с генералами. Нередко он оказывался в центре внимания обедающих. В какой бы одежде он ни пришел, как бы вольно не держал себя, ему все прощалось.

У М. С. Воронцова в Одессе тоже был открытый стол. Однако Пушкин очень скоро почувствовал, что за столом

рядом с Воронцовскими чиновниками ему не место. Приходить надо было подобающим образом одетым и вести себя соответствующе. Если с одними чиновниками у Пушкина уже начали складываться приятельские отношения, то другие смотрели на него с явным высокомерием, презирая в нем и низкий чин, и неустроенность в жизни, и даже его занятие поэзией. Но в дальнейшем Пушкин изменил свое решение, и его не раз можно было видеть за обеденным столом в доме генерал-губернатора.

Командировка М. С. Воронцова в Крым, начавшаяся 17 августа, продлилась около трех недель. После возвращения в Одессу он отправился за женой и дочерью Александриной в Белую Церковь, где они гостили у А. В. Браницкой, матери Елизаветы Ксаверьевны. Но, видимо, увлекшись делами, Михаил Семенович запоздал и встретил жену и дочь недалеко от Одессы. В город супруги приехали 6 сентября. Вместе с ними прибыл английский врач У. Хатчинсон, который наблюдал за здоровьем графини и девочки.

Н. М. Лонгинов пишет: «Вчера к позднему обеду Ее Сиятельство сюда пожаловали, и все мы вместе кушали в собственном графском доме у моря. В доме же, нанятом от города, где граф всегда будет жить, многое еще не готово, и надобно недели две времени, чтобы хорошенько учредиться. Графиня между тем будет жить на даче г. Рено, которая нанята на месяц и которая весьма красива. Все дачи здесь иного названия не имеют, как хутор. Все говорят: я живу на хуторе. Маленькая графиня весьма в добром здравии»^{224}.

Елизавета Ксаверьевна была на восьмом месяце беременности. На дачу, где она стала жить, зачастили гости. Вероятно, был представлен Елизавете Ксаверьевне и Пушкин.

Косвенным подтверждением встречи Пушкина с Е. К. Воронцовой служит нарисованный им вскоре на

листе рукописи ее портрет. Рядом он попытался изобразить мужа графини. Второй портрет Воронцовой, нарисованный некоторое время спустя, похож скорее на набросок.

В сентябре-октябре Пушкин общался с М. С. Воронцовым чаще, чем с его супругой. За это время он нарисовал 5 портретов генерал-губернатора. Один из них получился особенно выразительным. На лице Михаила Семеновича полуулыбка. Чувствуется, что граф симпатичен автору рисунка.

По приглашению Александра I в начале октября М. С. Воронцов присутствовал на маневрах и смотре дивизий 2-й армии в районе Тульчина. В своих воспоминаниях декабрист Н. В. Басаргин рассказывает, что после смотра был обед, во время которого Александр I познакомил генералов с письмом французского министра иностранных дел Шатобриана. В этом письме якобы говорилось об аресте испанского революционера Риго. И будто бы М. С. Воронцов, единственный из генералов, выразил радость в связи с этим арестом.

Этот рассказ известного декабриста многие исследователи до сих пор принимают на веру, видя в нем свидетельство лживости М. С. Воронцова. В. И. Кулешов, например, утверждает, имея в виду свидетельство Басаргина, что Воронцов «был усердный подхалим»^{225}. В действительности же Басаргин «вспомнил» то, чего не было. В послании Шатобриана ни слова не говорится о Риго. А поэтому Михаил Семенович никак не мог выразить свое отношение к его аресту.

В послании речь шла о другом — о роли России в успокоении Европы. «Государь, — обращался Шатобриан к Александру I, — Испания и Португалия освобождены; две революции прекращены одновременно; два короля вновь возведены на троны; таковы результаты войны, которую король, мой повелитель, предпринял в интересах всех европейских монархий <...> Вам, государь, как вдохновителю Союза, должны быть, в известной мере, приписаны эти удивительные успехи; это вы, дав политике такое благородное направление, предоставили Франции возможность, не подвергаясь особым опасностям, предпринять шаг, вновь возведший ее на ту ступень, с которой она была низведена своими несчастиями»^{226}.

Сослуживцы М. С. Воронцова конечно же с интересом обсуждали результаты смотра 2-й армии. Они, вероятно, порадовались за П. Д. Киселева, начальника штаба армии и друга Михаила Семеновича, который стал после смотра генерал-адъютантом императора, и за градоначальника Одессы А. Д. Гурьева, получившего орден Св. Анны 1-й степени. В Одессе, очевидно, ожидали, что и М. С. Воронцов не будет обойден вниманием императора и наконец-то получит давно заслуженное звание полного генерала. Но ожидание это не оправдалось.

Пушкин по-своему откликнулся на эту явную несправедливость. В конце октября из-под его пера выходит необычный рисунок. На нем изображен обнаженный натурщик в позе Геракла, раздирающего пасть льва. Но вместо пасти льва Геракл рвал волосы на голове графа.

Своим рисунком Пушкин проиллюстрировал отношение власть предержащих к Михаилу Семеновичу. Это петербургское начальство, интригуя против графа, насело на него в образе Геракла. Но Геракл по сравнению с Воронцовым выглядит на рисунке пигмеем. Такими же пигмеями были, по мнению Пушкина, недруги генерал-губернатора. Как ни интриговали они против него, как ни нападали на него, граф оказывался сильнее своих недоброжелателей.

Кстати, Пушкин мог прийти к выводу, что нападавшие на М. С. Воронцова и те, кто преследовал его самого, были одними и теми же лицами.

Нелишне будет отметить, что исследователи-пушкинисты видят в Геракле, насевшем на Воронцова, не недоброжелателей графа, а Пушкина. По мнению А. Эфроса, этот рисунок «мог явиться подсознательным отражением недоразумений, начавшихся между поэтом и наместником»^{227}. А Ирина Сурат предполагает, что рисунок запечатлел наметившееся соперничество Воронцова и Пушкина, так как, мол, уже в октябре образ Воронцовой «поселился» в сердце поэта^{228}.

Нельзя не согласиться с И. Сурат, которая, споря с Эфросом о причине конфликта между Воронцовым и Пушкиным, отмечает, что в октябре отношения между ними «не были еще испорчены»^{229}. Но ведь и образ Е. К. Воронцовой, которая вот-вот должна была родить, не мог успеть «поселиться» в сердце поэта и стать причиной соперничества между ним и генерал-губернатором. А потому видеть в Геракле Пушкина нет никаких оснований.

23 октября Елизавета Ксаверьевна родила сына, названного Семеном, Пушкин присутствовал на крещении младенца в одесском кафедральном соборе. А

когда графиня поправилась после родов, поэт стал чаще бывать в доме генерал-губернатора. Следовательно, отношения между поэтом и его непосредственным начальником продолжали оставаться доброжелательными.

Но многие исследователи считают иначе. Ариадна Тыркова-Вильямс, автор наиболее обстоятельной биографии Пушкина, убеждена, что между Пушкиным и его одесским начальником складывались такие отношения, что могли бы закончиться дуэлью. Однако, по ее словам: «Граф Воронцов, наместник и кавалер многих военных орденов, никогда бы не унижился до дуэли со штатским молодым человеком из своей свиты. Но все же между ними шел поединок длительный, не знавший перемирий»^{230}.

Развивая мысль Тырковой-Вильямс о «поединке» между графом и поэтом, известный ученый-филолог Н. Н. Скатов пишет: «В течение почти всего года отношения Воронцова и Пушкина были — и с нарастанием — постоянным противостоянием, беспрестанно возобновляемым вызовом к барьеру и бесконечной дуэлью»^{231}.

В действительности у Пушкина и в мыслях не было вызывать Михаила Семеновича к барьеру. Если бы они не терпели друг друга, то вполне очевидно, что Пушкин не бывал бы в доме Воронцова, а Воронцов не приглашал бы его к себе. Пушкин часто обедал у Воронцова, бывал в его доме на маскарадах и балах, любовался его супругой и рисовал портреты графа и графини на страницах своих рукописей. С сентября по декабрь 1823 года он нарисовал 17 портретов Елизаветы Ксаверьевны и 9 портретов Михаила Семеновича.

Наговаривая на Воронцова, изображая его врагом Пушкина, исследователи невольно наговаривают и на Пушкина. Если Пушкин принимал приглашения своего врага и бывал в его доме, следовательно, честь не была ему дорога. Но, как известно, честь и чувство собственного достоинства были для Пушкина превыше всего. В гости к врагу он ходить не стал бы. С другой стороны, честь и чувство собственного достоинства были присущи и М. С. Воронцову. А это также исключало приглашение им к себе в гости врага.

В основном Пушкин был доволен условиями своей жизни в Одессе. Он писал А. И. Тургеневу 1 декабря: «Я обнимаю вас из прозаической Одессы, не благодаря ни за что, но ценя в полной мере и ваше воспоминание и дружеское попечение, которому обязан я переменою своей судьбы. Надобно подобно мне провести 3 года в душном азиатском заточении, чтоб почувствовать цену и не вольного европейского воздуха»^{232}.

О настроении Пушкина можно судить и по его письму к П. А. Вяземскому от 20 декабря: «Что если б ты заехал к нам на Юг нынче весною? Мы бы провели лето в Крыму, куда собирается пропасть дельного народа, женщин и мужчин. Приезжай, ей Богу веселее здесь, чем у вас на Севере»^{233}. Как видим, жизнь на юге стала

казаться Пушкину даже более привлекательной, чем жизнь на севере, в Петербурге.

О намечаемой поездке Пушкин услышал в доме генерал-губернатора. Михаил Семенович предложил своим гостям отправиться летом на яхте в Крым. Предлогом было намерение отпраздновать новоселье в доме графа в Гурзуфе. Этот дом был куплен им у Ришелье и перестроен.

В конце года в Одессе побывали супруги П. Д. и С. С. Киселевы. Они не раз общались с Пушкиным. И впоследствии при встрече с П. А. Вяземским сказали, что «Пушкин в хороших руках» и что он часто бывает у Воронцовых^{234}.

А для М. С. Воронцова конец 1823 года был омрачен тем, что его так и не произвели в полные генералы. 12 декабря, в день рождения Александра I, стал известен список военачальников, произведенных в полные генералы. Список был довольно длинный. Были повышены в чине даже те, кто не мог рассчитывать на это. Но только не М. С. Воронцов.

Друзья М. С. Воронцова очень за него переживали. Получив известие о производстве в полные генералы, А. П. Ермолов сообщал А. А. Закревскому: «От брата Михайлы недавно получил письмо, в котором описывает труды свои и занятия. Он точно со времени определения своего мало был на месте, и если так продолжать будет, то сделает много полезного. Мне жаль, что с горестью примет он, что не попал в такое всеобъемлющее производство. Его можно было бы потешить сим, как человека, по способностям его, примечательного и которого весьма многими из произведенных ныне заменить, конечно, невозможно»^{235}. Из другого письма Ермолова Закревскому: «Брат Михаил вправе роптать, что не произведен после большого и, конечно, необходимого производства, ибо достоинства его

делают его для службы и полезным и нужным, а произведенные многие таковыми не будут»^{236}.

Многие исследователи пишут, что во время пребывания в Одессе Пушкин пользовался богатейшей библиотекой генерал-губернатора и собранным несколькими поколениями Воронцовых архивом. Они приводят большой список книг и рукописей, с которыми Пушкин будто бы познакомился в доме графа. В действительности, этот список просто-напросто придуман ими.

Библиотека у М. С. Воронцова была такой богатой, а в архиве имелось столько ценнейших исторических документов, что, будь они в то время в Одессе, Пушкин пропал бы в доме генерал-губернатора не одну неделю. И это способствовало бы его сближению с Михаилом Семеновичем. Однако о том, что поэт пользовался библиотекой и архивом, не упоминают ни он сам, ни его друзья, ни авторы мемуаров. Не упоминают потому, что библиотека и архив были привезены в Одессу лишь после завершения в 1825 году строительства М. С. Воронцовым своего дома, то есть более чем через год после отъезда Пушкина из Одессы.

«В 1825 г. завершилось строительство дворца в Одессе, — пишет А. А. Галиченко. — Частное жилище приобрело значение зимней резиденции генерал-губернатора Новороссийского края, и его обустроили со всевозможной роскошью. Из родовых имений сюда поступили произведения искусств, мебель, книги, семейные архивы.

В 1826 г. из Андреевского перевезли библиотеку. За труды «крепостным заплачено по 47 коп. за пуд». В 60 ящиках весом 821 пуд 25 фунта содержалось 1867 русских и французских книг, 279 атласов, ландкарт, планов. Перевозкой руководил секретарь М. С. Воронцова — М. П. Щербинин.

Обстоятельства поступления библиотеки чрезвычайно важны в связи с бытующим мнением о возможности знакомства А. С. Пушкина с портфелем Радищева в доме Воронцова в Одессе. Портфель мог появиться там не ранее 1826 г., т. е. спустя два года после отъезда поэта из этого города»^{237}.

В начале 1824 года, узнав от И. П. Липранди, что один из бессарабских поселян помнит Карла XII, Михаил Семенович решил встретиться с этим поселянином. Пушкин попросил у генерал-губернатора разрешения присоединиться к нему. Тот согласился. Однако из-за каких-то срочных дел у Воронцова эта совместная поездка не состоялась. С разрешения графа Пушкин съездил на встречу с поселянином вместе с Липранди.

После назначения М. С. Воронцова генерал-губернатором Новороссии и наместником Бессарабии его знакомые посоветовали ему взять к себе в сотрудники Ф. Ф. Вигеля, чиновника Московского архива Коллегии иностранных дел. С согласия Михаила Семеновича в августе 1823 года Вигель был назначен членом Верховного Совета по управлению Бессарабией и стал жить в Кишиневе.

В историю Ф. Ф. Вигель вошел как автор обширных воспоминаний, названных им «Записками». «Записки» Вигеля имеют немалую познавательную ценность, но пользоваться ими необходимо с большой осторожностью. И. П. Липранди, близко знавший Вигеля, пишет, что его «Записки» во многих местах не сообразны с истиной и что в них немало нелепостей, а в изображении многих лиц преобладают едкость, желчность и ядовитость^{238}. Не пожалел Вигель ядовитых стрел и для М. С. Воронцова.

В «Записках» приводится разговор, якобы состоявшийся между Вигелем и Михаилом Семеновичем. «Раз сказал он мне: Вы, кажется, любите Пушкина; не можете ли вы склонить его заняться чем-нибудь путным,

под руководством вашим? — Помилуйте, такие люди умеют быть только великими поэтами, — отвечал я. — Так на что же они годятся? — сказал он»^{239}.

Многие исследователи, ссылаясь на эти слова Вигеля, утверждают, что Воронцов будто бы считал поэзию вздором и поэтому относился к Пушкину с явным презрением.

Как говорилось выше, М. С. Воронцов с юных лет любил русскую поэзию. Одним из его самых близких друзей был поэт С. Н. Марин. Он и сам был способен на стихотворный экспромт, а во время военных походов не расставался с томиком стихов М. В. Ломоносова. Так что он, конечно, не мог предложить, чтобы Пушкин занялся чем-нибудь более путным, чем поэзия. И, стало быть, разговор, приведенный Вигелем, одна из придуманных им нелепостей.

Свидетельством продолжения доброжелательных отношений между Пушкиным и Воронцовым являются новые изображения графа, выходявшие из-под пера поэта. В январе на листе с начальными строфами и планом поэмы «Цыганы» он изобразил графа в образе Алеко. А в феврале впервые нарисовал М. С. Воронцова в

военном мундире. Генерал-губернатор выглядит на рисунке спокойным и уверенным в себе.

До конца жизни в Одессе Пушкин нарисовал еще несколько портретов Воронцова. А всего их было более 20. В этом отношении с М. С. Воронцовым не могли сравниться даже самые близкие друзья Пушкина. Их портретов на страницах рукописей поэта значительно меньше.

Известному искусствоведу и литературному критику А. Эфросу принадлежит весьма своеобразная характеристика портретов М. С. Воронцова, нарисованных Пушкиным. Он пишет, что для Пушкина стало штампом изображать «вельможного англомана» с каким-то звериным оскалом, с чертами грубости, жестокости, ограниченности^{240}. А. Эфрос, разделяя распространенное среди исследователей предубеждение по отношению к М. С. Воронцову, увидел в его портретах не то, что в них есть на самом деле, а то, что ему хотелось увидеть. Со времени выхода в свет книги А. Эфроса прошло 70 лет, но пока никто из исследователей не усомнился в справедливости его «видения» портретов генерал-губернатора Новороссии.

Рисовал Пушкин и автопортреты. Он предстает перед нами то в образе молодого щеголя, то с черными волосами и в черном фуляре, то поэтическим юношей с длинными кудрями. Других портретов Пушкина одесского периода не существует.

В начале марта 1824 года М. С. Воронцов получил из Петербурга очень важное письмо от П. Д. Киселева. Оно не сохранилось, но о его содержании можно судить по ответу Михаила Семеновича. П. Д. Киселев был возмущен тем, что М. С. Воронцов вновь оказался обойденным производством в полные генералы. Он понимал, что в столице недовольны Воронцовым, и вызвано это было отчасти тем, что Михаил Семенович будто бы окружил себя лицами, находившимися под подозрением у Петербурга, и что он обсуждает с этими лицами, в том числе и с Пушкиным, служебные дела.

В ответ М. С. Воронцов написал, что он никогда не разговаривает о делах или о назначениях по службе с посторонними лицами. «Что же касается Пушкина, — добавил он, — то я говорю с ним не более 4 слов в две недели». И даже выступил в защиту поэта, заявив, что тот совсем не такой, каким был прежде и каким представляется петербургским властям: «Я вполне уверен, что он ведет себя много лучше и в разговорах своих гораздо сдержаннее, чем раньше». И далее: «По всему, что я узнаю на его счет и через Гурьева, и через

Казначеева, и через полицию, он теперь очень благоразумен и сдержан; если бы было иначе, я отослал бы его и лично был бы в восторге от этого, так как я не люблю его манер и не такой уже поклонник его таланта — нельзя быть истинным поэтом, не работая постоянно для расширения своих познаний, а их у него недостаточно»^{241}.

Относительно приказа о производстве в полные генералы от 12 декабря 1823 года, Михаил Семенович писал Киселеву: «Из всех вновь произведенных ни один не служил столько как я и не имел таких высоких командований на боевом фронте, ни один из них в то же время не имеет такого же или по крайней мере более ответственного поста в настоящее время. Это, следовательно, унижение, которое я получил перед лицом всей армии, и чем же я его заслужил?»^{242}.

Еще Багратион на смертном одре, писал он, представил его к производству. С далекого 1812 года его участие во многих сражениях, его успешное командование оккупационным корпусом, одобренное в рескрипте самим императором, его неустанные заботы о наведении порядка в подопечных ему губерниях и в Бессарабии еще больше увеличили основание для производства его в полные генералы.

Михаил Семенович решил лично объяснить с государем. «Двумя своими просьбами, — пишет он Киселеву, — из которых одна противоречит другой, но обе одинаково обращены в расчете на Вашу дружбу, атакую я Вас сегодня, дорогой Павел Дмитриевич. Первая — передать от меня прилагаемое письмо Его Величеству Государю, если только это не составит для вас каких-либо затруднений; вторая — не делать этого в случае, если исполнение представилось бы для вас мало-мальски неприятным или неудобным»^{243}.

Михаил Семенович отмечает, что никто не читал из этого письма ни строчки. С ним знаком только

Казначеев, переписавший его. (Письмо необходимо было переписать потому, что у Воронцова был неразборчивый почерк.) «Я предпочел бы не писать его и испросить разрешение на проезд в Петербург, — пишет Михаил Семенович, — но служебные дела в данную минуту не позволяют мне этого»^{244}. И далее: «Будучи вынужден коснуться вопроса о производстве 12 декабря, я сказал в письме своем несколько слов по этому поводу (о чем я никогда не говорил ни слова даже своей жене). Я не мог не видеть в данном случае последствий тех впечатлений, которые внушили государю»^{245}.

Остается неизвестным, передал ли Киселев это письмо Александру I. Во всяком случае, производства в полные генералы Михаилу Семеновичу пришлось ждать еще год.

В начала марта 1824 года Пушкин обратился к М. С. Воронцову с просьбой отпустить его по личным делам в Кишинев. Михаил Семенович не воспрепятствовал этой поездке, хотя сам должен был срочно отправиться в новую командировку в Крым.

Вскоре после отъезда Пушкина А. И. Казначеев, начальник канцелярии Воронцова, писал кишиневскому полицмейстеру: «Молодой наш поэт Пушкин с позволения графа Михаила Семеновича отпущен на несколько дней в Кишинев. Он малый славной и благородной; но часто во вред себе лишнее говорит, любит водиться с ультралибералами и неосторожен иногда. Граф пишет ко мне из Крыма, чтобы я тебя просил невидимо присмотреть за пылким молодняком: что где он вредное говорит, с кем водится и какое будет его занятие или препровождение времени»^{246}. М. С. Воронцов, видимо, засомневался в благоразумии Пушкина, поэтому и хотел, чтобы кишиневский полицмейстер «невидимо присмотрел» за ним.

Некоторые исследователи утверждают, что генерал-губернатор, отпустив Пушкина в Кишинев, организовал

полицейскую слежку за его поведением и разговорами, чтобы было что донести о нем в Петербург. Но ведь в поручении Михаила Семеновича прямо говорится о том, для чего надо было следить за Пушкиным — отнюдь не для того, чтобы иметь повод для обвинений поэта в неблагонадежности, а для того, чтобы предупредить возможность такого обвинения. «Если что узнаешь, — пишет Казначеев далее, — намекни ему деликатно об осторожности и напиши мне о всем обстоятельнее»^{247}. Возможно, что и прежде Михаил Семенович просил кого-то из своих сослуживцев предостеречь Пушкина от общения с ультрарадикалами и противоправительственных разговоров.

После возвращения из Крыма М. С. Воронцов решил посоветоваться с «желающими добра Пушкину» сослуживцами, как следует поступить с поэтом. Видимо, некоторые чиновники не согласились с мнением Михаила Семеновича, что Пушкин стал лучше вести себя и более сдержан в разговорах. Ведь они сталкивались с поэтом чаще, чем генерал-губернатор, и лучше знали о его жизни и о том, с кем он встречается и что говорит.

Напрашивался вывод: так как в Одессе невозможно оградить Пушкина от общения с опасно мыслящими личностями, то следует добиться перевода его в другую губернию, подальше от таких лиц. Не прозвучало ли это предложение из уст А. И. Левшина, который был в приятельских отношениях с Пушкиным и, конечно, желал ему добра?

Много лет спустя Левшин скажет, что «публика несправедливо обвиняла графа Воронцова в преследовании Пушкина». И добавит: «Бессмертный наш поэт, невзирая на огромный талант, был человек до крайности самолюбивый, раздражительный и избалованный безусловным поклонением современников»^{248}. И эти слова Левшина об избалованности Пушкина поклонниками его таланта

Воронцов в дальнейшем стал приводить в качестве главной причины необходимости удаления поэта из Одессы.

28 марта М. С. Воронцов послал П. Д. Киселеву новое письмо. Он сообщал в нем, что после разговора с сослуживцами решил просить К. В. Нессельроде, главу Коллегии иностранных дел, «перевести Пушкина в другое место». В Одессе, мол, слишком много людей, льстящих самолюбию поэта и тем «причиняющими ему много зла». «Так как мне, — продолжал Воронцов, — не в чем его упрекнуть, кроме праздности, я дам о нем хороший отзыв Нессельроде и попрошу его быть к нему благосклонным. Но было бы лучше для самого Пушкина, я думаю, не оставаться в Одессе»^{249}.

Действительно, в письме к К. В. Нессельроде от 29 марта Михаил Семенович положительно отзывается о Пушкине. «Никоим образом, — пишет он, — я не приношу жалоб на Пушкина; справедливость даже требует сказать, что он кажется гораздо сдержаннее и умереннее, чем был прежде». Однако «собственный интерес молодого человека, не лишенного дарований, недостатки которого происходят, по моему мнению, скорее от головы, чем от сердца, заставляет меня желать, чтобы он не оставался в Одессе». Поклонники «кружат ему голову и поддерживают в нем убеждение, что он замечательный писатель, между тем как он только слабый подражатель малопочтенного образца (лорд Байрон), да кроме того, только работой и усидчивым изучением истинно великих классических поэтов он мог бы оправдать те счастливые задатки, в которых ему нельзя отказать». А поэтому удалить его из Одессы — «значит оказать ему истинную услугу». «Если бы он был перемещен в какую-нибудь другую губернию, он нашел бы для себя среду менее опасную и больше досуга для занятий»^{250}.

«Опасная среда» для Пушкина — это, конечно, не только поклонники его таланта. «Опасная среда», о которой умалчивает М. С. Воронцов, — это, в первую очередь, будущие декабристы, с которыми встречался Пушкин во время их приездов в Одессу. Михаил Семенович был противником революций. И хотя некоторые его взгляды были близки членам тайных обществ, он не общался с ними и хотел уберечь от такого общения Пушкина.

За год до этого А. И. Тургенев и П. А. Вяземский, «спасая» Пушкина от скуки, от дуэлей, от неосторожного поведения, добились его перевода от И. Н. Инзова к М. С. Воронцову и переезда из Кишинева в Одессу. Теперь М. С. Воронцов, «спасая» Пушкина от льстецов и от лиц с опасными идеями, просит власти о переводе поэта в другую губернию, более благоприятную для развития его поэтического дара. Как видим, мотивы действий друзей Пушкина и Михаила Семеновича оказались очень близкими.

Нельзя не согласиться с П. В. Анненковым, одним из первых биографов Пушкина, написавшим, что М. С. Воронцов обратился к Нессельроде с предложением о переводе поэта в другую губернию, «выставляя для этого причины, которые наименее могли повредить Пушкину в мнении начальства». Письмо М. С. Воронцова к Нессельроде, продолжает Анненков, «по своей осторожности и деликатности рисует характер и личность начальника с весьма выгодной стороны»^{251}. Осторожность Михаила Семеновича заключалась именно в том, что он, чтобы не навредить Пушкину, умолчал о его общении с опасно мыслящими личностями.

Ссылаясь на слова М. С. Воронцова из письма к Нессельроде, что Пушкин был лишь слабым подражателем Байрона, некоторые исследователи упрекают генерал-губернатора в том, что он не сумел

разглядеть в Пушкине гениального поэта. Но ведь далеко не все из современников Пушкина, кто был хорошо знаком с его творчеством, признавали его великим поэтом. А до М. С. Воронцова вряд ли дошли многие из напечатанных произведений Пушкина. К тому же под влиянием отца Михаил Семенович с детства преклонялся перед поэзией Ломоносова и Державина, а потому для признания им таланта Пушкина требовалось время.

Кстати, вот что писал М. С. Воронцов о Пушкине-поэте одному из своих друзей: «А талант у него, конечно, есть. Каюсь, но я только недавно прочел его знаменитый «Руслан», о котором столько говорили. Приступил я к чтению с предвзятой мыслью, что похвалы преувеличены. Конечно, это не Расин, но молодо, свежо и занятно. Что-то совсем особое. Кроме того, надо отдать справедливость Пушкину, он владеет русским языком в совершенстве. Положительно звучен и красив наш язык. Кто знает, может быть, и мы начнем вскоре переписываться по-русски... Если Вы не читали, прочитайте «Руслана» — стоит»[{252}](#).

Как видим, М. С. Воронцов прочитал поэму «Руслан и Людмила» почти через четыре года после ее выхода в свет. Он называет одним из важнейших достоинств Пушкина-поэта — совершенное владение им «звучным и красивым» русским языком. Это письмо является лишним доказательством того, что Михаил Семенович назвал Пушкина слабым подражателем Байрона лишь потому, что был мало знаком с его творчеством.

2 мая М. С. Воронцов вновь написал К. В. Нессельроде: «...я повторяю мою просьбу — избавьте меня от Пушкина; это, может быть, превосходный малый и хороший поэт, но мне бы не хотелось иметь его дольше ни в Одессе, ни в Кишиневе»[{253}](#).

Многие исследователи называют письма М. С. Воронцова к Нессельроде доносами на Пушкина. В них Воронцов будто бы выставил Пушкина «опасным в политическом отношении»^{254}, объявил «символом либеральных идей на юге России»^{255}. В действительности в письмах нет ни этих, ни подобных обвинений поэта. Эти обвинения вольно или невольно придуманы и «обнаружены» в письмах теми, кто был убежден во враждебном отношении М. С. Воронцова к Пушкину.

Даже приведенная М. С. Воронцовым в письме к Нессельроде положительная характеристика Пушкина используется исследователями для новых обвинений. Д. Д. Благой пишет, например, что Воронцов, защищая Пушкина, «подло лицемерил», чтобы выглядеть либералом в глазах общества^{256}.

М. С. Воронцов писал, что Пушкина необходимо удалить из Одессы для его же, поэта, пользы. Но в этом удалении был заинтересован и сам Михаил Семенович. Разговоры с сослуживцами убедили его, что поэт не стал вести себя лучше, сдержаннее. В письмах к Нессельроде он умолчал о том, что Пушкина можно было упрекать не только в праздности. А для себя он решил, что не может оставить в своем подчинении человека с иными, чем у него взглядами, человека неосторожного в поведении и высказываниях. Михаил Семенович всегда предпочитал служить с единомышленниками. Пушкин не вписывался в его команду, и с ним необходимо было расстаться.

По мнению многих исследователей, М. С. Воронцов хотел избавиться от Пушкина из ненависти и из зависти к нему, к его таланту, а также и из желания выслужиться перед Петербургом. Но ни знакомые Пушкина, ни даже его близкие друзья не видели вины Михаила Семеновича в том, что он добивался удаления поэта из Одессы. Желание генерал-губернатора

избавиться от него они связывали с поведением самого Пушкина.

Читаем в письме супруги одесского градоначальника графини Е. П. Гурьевой к матери: «Гр. В. написал в Петербург, чтобы удалить Пушкина сочинителя, который ведет иногда разговоры совершенно ненужные <...> Я полагаю, что он прав. Не весело быть скомпрометированным равнодушными, чьих взглядов не разделяешь»^{257}.

«Виноват один П<ушкин>, — пишет А. И. Тургенев. — Графиня его отличала, отличает, как заслуживает талант его, но он рвется в беду свою. Больно и досадно! Куда с ним деваться?»^{258}.

Из письма П. А. Вяземского к Пушкину: «Сделай милость, будь осторожен на язык и на перо. Не играй своим будущим. Теперешняя ссылка твоя лучше всякого места. Что тебе в Петербурге? Дай мне отделаться от дел своих, но не так, чтобы можно было все бросить на несколько лет и ехать в чужие край, я охотно поселился бы у вас. Верные люди сказывали мне, что уже на Одессу смотрят, как на *champ d'asyle* <пристанище>, а в этом поле верно никакая ягодка более тебя не обращает внимания. В случае какой-нибудь непогоды Воронцов не отстоит тебя и не защитит, если правда, что и он подозреваем в подозрительности <...> Ты довольно сыграл пажеских шуток с правительством; довольно подразнил его, и полно! А вся наша оппозиция ничем иным ознаменоваться не может, *que par des espiegleries* <как только проказами>. Нам не дается мужествовать против него; мы [должны] можем только ребячиться. А всегда ребячиться надоест»^{259}.

Из письма Н. М. Карамзина: «Поэту Пушкину велено жить в деревне отца его — разумеется, до времени его исцеления от горячки и бреда. Он не сдержал слова, им мне данного в тот час, когда мысль о крепости ужасала его воображение: не переставал врать словесно и на

бумаге, не мог ужиться даже с графом Воронцовым, который совсем не деспот!»^{260}.

С августа 1824 года Пушкин стал жить в Михайловском, находясь под надзором местного начальства. В 1826 году он напишет Николаю I, надеясь, что тот изменит его судьбу и освободит от ссылки: «Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости»^{261}. Но в Одессе, двумя годами раньше, Пушкин еще «безумствовал», еще не избавился «от горячки и бреда».

Нельзя не упомянуть и о других обвинениях и наговорах на М. С. Воронцова, придуманных исследователями.

В статье Н. О. Лернера «Пушкин в Одессе», написанной почти сто лет тому назад, содержится целый букет наговоров на М. С. Воронцова. Лернер одним из первых объявил Воронцова гонителем Пушкина и подчеркивал, что тот не остановится ни перед клеветой, ни перед ложным доносом на поэта^{262}.

Статья Лернера стала «руководством к действию» для многих исследователей. Одни из них повторяют его наговоры на М. С. Воронцова почти дословно, а другие стараются развить их, дополнить новыми деталями.

Так, Г. П. Макогоненко пишет, что Воронцов «сознательно создавал такие ситуации, которые унижали Пушкина и заставляли в гневе совершать поступки, усугублявшие его положение»^{263}. Н. Н. Скатов говорит о мелком пакостничестве Воронцова по отношению к Пушкину, о том, что генерал-губернатор выискивал «какие-то возможности для новых и новых придинок и провокаций»^{264}.

Ни авторы этих высказываний, ни другие исследователи не могут назвать ни ситуации,

унижавшие Пушкина, и ни одной придирки к нему М. С. Воронцова за все время его жизни в Одессе. Никаких придирок не было. О них не упоминают ни сам Пушкин, ни его друзья, ни знакомые, которые общались с поэтом в Одессе и написали впоследствии воспоминания о том времени.

Ю. М. Лотман утверждал, что Воронцов «окружил Пушкина шпионской сетью», «распечатывал его письма и непрестанно восстанавливал против опального поэта петербургское начальство»^{265}. Но этому нет никаких свидетельств. Невозможно даже предположить, чтобы Воронцов, человек честный и благородный, распечатывал и читал чужие письма. Однако авторитет Ю. М. Лотмана настолько высок, что придуманное им обвинение принимается многими за истину и уже гуляет из книги в книгу.

Еще одно обвинение, принадлежащее Г. П. Макогоненко: «Желая избавиться от ненавистного ему поэта, Воронцов засыпал столицу жалобами о нежелании Пушкина исполнять служебные обязанности»^{266}.

Ни в одном из писем в столицу М. С. Воронцов не жаловался на то, что Пушкин отказывается исполнять служебные обязанности. До командировки на борьбу с саранчой в мае 1824 года генерал-губернатор не давал поэту никаких заданий, а поэтому тот и не мог отказываться их исполнять.

Н. О. Лернер утверждает, что в письмах в Петербург М. С. Воронцов обвинил поэта в том, что он «оказывает вредное влияние на общество»^{267}. Об этом же пишет и Г. П. Макогоненко.

В письмах М. С. Воронцова нет ни слова о том, что Пушкин оказывает вредное влияние на общество. Напротив, Воронцов писал в Петербург о том, что часть одесского общества оказывает вредное влияние на

Пушкина, поэтому и надо было перевести его в другую губернию, где не будет такого влияния.

Ариадна Тыркова-Вильямс пишет о «систематической холодной травле» Пушкина со стороны М. С. Воронцова^{268}. В биографии А. С. Пушкина, написанной В. И. Кулешовым и названной им «научно-художественной», говорится: «Сложившаяся в Одессе ситуация во многом предвляла ту, которая сложится в жизни Пушкина через двенадцать лет в Петербурге и приведет к роковой развязке. Уже здесь, в Одессе, начинается светская травля». «В Одессе, — продолжает Кулешов, — впервые изысканное великосветское недоброжелательство окружило со всех сторон опального поэта. Дипломатичный Воронцов — искусный интриган, не хуже старика Геккерна. Министр Нессельроде следил за Пушкиным и через Воронцова интриговал против него»^{269}.

Нарисованная известным литератором картина великосветской травли Пушкина в Одессе ничем не подтверждается. Да, светское общество города было недоволено Пушкиным за его злые стихи о дамах, бывавших на балу у Воронцовых. Но ведь в этом был виноват сам поэт? Иные примеры «травли» неизвестны. Нет никаких подтверждений и тому, что будто бы Нессельроде интриговал через Воронцова против Пушкина. И нет никаких оснований считать Воронцова искусным интриганом и уподобить его Геккерну. Сравнив Воронцова с Геккерном, исследователь достиг, можно сказать, высшего предела в очернении новороссийского генерал-губернатора.

По утверждению В. И. Кулешова, Воронцов «был завзятым англоманом и совершенно чужд всему тому, что составляло славу русской культуры»^{270}.

Интересно было бы узнать, кого из российских генерал-губернаторов и заместников мог бы назвать автор этих слов, кто сделал для развития русской

культуры хотя бы десятую долю того, что было осуществлено Воронцовым. Исключительные заслуги Михаила Семеновича в развитии культуры на подчиненных ему территориях общеизвестны.

Воронцов, пишет Ю. М. Лотман, «при Николае сделался типичным николаевским сановником — жестоким исполнителем самых нелепых распоряжений, ловким карьеристом, соединившим петербургское бессердечие с внешним лоском джентльмена»^{271}.

Можно с уверенностью сказать, что при всем знании Юрием Михайловичем российской истории, он не мог бы назвать ни одного «нелепого» распоряжения Николая I, исполненного с жестокостью Воронцовым.

По мнению В. В. Кунина, имя Воронцова «осталось бы в истории написанным мелким шрифтом, если бы не одесская встреча с поэтом в 1823–1824 гг.»^{272}.

Эти слова не нуждаются в комментировании. Над ними можно только посмеяться. Имя М. С. Воронцова начертано не мелким шрифтом, а золотом на мраморных досках храма во имя Христа Спасителя и Георгиевского зала Большого Кремлевского дворца в Москве, как славного сына нашего Отечества.

Какие только отрицательные качества не приписывают исследователи М. С. Воронцову. Он — сатрап, карьерист, лицемер, доносчик, хитрец, циник и т. д., и т. д. Вызывает удивление, что даже самые серьезные, самые знающие и опытные литературоведы, как только начинают писать об отношениях между Пушкиным и Воронцовым, так сразу забывают о требованиях научного подхода, о необходимости подтверждать свои выводы ссылками на факты и документы. Не заботясь о достоверности и доказательствах, они, словно соревнуясь друг с другом, придумывают новые и новые обвинения в адрес «врага» Пушкина. Но так как примеров низости Воронцова не существовало и невозможно обнаружить факты,

подтверждающие, что он был врагом и гонителем Пушкина, то их приходилось изобретать. Создается впечатление, что исследователи видят в Воронцове не только врага Пушкина, но и своего личного врага. А в борьбе с врагами, как известно, все средства хороши.

Глава XVI

НЕ ВРАГ И НЕ ГОНИТЕЛЬ

ПУШКИНА

(Продолжение)

В мае 1824 года основной заботой М. С. Воронцова стала борьба с нашествием саранчи на поля Причерноморья. По его приказу группа чиновников отправилась в уезды, чтобы помочь осуществлению намеченных мер. В нее был включен и Пушкин. В предписании генерал-губернатора от 22 мая говорилось, что поэту предстояло проверить результаты борьбы с саранчой в трех уездах Херсонской губернии. Командировка должна была продлиться месяц.

Конечно, М. С. Воронцов мог бы и не посылать Пушкина в эту командировку. Но он, по-видимому, посчитал, что она положительно скажется на его дальнейшей судьбе, например, на определении места, куда он может быть переведен из Одессы.

За несколько дней до решения направить Пушкина на саранчу М. С. Воронцов получил рескрипт Александра I от 2 мая, в котором говорилось: «Я имею сведение, что в Одессу стекаются из разных мест и особенно из польских губерний и даже из военно-служащих, без позволения своего начальства, многие такие лица, кои с намерением или по своему легкомыслию занимаются лишь одними неосновательными и противными толками, могущими иметь на слабые умы вредное влияние»^{273}. Месячное отсутствие Пушкина в Одессе обезопасило бы его от общения с этими неблагонадежными, по мнению Петербурга, да и по мнению Михаила Семеновича,

лицами и появления новых неблагоприятных отзывов о нем. Возможно, что и это соображение побудило генерал-губернатора, отослать на время Пушкина из Одессы.

В своих воспоминаниях И. П. Липранди пишет, что в последний период жизни в Одессе Пушкин сочинил немало эпиграмм. «Эпиграммы эти касались многих и из канцелярии графа <...> Стихи его на некоторых дам, бывших на бале у графа, своим содержанием раздражили всех. Начались сплетни, интриги, которые еще более раздражали Пушкина»^{274}.

М. С. Воронцов знал об этих эпиграммах. Месячное отсутствие Пушкина в Одессе могло охладить пыл его противников. Можно предположить, что Михаил Семенович учитывал и это.

Пушкин решил не подчиняться распоряжению генерал-губернатора. Сохранились две редакции черновика письма поэта к доброжелательно относившемуся к нему А. И. Казначееву. Оба черновика написаны 22 мая.

«Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг, — пишет Пушкин, — не знаю [каким], в праве ли отозваться на предписание е.<го> с.<иятельства>.» Поэт говорит далее, что чувствует свою совершенную неспособность к службе. Он, мол, входит в эти подробности потому, что дорожит мнением графа Воронцова, «как и всякого честного Человека».

«Повторяю здесь то, — продолжает он, — что уже [честь имел говорить] сказал самому графу М.<ихаилу> С.<емено-вичу> если бы я хотел служить, то никогда бы не выбрал себе другого начальника, кроме е.<го> с.<иятельства> Чувствую, что в сем [письме] довольно [много] чтоб меня уни<что>жить если граф прикажет подать мне в отставку — я готов; но хотя с сожалением чувствую, что переменив свою должность — я много потеряю и ничего не надеюсь выиграть»^{275}.

Многие исследователи, обращаясь к этому письму, опускают то место, где Пушкин положительно отзывается о М. С. Воронцове, называя его наилучшим начальником. Другие, приведя эти слова, не придают им никакого значения. А между тем упоминание Пушкина о его разговоре с Воронцовым, во время которого он уверил графа, что тот был бы для него наилучшим начальником, если бы он вздумал служить, является как бы итоговым свидетельством доброжелательных отношений между поэтом и генерал-губернатором с июля 1823 по май 1824 года.

Пушкин, наблюдая за отношениями между Воронцовым и чиновниками его канцелярии, пришел к выводу, что генерал-губернатор являлся не обычным начальником, а наилучшим из возможных начальников для своих подчиненных. Впрочем, и для него Михаил Семенович оказался наилучшим начальником, предоставив полную свободу и не требуя выполнения служебных обязанностей. Поэтому Пушкину и не хотелось менять свое положение. Он был бы рад, если бы граф не предложил ему идти в отставку из-за его отказа ехать в командировку.

На этом же черновике письма А. И. Казначееву Пушкин впервые после пятимесячного перерыва рисует портрет Е. К. Воронцовой. Писал о своей неспособности служить, а сам думал о Елизавете Ксаверьевне, о том, что из-за командировки не сможет видеть графиню. Думал и рисовал знакомый профиль. Видимо, посчитал первый портрет неудачным, зачеркнул и нарисовал рядом другой. На этом же листе есть изображение графини почти в рост и еще два наброска.

По всей видимости, не только неспособность составления деловых бумаг, но и увлечение Е. К. Воронцовой стало причиной отказа Пушкина отправиться на борьбу с саранчой. Но он, естественно, написать об этой причине не мог.

По мнению некоторых исследователей, Пушкин увлекся Е. К. Воронцовой вскоре после ее приезда в Одессу, то есть еще в 1823 году. Другие относят начало увлечения к январю-февралю 1824 года. Но ни первые, ни вторые не приводят убедительных доказательств в подтверждение своих предположений. С сентября по декабрь 1823 года Пушкин нарисовал 17 портретов Е. К. Воронцовой, а с января до середины мая 1824 года на страницах его рукописей не появилось ни одного изображения графини. Почему? Видимо потому, что интерес поэта к Елизавете Ксаверьевне в сентябре-декабре 1823 года не перерос в увлечение. За интересом последовали почти пять месяцев безразличия. И только в середине мая 1824 года своенравное сердце поэта тронуло более серьезное, чем любопытство, чувство.

П. П. Вяземский, слышавший рассказы матери об отношениях между Пушкиным и Воронцовой, писал, что поэт увидел в этой командировке «паче всего

одурачение ловеласа, подготовившего свое торжество»^{276}. Известно, как обычно бурно начинался у Пушкина каждый новый роман. И теперь, увлекшись графиней, он действительно мог посчитать решение графа послать его в командировку попыткой одурачить его.

Считается, что доброжелатели уговорили Пушкина подчиниться распоряжению генерал-губернатора. На следующий день, 23 мая, поэт расписался в получении 400 рублей «на прогоны» и покинул Одессу. Как уже говорилось, командировка была рассчитана на месяц. Однако через пять дней, так и не приступив к выполнению задания, Пушкин вернулся в город.

Никто из исследователей не задается вопросом, почему Пушкин прервал командировку. Ведь поэт не мог не знать, какие неприятности должны были последовать за этим. Знал, конечно, и все же возвратился. Возвратился потому, что чувство оказалось сильнее разума. Он не мог целый месяц не видеть Елизавету Ксаверьевну. К тому же вскоре предстояла намеченная поездка четы Воронцовых и их гостей в Крым. Он продолжал надеяться на участие в этой поездке.

О командировке Пушкина рассказывается и в «Записках» Ф. Ф. Вигеля. На этот рассказ ссылаются многие исследователи, не замечая его несуразностей.

Вигель пишет: «Через несколько дней по приезде моем в Одессу встревоженный Пушкин вбежал ко мне сказать, что ему готовится величайшее неудовольствие. В то время несколько самых низших чиновников из канцелярии генерал-губернатора, равно как и из присутственных мест, отряжено было для возможного еще истребления ползающей по степи саранчи; в их число попал и Пушкин. Ничто не могло быть для него унижительнее»^{277}.

Вигель явно лукавит. Он не мог не знать, что многие из командированных на саранчу чиновников занимали

более высокую должность в чиновничьей иерархии, чем Пушкин. Оказаться поэту в такой компании было ни унижительно, ни оскорбительно. Тем более, что и не должен был он лично истреблять саранчу.

«Для отвращения сего, — продолжает Вигель, — добрейший Казначеев медлил исполнением, а между тем тщетно ходатайствовал об отмене приговора»^{278}.

Когда это мог Казначеев медлить с исполнением приказа М. С. Воронцова, если приказ был подписан 22 мая, а 23 Пушкин уже уехал из Одессы?

«Я тоже заикнулся было на этот счет; куда тебе! — пишет Вигель далее. — Он побледнел, губы его задрожали, и он сказал мне: «Любезный Ф. Ф., если вы хотите, чтобы мы остались в прежних приятельных отношениях, не упоминайте мне никогда об этом мерзавце»^{279}.

Из черновика письма Пушкина к А. И. Казначееву следует, что между ним и М. С. Воронцовым оставались дружеские отношения. Следовательно, Михаил Семенович никак не мог назвать Пушкина мерзавцем. Поэт ничем не заслужил такого отзыва о себе.

Ф. Ф. Вигелю очень хотелось представить себя близким другом и защитником Пушкина и заодно принизить Воронцова. Этой цели и служил придуманный им рассказ о разговоре с М. С. Воронцовым.

Многие исследователи называют командировку Пушкина на борьбу с саранчой циничной, унижительною, оскорбительною. Трудно понять, что видят они унижительною и оскорбительною в том, что Воронцов предложил поэту принять участие в предотвращении надвигавшегося на поля Новороссии бедствия. А по мнению Г. П. Макогоненко, «мелочный и мстительный характер Воронцова проявился даже в этом выборе даты командировки Пушкина: 26 мая, день рождения поэта»^{280}. Но, во-первых, Воронцов вряд ли знал, когда был день рождения Пушкина. А главное, в то время ведь

отмечался не день рождения человека, а день святого, чьим именем он назван. И назывался этот день именинами.

И. П. Липранди считал, что генерал-губернатор включил Пушкина в число командированных на истребление саранчи «положительно с целью, чтобы по окончании командировки иметь повод сделать о нем представление к какой-либо награде»^{281}.

Такого же мнения был и П. В. Анненков. «Теперь уже известно, что последний (М. С. Воронцов. — *В. У.*), зачисляя Пушкина в экспедицию об исследовании саранчи на местах ее появления, был движим желанием предоставить Пушкину случай отличиться по службе, и на той дороге, на которую он случайно попал, обратить внимание к себе петербургской администрации»^{282}.

Нелишне будет отметить, что М. С. Воронцов, отправляя Пушкина в командировку, распорядился выдать ему втрое больше денег, чем требовалось. Из поездки поэт возвратился в Одессу через несколько дней, не потратив на выполнение задания ни одного часа. И несмотря на это от него не потребовали возвратить в канцелярию генерал-губернатора ни рубля из полученных четырехсот.

П. А. Вяземский не раз писал М. С. Воронцову о материальных затруднениях Пушкина. За все надо было платить. Даже поэтическое творчество не обходилось без затрат. Половина стопы бумаги стоила 12 рублей, бутылка чернил — 3 рубля, полсотни гусиных перьев — 1,5–2 рубля. Поэтому порой Пушкину приходилось писать стихи на лоскутках бумаги и пользоваться огрызками перьев.

Но что мог сделать генерал-губернатор для поэта? Ведь тот числился не в его канцелярии, а в Коллегии иностранных дел. Даже жалованье пересылалось ему из Петербурга. И лишь теперь Михаил Семенович получил

возможность помочь Пушкину, не покушаясь на его гордость.

Об обстоятельствах, связанных с возвращением Пушкина из командировки, рассказывается в письме М. С. Воронцова к одному из его приятелей. «Полковник Х., — пишет Михаил Семенович, — явился ко мне с докладом крайне возмущенный и показал мне рапорт Пушкина о своей командировке. Мой милый Фонтон, Вы никогда не угадаете, что там было. Стихи, рапорт в стихах! Пушкин писал:

Саранча летела, летела
И села.
Сидела, сидела — все съела
И снова улетела.

Полковник метал гром и молнию и начал говорить мне о дисциплине и попрании законов. Я знал, что он Пушкина терпеть не мог и пользовался случаем. Он совсем пересолил и начал *мне* указывать, что мне делать следует...

Принесите мне закон, который запрещает подавать рапорты в стихах, осадил я его. Кажется, такого нет. Князь Суворов Италийский, граф Рымникский, отправил не наместнику, а самой императрице рапорт в стихах: «Слава Богу, слава Вам, Туртукай взят, и я там».

Когда удивленный полковник вышел, я начал думать, что же сделать с Пушкиным. Конечно, полковник был глубоко прав. Подобные стихи и такое легкомысленное отношение к порученному делу недопустимо. Меня возмутила только та радость, с которою полковник рыл яму своему недругу. И вот я решил на другой день утром вызвать Пушкина, распечь или, вернее, пристыдить его и посадить под арест. Но ничего из этого не вышло. Вечером начал я читать

другие отчеты по саранче. На этот раз серьезные, подробные и длинные-предлинные. Тут и планы, и таблицы, и вычисления. Осилит я один страниц в 30 и задумался — какой вывод? Сидела, сидела, все съела и вновь улетела, — другого вывода сделать я не мог. Прочел вторую записку, и опять то же — все съела и опять улетела... Мне стало смешно, и гнев мой на Пушкина утих. По крайней мере он пощадил мое время. Действительно, наши средства борьбы с этим бичом еще слишком первобытны. Понял ли он это или просто совпадение? Три дня не мог я избавиться от этой глупости. Начинаешь заниматься, а в ушах все время: летела, летела, все съела, вновь улетела. Положительно хорошо делают, что не пишут рапорты в стихах... Пушкина я не вызывал»^{283}.

Это письмо характеризует Михаила Семеновича как умного, находчивого, ироничного, а по отношению к Пушкину внимательного и заботливого человека. Но, судя по всему, разговор М. С. Воронцова с Пушкиным все же состоялся. Генерал-губернатор мог упрекнуть поэта в том, что тот не выполнил единственное данное ему поручение, не пожелал принять участие в предотвращении голода, угрожавшего краю из-за саранчи. Пушкин должен был молча принять упреки в свой адрес. Ничто не оправдывало его своеволия. И он объявил о своем намерении проситься в отставку.

А. И. Казначеев попытался убедить Пушкина не проситься в отставку. «Вы говорите мне о покровительстве и о дружбе. Это две вещи несовместимые, — написал ему в ответ Пушкин. — Я не могу, да и не хочу притязать на дружбу графа Воронцова, еще менее на его покровительство: по моему, ничто так не бесчестит, как покровительство, а я слишком уважаю этого человека, чтобы желать унизиться перед ним». Завершается письмо словами: «Несомненно, граф Воронцов, человек неглупый, сумеет

обвинить меня в глазах света»^{284}. Пушкин ошибался. Ни в те дни, ни позже «неглупый» Воронцов никогда не обвинял его в возникшем между ними конфликте.

2 июня Пушкин пишет прошение об отставке, объясняя это тем, что не может служить «по слабости здоровья». Через несколько дней он передает прошение в канцелярию генерал-губернатора.

Ряд исследователей считает, что командировкой на истребление саранчи Воронцов начал открытую войну против Пушкина и что Пушкин ответил генерал-губернатору градом эпиграмм на него. К этому «граду» они относят строку «Кто ты... не смей <?>» и эпиграммы «Певец Давид был ростом мал» и «Полумилорд, полукупец» и считают, что эпиграммы были сочинены сразу после возвращения из командировки, то есть в конце мая или в начале июня.

В «Летописи жизни и творчества Александра Пушкина» строка «Кто ты... не смей <?>» называется «не поддающейся чтению» эпиграммой на Воронцова^{285}. Но ни составители «Летописи» и никто другой не приводят никаких доказательств того, что эта строка является, во-первых, началом именно эпиграммы, а не иного рода поэзии, и, во-вторых, что она касается Воронцова, а не другого лица. А потому нельзя считать, что эти несколько слов является началом эпиграммы на Воронцова.

В процессе изучения рабочих тетрадей Пушкина С. А. Фомичев пришел к выводу, что эпиграмма «Певец Давид был ростом мал» написана не в 1824 году, не в Одессе и не на Воронцова^{286}.

Как видим, из «града эпиграмм» осталась лишь эпиграмма «Полу-милорд, полу-купец». В том, что она написана на Воронцова, сомнений, конечно, нет. Но эта эпиграмма не могла быть сочинена Пушкиным сразу после возвращения из командировки. Известно, что Пушкин и в дальнейшем продолжал бывать в доме

Воронцовых. Но как он мог бывать в доме того, кого называет в эпиграмме полуподлецом? Не бесчестно ли это было бы с его стороны? Кроме того, он продолжал надеяться на участие в поездке с четой Воронцовых в Крым. Следовательно, эта эпиграмма была сочинена Пушкиным в другое время и при иных обстоятельствах.

7 июня в Одессу приехала княгиня В. Ф. Вяземская. Пушкин отнесся к жене своего друга с полным доверием. В разговорах с княгиней он, вероятно, постарался снять с себя вину за обострение отношений с М. С. Воронцовым. Но вот что говорится в письме Вяземской к мужу: «Ничего хорошего не могу сказать тебе о племяннике Василия Львовича. Это совершенно сумасшедшая голова, с которой никто не может совладать. Он натворил новых проказ, из-за которых подал в отставку. Вся вина — с его стороны»^{287}.

За несколько дней до прибытия Вяземской в Одессу приехал член тайного Южного общества С. Г. Волконский и прожил здесь до середины июня. Как уже говорилось, еще во время Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии С. Г. Волконский относился к М. С. Воронцову недоброжелательно, с предубеждением. За прошедшие годы Михаил Семенович поднялся в общественном положении еще выше, и соответственно возросли зависть и недоброжелательство С. Г. Волконского.

Впоследствии это проявилось, в частности, в том, что в своих воспоминаниях С. Г. Волконский приписал М. С. Воронцову самые низкие качества. По его словам, он «имел в виду хоть поверхностно выказать этого человека в прямом его виде, ненасытного в тщеславии, не терпящего совместничества, неблагодарного к тем, которые оказывали ему услуги, неразборчивого в средствах для достижения своей цели, а мстительного донельзя против тех, или которые стоят на его пути, или

тех, которые, действуя по совести, не хотят быть его рабами»^{288}.

Но почему никто из близко знавших Михаила Семеновича и из тысяч служивших в его подчинении офицеров и солдат не видели в нем этих качеств и не чувствовали себя его рабами, а уважали, любили и стремились оказаться в его подчинении? Известно, какие резко отрицательные оценки дал многим военным деятелям А. П. Ермолов. Он не раз спорил с М. С. Воронцовым по поводу его взглядов и действий, казавшихся ему излишне либеральными. Но Михаил Семенович навсегда остался для Алексея Петровича самым близким другом; он восхищался его воспитанностью и образованностью, открыто признавал его превосходство над собой. Десятки мемуаристов также дают самую высокую оценку нравственным качествам М. С. Воронцова.

Несмотря на вздорность характеристики, данной С. Г. Волконским М. С. Воронцову, многие исследователи не сомневаются в ее достоверности. Они и в наши дни не упускают случая сослаться на нее как на доказательство низости натуры генерал-губернатора Новороссии.

В Одессе С. Г. Волконский часто общался с Пушкиным. Он, конечно, не скрывал своего отрицательного отношения к М. С. Воронцову. И его наговоры стали мало-помалу подтачивать уважительное отношение Пушкина к генерал-губернатору.

Влияние С. Г. Волконского ощущается уже в письме Пушкина к Вяземскому от 7 июня. Пушкин пишет: «То, что ты говоришь на счет журнала, давно уже бродит у меня в голове. Дело в том, что на Воронцова нечего надеяться. Он холоден ко всему, что не он; а меценатство вышло из моды. Никто из нас не захочет *великодушного покровительства просвещенного вельможи*, это обветшало вместе с Ломоносовым.

Нынешняя наша словесность есть и должна быть благородно-независима. Мы одни должны взяться за дело и соединиться»[{289}](#).

Называя М. С. Воронцова «просвещенным вельможей» и говоря о его «великодушном покровительстве», Пушкин в то же время отмечает, что будто бы граф «холоден ко всему, что не он». В действительности же генерал-губернатор горячо откликался на многие предложения и просьбы одесситов, в том числе и в области культуры.

14 июня чета Воронцовых и их гости отправились на яхте в Крым. Пушкин, возможно, продолжал надеяться, что и он примет участие в этой поездке, но его не пригласили. Это был чувствительный удар по его самолюбию.

С отъездом Воронцовых в Крым в Пушкине стали усиливаться раздражение и недовольство. Положение его оставалось неопределенным. Не у кого было узнать, будет ли и когда удовлетворена его просьба об отставке. К тому же поэта терзали муки ревности. Е. К. Воронцова, ее супруг и их гости развлекаются в Крыму, а он должен томиться в жаркой и пыльной Одессе. По всей видимости, в таком состоянии души наговоры С. Г. Волконского на М. С. Воронцова стали казаться Пушкину все более справедливыми.

В письме к П. А. Вяземскому, отправленному 24 июня с оказией (а поэтому писать его можно было «спустя рукава»), Пушкин впервые сообщает другу о конфликте с генерал-губернатором: «Начну с того, что всего ближе касается до меня. Я поссорился с Воронцовым и завел с ним полемическую переписку, которая кончилась с моей стороны просьбою в отставку. Но чем кончат власти, еще неизвестно. Тиверий рад будет придраться; а европейская молва о европейском образе мыслей графа Сеяна обратит всю ответственность на меня»[{290}](#).

Тиверий — это Александр I, а граф Сеян — Воронцов. Как видим, Пушкин опасался, что общественное мнение будет не на его стороне. И опасался не напрасно. Ведь даже близкие друзья упрекали его в том, что он не смог ужиться с Воронцовым.

14 июля, ровно через месяц после отъезда Воронцовых в Крым, Пушкин отправил письмо А. И. Тургеневу. Письмо также передавалось с оказией, и в нем можно было высказать все, что накипело у него на душе. Пушкин пишет: «Вы уж узнали, думаю, о просьбе моей в отставку; с нетерпением ожидаю решения своей участи и с надеждой поглядываю на ваш север. Не странно ли, что я поладил с Инзовым, а не мог ужиться с Воронцовым; дело в том, что он начал вдруг обходиться со мною с непристойным неуважением, и я мог дожидаться больших неприятностей и своей просьбой предупредил его желанья. Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое»^{291}.

Двумя месяцами раньше Пушкин считал Михаила Семеновича лучшим начальником для себя, если бы хотел служить. А теперь в крайнем раздражении и под влиянием ревнивого чувства не согласился ли он полностью с уничижительной и несправедливой характеристикой генерал-губернатора, звучавшей из уст С. Г. Волконского? И не Волконским ли были «подсказаны» Пушкину слова о вандализме, хамстве и эгоизме Воронцова? Это в глазах С. Г. Волконского, а не в глазах Пушкина, Воронцов был и вандалом, и хамом, и эгоистом.

Конечно, только раздражение и ревность, помноженные на недоброжелательство Волконского, могли вызвать у Пушкина эти слова. В чем проявилось непристойно-неуважительное отношение генерал-губернатора к поэту? Какие примеры вандализма,

хамства и эгоизма Воронцова мог он привести? Никаких. Кроме того, следует помнить слова самого Пушкина, что в письмах, в дружеском обращении он предается «резким и необдуманным суждениям» и что эти суждения должны оставаться между ним и адресатом письма^{292}. Именно такими резкими и необдуманными и были слова из его письма к А. И. Тургеневу.

Вполне очевидно, что в те же дни, в первой половине июля, родилась и известная эпиграмма Пушкина на М. С. Воронцова. И. П. Липранди пишет, что до отъезда поэта в Михайловское он три раза был в Одессе и слышал от него стихи к портрету Воронцова: «Сколько помню, в них находились следующие выражения: «Полумилорд, полугерой, полукупец, полуподлец, и есть надежда, что будет полным наконец» <...> Пушкин заверял меня, что стихи эти написаны не были, но как-то раза два или три им были повторены и так попали на бумагу»^{293}.

Почему Пушкин «заверял» Липранди, что эпиграмма на Воронцова не была им написана, а лишь два или три раза повторена? Потому что Липранди не мог не упрекнуть поэта в сочинении им явного поклепа на всеми уважаемого генерал-губернатора. Подобные упреки Пушкин мог услышать и от доброжелательно относившихся к нему А. И. Левшина, поэта В. И. Туманского и других сотрудников Воронцовской канцелярии. В свое оправдание он и хотел представить эпиграмму как острое словцо, сказанное им в каких-то компаниях.

Из слов Липранди следует, что он был знаком с двумя вариантами эпиграммы — и с первым вариантом, начинающимся словом «полумилорд», и со вторым вариантом со словом «полугерой». Первый вариант эпиграммы Пушкин не раз декламировал среди приятелей и знакомых, кем-то он был записан и дошел до нас в нескольких списках. А второй вариант был,

видимо, сочинен позже. Липранди успел с ним познакомиться, но никто его не записал. Этот вариант Пушкин включил в письмо к П. А. Вяземскому от 8—10 октября 1824 года.

В первом варианте эпиграммы Пушкин называет Воронцова «полумилордом», «полукупцом», «полумудрецом», «полуневеждой» и «полуподлецом». И высказывает надежду, что тот «будет полным наконец». Да, конечно, Воронцова можно было назвать полумилордом, так как детство и юность его прошли в Англии, где он получил прекрасное воспитание и образование. Приложимо к нему и имя полукупец, так как на посту генерал-губернатора он не чурался ни торговых, ни иных экономических вопросов. Не было ничего обидного и в том, что поэт назвал его полумудрецом. Вполне очевидно, что граф не претендовал на то, чтобы его считали мудрецом.

Во втором варианте эпиграммы Пушкин отбрасывает слова «полумилорд», «полукупец» и «полумудрец» и добавляет уничижительное слово «полугерой». Обычно исследователи связывают это слово с тем, что в декабре 1823 года М. С. Воронцов не был произведен в полные генералы, то есть остался как бы полугенералом. Но если бы это было так, то Пушкин и должен был бы назвать Воронцова в эпиграмме «полугенералом», а не «полугероем».

Рождение слова «полугерой», конечно же, также связано с общением Пушкина с С. Г. Волконским. Это для Волконского Воронцов не был настоящим героем. Он, например, ставил под сомнение героизм Воронцова в сражении под Краоном в феврале 1814 года, когда корпус графа успешно противостоял превосходящим силам противника, которыми командовал сам Наполеон. За это сражение, как отмечалось выше, М. С. Воронцову был пожалован орден Св. Георгия 2-й степени — третий Георгий в его военной карьере. С. Г. Волконский,

видимо, сумел убедить Пушкина в том, что Воронцова нельзя считать настоящим героем. И поэт называет героя Бородина и немало числа других сражений «полугероem».

Можно сказать, что С. Г. Волконский стал своего рода «соавтором» Пушкина в сочинении злосчастной эпиграммы. Благодаря поэтическому гению Пушкина эпиграмма получилась выразительной в художественном отношении, а благодаря «соавторству» Волконского по содержанию она оказалась близкой к пасквилю или клевете. Таким образом, не те или иные действия М. С. Воронцова, как считают многие исследователи, а влияние С. Г. Волконского стало причиной того, что уважительное отношение Пушкина к генерал-губернатору сменилось враждебностью, стало причиной рождения злых слов поэта о наилучшем для него начальнике.

В письме к В. А. Жуковскому Пушкин пошел еще дальше в отрицании военных заслуг Воронцова: «Но полумилорд Воронцов даже не полугерой. Мне жаль, что он бессмертен твоими стихами, а делать нечего»^{294}. Жуковский оставил без ответа сожаление Пушкина о том, что он обессмертил Воронцова своими стихами. Он не был предубежден против Воронцова, а потому и не жалел, что отдал должное его героизму в стихотворении «Певец во стане русских воинов».

Известный литературовед П. Е. Щеголев более 70-ти лет тому назад написал: «О Воронцове можно сказать, что и до сих пор он еще не разоблачен окончательно, особенно у пушкинистов. Уж слишком давил он исследователей авторитетом имени, сана, богатства, английского воспитания, и они никак не могли принять полностью на сто процентов высказывания о нем Пушкина: «Полугерой, полуневежда, к тому ж еще полуподлец!., но тут однако ж есть надежда, что полным будет наконец»^{295}.

Слова Щеголева не пропали втуне. За прошедшие семь десятилетий пушкинисты «исправились» — многие из них не сомневаются в правоте Пушкина и считают, что М. С. Воронцов действительно был и полугероем, и полуневеждой, и полуподлецом, как говорится в эпиграмме.

Но есть и иная, противоположная оценка пушкинской эпиграммы. «Если называть вещи своими именами, — пишет Юрий Дружников, — «полуневежда» и «полуподлец» были бесстыдной ложью, а эпиграмма в целом клеветой, едкой, несправедливой, злобной, и от злобы — неостроумной»^{296}.

При всем преклонении перед гением Пушкина, нельзя не признать, что его эпиграмма действительно была если и не клеветой, то, во всяком случае, поклепом, наветом, наговором на М. С. Воронцова. Михаил Семенович был отнюдь не полуневеждой, а образованнейшим человеком. Для него, якобы полуподлеца, честь и достоинство являлись важнейшими жизненными принципами. И он был не просто героем, а героем из героев. И Пушкин знал об этом. Знал и, как это ни прискорбно, постарался забыть и сочинил эпиграмму-поклеп. Кстати, при жизни Пушкина эта эпиграмма не была опубликована.

Считается, что Пушкин посвятил М. С. Воронцову еще одну эпиграмму. В ней рассказывается о придворном льстеце, который в разговоре с царем выразил радость в связи с казнью испанского революционера Риго.

Признать героем этой эпиграммы М. С. Воронцова значит объявить Пушкина автором еще одного поклепа на графа. Во-первых, М. С. Воронцов не был придворным льстецом, всю жизнь он стремился жить и служить подальше от Петербурга, от царского двора. А во-вторых, когда известие о казни Риго достигло России,

Михаила Семеновича отделяло от Александра I более тысячи верст, и разговор между ними не мог состояться.

Известный петербургский филолог С. А. Фомичев, разделяя общее мнение, что в этой эпиграмме изображен М. С. Воронцов, пишет: «Придворный льстец» не вешал Риего, но он вслух надругался над падшим, чем нарушил не только христианские заповеди, но и принятые правила приличия»^{297}. Эти слова являются очередным наговором на генерал-губернатора Новороссии. Ведь никто и никогда не обвинял М. С. Воронцова, человека глубоко верующего и порядочного, ни в нарушении христианских заповедей, ни в нарушении правил приличия. Не было причин для таких обвинений. Напротив, Михаил Семенович старался помочь «падшим», в том числе и С. Г. Волконскому, а не злорадствовал в связи с их судьбой.

Многие исследователи считают, что М. С. Воронцову посвящено еще несколько эпиграмм. В одной из них рассказывается о некоем лорде Мидасе с его непривлекательными качествами и низкими поступками. Однако в этой эпиграмме невозможно увидеть даже карикатурного портрета генерал-губернатора. А потому связывать ее и другие эпиграммы с именем М. С. Воронцова, значит обвинить Пушкина в авторстве еще нескольких поклепов на генерал-губернатора.

Пушкин назвал эпиграммой на М. С. Воронцова лишь одну — ту, в которой граф объявляется полуневеждой, полугероем и полуподлецом. Известный историк и археограф П. И. Бартенев пишет, что в конце жизни Пушкин раскаялся в сочинении этой эпиграммы. Собирая материалы к биографии поэта, Бартенев встречался и беседовал с оставшимися в живых его друзьями и знакомыми. От кого-то из них он, видимо, и услышал об этом раскаянии. От кого — неизвестно. Но вполне очевидно, что по прошествии времени Пушкин не мог не

признать, что, наговаривая на М. С. Воронцова, он унижил не его, а самого себя.

Обратимся к последним неделям жизни Пушкина в Одессе.

«Я сделала запас научных книг, чтобы насыщаться ими в течение дня, — пишет В. Ф. Вяземская мужу 15 июля, — а для развлечения у меня будет несколько романов, итальянские спектакли и Пушкин, который скучает гораздо больше меня: три женщины, в которых он был влюблен, недавно уехали. Что ты на это скажешь? Это в твоём духе. К счастью, одна возвращается на этих днях; я пророчу ему, что вы часто будете соперниками»^{298}.

Три женщины, в которых был влюблен Пушкин, это, скорее всего, Амалия Ризнич, Каролина Собаньская и Е. К. Воронцова. Последняя вот-вот должна была возвратиться из Крыма, что и произошло 23 июля. А М. С. Воронцов из-за болезни вынужден был задержаться в Крыму. В письме Вяземской мужу, отправленном 25 июля, говорится: «Гр. Воронцова и Ольга Нарышкина возвратились два дня тому назад, мы постоянно вместе и даже более дружны. Во время отсутствия графини я играла на ее клавесине, которого нет у меня в деревне, пользовалась ее купальней и ее маленькими лошадками»^{299}.

Из письма В. Ф. Вяземской от 27 июля: «С тех пор, как Ольга Нарышкина, ее муж и гр. Воронцова возвратились, мы неразлучны, и мой праздничный образ жизни восстановился; они очень заботливы по отношению ко мне. Я ежедневно обедаю и ужинаю у них, потому что они будут здесь только пять или шесть дней и потому что мы живем рядом; это не мешает мне заботиться о детях. Сегодня мы отправляемся морем на спектакль. После отъезда графини Николай получит в полное свое распоряжение ее маленький экипаж и 4

совсем маленькие лошадки, он сияет от этой надежды»^{300}.

Ни в одном из писем В. Ф. Вяземской к мужу ни слова не говорится о встречах Пушкина с Воронцовой после ее возвращения из Крыма. Почему? Может быть, потому, что Пушкин ни разу не был на даче у графини до прощального визита 29 июля? Елизавета Ксаверьевна готовилась к поездке в Белую Церковь, где у А. В. Браницкой жили ее дочь и сын, и ей, возможно, было не до гостей. Кроме того, до нее, по-видимому, дошла эпиграмма Пушкина на ее супруга, и она, оскорбившись и посчитав Пушкина неблагодарным, могла не захотеть встречаться с ним.

У известного пушкиниста Л. М. Аринштейна иное представление о днях, предшествовавших отъезду Е. К. Воронцовой из Одессы: «Собственно, главные события развернулись именно в эти четыре дня. Воронцовой было крайне неловко перед Вяземской за служебные неприятности, случившиеся с поэтом, как она полагала, не без участия ее супруга. Выглядеть в глазах петербургской гостьи соучастницей «неправого гонения» ей крайне не хотелось, и она всячески стремилась отмежеваться от действий мужа. Эта роль требовала определенного внимания и сочувствия к Пушкину, и эту роль, в общем, холодная, расчетливая и немного побаивавшаяся своего супруга графиня исправно сыграла...Пушкин — чистая душа — был в восторге. Она встретила с ним где-то у моря, мило поговорила и, похоже, подарила сувенир на дорогу — перстень-талисман, прославленный позже Пушкиным в его лирическом шедевре»^{301}.

Этот весьма красочный рассказ является от начала и до конца беллетристической выдумкой автора.

В июле 1824 года в Петербурге окончательно определилась судьба поэта. 8 июля было подписано высочайшее повеление: «находящегося в ведомстве

государственной коллегии иностранных дел коллежского секретаря Пушкина уволить вовсе от службы»^{302}. А 11 июля принимается новое решение — Пушкина не только уволить, но и отправить «за дурное поведение» на жительство в Псковскую губернию под надзор местного начальства.

Псковская губерния была выбрана не Нессельроде и не Александром I. Снова о судьбе Пушкина позаботились его друзья. А. И. Тургенев, узнав о предстоящем удалении Пушкина из Одессы, написал П. А. Вяземскому, что «надобно искать другого мецената-начальника». Посоветовавшись с одним из приятелей, Тургенев пришел к выводу, что таким меценатом может стать генерал-губернатор прибалтийских губерний и Псковской губернии Ф. О. Паулуччи. «Тем более, что П<ушкин> и псковский помещик»^{303}. Ф. О. Паулуччи был близок по взглядам к М. С. Воронцову. Поэтому А. И. Тургенев и решил, что оказаться в его подчинении является для Пушкина наилучшим выходом из создавшегося положения.

11 июля К. В. Нессельроде отправил письмо М. С. Воронцову, в котором сообщал, что император согласился на удаление Пушкина из Одессы. «Все доказывает, к несчастью, — пишет Нессельроде дальше, — что он слишком проникся вредными началами, так пагубно выразившимися при первом вступлении его на общественном поприще. Вы убедитесь в этом из приложенного при сем письма <...> Вследствие этого Е. В., в видах законного наказания, приказал мне исключить его из списков Министерства иностранных дел *за дурное поведение* <...> Государь <...> находит необходимым удалить его в имение родителей, в Псковскую губернию, под надзор местного начальства»^{304}. К посланию был приложен отрывок из письма Пушкина с крамольными словами о том, что он берет уроки атеизма. Эти строки, дошедшие до

Александра I, и стали свидетельством «дурного поведения» поэта.

Убежденность С. А. Фомичева в том, что М. С. Воронцов был недругом Пушкина, сыграла с ним злую шутку. Он, знающий и опытный исследователь, необъяснимым образом забывает о том, что отрывок из письма Пушкина со словами об уроках атеизма был получен Михаилом Семеновичем из Петербурга, и пишет: «Перехватив записку Пушкина, где он непочтительно отзывался о религиозных догматах, граф Воронцов переслал ее в Петербург, требуя строго наказать вольнодумца. Решение правительства не замедлило себя ждать»^{305}. Впоследствии же Сергей Александрович признал, что написал явную несуразность. Не мог он не согласиться и с тем, что М. С. Воронцов не называл Пушкина вольнодумцем и не требовал строго его наказать.

До М. С. Воронцова, находившегося в Крыму, письмо от К. В. Нессельроде дошло 24 июля. В тот же день он отправил указание Д. П. Гурьеву, градоначальнику Одессы, чтобы тот объявил Пушкину волю царя и немедленно выслал его из Одессы. И добавил: если Пушкин даст подписку, что на пути к Пскову нигде не будет останавливаться, то позволить ему ехать одному, без сопровождения чиновников.

29 июля Д. П. Гурьев посылает донесение М. С. Воронцову в Крым о том, что высочайшая воля объявлена Пушкину, что Пушкин дал подписку и на следующий день отправится в Псков по разработанному маршруту. В этот же день Пушкин расписался в получении прогонных денег на три лошади — 389 рублей 4 копейки.

После разговора с Гурьевым Пушкин поспешил на дачу к Е. К. Воронцовой. Как он был принят графиней и о чем они говорили, неизвестно. Но мы знаем, что с дачи Воронцовой, забыв там шляпу и перчатки, он побежал на

дачу В. Ф. Вяземской. Забытые шляпа и перчатки могли стать поводом для еще одной встречи Пушкина с графиней. Но почему-то он не воспользовался этой возможностью. За шляпой и перчатками был послан слуга Вяземской. Видимо, прощание было таким, что Пушкин не осмелился побеспокоить Елизавету Ксаверьевну во второй раз.

Е. К. Воронцова отправилась в Белую Церковь 30 июля. Сборы в дорогу, необходимость раздобыть деньги на покупку дорожной коляски и другие нужды заставили Пушкина нарушить обещание — он уехал из Одессы не 30, а 31 июля. 600 рублей дала ему займы В. Ф. Вяземская. Впоследствии Пушкин не мог вспомнить, сколько одолжил ему Н. М. Лонгинов — 50 или 100 рублей. Последние дни своего пребывания в Одессе Пушкин обозначил в календарике: «28, 29-, 30-turco in Italia, 31 depart». То есть 30 июля он был в театре на представлении оперы Россини «Турок в Италии», а 31 покинул Одессу.

Легко представить, что творилось в душе Пушкина накануне отъезда из Одессы. После полутора месяцев разлуки с Воронцовой поэт наконец-то получил возможность увидеть ее. А теперь расставался с ней навсегда. Было от чего прийти в отчаяние и еще больше возненавидеть ее супруга. Можно с уверенностью сказать, что в последних разговорах с В. Ф. Вяземской Пушкин не пожалел гневных слов в адрес генерал-губернатора. Однако вот что пишет Вяземская своему мужу: «У нас сложились совсем простые отношения с графиней Воронцовой, и я постараюсь, чтобы это и дальше шло так же, потому что она очаровательна <...> Что же до графа, то я его почти не знаю, но знаю, что его любят все в городе — и русские, и иностранцы, вид у него очень порядочный, таким образом, я уже предрасположена к нему, время сделает остальное, если мы поселимся на некоторое время в Одессе; его жена

предсказывает, что я его очень люблю, и я охотно этому верю»^{306}.

И. П. Липранди назвал отъезд Пушкина из Одессы самым счастливым событием в жизни поэта. В Одессе, писал он, вскоре оказалось несколько участников декабристского движения, поэтому «Пушкин, с мрачно-ожесточенным духом, легко мог быть свидетелем бредней, обуревавших наших строителей государства, и невинно сделаться жертвой»^{307}.

С Липранди согласен автор биографии Пушкина В. Си-повский: «Скоро после выезда поэта из Одессы там поселился кн. С. Г. Волконский, женившийся на Раевской. Его дом сделался центром подготавливавшегося на юге мятежа; многие выдающиеся декабристы были своими людьми в его доме. Поэтому удаление поэта из Одессы оказалось случайностью, счастливой для него и для русской литературы»^{308}.

Да, отъезд Пушкина из Одессы был счастьем для него и для России. И главной причиной «счастливой случайности» был М. С. Воронцов.

Исследователи, придерживаясь ложного, мифического представления о том, что между А. С. Пушкиным и М. С. Воронцовым изначально были враждебные отношения, не видят, каким важным оказался для поэта год жизни в Одессе. Общение с М. С. Воронцовым и его соратниками, сторонниками реформистского развития России и противниками разрушительных общественных преобразований, способствовало переходу Пушкина в будущем от разрушающего либерализма к либерализму консервативному (по определению П. А. Вяземского). Взгляды зрелого Пушкина приблизились к взглядам М. С. Воронцова и его друзей.

Предоставленная М. С. Воронцовым Пушкину свобода, разнообразие впечатлений от встреч с

жителями многоликой Одессы послужили питательной средой для творчества поэта. Никогда в следующие годы не была столь успешной его работа над главами «Евгения Онегина», как в Одессе. В этот же одесский год была завершена поэма «Бахчисарайский фонтан» и начата работа над поэмой «Цыганы». А страстные увлечения поэта Амалией Ризнич, Е. К. Воронцовой и Каролиной Собаньской материализовались в прекрасные лирические стихотворения. Следует добавить, что более половина стрóf в так называемом путешествии Евгения Онегина посвящены Пушкиным Одессе.

Я жил тогда в Одессе пыльной...
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свои подъемлет паруса;
Там все Европой дышит, веет,
Все блещет Югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит на улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.
Итак, я жил тогда в Одессе [{309}](#).

Есть все основания полагать, что одесский период в жизни поэта, когда он находился в подчинении Воронцова, был вполне благополучным. За весь этот год у Пушкина не было ни одной дуэли. Ему было не до столкновений и ссор, как в Кишиневе.

Преклонение перед поэтическим гением Пушкина и в наши дни служит основанием для придумывания

исследователями новых наговоров на М. С. Воронцова. А ложное представление о том, что М. С. Воронцов был врагом и гонителем Пушкина, мешает объективно оценить заслуги Михаила Семеновича перед Россией.

Глава XVII

МИЛОСТЬ К ПАДШИМ

В 1821 году Александру I была передана записка о существовании в России тайного общества «Союз Благоденствия», составленная библиотекарем гвардейского штаба М. П. Грибовским. По предложению П. М. Волконского, начальника штаба гвардии, Грибовский вошел в доверие к членам «Союза Благоденствия» и выведал их намерения: «Из войск положено было набрать самое большое число приверженцев в гвардии; в армии же иметь на своей стороне только несколько полковых командиров, решительных и на все готовых, дабы возбуждением их и примером гвардии слепо увлечь всю армию. Центром всех действий сначала был Петербург, потом избрана Москва, для привлечения живущего там дворянства». Далее в записке говорилось: «Главу положено было избрать, когда было бы уже все готово, из вельмож, уважаемых войском и народом и недовольных правительством. Самая большая надежда возлагалась на находящихся во Франции и на графа Воронцова, на которого действуют братья Тургеневы».^{310}

Братья С. И. и Н. И. Тургеневы начали «действовать» на М. С. Воронцова, еще когда тот командовал русским оккупационным корпусом во Франции в 1815–1818 годах. В то время С. И. Тургенев, как об этом говорилось выше, служил под его началом, а Н. И. Тургенев был русским комиссаром центрального административного департамента союзных правительств во Франции.

С. И. Тургенев, считая себя революционером, попытался выяснить, нельзя ли в случае необходимости рассчитывать на М. С. Воронцова. Однако сам он не был сторонником революции в «роковом» значении этого

слова. «Сохрани меня Бог, — писал он, — желать России революцию в этом смысле, т. е. внезапной и подобной той, которая произошла во Франции. Я хочу совсем другого своему отечеству <...> Я понимаю под революцией прогрессивные изменения, имеющие целью всеобщую пользу <...> Нужно, чтобы эта революция происходила медленно, чтобы она шла шаг за шагом. Чтобы она направлялась правительством и чтобы граждане только и делали, что ей способствовали»^{311}.

Вполне вероятно, что такую «революцию» поддержал бы и М. С. Воронцов. Однако некоторые мысли Сергея Тургенева Михаил Семенович считал излишне смелыми. Он пишет о нем: «Невозможно быть более довольным, чем я доволен Т<тургеновым>; это действительно превосходный и достойный уважения молодой человек, — отзывался о нем Воронцов. — Если у него еще имеются несколько *ультралиберальные идеи*, то это должно быть пройдет, да и к тому же лучше человек, мыслящий в этом направлении, чем в ином; так как основанием этих идей служит благородство, великодушие и справедливость, в то время как основание тех, кто ударяется в другую крайность, таково, что приходится зажимать себе нос, когда об этом говорят»^{312}.

Как видим, по мнению М. С. Воронцова, быть ультралибералом лучше, чем быть реакционером. С первыми его роднило благородство и справедливость, а от вторых он старался держаться подальше. Но он добавляет с удовлетворением, что, как ему кажется, с некоторых пор Сергей Тургенев стал более рассудительным.

Старший из братьев Тургеневых, Александр Иванович, считал, что «суждение гр. Воронцова об ультралиберализме делают честь и сердцу и уму его и доказывает, что он и сам более склонен к тому образу мыслей, который происходит от излишнего, может быть,

жару к добру и ко всему прекрасному — и удален от того, которого источник или эгоизм, или напуганная ограниченность»^{313}. Да, действительно, М. С. Воронцов руководствовался в своих действиях «жаром к добру» и не был ни эгоистом, ни трусом.

Надежды членов «Союза Благоденствия» на то, что М. С. Воронцов может стать со временем их единомышленником, основывались на том, что Михаил Семенович последовательно выступал за отмену крепостного права и критически относился к существовавшему в стране порядку.

С. Р. Воронцов, живя в Англии, продолжал поддерживать связь с родиной, вел обширную переписку с друзьями, был в курсе российских дел. До него конечно же дошли слухи о тайных обществах. Ему было известно о недовольстве сына российскими порядками, поэтому у Семена Романовича могло возникнуть опасение, что Михаил Семенович тоже захочет войти в какое-нибудь тайное общество.

В одном из писем к сыну Семен Романович, рассуждая о событиях в Испании в 1820 годы, с неодобрением отзываясь об испанском короле Фердинанде VII. И тем не менее делал такой вывод: «Всякий государь, каким бы он ни был, лучше какой бы то ни было революции, аристократической или демократической <...> обе они ведут к гражданской войне, которая разорит страну, к иностранному вмешательству и окончатся военной деспотией. Каким бы ни был государь, надо поддерживать его ради спокойствия и блага страны»^{314}.

А от Н. М. Лонгинова Михаил Семенович мог услышать такую характеристику революционеров: «У революционеров везде и всегда одна система: обман, клевета, коварство, кровожадность, грабеж, убийства, попрание всех прав, Божеских и человеческих; они ничем не брезгают, считая все позволительным для

себя; это доказано революциями всех времен, а в настоящее время мы видим это в Испании и в Португалии»^{315}.

М. С. Воронцов, вполне очевидно, не спорил ни с отцом, ни с Н. М. Лонгиновым. Он, как и они, был против революций и ни в какие тайные общества вступать не собирался.

В марте 1825 года М. С. Воронцов приехал в Петербург — впервые после назначения генерал-губернатором Новороссии и наместником Бессарабии. Александр I милостиво принял его, без возражений утвердил все его представления о награждении чиновников генерал-губернаторства. А 29 марта, в пасхальный день, М. С. Воронцов стал полным генералом — генералом от инфантерии. Долго же пришлось ему ждать этого звания! Но вряд ли решение Александра I произвести Михаила Семеновича в полные генералы было вызвано тем, что он изменил свое отношение к графу.

«Есть слухи, — читаем в записях самого императора, — что пагубный дух *вольномыслия* или *либерализма* разлит или, по крайней мере, сильно уже разливается и между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют притом секретных миссионеров для распространения своей партии. Ермолов, Раевский, Киселев, Михаил Орлов, Дмитрий Столыпин и многие другие из генералов, полковников, полковых командиров; сверх сего большая часть разных штаб- и обер-офицеров»^{316}.

Как видим, Александр I М. С. Воронцова не называет среди подозреваемых в вольномыслии. Конечно же император хотел видеть в его лице своего союзника и, вероятно, был уверен, что при всем своем либерализме Михаил Семенович не связан с заговорщиками. Нельзя

было отталкивать графа от себя, нельзя было и дальше тянуть с присвоением ему звания полного генерала.

Семен Романович Воронцов, беспокоясь о судьбе отечества, мечтал об откровенном разговоре с Александром I. Если бы смог я пробыть полчаса с государем, писал он Ф. В. Ростопчину, то «непременно высказал бы все, что думаю о бедственном состоянии России, не стесняясь соображением о том, понравилось бы ему это или нет; потому что во всем, касающемся до своего Царя и Отечества, лесть составляет гнусное преступление»^{317}. Семен Романович был весьма критического мнения и о самом императоре. «Все те, которые управляли страную в эти последние двенадцать или тринадцать лет, получают направление свыше, где нет ни знания, ни благоразумия, ни высоких чувств, но одна лишь крутая, деспотическая воля, плохо прикрываемая внешнею оболочкою кротости и лицемерного благочестия»^{318}, — писал он тому же Ростопчину спустя годы. Семену Романовичу не довелось откровенно поговорить с государем. Но такая возможность предоставилась его сыну.

Во время пребывания в Петербурге М. С. Воронцов получил разрешение съездить в Англию к отцу. Ведь тому уже шел 82-й год. Было решено, что замещать его будет вице-адмирал А. Г. Грейг, главный командир Черноморского флота и портов. Но Михаил Семенович заболел, и поездку пришлось отложить. Он отправился в Крым, чтобы поправить здоровье. Действительно, после двухнедельного отдыха на южном берегу Крыма ему стало лучше.

В том же 1825 году опасно заболела императрица Елизавета Алексеевна, супруга Александра I. Врачи посоветовали ей провести зиму на одном из европейских курортов. Но вместо Европы был выбран Таганрог. Император приехал в этот южный провинциальный городок несколькими днями раньше супруги. Он решил

лично позаботиться о создании для нее подходящих условий. Императорская чета поселилась в небольшом одноэтажном доме.

Пребывание их величеств на юге заставило Воронцова и его супругу изменить свои планы и спешно отправиться в Таганрог. Александр Павлович часто и подолгу беседовал с Михаилом Семеновичем. Он одобрительно отзывался о его управлении Новороссией и Бессарабией. И однажды Михаил Семенович, воспользовавшись доверительностью разговора, высказал императору свои сомнения и предложения: «... должен вам Г<осударь> сказать правду, что вы окружены людьми недостойными, хитрыми, старающимися владеть обстоятельствами и извлекать из оных и свои и связям своим пользу и не допускают до вас тех нужд на<родных> и угнетений, коими стеснены все состояния. Вы знаете, Г<осу-дарь>, что мой <отец> живет в Л<ондоне>, а потому, если бы что и встретилось со мною неприятное за правду, я уеду к нему и буду спокоен, но совесть моя страждет за вас. Особенное чувство и долг подд<анного> извлекают из меня сии истины. Примите меры, ро<пот> начинает быть слышен повсюду, нужды умножаются, нал<оги> колеблют все классы. Простите подд<анного>»^{319}.

Не часто, видимо, приходилось Александру I слышать такие упреки. Многие ли осмеливались сказать ему в глаза горькую правду? К сожалению, император был уже на краю могилы. На принятие срочных мер времени не оставалось.

В Таганроге Александр I возвратился к своей старой мечте о сложении с себя обязанностей главы государства: «Я скоро переселюсь в Крым и буду жить частным человеком. Я отслужил 25 лет, и солдату в этот срок дают отставку». А сопровождавшему его князю П. М. Волконскому он сказал: «И ты выйдешь в отставку и будешь у меня библиотекарем»^{320}.

Из Таганрога Александр I намеревался отправиться в Грузию, потом в Астрахань и оттуда проехать до Иркутска. А М. С. Воронцов пригласил императора в Крым. Предложение было принято.

Таганрог император покинул 17 октября. Проехал Мариуполь, побывал в Симферополе. Отсюда в сопровождении М. С. Воронцова отправился верхом в Гурзуф. Осмотрел Никитский сад. Из Орианды, купленной им у графа Кушелева-Безбородки, поехал в Алупку — в гости к Михаилу Семеновичу и Елизавете Ксаверьевне. После Алупки часть пути император проехал в коляске, а затем, отправив свиту в Севастополь, верхом, без шинели, в сопровождении одного фельдъегеря, направился в Георгиевский монастырь. К вечеру подул холодный северо-восточный ветер. В Севастополь продрогший император прибыл не в 4 часа дня, как предполагалось, а только в 8 часов вечера. Видимо, полученная им простуда в этот день послужила началом его болезни.

На следующий день, 28 октября, император осмотрел в городе укрепления, флот, морской госпиталь, казармы. 29 октября, по дороге в Бахчисарай, он почувствовал недомогание. После возвращения в Таганрог Александр Павлович слег окончательно. Лечиться он не хотел. 19 ноября император скончался.

Получив известие о смерти Александра I, М. С. Воронцов поспешил в Таганрог и оставался там до конца декабря. Здесь получает он письмо от А. Х. Бенкендорфа, в котором рассказывалось о событиях 14 декабря в Петербурге. Восстание было подавлено, началось царствование Николая I.

Еще в первых числах декабря 1825 года И. И. Дибич, начальник Главного штаба, прислал из Таганрога великому князю Николаю Павловичу донесение унтер-офицера Шервуда, в котором сообщалось о членах тайного общества, действовавших в южных губерниях. В

связи с этим великий князь написал Дибичу: «Как по всему делу видно, что в Одессе должно быть гнездо заговора, <...> то я считаю необходимым, чтобы вы переговорили о сем с графом Воронцовым, дабы и там принять нужные меры»^{321}. Однако еще задолго до рокового события «заговорщики» Одессу покинули, поэтому «нужные меры», о которых писал Николай Павлович, генерал-губернатору принимать не пришлось.

Восстание 14 декабря 1825 года осудили многие благомыслящие россияне.

«Я был во дворце с дочерьми, — писал Н. М. Карамзин, — выходил на Исаакиевскую площадь, видел ужасные лица, слышал ужасные слова, и камней пять-шесть упало к моим ногам <...> Я, мирный историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятеж»^{322}.

«Больно, брат, видеть в столь гнусном и мерзком деле, — писал К. Я. Булгаков А. А. Закревскому, — древние русские имена Трубецкого, Оболенского, Одоевского, все они воспримут надлежащее и столь заслуженное наказание; всякий по вине своей. Ужас берет, как подумаешь, что эти злодеи готовили России. Благодарение Богу, что умыслы открыты. Мнение горсти <...> в 50 миллионов верных подданных, ничего не значит, конечно, но деяния их много бы нанесли несчастья, если бы дали им более времени на исполнение адских своих намерений»^{323}.

«Слава Богу, — пишет А. Я. Булгаков, — что все стихло; но, право, пора приняться за строгость, и я спорил очень против Жихарева: надобно казнить убийц и бунтовщиков. Как, братец, проливать кровь Русскую? — Да разве из Милорадовича текло Французское вино? Надобно сделать пример: никто не будет жалеть о бездельниках, искавших вовлечь Россию в несчастье, подобное Французской революции»^{324}.

М. С. Воронцов тоже считал, что бунтовщики являются врагами отечества и заслуживают самого строгого наказания, вплоть до смертной казни. «Я воображаю удивление и злость твою, — писал он А. А. Закревскому, — когда услышал о предприятиях в Петербурге 14-го декабря; надеюсь, что это не кончится без виселицы и что Государь, который столько собою рисковал и столько уже прощал, хотя ради нас, будет теперь и себя беречь и м... наказывать»^{325}. А спустя некоторое время он с удовлетворением и гордостью отметит, что в Одессе, о которой раньше говорили так много плохого, «ни один житель и ни один чиновник не только не были арестованы, но даже не попали под подозрение как участники тайных обществ»^{326}. Его правило собирать вокруг себя единомышленников сыграло свою роль.

25 мая 1826 года Николай I назначил М. С. Воронцова членом Государственного Совета, высшего совещательного органа страны. А через неделю император подписал Манифест «Об учреждении Верховного Уголовного Суда для осуждения злоумышленников, открывшихся 14 декабря прошлого 1825 года». В состав суда должны были войти члены Государственного Совета, Правительствующего Сената и Святейшего Синода, а также несколько высокопоставленных военных и гражданских чиновников.

До учреждения Верховного Уголовного Суда арестованных декабристов допрашивала Следственная комиссия. Одним из членов этой комиссии был А. Х. Бенкендорф. Он многое мог рассказать и, наверное, рассказал Михаилу Семеновичу о допросах арестованных декабристов. А может быть, Михаил Семенович сам познакомился с некоторыми протоколами допросов, с теми, например, в которых упоминалось его имя.

Так, П. Колошин говорил: «Надежды общества заключались единственно в распространении общества числом членов и повышением их в службе. Не знаю, кто действительно из высших государственных лиц находился в обществе, но иногда слышал имена генералов Ермолова, Воронцова, Мордвинова»^{327}.

Из показаний А. Н. Андреева: «За несколько дней до 14 декабря сообщил мне товарищ мой лейб-гвардии Измайловского полка подпоручик Кожевников о тайном обществе, которого цель, говорил он, стремление к пользе отечества. Но так как в таком предприятии главнейшая сила есть войско, то мы — части оною и как верные сыны отечества должны помогать сему обществу, тем более, что оно подкрепляется членами Государственного Совета, Сената и многими военными генералами. Из членов сих названы им были только трое: *Мордвинов, Сперанский и граф Воронцов*, на которых более надеялись, о прочих он не упомянул. Завлеченный его словами и названием сих членов, я думал, что люди сии, известные всем своим патриотизмом, опытностью, отличные чувствами, нравственностью и дарованиями, не могут стремиться ни к чему губительному, и дал слово ему участвовать в сем предприятии. Вот причина, побудившая меня вступить в сие общество»^{328}.

А К. Ф. Рылеев так ответил на вопрос об обстоятельствах образования тайного общества: «Слышал только, что оно началось в то самое время, когда граф Воронцов представлял покойному императору об освобождении крестьян»^{329}.

Понятно, что М. С. Воронцов, участвуя в суде над декабристами, должен был услышать немало упреков в свой адрес. Однако он принял участие только в первых пяти заседаниях суда, на которых рассматривались организационные вопросы. А на заседании суда 10 июня председательствующий прочитал отношение к нему от

генерал-адъютанта графа Воронцова, в котором говорилось, что «по случаю высочайшего препоручения ехать ему в Аккерман, не может он боле участвовать в заседаниях суда»^{330}.

В Аккермане М. С. Воронцов и русский посол в Константинополе А. И. Рибопьер должны были провести с турками переговоры по некоторым спорным вопросам. Они успешно справились с возложенной на них миссией. Турецкая сторона согласилась даже с тем, чтобы оставить за Россией города Анаклия, Сухум и Редут-Кале, а российские купцы могли беспрепятственно торговать по всей Оттоманской империи. Переговоры завершились принятием 25 сентября 1826 года выгодной для России Аккерманской конвенции. За это в награду М. С. Воронцову были пожалованы алмазные знаки ордена Св. Александра Невского.

Пока М. С. Воронцов и А. И. Рибопьер вели в Аккермане переговоры с турками, в Петербурге вершился суд над декабристами. Николай I внес ряд изменений в подготовленный судьями приговор. Он, в частности, сократил число приговариваемых к смертной казни с 36 до 5 человек. И остальные осужденные получили некоторое послабление в наказании.

«Нельзя было меньше сделать, — напишет Михаил Семенович, одобряя решение императора, — и конечно же пять из оных, какие жизнью заплатили за ужасные свои намерения и опасность, которой подвергали всю империю, более всего заслужили. Во всякой другой стране более пяти были бы казнены смертию»^{331}.

Как известно, Н. С. Мордвинов был единственным из членов Верховного Уголовного Суда, не поставившим подпись под смертным приговором пяти декабристам. Присоединился ли бы к нему М. С. Воронцов, если бы до конца принимал участие в работе суда? Вполне вероятно. Да, он считал, что пятеро декабристов заслужили смертный приговор. Но известно, что Михаил

Семенович нередко проявлял милосердие к провинившимся. Вот несколько примеров.

В Кишиневе арестовали поручика И. И. Сухинова, командира 6-й роты Черниговского полка, восставшего в конце декабря 1825 года, и в цепях отправили в Одессу. Цепи были такими тяжелыми, что железо впилося в тело. Холодная и сырая погода, трудный путь расстроили здоровье поручика. Открылись раны, полученные в Отечественную войну, началась лихорадка. Когда Сухинова привезли в Одессу, то М. С. Воронцов принял его, государственного преступника, как гостя. Он приказал снять с поручика цепи. Сухинову была отведена комната в доме генерал-губернатора, предложен обед и ужин, выдано новое белье^{332}.

В 1822 году приказчик торгового дома В. И. Сухачев и его друзья организовали в Одессе «Общество Независимых». После восстания декабристов Сухачев и его товарищи были арестованы. Но когда выяснилось, что «Общество Независимых» не связано с движением декабристов, окончательное решение о нем было возложено на М. С. Воронцова. Последний отнесся к делу Сухачева чрезвычайно снисходительно, хотя было очевидно, что «Общество Независимых» представляло собой враждебную существующему строю организацию. Благодаря Михаилу Семеновичу Сухачев и его товарищи были выпущены из тюрьмы^{333}.

Летом 1836 года М. С. Воронцов объезжал на корвете «Ифигения» восточное побережье Черного и Азовского морей. В Керчи губернатор Таврической губернии А. И. Казначеев представил ему А. А. Бестужева. Вот что узнал Воронцов, беседуя с Бестужевым во время плавания с ним на корвете.

Как участник восстания декабристов, А. А. Бестужев был приговорен к 20 годам каторги, сокращенной вскоре до 15 лет. С 1827 года он жил на поселении в Якутске. В

1829 году Бестужев обратился к И. И. Дибичу, назначенному главнокомандующим русской армией в войне с Турцией, с просьбой разрешить ему «вступить рядовым под знамена», которыми тот указывает «след к победам». «Ищу не выгод и отличий — ищу только случай пролить кровь мою за славу Государя и с честью кончить жизнь, им дарованную, чтобы на прахе моем не тяготело имя преступника»^{334}, — написал Бестужев.

В ответ на эту просьбу Николай I приказал: «Александра Бестужева определить рядовым в действующие полки Кавказского корпуса, с тем, чтобы и за отличия не представлять к повышению, но доносить только, какое именно отличие им сделано»^{335}. Однако вопреки приказу императора в 1835 году Бестужев стал унтер-офицером, а в 1836 году за храбрость в сражениях был произведен в прапорщики.

После встречи с М. С. Воронцовым Бестужев написал своему брату: «Граф Воронцов взял меня летом больного в Керчи и принял участие в моей судьбе»^{336}. Участие заключалось в том, что М. С. Воронцов передал А. Х. Бенкендорфу ходатайство Бестужева о переводе его на службу «по гражданской части» и поддержал эту просьбу. В ходатайстве Бестужева говорилось, что он страдает «от пагубного влияния знойного климата в Гаграх на здоровье, расстроенном уже от несчастий и военных трудов», и что он стремится «быть полезным отечеству и употребить досуг на занятия словесностью»^{337}. К ходатайству М. С. Воронцов приложил свое представление о назначении Бестужеву жительства в Керчи «с употреблением на службу при тамошнем градоначальнике для сношения сего города с Черноморским и Закавказским краем». И добавил: тем более, что Бестужев обладал обширными знаниями об этом крае.

Николай I написал на докладной записке А. Х. Бенкендорфа: «Мнение графа Воронцова

совершенно неосновательно; не Бестужеву с пользой заниматься словесностью: он должен служить там, где сие возможно без вреда для службы. Перевести его можно, но в другой батальон»^{338}.

А. А. Бестужев, узнав об отрицательном ответе на его ходатайство, написал Михаилу Семеновичу: «Чем лестнее было внимание Вашего Сиятельства, чем отраднее участие Вашей истинно высокой души, тем большим прискорбием поразила меня весть, что я не могу горячим усердием и всеми усилиями нравственных сил доказать преданность мою к Престолу и признательность за отеческое представительство Ваше <...> Мой долг утешительный, священный долг благодарности Вам, Граф, за желание блага, как бы за исполнение желаний; и я надеюсь, что благодарность эта переживет меня <...> Не могу однако ж исторгнуть из моего сердца надежды: когда-нибудь служить под благотворительным начальством Вашим — это надежда жизни моего сердца!»^{339}.

М. С. Воронцов сообщил Бестужеву, что он ходатайствовал перед командиром Отдельного Кавказского корпуса бароном Г. В. Розеном о переводе его в другое место. А в полуофициальном письме к Розену просил того «о благосклонном принятии участия в просьбе господина Бестужева».

А. А. Бестужев был прикомандирован к Грузинскому гренадерскому полку, с которым участвовал в военной экспедиции Розена на мыс Адлер. В ожесточенной схватке с горцами Бестужев погиб. При обмене горцы не выдали его тело. Оно так и не было найдено.

Пытался помочь М. С. Воронцов и С. Г. Волконскому, хотя в прошлом тот немало интриговал против него. В начале 1840 года Михаил Семенович отправил письмо А. Х. Бенкендорфу, в котором просил передать Николаю I его ходатайство о переводе декабриста С. Г. Волконского из Сибири на Кавказ. В ответе

Александра Христофоровича говорилось: «Вследствие ходатайства вашего сиятельства на счет переселения Сергея Волконского из Сибири на Кавказ, имею честь сообщить вам, что сколь бы охотно я ни желал содействовать исполнению сего, дабы сделать угодное вам, милостивый государь, и удовлетворить просьбу достойного Николая Николаевича Раевского, но я считаю невозможным представлять о сем Государю Императору; потому что подобная милость не была еще оказана никому из осужденных вместе с Волконским лиц, и переселение из Сибири на Кавказ его Волконского, который находится в числе главных политических преступников, неминуемо подало бы повод другим, наравне или менее его виновным, просить себе такого же снисхождения»^{340}.

Александр Христофорович не стал передавать ходатайство Михаила Семеновича императору. Он заранее знал, что ответ будет отрицательным, и не хотел навлечь на друга новое обвинение в защите «государственного преступника».

Декабрист Н. И. Лорер получил в 1837 году разрешение «загладить свои политические увлечения» военной службой на Кавказе. В конце 1841 года он получил отставку и наконец-то стал свободным человеком. Правда, ему был запрещен въезд в обе столицы, и он продолжал оставаться под наблюдением местного начальства.

Весной 1842 года Лорер приехал в Херсон, а оттуда отправился в Одессу. «Я съездил в Одессу, — писал он, — чтобы одеться в гражданское платье. Граф М. С. Воронцов был тогда там генерал-губернатором Новороссийского края. Граф меня знал лично в Варшаве, когда мы возвращались из-за границы, в 1815 году, и я почел своим долгом представиться ему. Адъютант его Суворов представил меня графу в его кабинете. Внимательный, ласковый старик спросил меня, чем

может быть мне полезным, и требовал, чтобы я всегда лично к нему обращался с моими просьбами. Граф был тип вельможи и обладал европейским образованием, каким в то время немногие из наших сановников пользовались»[{341}](#).

Как видим, М. С. Воронцов, рискуя навлечь гнев императора, охотно оказывал помощь тем, кто находился под подозрением у правительства.

Глава XVIII

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И ИНЫЕ ЗАБОТЫ

М. С. Воронцов был необычным генерал-губернатором. Трудно назвать какую-либо сторону жизни новороссиян, которую бы он обошел своим вниманием.

Большая часть населения генерал-губернаторства и области занималась животноводством, в частности разведением овец, дававших грубую шерсть. Стремясь содействовать более быстрому развитию тонкорунного овцеводства, Михаил Семенович выписал на собственные средства из Испании и Саксонии овец соответствующей породы. Вскоре высокосортная тонкорунная шерсть стала теснить в российском экспорте грубую шерсть. Кроме того, генерал-губернатор способствовал развитию коневодства (у него был и свой конный завод), шелководства, виноградарства и садоводства (он приобретал в европейских странах и в Армении виноградные лозы и черенки фруктовых деревьев лучших сортов, затем размножал их в своих питомниках и раздавал бесплатно всем желающим). В Китае для Воронцова были закуплены несколько чайных кустов. Он стал также инициатором расширения плантаций табака, хотя сам не курил и не любил курящих.

Усилия генерал-губернатора увенчались успехом. К 1851 году в трех губерниях Новороссии насчитывалось около 50 тысяч фруктовых садов, более 30 тысяч виноградников, до 70 тысяч огородов и баштанов (бахч). Было посажено около 12 миллионов лесных деревьев, 81

миллион виноградных лоз, 11 миллионов фруктовых деревьев, более 7 миллионов тутовых деревьев.

В 1828 году в Одессе было учреждено Императорское Общество сельского хозяйства Южной России. Первым его председателем стал М. С. Воронцов, а секретарем А. И. Левшин. Общество поощряло отличившихся в садоводстве и лесоводстве, награждая их деньгами и медалями. Так, например, одесский купец Иван Рубо посадил за три года на своей даче (участке земли) 250 тысяч кустов винограда и создал школу из 120 тысяч кустов, посадил 10 тысяч фруктовых деревьев, 79 тысяч лесных деревьев, засеял 40 десятин земли семенами фруктовых и диких деревьев. За это он был награжден золотой медалью на Анненской ленте для ношения на шее.

М. С. Воронцов знал, что Англия закупает за границей в большом количестве льняное семя, и предложил местным торговцам отправить в Англию на продажу российское семя. Уже в 1832 году англичане купили у россиян 45 тысяч четвертей семени. Четверть льняного семени стоила на 2 рубля серебром дороже четверти пшеницы. Выгода от выращивания и экспорта льняного семени была очевидна.

Развитие сельскохозяйственного производства привело к тому, что если прежде десятина земли в Новороссии стоила 10 копеек, то теперь за нее стали давать 10-20 рублей.

Интересовало Воронцова и рыболовство. Он даже предложил нескольким семьям рыбаков с острова Мальта переехать в Крым, поселил их и обзавел на свой счет всем необходимым. Однако, тоскуя по родине, рыбаки попросили отправить их на Мальту. Это была редкая неудача в начинаниях Михаила Семеновича.

Михаил Семенович был рачительным хозяином и в своих владениях. Он покупал в Крыму участки земли (вместе они составили около 2 тысяч гектаров) и

высаживал на них тысячи виноградных лоз и саженцев фруктовых деревьев. Он завел у себя отличные винные погреба и начал производить шипучее вино. Была у него своя оливковая роща и свое оливковое масло. Он призывал людей со средствами следовать его примеру. И плантации виноградников и садов стали расти в Крыму как грибы после дождя.

Увеличение сельскохозяйственной продукции повлекло за собой развитие перерабатывающей промышленности. В Новороссии и Бессарабии появились шерстомойные, салотопенные, мукомольные и винокуренные предприятия. По разрешению из Петербурга был организован на паях завод для рафинирования американского сахарного песка. Появился завод искусственных минеральных вод.

В Новороссии и в Крыму было мало лесов, поэтому здесь существовала серьезная проблема отопления жилищ. С появлением паровых судов и металлургических предприятий возросла потребность в угле. Михаил Семенович организовал широкую разведку угольных месторождений в крае, а затем и их разработку. Одно из месторождений он разработал на собственные средства, а потом передал его безвозмездно предприимчивому купцу. К 1851 году новороссийские шахты стали выдавать ежегодно более миллиона пудов угля, в том числе около 200 тысяч пудов антрацита, лучшего сорта. Вскоре добыча угля стала даже опережать потребность в нем. Таким образом, зависимость Новороссии от привозного английского каменного угля была ликвидирована.

По инициативе М. С. Воронцова были разведаны месторождения железной руды и начала развиваться металлургия. На верфях в Николаеве, Одессе и Херсоне стали строиться пароходы. Для поощрения текстильной промышленности в Бессарабии Михаил Семенович добился от Петербурга льгот для фабрикантов —

снижения казенных податей и послабления при отбывании повинностей.

М. С. Воронцов говорил, что ничто так не обогащает край, как возможность сношений во всякое время года. А для этого нужны хорошие дороги. Но их в Новороссии и Бессарабии было недостаточно. Они делились на почтовые и проселочные. И те, и другие не имели твердого покрытия и нуждались в улучшении.

Нелегко было добиться финансирования нового дорожного строительства. Но случилось, что настойчивость М. С. Воронцова побеждала противодействие петербургского начальства. Так, в 1837 году была построена дорога от Кишинева до Сорок, связавшая центр области с пристанью на Днестре.

В Крыму после прокладки хорошей шоссейной дороги стали возводиться летние резиденции знатных и богатых россиян, в том числе и представителей царской фамилии. На дороге из Евпатории в Керчь через Симферополь и Феодосию в 1832 году было открыто движение дилижансов.

Как уже говорилось, М. С. Воронцов с детских лет любил водную стихию. В середине 1823 года на построенном в имении Мошна пароходе «Надежда» он плывал по Днепру, привлекая внимание многочисленных зевак. Это был первый пароход в здешних местах. В 1825 году «Надежда» была переправлена через днепровские пороги и прибыла в Херсон. Здесь ее стали использовать для буксировки барж в Николаев. А в 1827 году «Надежда» отправилась в первый рейс с пассажирами. На пароходе были комнаты для женщин — на четырех и для мужчин — на семерых.

Увлечение М. С. Воронцова морем способствовало его сближению с вице-адмиралом Алексеем Самуиловичем Грейгом. А во время Русско-турецкой войны 1828–1829 годов, при осаде крепости Варна, они стали товарищами по оружию.

А. С. Грейг был потомственным моряком. Его отец С. К. Грейг командовал отрядом в составе эскадры Г. И. Спиридонова в Чесменском бою (1777). В Русско-шведской войне (1788-1790) адмирал С. К. Грейг одержал победу в Готландском сражении, сорвав планы шведов по завоеванию господства на Балтийском море и захвату Петербурга.

А. С. Грейг пошел по стопам отца. Во время Архипелагской экспедиции Д. Н. Сенявина он успешно командовал отрядом кораблей. В 1816 году вице-адмирал А. С. Грейг был назначен главным командиром Черноморского флота и портов и военным губернатором Николаева и Севастополя. С этого времени он стал жить в Николаеве.

С начала царствования Александра I флот в России находился в небрежении. Людские и материальные ресурсы предназначались в основном для сухопутного войска. На суше, а не на море, были одержаны важнейшие победы в войнах, в которых участвовала Россия с начала века по 1815 год. В беседе с А. С. Грейгом император признался, что он судит о флоте «как слепой о красках»^{342}. В год назначения Грейга командиром Черноморского флота адмиралтейство в Николаеве было в том же виде, в каком оно существовало еще во времена Г. А. Потемкина-Таврического. Догнивали стапеля и другие строения. Суда давно отслужили положенный срок. Новые корабли не строились.

С приходом А. С. Грейга положение на Черноморском флоте резко изменилось. Благодаря его настойчивости была принята программа строительства пароходов, катеров, шлюпов и мелких судов, предназначенных для ведения разведки и перевозки грузов. В 1820 году в Николаеве был построен первый на Черноморском побережье России пароход «Везувий».

М. С. Воронцов мечтал о строительстве большого парохода для Одессы, который мог бы перевозить и грузы, и пассажиров. Своими мыслями он поделился с Грейгом: «Нужно устроить его таким образом, чтобы на нем были, подобно аглицким, хорошо обделанные каюты и помещения для двух или трех карет».^{343}.

В 1828 году в Николаеве был построен пароход, который получил название «Одесса». Первый рейс он совершил из Одессы в Евпаторию.

Параллельно с гражданскими строились и военные корабли. В 1825 году был построен первый в России военный 14-пушечный пароход «Метеор», а в 1826 году — пароход «Молния». В мирное время эти пароходы использовались для буксировки плашкоутов с грузами. В дальнейшем было построено несколько 60-пушечных кораблей и 120-пушечный корабль «Варшава», а транспортные суда переделывались в бомбардирские, необходимые для штурма приморских крепостей.

В 1834 году в Англии был построен для Одессы пароход «Петр Великий». По прибытии в Одессу судно осмотрели М. С. Воронцов, и вице-адмирал М. П. Лазарев, назначенный в 1833 году новым главным командиром Черноморского флота и портов и военным губернатором Николаева и Севастополя. Генерал-губернатор и вице-адмирал нашли конструкцию парохода отличной, а отделку всех частей прекрасной. В 1835 году на пароходах «Петр Великий» и «Наследник», построенный в Николаеве, начались регулярные пассажирские рейсы по Черному и Азовскому морям. А в 1836 году на пароходе «Петр Великий» и военном корвете «Ифигения» М. С. Воронцов совершил плавание вдоль восточных берегов Азовского и Черного морей.

В марте 1840 году в Аккерман приплыл построенный в Англии пароход «Граф Воронцов» и начал совершать рейсы между Аккерманом и Овидеополем, перевозя пассажиров и грузы. Эта линия обеспечивала сбыт соли,

добываемой в озерах Бессарабии. И хотя рейсы были убыточными, Михаил Семенович считал, что убыток не может сравниться с пользой, доставленной краю пароходством. Он даже предложил заказать в Англии еще один пароход для этой линии, чтобы рейсы не прекращались во время ремонта парохода «Граф Воронцов».

В 1831 году в Петербурге был построен пароход «Нева». Обогнув всю Европу, он прибыл 4 марта в Одессу. 7 мая «Нева» отправилась в первый рейс, открыв линию между Одессой и Константинополем. В дальнейшем на этой линии плавали пароходы «Император Николай» и «Императрица Александра», построенные в Николаеве, и другие суда.

М. С. Воронцов и М. П. Лазарев предложили заказать в Англии еще несколько пароходов. Их предложение было принято. В 1841 году Николай I велел заказать в Англии четыре пароходофрегата «с тем, чтобы в военное время можно было их обратить на полезное употребление при флоте»^{344}. Эти суда, спущенные на воду в 1843 году, получили названия «Одесса», «Крым», «Керчь» и «Бессарабия».

В 1846 году было установлено сообщение с портами Измаил, Рени и Галац, в 1847 году — с Редут-Кале на восточном побережье Черного моря.

Для расширения судоходства нужны были новые порты. По инициативе и при активном содействии М. С. Воронцова был построен морской порт в Ялте. В 1828 году около 50 крепостных крестьян Михаила Семеновича приступили к заготовке и обтесыванию каменных блоков из серого крымского известняка для ялтинского мола. Другая группа крестьян заготавливала лес и пилила бревна. 1 августа 1833 года в присутствии четы Воронцовых и сопровождающих их лиц священник освятил закладку первого каменного блока в мол.

В 1835 году М. С. Воронцов высадился на берег Азовского моря у Бердянской косы, где увидел лишь несколько землянок рыбаков. Он посчитал это место очень удобным для порта. Вскоре здесь появилась пристань, а затем порт и город Бердянск. Спустя несколько лет этот город стал важным торговым центром.

Первоначально Одесса развивалась как крепость для защиты России от набегов южных соседей. В дальнейшем город утратил военно-оборонное назначение и стал развиваться как торгово-экономический центр, как главный порт южной России. В городе начали строить причальные линии, склады, возводить административные и жилые здания. Было составлено несколько планов ее застройки. Удачным оказался план 1820 года. Для его реализации требовались не только значительные денежные средства, но и целеустремленность правителя края.

М. С. Воронцов начал осуществлять этот план сразу после вступления в должность генерал-губернатора. Ознакомившись с состоянием дел, предложил ряд мер для ускорения застройки города.

Парадным фасадом города должен был стать Приморский бульвар. Михаил Семенович заказал местному архитектору Ф. К. Боффо проект собственного дома-дворца, который предполагалось разместить в северной части бульвара на самом краю обрыва. Этот участок земли был им куплен в начале 1823 года. Строительством дворца Воронцов хотел подать пример другим состоятельным одесситам.

В конце 1824 года проект был утвержден, а через два года дворец и несколько подсобных зданий были построены. Воронцовский дворец — это двухэтажное здание на высоком цоколе. Перед ним стоит величественная классическая колоннада. Ее видно

издалека со стороны моря, и она является одним из архитектурных символов Одессы.

Из-за нехватки средств для строительства казенных зданий на Приморском бульваре Михаил Семенович предложил, чтобы эти здания возводились на деньги частных лиц. А потом город станет арендовать их у владельцев. Предложение было принято, и строительство пошло быстрыми темпами.

На юго-восточной стороне Приморского бульвара было возведено здание биржи, отличающееся своеобразной архитектурой. В качестве образца послужил Александровский дворец в Царском Селе, построенный по проекту Кваренги. В процессе строительства в проект были внесены существенные изменения. По распоряжению М. С. Воронцова был значительно увеличен центральный зал биржи. Благодаря этому здание стало выглядеть еще более величественным.

М. С. Воронцов стал выделять всем желающим участки земли для строительства жилых зданий. Но ставил неременное условие — не позднее чем через пять лет на полученном участке должен быть построен многоэтажный дом приличного вида. И уже в 1828 году на Приморском бульваре красовались дома состоятельных лиц, а к середине 1830-х годов весь бульвар был застроен. С тех пор Приморский бульвар является украшением Одессы.

Еще до начала генерал-губернаторства М. С. Воронцова одесситы выразили желание поставить памятник первому военному губернатору Херсонской, Екатеринославской, Таврической губерний и войска Черноморских казаков герцогу Э. О. Ришелье. Михаил Семенович обратился к известному скульптору, ректору Академии художеств И. П. Мартосу, с предложением выполнить этот заказ и перечислил пожелания одесситов. Мартос согласился и прислал эскизный

проект будущего памятника. Воронцов одобрил эскиз. В окончательном решении указывалось, что статуя высотой 8 футов будет отлита из бронзы. Из бронзы же будут отлиты барельефы. Над проектом пьедестала работал известный архитектор А. И. Мельников. Для сооружения пьедестала был использован гранит, добытый близ Воскресенска на берегу реки Буг.

22 апреля 1828 года состоялось открытие памятника. После торжественной литургии, совершенной в Преображенском соборе, М. С. Воронцов и военные и гражданские чины проследовали на Приморский бульвар, где собрались горожане. Протоиерей Куницкий произнес речь, в которой рассказал о заслугах герцога перед Одессой. Дюк, как называют одесситы памятник Ришелье, и сейчас стоит на площади перед знаменитой одесской лестницей и является одной из достопримечательностей города.

Сооружение монументальной лестницы, соединившей Приморский бульвар с портом, принесло М. С. Воронцову немало хлопот. Первоначально из-за нехватки средств лестница была построена из дерева. В 1835 году благодаря настойчивости М. С. Воронцова Николай I утвердил проект гранитной лестницы. Из-за разных трудностей строительство лестницы было завершено лишь в 1841 году.

Лестница состоит из 10 площадок и 10 маршей. В ней 192 ступени. При взгляде снизу лестница кажется особенно величественной. Этот зрительный эффект достигнут благодаря разнице в ширине верхнего и нижнего маршей. С обеих сторон лестница ограждена двухметровыми парапетами, представляющими собой гигантские ступени. Первоначально лестницу покрыли плитами зеленоватого триестского песчаника, а в дальнейшем эти плиты заменили розовато-серым гранитом. Высота лестницы 27 метров, а длина — 136,5 метров.

Нелегко далось городским властям обеспечение Одессы хорошей питьевой водой. Проблема с водой перестала существовать лишь после 1879 года, когда новые технические возможности позволили вернуться к Воронцовским проектам, и город получил днестровскую воду. Столь же трудным оказалось мощение улиц.

Особое значение М. С. Воронцов придавал озеленению города и его окрестностей. Одесситы, получавшие земельные участки, обязаны были посадить определенное количество деревьев и виноградных кустов. А. И. Левшин, назначенный в 1831 году одесским градоначальником, решил озеленить песчаную Пересыпь. Здесь на самых глубоких песках было посажено более полумиллиона деревьев.

В связи с большим дорожным строительством в Крыму и заселением его южного побережья начались обширные работы по картографированию полуострова. С большим трудом проводилось межевание земель. Мешали нескончаемые споры между владельцами земли и нехватка подготовленных топографов. Но к началу 1830-х годов половина площади Крыма была размежевана. К 1838 году была закончена триангуляция Крыма. Разнообразные топографические и геодезические работы, выполненные в Новороссии и Бессарабии, имели важное значение как для военных целей, так и для хозяйственных нужд. Без точного знания местности невозможно было бы управлять огромной территорией.

В 1825 году М. С. Воронцов приступил к строительству своей летней резиденции на южном берегу Крыма в Алушке. Проект ее был заказан Ф. К. Боффо. Но в 1831 году, когда уже был заложен фундамент, Михаил Семенович, находившийся в это время в Англии, решил отказаться от проекта Боффо и заказал другой — английскому зодчему Эдуарду Блору. В декабре 1832 года проект был готов, и началось

строительство. При возведении дворца постарались использовать все, что уже было сооружено по проекту Боффо.

Строительство дворца было сопряжено с огромными подготовительными работами. Требовалось разобрать, растащить в стороны большое количество огромных обломков скал, скопившихся на алупкинских склонах. Это были глыбы диабаз — магматической горной породы зеленоватого цвета. Природная диабазовая плита послужила фундаментом для будущего дворца. Было решено использовать местный диабаз и в качестве строительного материала. Блоки из диабаз шли на возведение стен и башен, а отшлифованный камень применялся для внутренней отделки помещений. Им, например, облицовывали камин — неременную принадлежность многих комнат дворца.

Дворец представляет собой несколько соединенных друг с другом корпусов. Архитектор расположил их в направлении с запада на восток. Благодаря этому дворец органично вписался в окружающий ландшафт.

На сооружении дворца трудились в основном крестьяне из Воронцовских имений Московской и Владимирской губерний. Трудились они на договорных началах, получая за работу определенную плату.

Первым был построен столовый корпус. За ним последовали центральный корпус, бильярдная, гостевой корпус, восточные флигели, башни, хозяйственные корпуса, библиотека. Летом 1848 года на центральной лестнице, ведущей к главному входу во дворец, поместили шесть мраморных львов, и на этом строительство закончилось.

В отделке помещений дворца использованы редкие породы деревьев, ткани, циновки, ковры, резьба по дереву и камню. В названиях комнат отражено своеобразие их оформления — Китайский кабинет, Голубая и Ситцевая гостиные, Зимний сад. В залах было

размещено богатое собрание картин, скульптур, мебели, фарфора. В библиотеке — тысячи томов на разных языках, коллекции рукописей, нот, гравюр, географических атласов и карт.

В ходе строительства дворца в качестве поощрения за хорошую работу М. С. Воронцов отпустил на волю несколько крестьянских семей. Так, в 1837 году получили вольную крестьяне Пахомовой стороны Андреевского правления Таврило Петров Полуэктов с сыном Иваном и вся его семья. Крестьяне, освобожденные от крепостной зависимости, продолжали работать на строительстве дворца в Алупке уже как вольнонаемные.

На 40 гектарах вокруг дворца раскинулся живописный парк. В его создании принимали участие не только специалисты-садоводы, но и чета Воронцовых. В парке росло 250 видов деревьев и более 2 тысяч роз. Выведенные в Никитском ботаническом саду сорта роз «Алупка» и «Графиня Елизавета Воронцова» вошли в мировой каталог роз.

Дворец и парк в Алупке настолько прекрасны, что ни у кого не поднялась рука, чтобы их разрушить — ни у разных властей в Гражданскую войну 1918–1920 годов, ни у немецких оккупантов и их союзников во Вторую мировую войну, ни за все годы советской власти. Алупкинский дворцово-парковый заповедник — жемчужина крымской земли.

М. С. Воронцов вошел в историю и как выдающийся просветитель. Благодаря его попечению в генерал-губернаторстве было основано несколько учебных заведений. В 1827 году в Бессарабии, где особенно мало было грамотных, появилось ланкастерское училище. В 1828 году в Одессе — училище восточных языков, которое готовило переводчиков с турецкого и персидского языков. В 1833 году в Керчи открылся Институт для девиц; в 1834 году в Херсоне — училище

торговых моряков, в Николаеве — матросское приходское училище; в 1843 году в Одессе — училище для глухонемых. В 1829 году Воронцов получил рескрипт Николая I с разрешением на основание в Одессе Публичной библиотеки. Не прошло и года, как библиотека была открыта для всеобщего пользования.

М. С. Воронцов всячески поощрял изучение истории Новороссии. При его поддержке производились раскопки в Крыму, исследовались старинные рукописи и другие архивные материалы. Для углубления знаний по истории и археологии юга России в 1839 году было основано общество Истории и Древностей, почетным председателем которого стал Михаил Семенович. Благодаря его ходатайству с 1 января 1840 года на нужды Общества отпускалось ежегодно по 5 тысяч рублей и было позволено производить археологические раскопки по всей Южной России.

Многочисленные находки археологов привели к созданию музеев. По ходатайству М. С. Воронцова в 1825 году в Одессе открылся Городской музей древностей. В 1826 году такой же музей появился в Керчи. В 1840 году свой музей открыло Одесское общество Истории и Древностей, куда Михаил Семенович передал собрание подаренных ему монет.

М. С. Воронцов пригласил из Петербурга специалиста для создания в Одессе типографии. В 1828 году здесь начал печататься «Одесский вестник» на русском и французском языках. С 1831 года оба «Вестника» стали издаваться независимо друг от друга. С этого же года стал выходить Новороссийский календарь. Генерал-губернатор тратил немало собственных денег на содержание итальянской оперы в Одессе. В дальнейшем ему удалось добиться от государя разрешения отпускать на содержание оперы по 60 тысяч рублей в год из городских средств. В 1846 году в Одессе был основан постоянный русский театр.

Впоследствии Михаил Семенович вспоминал о своих встречах со знаменитым актером Михаилом Щепкиным.

Чтобы все желающие могли любоваться красотами Крыма, Михаил Семенович пригласил в генерал-губернаторство известных художников. Их рисунки с видами Крыма были отпечатаны литографским способом и поступили в продажу. Распространением рисунков граф надеялся привлечь в Крым новых жителей, особенно людей со средствами.

Население юга России было многонациональным и многоконфессиональным. М. С. Воронцов считал, что перед Богом все люди равны. Проводимая им в Новороссии и Бессарабии национальная и религиозная политика была гуманной и мудрой. Особенно благодарны ему были татары Крыма, а также евреи, наиболее гонимая в то время в России нация.

8 сентября 1823 года в Петербурге был составлен «Проект положения для татар-поселян Таврической губернии». М. С. Воронцов, отстаивая интересы татарского населения, дал критическую оценку ряду статей проекта. Он считал, например, что татарам необходимо предоставить полную свободу в распоряжении движимой собственностью. Он соглашался с разрешением продажи общественных земель, но выступил против ограничения продажи условием, чтобы покупателем был житель того округа, где продавалась земля. По мнению Михаила Семеновича, это ограничение «преградит путь к поселению в лучшей части Крыма таким людям, которые одни могут привести страну сию в цветущее состояние и без которых оно никогда не выйдет из настоящего грубого положения своего». Он считал, что необходимо привлекать в Крым людей «промышленных и трудолюбивых» и что последние должны иметь право на покупку земли у татар.

Михаил Семенович напоминал, что татары «к земле никогда привязаны не были», что они «с древнейших времен имели и имеют право переселяться с одного места на другое». А потому не власти, а нужда должна определять желание татарина на переселение. Если «сам он находит, что ему на таком месте выгоднее жить, нежели на другом, то несправедливо будет удерживать его против желания»^{345}.

Михаил Семенович был не согласен с мнением правительства о том, что татар необходимо рекрутировать на военную службу. Он считал, что лучше приобщать их к сельскому хозяйству, чтобы «как можно более имел Крым людей для занятия хлебопашеством и скотоводством»^{346}.

По именному указу Екатерины II от 23 Декабря 1791 года Новороссийский край был включен в черту постоянной еврейской оседлости. Как известно, евреи были ограничены в правах по сравнению с другими народами России. С началом генерал-губернаторства М. С. Воронцова положение еврейской общины в Новороссии значительно улучшилось. Особенно благоприятные условия сложились в Одессе, где еврейское купечество стало играть большую роль в развитии экономики города. Михаил Семенович поддерживал и предпринимательскую деятельность евреев, и их начинания в области культуры.

В течение многих лет М. С. Воронцов поддерживал известного на Юге коммерсанта Е. Л. Фейгина. Получив от еврейского общественного деятеля И. И. Тарнополя в подарок книгу об одесских евреях, Михаил Семенович писал ему: «Я спешу поблагодарить Вас от всего моего сердца за эту чрезвычайно интересную присылку, а также благодарю я Вас тоже и за то, что Вы по этому поводу обо мне пишете. Моим долгом и моей нравственной обязанностью было сделать в пользу Ваших единоверцев все то, что от меня зависело,

пользуясь при этом содействием почетных горожан одесской еврейской общины. Мне очень приятно сознавать, что то, что было сделано в пользу еврейской общины в Одессе, послужило также примером для других областей России»[{347}](#).

Евреи Новороссии были благодарны М. С. Воронцову за его внимательное отношение к их нуждам. 8 сентября 1848 года в Алушке они поднесли ему подарок — «Гимн для приветствия князю Михаилу Семеновичу в день совершившегося юбилея пятидесятилетней службы его сиятельства». Стихи в русском переводе с еврейского начинаются так:

О ты, вельможа славный,
Царя наместник верный,
Муж доблестей гражданских,
Муж доблестей военных.

Далее перечисляются заслуги Воронцова на военном и гражданском поприщах. А заканчивается гимн словами:

Сам вождь небесных сил
Архангел Михаил,
Да осенит, о, князь! тебя,
Чтоб совершить великие дела[{348}](#).

Не только русские, татары и евреи, но и греки, армяне, болгары, поляки, молдаване, немцы, шведы, французы, швейцарцы, итальянцы, цыгане, даже самые малочисленные группы переселенцев находили защиту у генерал-губернатора, если нарушались их права.

За 30 лет генерал-губернаторства М. С. Воронцова население Новороссии выросло почти вдвое.

Увеличилось число городов, казачьих станиц, местечек, сел и деревень. Полузабытая окраина превратилась в процветающий край России.

В декабре 1825 года исполнилось 100 лет со дня основания Петербургской академии наук. Но из-за событий 14 декабря юбилейные торжества были перенесены на декабрь 1826 года. В дни празднования юбилея графу М. С. Воронцову было присвоено за заслуги перед отечеством звание Почетного члена Академии наук. А давний и близкий друг Михаила Семеновича А. Х. Бенкендорф в том же году получил значительное повышение по службе. Он был назначен на должности шефа жандармов, командующего императорскою Главною квартирою и главного начальника III отделения собственной его императорского величества канцелярии. Впрочем, через год и А. Х. Бенкендорф стал почетным членом Академии наук.

С 1818 года Бессарабской областью управлял Верховный Совет, председателем которого был полномочный наместник. В лице М. С. Воронцова впервые были объединены должности генерал-губернатора Новороссии и полномочного наместника Бессарабии. Следствием этого стало то, что 29 февраля 1828 года было принято Учреждение для управления Бессарабской области. По новому закону в Бессарабии был ликвидирован Верховный Совет, и управление в области стало таким же, как и в других российских областях и губерниях. С этого времени М. С. Воронцов стал именоваться Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором.

Глава XIX

ВАРНА

В 1828 году, незадолго до начала новой русско-турецкой войны, М. С. Воронцов послал И. П. Липранди на место предстоящих военных действий с особым заданием — разведать, какими силами располагает противник, и собрать данные о приграничных областях. 3 апреля Липранди представил Михаилу Семеновичу «Обозрение Валахии и других примечательных земель в военном отношении с присоединением сведений о военных приготовлениях турок до 20 марта 1828 года». Этот пространный документ, составленный топографами И. И. Ходзько и А. П. Болотовым, содержал очень ценные сведения о Валахии, Молдавии и других землях, о местных дорогах, о крепостях Тульча, Исакча, Мачин, Гирowo, Китенжа, Варна, Браилов, Силистрия, Туртукай, Руцук, Шумава и других, о гарнизонах крепостей, о турецких командующих.

14 апреля 1828 года Николай I подписал высочайший Манифест, в котором говорилось, что Оттоманская Порта вызывает Россию на брань и что он, император, повелел российскому войску начать действовать против врага, поправшего святость мирных союзов и общенародных прав. По приказу Николая I войска из Бессарабии вступили на турецкую территорию. 27 мая в присутствии императора авангард русской армии переправился через Дунай. Начались сражения у турецких крепостей.

На М. С. Воронцова была возложена обязанность снабжать армию провиантом. Однако И. В. Сабанеев писал ему, своему старому боевому товарищу: «Как ты ни секретничал, но я и был и есть уверен, что в настоящей войне не оставят тебя в Одессе <...> От искреннего сердца желаю тебе счастливого успеха. Тебе

должно быть нашим фельдмаршалом, и я пророчу, что ты им будешь»^{349}. Пророчество Ивана Васильевича сбылось. Только звание генерал-фельдмаршала Михаил Семенович получил почти тридцатью годами позже.

15 мая в Одессу прибыли Николай I и Александра Федоровна, супруга императора. Они проследовали по городу в открытой коляске до дворца генерал-губернатора. В этом только что отстроенном дворце им предстояло пожить несколько дней. Лестница во дворце была закончена перед самым приездом их величеств.

16 и 17 мая Николай I знакомился с городом, провел смотр Резервного батальона, побывал в госпитале и карантине. Утром 17 мая император в сопровождении М. С. Воронцова отправился в Измаил. 18 мая император подписывал рескрипт, адресованный М. С. Воронцову. В нем сообщалась радостная весть, что отряженные вице-адмиралом А. С. Грейгом крейсера взяли 4 турецких судна и пленили на них около тысячи рядовых и офицеров. Эти суда везли войско для усиления гарнизона турецкой крепости Анапа на восточном берегу Черного моря. Кроме оружия, победителям достались 6 турецких знамен. Одно из этих знамен император пожаловал Одессе, чтобы оно хранилось в городском кафедральном соборе.

В осаде Анапы участвовали сухопутное войско под командованием генерал-адъютанта контр-адмирала князя А. С. Меншикова и флот под командованием А. С. Грейга. Гарнизон крепости насчитывал 6 тысяч человек. У турок было достаточно оружия, боеприпасов и провианта. Однако штурм крепости не потребовалось. Ее защитники сдались, убедившись в неизбежности своего поражения. Трофеями победителей стали 85 орудий, 300 ружей, 160 пистолетов, 2 тысячи сабель, ятаганов и кинжалов, миллион патронов, 2 тысячи пудов пороха. Попали в плен паша — комендант крепости, 120 офицеров и около

4 тысяч нижних чинов. За взятие Анапы А. С. Меншиков был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени и произведен в вице-адмиралы. А. С. Грейг стал адмиралом.

Военные действия русской армии расширялись с каждым днем. 1 июля отряд графа Сухтелена начал осаду турецкой крепости Варна, считавшуюся неприступной. Она еще ни разу не была взята неприятелем. Гарнизон крепости составлял 27 тысяч человек. Командовал им прославленный адмирал Капудан-паша.

Турки то и дело донимали отряд Сухтелена вылазками. Вскоре на смену этому отряду, потерявшему несколько сотен воинов, пришел отряд генерала Ушакова.

19 июля русское войско под Варной было усилено двумя бригадами, прибывшими из-под Анапы. Командование осадой крепости перешло к князю А. С. Меншикову. 22 июля к Варне прибыл флот под начальством А. С. Грейга. Обстрел крепости был усилен залпами корабельных орудий. 24 июля у стен крепости побывал Николай I. Император одобрил действия князя Меншикова и отбыл в Одессу. 6 августа из Одессы в Варну вышли фрегаты «Флора» и «Штандарт», которые везли несколько гвардейских полков.

Между тем турки чуть ли не каждый день устраивали вылазки и обстреливали русское войско из пушек. Получив подкрепление в 4 тысячи человек, они совершили 8 августа самую большую вылазку — атаковали главными силами 13 и 14 егерские полки. Егеря с трудом отбились холодным оружием. В конце этого сражения князь А. С. Меншиков был тяжело ранен вражеским ядром и выбыл из строя.

Известие о ранении Меншикова дошло до императора во время посещения им города Николаева. В этой поездке Николая Павловича сопровождал

А. Х. Бенкендорф. Возможно, что именно ему, генерал-лейтенанту Бенкендорфу, император предложил заменить раненого Меншикова. И возможно, что вместо себя Александр Христофорович предложил более достойную кандидатуру — М. С. Воронцова. Во всяком случае, император спешно отправил в Одессу Бенкендорфа с предложением Воронцову возглавить осаду Варны. На следующий день, 13 августа, фрегат «Штандарт» с Михаилом Семеновичем на борту отправился к Варне.

Николай I отплыл из Николаева к Варне на фрегате «Флора». 24 часа команда фрегата безуспешно боролась со встречным ветром. Император вынужден был сойти на берег.

М. С. Воронцов продолжил подготовку к штурму Варны и в то же время начал вести переговоры с турецким командованием о добровольной сдаче крепости. Турки посчитали предложения Воронцова неприемлемыми и стали затягивать переговоры. Прибывший к Варне император отметил с удовлетворением, что, несмотря на частые вылазки турок, русские батареи находились всего в 30 саженях от укреплений противника и их огонь был очень действенным.

Но наибольший урон противнику наносила корабельная артиллерия. Флот принудил замолчать береговые батареи турок. За время осады Варны на нее было выпущено 25 тысяч снарядов. Рады защитников крепости стали таять.

18 августа во время очередной вылазки турки напали на русский редут. Некоторые из смельчаков даже вскочили в амбразуры, но две роты пехотного полка герцога Веллингтона отбили вылазку неприятеля. Новая вылазка, в которой турки задействовали большие силы, также закончилась неудачей. А группа русских солдат-охотников неслышно подошла к позициям

отступившего противника, ударила в штыки, захватила 5 знамен и заставила турок бежать в крепость.

С прибытием гвардейских полков было завершено полное окружение Варны. Теперь турки не могли беспрепятственно получать подкрепление. 2 сентября взлетел на воздух турецкий контр-эскарп. Под ним было взорвано 300 пудов пороха. Турки ответили рядом вылазок, чтобы помешать установке новых мин. Однако 21 сентября было взорвано 180 пудов пороха под одним из бастионов, а 22 сентября — 130 и 48 пудов пороха под другими бастионами. В крепостной стене Варны образовались три большие бреши.

24 сентября в 5 часов утра по сигналу ракеты русские атаковали турок. В результате атаки турки потеряли один из своих бастионов, это заставило их вернуться к переговорам. С турецкой стороны в переговорах участвовал Юсуф-паша. Узнав, что Капудан-паша решил продолжить сопротивление, Юсуф-паша и 4 тысячи его воинов сдались в плен.

Сражение в стенах крепости могло привести к большим жертвам с обеих сторон. Но М. С. Воронцов сумел убедить противника в бесполезности дальнейшей обороны Варны, и до сражения дело не дошло. Турки капитулировали. Русские полки вошли в крепость через проломы с развернутыми знаменами и барабанным боем. Непрístupная крепость пала. Николай I, уважая храбрость Капудан-паши, даровал ему и тремстам человек его свиты свободу.

29 сентября, в день падения Варны, император подписал очередной рескрипт М. С. Воронцову, в котором говорилось: «Отрывая Вас временно от управления Новороссийскими губерниями к начальствованию отрядом войск, осаждавших Варну, Я был уверен, что многолетняя Ваша опытность в делах военных и примерное усердие к пользам отечества, оправдают в полной мере Мой выбор. Сие ожидание

исполнилось: продолжая осадные работы, храбрые Русские воины были непрестанно и везде воодушевляемы Вашим примером; а благоразумные распоряжения Ваши приуготовили верный успех трудам их. В ознаменование отличного Моего внимания к сим новым успехам Всемилостивейше жалую Вам золотую шпагу с надписью: за взятие Варны»^{350}.

После взятия Варны Николай I перешел на линейный корабль «Императрица Мария». В его свите находился и М. С. Воронцов. Корабль направился к российским берегам. Но через 36 часов спокойного плавания разразилась сильная буря. Снасти на корабле были сорваны ветром, сам корабль понесло к турецкому берегу. Опасаясь, что турки завладеют кораблем, Михаил Семенович сказал, что нельзя допустить, чтобы император и его свита попали в плен. Лучше уж взорвать бочки с порохом и всем взлететь на воздух. Но все обошлось — буря прекратилась, и «Императрица Мария» благополучно пришвартовалась в Одессе.

Вскоре М. С. Воронцов получил необычный рескрипт — от вдовствующей императрицы Марии Федоровны, подписанный ею за три дня до кончины: «Граф Михаил Семенович! Желая содействовать хотя бы и слабым приношением облегчению страданий храбрых воинов, проливших кровь на поле чести за государя и отечество, обращаюсь к усердию и заботливости вашим, неустанно вами прилагаемым для содействия всякому доброму намерению. При сем получите вы сумму в пятнадцать тысяч рублей, которую, в особенное для меня одолжение, обратите на пособие офицерам, унтер-офицерам и рядовым, как гвардии, так и армии, которые будут в таковых нуждаться при выходе из госпиталей <...> К сему присоединяю некоторое количество корпии, мною изготовленной для раненых воинов, находящихся в госпиталях. Полагаясь при сих распоряжениях на вашу пламенную любовь к добру, прошу вас, по мере

поступления их, присылать мне списки воинов, которым выданы будут денежные пособия»^{351}. Переданные деньги и корпия были последним актом благотворительности Марии Федоровны, вошедшей в историю своей неизменной заботой о страждущих. Ей не дано было увидеть списки воинов, получивших пособие.

Многие думали, что за взятие Варны М. С. Воронцов получит высший российский орден Св. Андрея Первозванного с положенной голубой лентой через плечо. Но А. Я. Булгаков считал, что золотая шпага лестнее, чем орден: «Голубая лента не уйдет, он может ее получить и за гражданскую службу, а взять крепость как Варна есть счастье особенное, славный подвиг. Мало ли Андреевских лент? <...> не всякая голубая лента — вывеска славного дела»^{352}. А Михаил Семенович, как и всегда, был больше обрадован тем, что все испрошенные им награды участникам сражения за Варну были удовлетворены императором. Он говорил, что ни с чем не может сравниться блаженство от предоставления радости другим. Он, конечно, был особенно доволен тем, что его боевому товарищу адмиралу А. С. Грейгу был пожалован орден Св. Георгия 2-й степени.

После отплытия Николая Павловича к осажденной Варне его супруга Александра Федоровна осталась гостить у Елизаветы Ксаверьевны, на хуторе Рено. Там она пользовалась морскими ваннами. Перед отъездом царица побывала в Институте благородных девиц, в Одесском Ришельевском лицее, в Одесском музее, передала одесскому градоначальнику 15 тысяч рублей для раздачи раненым и больным после выписки их из госпиталя. 9 августа Александра Федоровна покинула город.

По окончании войны Николай I подарил Одессе взятые под Варной пушки. Из этих пушек было решено отлить большой колокол для собора. При отливке многие

горожане бросали в расплавленную массу серебряные рубли, что придало колоколу особый тембр звучания.

Глава XX

ПОТЕРЯ ЗА ПОТЕРЕЙ

Война с Турцией закончилась подписанием 2 сентября 1829 года Адрианопольского мирного договора. По условиям договора к России отходило восточное побережье Черного моря от устья Кубани до пристани Святой Николай, включая Анапу и Потю, а также Ахалцых и Ахалкалаки. Русские купцы получили право свободно торговать на всей территории Османской империи, а Черноморские проливы объявлялись открытыми для всех торговых судов.

По завершении военных действий русский флот был занят перевозкой войск с мест сражений в Одессу и Севастополь. Несмотря на самые строгие карантинные меры чума, которая свирепствовала в ряде турецких провинций, была завезена и на российскую территорию. Как только стало известно, что на одном из хуторов близ Одессы от чумы умерло несколько человек, М. С. Воронцов приказал немедленно закрыть город. Отныне без особого разрешения никто не мог ни войти в город, ни выйти из него.

Но горожан надо было кормить, поэтому базары не закрывались. Продукты на продажу передавались в город через карантин, а продавцы этих продуктов оставались за чертой карантина. Ходить по городу разрешалось только тем, у кого были специальные жестяные знаки. Весь город был поделен на участки, каждый из них тщательно обследовался дом за домом. Если в доме обнаруживались люди с подозрением на эту болезнь, их переселяли в специальные помещения и лечили, а дом окуривали. Многие малоценные строения сжигались. Окуривались письма, газеты, книги и многое другое, что поступало в город или вывозилось из него.

Благодаря тому, что врачи оказывали помощь всем больным без исключения, за время карантина в Одессе вообще уменьшилась смертность.

К марту 1830 года угроза чумы в Одессе была ликвидирована. У М. С. Воронцова появилась возможность съездить в Крым, в Алупку, где строился дворец. В мае он побывал в Киеве, где встретился с Николаем I и рассказал ему о результатах борьбы с чумой, а также получил разрешение на поездку в Вену для лечения тяжело больной дочери.

Александрина была старшей дочерью четы Воронцовых. Многие говорили, что в ней соединились все совершенства — живой ум, веселый характер, исключительная красота и ангельская доброта. И вот она, любимица семьи, оказалась на пороге смерти из-за никак не поддававшейся лечению болезни.

Михаил Семенович и Елизавета Ксаверьевна уже потеряли двоих детей. Известные врачи посоветовали в качестве последней меры лечить Александрину специальными минеральными водами. Для этого и надо было ехать в Вену. Поездку решили не откладывать. Но тут пришло известие о бунте в Севастополе, об убийстве там военного губернатора Н. А. Столыпина и других официальных лиц. И Воронцову пришлось срочно отправиться в Севастополь.

Николай I, узнав несколькими месяцами раньше об угрозе чумы в Севастополе, назначил генерал-лейтенанта Н. А. Столыпина временным военным губернатором города с широкими полномочиями. По приказу Столыпина осенью 1829 года Севастополь также был огражден карантинами от соседних районов. Из-за карантина горожане терпели разные неудобства. Их возмущение росло с каждой неделей. «Долго ли еще будут нас мучить и морить? — кричали женщины священнику Севастопольского собора Софронию Гаврилову, пытавшемуся их успокоить. — Мы все

здоровы и более трех месяцев с половиною находимся в карантинном состоянии по домам своим; дома наши окурены; мы и семейства все наши очищены. Нас обнажали, купали во время холода в морской воде. Скоро год, как заперт город, — и жены наши, а также вдовы умерших и убитых матросов с детьми своими остаются в городе без заработков; все вообще сидели всю зиму в холодных домах; не имеем пищи; все, что было по домам деревянного, пожгли; платье свое, скотину и все, что имели, продали и покупали хлеб; в воде тоже нуждались, когда сидели в карантине по домам больше ста дней, ибо нас не выпускали из домов, и мы ожидали, когда нам дадут воду. Будучи без дров, многие ели одну муку, разведенную с водою. Карантинные чиновники или комиссия давали нам муку такую, что мы не могли есть. Дров давали нам на неделю или две — так мало, что едва доставало испечь два или три хлеба»^{353}.

Многие севастопольцы имели небольшие земельные участки за городом. Выращиваемые на них овощи и фрукты были немалым подспорьем в хозяйстве. Карантин лишил их и этого подспорья.

Непродуманные карантинные меры, нерешительность Столыпина привели к тому, что матросы и горожане подняли бунт. 3 июня 1830 года возбужденная вином и яростью толпа ворвалась в дом, где находились Столыпин и его ближайшие помощники. Столыпин и несколько человек из его свиты были убиты. Затем бунтовщики стали разыскивать по городу врачей и карантинных чиновников и расправляться с ними. До прибытия Воронцова в городе царило безвластие.

Наведя там относительный порядок, Михаил Семенович вернулся в Одессу и сказал жене, что вынужден будет снова ехать в Севастополь. Болезнь дочери прогрессировала, и Елизавета Ксаверьевна решила отправиться в Вену без мужа. Кроме

девятилетней Александрины у нее на руках были шестилетний Семен, пятилетняя Софья и трехлетний Михаил.

А Михаил Семенович, получив от императора самые широкие полномочия, поспешил в Севастополь. Надо было восстанавливать карантин, а также расследовать обстоятельства бунта. Он объехал весь Севастополь и нигде не услышал ни одного оскорбительного слова в свой адрес. Для предупреждения новых волнений он ввел в город дополнительные войска. Однако разгонять горожан и стрелять в кого-либо не пришлось. Бунт прекратился сам собой. По распоряжению генерал-губернатора были приняты дополнительные меры, чтобы помешать распространению чумы. К счастью, заболевших было мало, и эпидемия в конце концов сошла на нет.

По распоряжению Николая I была создана следственная комиссия, которая должна была установить степень виновности тех, кто участвовал в бунте. Комиссия признала виновными 390 человек. Семеро из них были приговорены к расстрелу, другие к розгам, третьи к высылке из города.

Как глубоко верующий человек, М. С. Воронцов с тяжелым чувством согласился со смертным приговором для семи человек. Рассказав в письме к А. Х. Бенкендорфу о бунте, он добавил: «Вы видите по этим подробностям, мой друг, что при всем желании не делать лишнего, я не мог уменьшить число приговоренных к смерти»^{354}. По его мнению, расстрел является менее жестоким наказанием, чем принять смерть в страшных мучениях от 6 тысяч ударов розгами. А такое наказание применялось в то время очень часто.

В Одессу М. С. Воронцов возвратился в середине сентября и сразу же отправился догонять супругу. В дороге он узнал, что Александрина скончалась. Умирала девочка мучительно. Елизавета Ксаверьевна,

находившаяся рядом с ней днем и ночью, чудом не сошла с ума, глядя на страдания дочери. Ее одолевали думы — из шестерых детей они уже лишились троих. Неужели счет потерям не окончен?

После смерти и похорон дочери у Елизаветы Ксаверьевны и Михаила Семеновича не было сил ехать дальше, и они решили задержаться в Вене. В Англию они отправились только в мае следующего, 1831 года.

Радость встречи с сыном и невесткой придала новые силы 87-летнему Семену Романовичу Воронцову. Он не мог наговориться с ними, расспрашивал о делах на родине, об Одессе, о начавшемся строительстве дворца в Алушке. Он с удовольствием слушал игру Елизаветы Ксаверьевны на фортепьяно и прекрасное пение дочери Екатерины Семеновны. К этому времени Екатерина Семеновна уже была вдовой, имея на руках шестерых детей. Ее супруг Георг Август Пемброк скончался в 1827 году.

Вскоре пришла горесть новой утраты — умер маленький Миша. Из шестерых детей у Елизаветы Ксаверьевны и Михаила Семеновича осталось двое — Семен и Софья.

Наступила очередь прощаться с миром Семену Романовичу. Еще в 1824 году, во время своего 80-летия, он написал: «Я благодарен Богу за то, что не чувствую никакой физической боли, никакой острой болезни, связанной со страданием, и чтобы моя жизнь кончилась как лампа, в которой больше нет масла, чтобы поддерживать пламя»^{355}. Его жизнь действительно кончилась как лампа, в которой не осталось масла, только восемью годами позже. Он успел дать последние напутствия сыну, дочери, невестке и своим российским и английским внукам. 9 июня 1832 года генерал-аншефа, кавалера многих российских и иностранных орденов, графа Семена Романовича Воронцова не стало.

По завещанию С. Р. Воронцова все его книги, картины, гравюры и географические карты перешли к сыну Михаилу Семеновичу. Дочь Екатерина Семеновна получила фарфор, кухонную утварь, а также имевшиеся в погребе вина и ликеры. 500 фунтов стерлингов были переданы местному дому призрения. 1000 фунтов стерлингов получил священник посольской церкви Яков Смирнов. Свою одежду и утварь Семен Романович велел продать и раздать вырученные деньги бедным.

Могила С. Р. Воронцова сохранилась. В Англии продолжают жить его английские потомки Пемброки.

За личными делами Михаил Семенович не забывал об общественных нуждах. Во время пребывания в Англии он встречался с лондонскими и ливерпульскими торговцами и рассказывал им о Новороссийском крае. Благодаря этому торговые связи Англии с Одессой значительно расширились. Из Англии везли в Новороссию каменный уголь, портер, мануфактуру, сахар. Из Одессы — хлеб, клепку, лен, сало, шерсть, масляные семена, воск, кожи.

Незадолго до отъезда из Англии художник Дж. Хейтер написал портрет Елизаветы Ксаверьевны. На графине «ван-дейковский наряд»: малиновый берет с большим пером, пышное платье с кружевными воротником и манжетами, в руке веер со страусовыми перьями. Слева изображены органные трубы — намек на увлечение Елизаветы Ксаверьевны органной музыкой. В России она считалась одной из лучших органисток.

На родину Михаил Семенович и Елизавета Ксаверьевна возвращались на пароходе. 4 августа 1832 года они уже были в Петербурге. Там М. С. Воронцов встретился с адмиралом А. С. Грейгом, который обратился к нему с необычной просьбой — стать секундантом в его дуэли с морским министром А. В. Моллером. Как ни был озадачен Михаил Семенович предстоящей дуэлью адмирала с министром, он не мог

отказать своему другу. Много лет тому назад он согласился быть секундантом на дуэли Д. В. Арсеньева. Тогда его друг был убит. А чем закончится эта дуэль?..

Причиной дуэли стал длившийся не один год конфликт между Грейгом и Моллером. А. С. Грейг, человек честный и принципиальный, был безжалостен к тем, кто пытался поживиться за счет казны. «Пострадавшие» засыпали Петербург клеветами на адмирала, их обидчика. Расследования жалоб длились месяцами, а иногда растягивались и на годы. Раздражение Алексея Самуиловича росло, в очередном споре с министром он посчитал себя оскорбленным и вызвал того на дуэль.

О событиях, связанных с назначенной дуэлью, известно из рассказа доктора Проута. В день дуэли рано утром М. С. Воронцов, А. С. Грейг и Проут отправились на окраину Петербурга в Красный трактир. В ожидании Моллера Михаил Семенович и Алексей Самуилович заказали завтрак. Пили чай со сливками, ели хлеб с маслом и яйца всмятку. Оба были спокойны и хладнокровны.

«Моллер запаздывает», — сказал Михаил Семенович.

«Очень не деликатно, — заметил Алексей Самуилович, — он должен бы быть за пять минут до срока, а теперь уже четверть часа сверх срока».

«Точно так», — подтвердил Михаил Семенович, посмотрев на часы.

Около 9 часов на дороге показалась коляска. Но в ней приехал не адмирал А. В. Моллер, а обер-полицмейстер Кутузов. Полицмейстер передал Воронцову и Грейгу приглашение Николая I прибыть в Зимний дворец. Там они увидели Моллера. Император сумел помирить поссорившихся адмиралов, и дуэль не состоялась.^{356}.

Однако в конфликте Грейга и Моллера победа оказалась на стороне последнего. 2 августа 1833 года

Грейг был освобожден от должности главного командира Черноморского флота, назначен членом Государственного Совета и должен был жить и служить в Петербурге. Отзыв Алексея Самуиловича из Новороссии явился для Михаила Семеновича еще одной потерей.

До отъезда из Петербурга на одном из званых вечеров чета Воронцовых встретила с четой Пушкиных. Наталья Николаевна, представленная Елизавете Ксаверьевне, показалась графине худенькой, бледной и маленькой. Видимо, именно на этом вечере Пушкин попросил Елизавету Ксаверьевну помочь ему в поисках заинтересовавшей его рукописи графа Ивана Потоцкого.

Из Петербурга Воронцовы направилась в Москву. Пребывание в первопрестольной было очень коротким. Они съездили на два дня в Андреевское, чтобы поклониться могиле Александра Романовича, а затем поспешили в Одессу.

Одесситы заждались своего генерал-губернатора. А. Я. Булгаков писал брату, что в городе делаются большие приготовления для встречи Михаила Семеновича. Намечены народное празднество, иллюминация, а некоторые жители хотят пойти навстречу генерал-губернатору, выпрячь лошадей из экипажа и везти его в город на себе. «Дело сбыточное, — продолжал он, — но я уверен, что ежели граф об этом узнает, то приедет нарочно ночью. Такие изъявления слишком уже увеличены, чтобы было приятно человеку столь скромному, каков наш добрый Воронцов, который делает добро только для того, что это пища души его»^{357}.

Глава XXI

ОДЕССИТЫ И ПУШКИН ПОМНИЛИ ДРУГ О ДРУГЕ

В. В. Кунин утверждает, что М. С. Воронцов «хотел искоренить в Одессе даже память о Пушкине»^{358}. В действительности одесситы помнили о Пушкине и проявляли большой интерес к его творчеству. Этому в немалой степени способствовало увлечение Елизаветы Ксаверьевны поэзией Пушкина и возраставшее с годами понимание и признание его творчества Михаилом Семеновичем. Пушкин также часто вспоминал этот город и своих одесских приятелей и знакомых.

В 1827 году в газете «Одесский вестник» был напечатан отрывок из «Евгения Онегина». В 1828–1830 годах студенты Ришельевского лицея издавали рукописный журнал «Ареопаг». Само его возникновение было связано с именем поэта. В журнале печатались стихи Пушкина, разбирались его произведения.

В конце 1829 года в Одессу приехал М. П. Розберг, недавний выпускник Московского университета. Он стал чиновником по особым поручениям в канцелярии генерал-губернатора.

М. П. Розберг был знаком с Пушкиным. Возможно, что от него, а может быть, от кого-то другого, услышал Розберг что-то нелестное о Воронцове. Но вот что написал он о своем новом начальнике: «Воронцов, кажется, человек совсем других свойств, нежели как обыкновенно слышно об нем. Обращение его, его поступки все отзывается благородством, какого мы не привыкли видеть в наших знатных сановниках; образованием он опять-таки станет выше всех их, и я со дня на день убеждаюсь более и более, что зависть

немало потрудились над составлением об нем мнения»^{359}. «Образ жизни в Одессе, — пишет он, — мне нравится более Московского образа жизни». Одна из причин того, что в Одессе сложились добрые отношения между людьми — «характер главного лица в городе — графа Воронцова»^{360}.

Через некоторое время Розбергу пришлось съездить в Москву, где он снова встретился с поэтом. Пушкин, пишет он, «очень обрадовался, увидев меня, долго расспрашивал об Одессе»^{361}. Можно не сомневаться, что Розберг поделился с поэтом своим мнением о Воронцове и впечатлением об одесском обществе.

Вскоре Розберг был назначен редактором газеты «Одесский вестник». В 1830 году он задумал издавать в Одессе литературный альманах и решил обратиться за поддержкой к Пушкину. Он написал ему, что «отрывок из Онегина был бы тот блестящий парус, который и противный ветер обратил бы для нас в попутный»^{362}.

Неизвестно, ответил ли Пушкин Розбергу. Ни отрывок из «Евгения Онегина», ни другие сочинения поэта в «Одесском альманахе на 1831 год» не появились. Но имя Пушкина в альманахе присутствует. В «Письме из Крыма» В. Теплякова Пушкин назван «несравненным». А в «Письме из Одессы» Розберга есть такие строки: «Пушкин уже давно воспел Одесскую грязь прекрасными стихами; этот предмет здесь до сих пор еще неистощим»^{363}.

В 1829 году Пушкин нарисовал еще один портрет Е. К. Воронцовой. История его появления неизвестна.

В том же году он нарисовал и свой портрет. Это портрет признан наиболее выразительным изображением поэта.

В 1833 году из-за неурожая Новороссию охватил голод. М. С. Воронцов, вспоминая свидетель тех событий, «обнаруживал неусыпную деятельность, чтобы предотвратить по возможности надвигавшееся бедствие, и во вверенном ему Новороссийском крае не только подготовлял и закупал в Одессе значительные запасы хлеба на правительственные суммы, но и

оказывал щедрую помощь из своих собственных богатых средств»^{365}.

Женское благотворительное общество Одессы, председателем которого была Е. К. Воронцова, также приняло участие в изыскании средств для помощи нуждающимся. Собирались пожертвования, устраивались благотворительные спектакли и концерты. Общество открыло несколько больниц и детский приют. Решено было издать альманах «Подарок бедным», деньги от продажи которого также должны были пойти в помощь голодающим.

На этот раз с просьбой об участии в альманахе обратилась к Пушкину сама Воронцова. «Милостивый государь, — писала Елизавета Ксаверьевна. — Право не знаю, должна ли я писать вам и будет ли мое письмо встречено приветливой улыбкой, или же тем скучающим взглядом, каким с первых же слов начинают искать в конце страницы имя навязчивого автора. — Я опасаясь этого проявления чувства любопытства и безразличия, весьма, конечно, понятного, но для меня, признаюсь, мучительного по той простой причине, что никто не может отнестись к себе беспристрастно. — Но все равно; меня побуждает не личный интерес: благодеяние, о котором я прошу, предназначено для других, и потому я чувствую в себе смелость беспокоить вас; не сомневаюсь, что и вы уже готовы выслушать меня. — Крайняя нищета, угнетающая наш край и самый город, в котором вы жили и который благодаря вашему имени войдет в историю, дала случай проявиться в полной мере милосердию его обитателей. — Образовалось общество, поставившее себе задачей осуществление благородной цели ради которой были принесены щедрые жертвования. Бог благословил общественное усердие, много слез было осушено, многим беднякам была оказана помощь; но надо продолжить это дело, и для того, чтобы увеличить средства для оказания

помощи, общество непрерывно возбуждает любопытство и использует развлечения. — Между прочим было сделано одно литературное предложение; кажется, оно осуществимо, судя по той горячности, с какою его стали развивать и поддерживать. Мысль об альманахе в пользу бедных удостоилась одобрения лиц, влиятельных собственной помощью или помощью своих друзей. Из программы этого альманаха, которую я беру на себя смелость вам послать, вы, милостивый государь, увидите, как он будет составлен. — Теперь, когда столько лиц обращаются к нашим литературным светилам с призывом обогатить наш *<Подарок бедным>*, могу ли я не напомнить вам о наших прежних дружеских отношениях, воспоминание о которых вы, может быть, еще сохранили, и не попросить вас в память этого о поддержке и покровительстве, которые мог бы оказать ваш выдающийся талант нашей *Подбирательнице колосьев*. — Будьте же добры не слишком досадовать на меня, и, если мне необходимо выступить в защиту своего дела, прошу вас, в оправдание моей назойливости и возврата к прошлому, принять во внимание, что воспоминания — это богатство старости, и что ваша старинная знакомая придает большую цену этому богатству». В конце письма стояла фамилия не Е. К. Воронцовой, а Е. Вибельман. Дата написания письма — 26 декабря 1833.

После даты и подписи последовало продолжение: «Я должна в скором времени выехать в Киев, поэтому прошу вас (если вы удостоите меня ответом) адресовать ваше письмо и *милостыню*, которую вы пожертвуете одесским беднякам, госпоже *Зонтаг* (Анне Петровне) через вашего издателя Смирдина, который состоит с нею в переписке.

Пользуюсь случаем сообщить вам, что мои поиски рукописи графа Ивана Потоцкого оказались безуспешными. Вы, конечно, понимаете, милостивый

государь, что я обратилась к первоисточнику. У его родных нет ее; возможно, что, так как граф Иван Потоцкий окончил жизнь одиноким, в деревне, рукописи его были по небрежности утеряны»[{365}](#).

Как уже говорилось выше, видимо, во время встречи четы Воронцовых с четой Пушкиных в Петербурге в 1832 году Александр Сергеевич попросил Елизавету Ксаверьевну помочь ему в поисках рукописи графа Ивана Потоцкого. Упоминанием об этой просьбе Елизавета Ксаверьевна дала понять поэту, кто скрывается за фамилией Вибельман.

«Графиня. Вот несколько сцен из трагедии, которую я имел намерение написать, — пишет Пушкин в ответ. — Я хотел положить к вашим ногам что-либо менее несовершенное; к несчастью, я уже распорядился всеми моими рукописями, но предпочел провиниться перед публикой, чем ослушаться ваших приказаний. Осмелюсь ли я, графиня, сказать вам о том мгновении счастья, которое я испытал, получив ваше письмо, при одной мысли, что вы не совсем забыли самого преданного из ваших рабов?»[{366}](#).

Письмо Пушкина датировано 5 марта 1834 года, а отправлено из Петербурга А. Ф. Смирдиным 16 марта. Ко времени получения Воронцовой письма альманах уже вышел из печати, поэтому посланные поэтом сцены из трагедии в него не попали.

Альманах «Подарок бедным» был в библиотеке Пушкина. Видимо, кто-то прислал ему эту книгу из Одессы. Не Елизавета Ксаверьевна ли?

Из Одессы же в 1834 году был послан Пушкину пакет, в котором находились письмо и книга «Путеводитель по Крыму». И письмо, и книга — на французском языке. С их автором Монтандоном Пушкин был знаком. Молодой, энергичный швейцарец приехал в Одессу, чтобы заняться торговлей. На книге была дарственная надпись (перевод с французского):

«Господину Пушкину с уважением от автора. Одесса. 3 апреля 1834».

«Милостивый государь, покорнейше прошу Вас принять эту книгу взамен воровства, совершенного мной с заранее обдуманном намерением», — писал Монтандон. Воровство заключалось в том, что автор «Путеводителя», не спросив согласия Пушкина, выбрал эпиграфом к книге строки из поэмы «Бахчисарайский фонтан»:

Волшебный край, очей отрада!
Все живо там: холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда,
Долин приютная краса!

На следующей странице «Путеводителя» напечатано посвящение — «Его превосходительству господину графу Воронцову, генерал-губернатору Новороссии и Бессарабии. Осмелюсь покорнейше просить ваше превосходительство благосклонно принять небольшое сочинение о Крыме. Осматривая со вниманием эту прекрасную часть губернаторства, посвященного вашей заботе, я видел, что вы сделали для ее процветания как администратор и как частное лицо, и в связи с этим мне желательно видеть ваше имя во главе книги, в которой рассказывается о стране, где все говорит о вас»^{367}.

Действительно, многое говорило в Крыму о Воронцове — дороги, виноградники и сады, обелиск, сооруженный на том месте, где отдыхал Александр I в свое последнее посещение Крыма, дом самого графа, его конный завод, Алупка, где возводился его дворец...

В конце «Путеводителя» помещен каталог книг, посвященных Крыму. 49 из них на французском языке и 2 на русском — «Путешествие по Тавриде в 1820 году»

Муравьева-Апостола и «Бахчисарайский фонтан» Пушкина.

Знаменательно, что на страницах «Путеводителя» соединились два имени, столь дорогие жителям Крыма — имя Пушкина, воспевшего их благодатный край в поэме и стихах, и имя Воронцова, так много сделавшего для процветания этой земли.

Пушкин, по-видимому, прочитал «Путеводитель» — страницы его разрезаны. Но никаких пометок на них не оставил. Стало быть, ничто не доказывает, что Пушкина «неприятно поразило соседство его имени с именем Воронцова», как пишет об этом один из исследователей^{368}. Ответил ли Пушкин Монтандону и поблагодарил ли за подарок, неизвестно.

В том же 1834 году в августе М. С. Воронцов мог снова встретиться с А. С. Пушкиным. 30 августа в день Святого Благословенного князя Александра Невского, небесного покровителя Санкт-Петербурга, на Дворцовой площади столицы состоялось открытие Александровской колонны. М. С. Воронцов присутствовал на этом торжестве в качестве почетного гостя. Тогда же ему были пожалованы алмазные знаки ордена Св. Андрея Первозванного.

На открытии колонны вместе с другими придворными должен был присутствовать и Пушкин, имевший звание камер-юнкера. Это звание было пожаловано поэту в декабре 1833 года, и он воспринял его как оскорбление.

За две недели до намеченного торжества Пушкин получил свидетельство, в котором говорилось, что он уволен по его просьбе в отпуск на три месяца. Не желая присутствовать на церемонии открытия колонны в ненавистном ему камер-юнкерском мундире, Александр Сергеевич поспешил уехать из города под предлогом отпуска за несколько дней до 30 августа. Таким образом,

встреча поэта с его бывшим одесским начальником не состоялась.

Глава XXII

ГОД 1837-Й

(с января по декабрь)

С начала 1837 года М. С. Воронцов и чиновники его канцелярии были обеспокоены намеченной поездкой к Черному морю Николая I и его семьи. Пятьюдесятью годами раньше, в 1787 году, состоялось известное путешествие Екатерины II в полуденный край — Новороссию и Крым. Задолго до путешествия была издана книга, в которой подробно описывался маршрут движения императрицы и ее свиты. Теперь в подобное путешествие решил отправиться Николай I. Маршрут путешествия императора также был отпечатан типографским способом. В нем были указаны почтовые станции, расстояния в верстах, дни прибытия в то или иное место, причины остановок, способы передвижения — в экипажах, верхом — и т. д., и т. д.

В ходе подготовки этой поездки шеф жандармов А. Х. Бенкендорф разослал почтовым и станционным смотрителям «Открытые предписания». В них говорилось, в частности, что на почтовых станциях необходимо иметь достаточное количество обвезженных и смирных лошадей. Лошади не должны бояться огня факелов, так как, возможно, членам августейшей фамилии и сопровождающим их лицам придется ехать ночью. Требовалось также увеличить число надежных кучеров и запастись прочной упряжью.

В начале февраля разговоры в городе о предстоящем путешествии Николая I отошли на второй план. Чета Воронцовых и многие одесситы были потрясены известием о гибели А. С. Пушкина. Как только в Одессе были получены сообщения о смерти Пушкина, в тот же

день, 12 февраля 1837 года, в газете «Journal d'Odessa», выходящей на французском языке, появилась большая статья, посвященная памяти поэта. Написал ее, по-видимому, редактор газеты А. Г. Тройницкий.

«Нам, современникам Пушкина, — говорится в статье, — бывших, так сказать, свидетелями его ежедневных успехов, трудно сделать верную оценку заслуг, оказанных им нашему языку и нашей литературе. Мы считаем себя, однако, вправе утверждать, что никто до него не довел нашего стихотворного языка до такого совершенства, никто не умел придать такой силы, меткости и в то же время нежности и гармонии прекрасному русскому языку»^{369}.

В день выхода газеты А. Г. Тройницкий получил записку от секретаря М. С. Воронцова, М. П. Щербинина: «Статья, сегодня помещенная в «Journal d'Odessa» по случаю смерти Пушкина, принята была всеми, а в особенности графинею Воронцовой, с восхищением. Так как, вероятно, она же, т. е. статья сия, будет помещена и в «Одесском вестнике», то я спешу повергнуть пред вами мысль, родившуюся у графини Елизаветы Ксаверьевны, т. е. что большая часть стихотворений Пушкина созданы были в Одессе, во время его здесь пребывания. Мысль сия достойна быть обработанною. Впрочем, Бог знает, что скажут в Петербурге...»^{370}.

Итак, статья, посвященная Пушкину, появилась и в «Одесском вестнике». Ее не пришлось перепечатывать из «Journal d'Odessa». Она уже была написана Н. Г. Тройницким, братом редактора «Journal d'Odessa».

До Одессы не дошло требование высшей власти сокращать сообщения о смерти Пушкина, а М. С. Воронцов не пожелал стать добровольным «цензором».

Спустя полвека Н. Г. Тройницкий вспоминал, что как только он узнал о смерти Пушкина, сразу же побежал в типографию, попросил бумагу и быстро написал статью.

«Но печатать ее без разрешения графа Воронцова, управлявшего краем, нельзя было. Предъявили статью графу. Он стал читать ее, читал очень внимательно и дозволил печатать, заметив при этом: «да уж не много ли тут сказано? Ведь у нас были Державин, Ломоносов...»^{371}.

Дозволил печатать, подчеркнем, несмотря на то, что мог догадываться, а, возможно, и знал о вероятном недовольстве Петербурга. О Державине же и Ломоносове вспомнил Михаил Семенович потому, что в детские годы воспринял от отца восхищение их стихами. (Кстати, когда была объявлена подписка для сбора денег на сооружение памятника М. В. Ломоносову, то больше всех внесли Николай 1-5 тысяч рублей и М. С. Воронцов — 2 тысячи рублей.)

«Впрочем, граф всегда относился к Пушкину благосклонно, — продолжал Н. Г. Тройницкий, — и даже покровительствовал ему, невзирая на некоторые из его школьнических выходок — как следствие темперамента и молодости поэта»^{372}. «Мы помним его еще цветущим юношею, когда он жил некогда в Одессе и написал здесь многие из своих очаровательных произведений»^{373}.

«Своими чудными звуками, своими вдохновенными созданиями он выражал все поэтические стороны современной жизни русского мира, и выражал их так глубоко, так прямодушно, так возвышенно. Он указывал нам на все великое нашего века, доступное всеобъемлющему чувству его души, чувству такому могучему, такому поэтическому. Певец в высшей степени народный, он одинаково понимал и сокровеннейшие тайники русского мира, и общие черты жизни человечества. Картины внешней природы и глубокие явления мира нравственного облекались в его творениях в такую свежесть, в такую силу, в такую образность выражения. Ознаменованный печатью высокого гения, он рассыпал в разнообразных

произведениях своих столько могущества и фантазии, что чем далее и глубже всматриваешься в них, тем более открываются в них целые миры неподражаемых красот». И в заключение: «О, над могилою твоею обольется горькими слезами каждый сын России, кому дорога русская слава, в ком горит светлая любовь ко всему родному!»^{374}.

М. С. Воронцов узнал о смерти Пушкина из письма М. И. Лекса, который когда-то служил в его одесской канцелярии, а в то время занимал высокий пост в Петербурге.

«Покорнейше благодарю за письмо Ваше, — писал Михаил Семенович Лексу. — Мы все здесь удивлены и огорчены смертью Пушкина, сделавшего своими дарованиями так много чести нашей литературе. Еще более горестно думать, что несчастья этого не было бы, если бы не замешались в этом деле комеражи, которые, вместо того, чтобы успокоить человека, раздражали его и довели до бешенства»^{375}. (Комеражи — по-французски — сплетни, сплетники.)

И. С. Зильберштейн, опубликовавший этот отрывок из письма Воронцова Лексу, не поверил в искренность генерал-губернатора: «Несомненно, — что лицемерно-сочувственные строчки Воронцова о гибели поэта вызваны были желанием хитрого царедворца отделить себя в глазах общества от врагов Пушкина»^{376}.

Михаил Семенович не был ни хитрым царедворцем, ни врагом Пушкина, а потому нет никаких оснований сомневаться в его искренности.

М. И. Леке, знавший о прошлой размолвке между М. С. Воронцовым и А. С. Пушкиным, решил познакомить с этим письмом В. А. Жуковского: «Имею честь препроводить при сем выписку из письма графа М. С. Воронцова. Он достойно чтит память незабвенного Пушкина и чрез то усиливает свои права на общее уважение»^{377}.

В марте-апреле главной темой переписки М. С. Воронцова и А. Х. Бенкендорфа была поездка Николая I, его супруги и наследника к Черному морю. В мае Михаил Семенович был вызван в Петербург, чтобы уточнить детали приема августейшей фамилии в Одессе и в Крыму. В столицу чета Воронцовых прибыла 29 мая. Михаил Семенович узнал здесь, что 2 марта на заседании комитета министров А. Х. Бенкендорфу стало так плохо, что он еле добрался до дома и вынужден был лечь в постель. Когда Александру Христофоровичу стало немного легче, он впервые за 38 лет службы решил воспользоваться правом на отдых и уехал в свое имение Фалль под Ревелем (ныне это Таллинн). В связи с болезнью Бенкендорфа М. С. Воронцову пришлось обсуждать условия предстоящего путешествия августейшей фамилии с другими лицами.

Михаил Семенович и Елизавета Ксаверьевна намеревались встретиться в Петербурге с Н. Н. Пушкиной, чтобы выразить ей свое соболезнование в связи со смертью Александра Сергеевича. Но к этому времени вдова поэта уехала вместе со своими детьми в имение Полотняный Завод. Поэтому соболезнование было передано Воронцовыми, видимо, через В. А. Жуковского или через кого-то еще. А Жуковский, со своей стороны, обратился к Воронцову с просьбой содействовать распространению подписки на посмертное издание сочинений Пушкина, деньги от продажи которого предназначались вдове и детям поэта.

Чета Воронцовых встретила с Н. Н. Пушкиной лишь в 1849 году в свой очередной приезд в Петербург. К этому времени Наталья Николаевна уже носила фамилию Ланская. Она вышла замуж за генерала П. П. Ланского в 1844 году — через 7 лет после смерти Пушкина.

Встреча произошла на званом вечере в великолепном особняке Лавалей на Английской набережной. У Лавалей часто устраивались концерты и рауты. Здесь бывали и Пушкин с Натальей Николаевной, и Жуковский, и Лермонтов. Не отказывались от приглашений на балы и вечера и император с императрицей.

О встрече с Елизаветой Ксаверьевной Наталья Николаевна написала мужу. «В течение всего вечера я сидела рядом с незнакомой дамой, которая, как и я, казалось, тоже не принадлежала к этому кругу петербургских дам и иностранцев-мужчин». Узнав, что ее соседкой является графиня Е. К. Воронцова, Наталья Николаевна напомнила ей об их очень давнем знакомстве, которое произошло на таком же вечере 17 лет назад.

Графиня не могла прийти в себя от изумления. «Я никогда не узнала бы вас, — сказала она, — потому что, даю слово, вы тогда не были и на четверть так прекрасны, как теперь, я бы затруднилась дать вам сейчас более 25 лет. Тогда вы мне показались такой худенькой, такой бледной, маленькой, с тех пор вы удивительно выросли». Вот уже второй раз за это лето мне об этом говорят. Несколько раз она брала меня за руку в знак своего расположения и смотрела на меня с таким интересом, что тронула мне сердце своей доброжелательностью. Я выразила ей сожаление, что она так скоро уезжает и я не смогу представить ей Машу; она сказала, что хотя она и уезжает очень скоро, но я могу к ней приехать в воскресенье, в час дня она будет совершенно счастлива нас видеть. По знаку своего мужа она должна была уехать и, протянув мне еще раз руку, она опять повторила, что была очень рада снова меня увидеть»^{378}.

Вторая встреча не состоялась. Когда Н. Н. Ланская с опозданием приехала к Е. К. Воронцовой, то оказалось,

что та уже уехала в Петергоф. Больше, видимо, Елизавета Ксаверьевна и Наталья Николаевна не встречались.

Завершив в Петербурге необходимые переговоры, с разрешения императора М. С. Воронцов отправился в Фалль к больному другу. Его приезду была рада вся семья А. Х. Бенкендорфа. Из Фалля Воронцов привез Николаю I два письма от Александра Христофоровича. Тот, не надеясь на окончательное выздоровление, попросил императора разрешить ему написать завещание на имя жены. Император не возражал, и завещание было составлено.

В память о дружбе М. С. Воронцова и А. Х. Бенкендорфа в парке Фалля была установлена чугунная скамья. На спинке скамьи был изображен герб и написан девиз рода Воронцовых «*Semper immota fides*» (Всегда непоколебимая верность).

8 июля М. С. и Е. К. Воронцовы покинули Петербург. По прибытии в Одессу Михаил Семенович организует три временные комиссии. Первая должна была позаботиться о почтовых и верховых лошадях, о седлах и всякого рода сбруе. Вторая отвечала за помещения, в которых будут жить путешественники, за мебель, посуду, еду, вина. Третья заготавливала и распределяла съестные припасы. Некоторые товары и продукты пришлось выписать из-за границы. В Константинополе были куплены египетские циновки, турецкие шали, ковры и мебель. В Алушке спешно достраивались центральный и столовый корпуса Воронцовского дворца.

С 18 августа по 3 сентября Николай I присутствовал на больших военных маневрах и смотре в Вознесенске. Был здесь и М. С. Воронцов. Но он постарался уехать оттуда пораньше, чтобы проверить, все ли готово в Одессе и в Алушке к приему высоких гостей.

Императрица Александра Федоровна прибыла в Одессу 4 сентября, а Николай I и его свита пожаловали в

ночь с 5 на 6 сентября. Остановились гости во дворце генерал-губернатора.

6 сентября в здании Биржи состоялся ужин и бал. Гости были поражены украшением зала: росписи на стенах, лепные капители, 15 люстр в форме серебряных якорей, обвитых золотыми канатами с фестонами из морской травы. Для ужина, на котором присутствовало около 700 человек, к Бирже был пристроен временный деревянный зал.

На прием гостей было израсходовано 70 тысяч рублей, но не из городской казны. 42 тысячи были собраны состоятельными одесситами по подписке, а остальные были выручены от продажи леса от временных построек и разных вещей, оставшихся после бала.

В следующие дни император и императрица посетили театр и собор, Ришельевский лицей, Институт благородных девиц, ботанический сад, больницу, Карантин. Побывали они и на городской художественно-промышленной выставке. Император даже выпил рюмку вина за здоровье художников и ремесленников. Кроме того, он провел смотр двух батальонов Подольского егерского полка и вновь сформированного Дунайского казачьего полка.

Николай I остался доволен увиденным в Одессе. Немалая роль в развитии города принадлежала его градоначальнику А. И. Левшину, назначенному на эту должность в 1831 году. Император пожаловал ему орден Св. Анны первой степени «за отлично-усердную службу и полезные труды».

Утром 9 сентября их величества отправились на военном корабле «Северная звезда» в Севастополь. Остальные гости разместились на пароходах «Мария-Анна», «Нева», «Громоносец» и «Петр Великий». В Севастополе Николай I осмотрел порт и корабли Черноморского флота. Вместе с супругой побывал в

Бахчисарае. По пути их приветствовали мирзы и другие татары в национальных одеждах.

Николай I, посетив Орианду, высочайшим указом изволил подарить это имение Александре Федоровне, своей супруге. Оно было приобретено еще в 1825 году Александром I и перешло по наследству к его преемнику на престоле. Тогда же Александр I предложил М. С. Воронцову взять на себя управление этим имением. Согласно воле их величеств Николая Павловича и Александры Федоровны Орианда и теперь осталась в управлении Михаила Семеновича.

18 сентября в первом часу пополудни гости прибыли в Алупку. Елизавета Ксаверьевна встретила их хлебом и солью. Императора помимо свиты сопровождали около пятисот человек. Всех их разместили в зданиях дворцового комплекса. После обеда в 8 часов вечера окрестные горы, леса, деревья парка запылали множеством огней. Вряд ли кто из гостей видел такую иллюминацию.

На следующий день Николай I отплыл на «Северной звезде» в Керчь, а императрица и другие гости остались в Алупке. Императрица и великая княгиня Елена Павловна совершили верховую прогулку по окрестностям. Вечером на импровизированной сцене, устроенной в столовом корпусе дворца, гостям был представлен французский водевиль. Действие сопровождалось игрой Елизаветы Ксаверьевны на фортепьяно.

30 сентября августейшие особы покинули Алупку. В рескрипте Николая I, врученном М. С. Воронцову, говорилось: «Посетив ныне, после 9 лет, город Одессу, я с удовольствием нашел в нем столичный порядок. Значительное распространение и возведение многих красивых зданий свидетельствуют о цветущем оною состоянии. С равным удовольствием посетил я вновь Крым, после 21 года, и искренне радовался, видя

быстрые успехи в устройстве этого края, столь обильного средствами к внутреннему благосостоянию, коему непременно способствовать будет отлично исполняемое устройство по Южному берегу Крыма прочных и удобных дорог. Относя все сие к постоянной благоразумной заботливости и неусыпным трудам Вашим, я исполняю долг для Меня приятный, изъявляя Вам полную и совершенную признательность за отлично-полезное служение Ваше»^{379}. А императрица посетовала, что Черное море так далеко от моря Балтийского.

В то время когда в Крыму развлекали высоких гостей, в Одессе произошли события, вновь всколыхнувшие весь город. Но теперь причина волнений была трагической.

22 сентября в город прибыло судно «Самсон». Его шкипер Аким Алексеев рассказал карантинным чиновникам, что «Самсон» заходил за дровами в одно неблагополучное турецкое местечко. После чего жена шкипера заразилась чумой и вскоре скончалась. Тело умершей лежит в каюте уже семь дней.

Карантинные чиновники не поверили шкиперу. Они решили, что его жена умерла не от чумы, а от побоев мужа. И тот, боясь уголовной ответственности, придумал историю про чуму. В Одессе покойную похоронили на чумном кладбище, а экипажу разрешили заняться разгрузкой судна.

До 6 октября все было благополучно, но в этот день 5 матросов почувствовали себя плохо. Больные были срочно отправлены в чумной квартал города. 10 октября умер один из них, 20 октября — второй. 22 октября по распоряжению градоначальника Одессы А. И. Левшина город был оцеплен, чтобы зараза не вышла из его пределы.

Днем раньше, 21 октября, в Ялту из Одессы прибыл корабль «Петр Великий», который должен был

следовать дальше в Керчь. М. С. Воронцов, узнав о вспышке чумы, отправил «Петра Великого» обратно в Одессу, а сам поспешил туда же сухим путем.

В Одессу Михаил Семенович прибыл в полдень 25 октября. 26 октября он обратился к горожанам с воззванием, в котором говорилось, что всякий день в 11 часов утра генерал-губернатор будет встречаться у Биржи с гражданами, с комиссарами частей, назначенных для наблюдения за здоровьем горожан, с властями, с медиками, выслушивать их мнения и принимать необходимые меры.

В Одессе М. С. Воронцов узнал, что А. И. Левшин совершил не единственную ошибку, отправив корабль с известием о вспышке в городе чумы. Прежде чем оцепить город, градоначальник выслал из него несколько сотен чумацких подвод, привезших в Одессу пшеницу из разных губерний. Кроме того, он отправил без карантинной окурки письмо Николаю I с сообщением о чумной заразе. Эти просчеты А. И. Левшина могли привести к распространению чумы за пределами Одессы.

В чумной квартал продолжали поступать новые больные. На чумном кладбище появились свежие могилы. Но эпидемия еще не успела охватить весь город. М. С. Воронцов обратился к горожанам с новым воззванием. Он отметил, что за прошедшие две недели сделано многое для борьбы с чумою, однако меры предосторожности необходимо усилить. Вскоре и богослужения в церквях стали проходить с некоторыми ограничениями.

А 4 декабря священник Успенского монастыря Головченко добровольно вошел в карантин для совершения разных христианских треб. Теперь даже зачумленное мертвое тело хоронилось с отпеванием.

Указом от 6 декабря Николай I ввел в Одессе вместо должности градоначальника должность военного

губернатора. Им стал действительный тайный советник граф А. П. Толстой с чином генерал-майора. А Левшин, лишенный звания градоначальника за упущения в борьбе с чумой, должен был заниматься карантинном.

Положение в Одессе постепенно улучшалось. 10 декабря в городе открылись магазины и лавки. Однако торговля в них велась с предосторожностями: 1. Никто из покупателей не должен входить в магазин или лавку. 2. У открытых дверей торговых заведений должны быть протянуты веревки или сделаны барьеры. 3. Покупатель берет купленную вещь не из рук магазинщика, а со стола. 4. Золото, серебро и медь за купленный товар кладутся в чашки с уксусом или водой, а ассигнации — в особый ящик, которые вечером окуриваются хозяином магазина.

22 декабря в циркуляре, направленном М. С. Воронцовым комиссарам, прикрепленным к разным районам города, говорилось, что уже более двух недель в городе и в предместьях не фиксируется новых случаев заболевания. Из чумного квартала стали выходить выздоровевшие.

Таким образом, новый, 1838-й, год одесситы встречали победителями чумы. В «Одесском вестнике» за 26 января 1838 года появилось сообщение, что с 25 января Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор граф М. С. Воронцов вновь принимает просителей по два раза в неделю — во вторник и в субботу — с 11 часов утра в доме, занимаемом канцелярией его сиятельства. Днем раньше, 24 января, было снято оцепление вокруг Одессы, и одесситы вступили в обыкновенные сношения со всеми губерниями Российской империи.

Вскоре решением Николая I были учреждены особые золотые и серебряные медали для ношения в петлице на Александровской ленте. Они вручались всем лицам, участвовавшим в борьбе с чумой. Кроме того, за

отличное исполнение обязанностей во время карантина в Одессе император объявил свое монаршее благоволение штаб- и обер-офицерам 2-го батальона Виленского егерского полка, а нижним чинам батальона в числе 571-го человека его величество изволил пожаловать по рублю, по фунту мяса и по чарке вина каждому.

Таким — тревожным, печальным, радостным и трагическим — оказался для одесситов и четы Воронцовых 1837 год.

Глава XXIII

ПОСЛЕДНЕЕ НАЗНАЧЕНИЕ

26 августа 1839 года в годовщину памятной битвы на Бородинском поле состоялись большие военные маневры, на которых присутствовал император. Среди приглашенных был и М. С. Воронцов с сыном Семеном. Когда мимо Николая Павловича и гостей проходила сводная гренадерская дивизия, Михаил Семенович рассказал императору об участии этой дивизии в Бородинском сражении и о понесенных ею огромных потерях. Николай I ответил, что, проходя мимо своего командира, гренандеры должны были крикнуть: *Caesar, morituri te salutant*. (Император, идущие на смерть приветствуют тебя).

Вряд ли Михаил Семенович предполагал в то время, что ему снова предстоит командовать армией и участвовать в сражениях. Уже 16 лет как он гражданский генерал — генерал-губернатор. Ему 57 лет. Скоро можно будет подумать об отставке. Но судьба распорядилась иначе — через 5 лет.

Новороссийский край и Бессарабия быстро развивались. А рядом, на Кавказе, положение становилось все хуже и хуже. Имам Шамиль одерживал над русской армией победу за победой. В 1838 году командующим Отдельным Кавказским корпусом был назначен Е. А. Головин. Но положение продолжало ухудшаться. В 1842 году его сменил А. И. Нейдгардт, который не мог дождаться, когда будет удовлетворена его просьба об отставке.

В Петербурге и в Москве обсуждали кандидатуры тех, кто мог бы исправить положение на Кавказе. Некоторые считали, что эта задача по плечу лишь А. П. Ермолову или Н. Н. Муравьеву. Оба они воевали на

Кавказе, оба хорошо знают этот край. Но Николай I считал, что там нужен человек, соединяющий «с известными военными доблестями опытность в гражданских делах»^{380}. В военных доблестях Ермолову и Муравьеву нельзя было отказать, но к гражданским делам ни один, ни другой не тяготели. Видимо, не без колебаний император пришел к выводу, что только М. С. Воронцов в достаточной мере соединяет в себе воинскую доблесть и опыт в гражданских делах.

После десятидневного плавания в июле 1836 года на корвете «Ифигения» вдоль восточных берегов Азовского и Черного морей, о котором упоминалось выше, М. С. Воронцов составил подробный рапорт для Николая I об условиях развития торговли с черкесами и абазинцами. «Одно лишь личное обозрение может дать более или менее справедливое понятие о крае, столь мало известном и столь интересном во всех отношениях»^{381}, — писал он.

Рапорт содержал подробное описание русских портов и укрепленных пунктов на восточном побережье Черного моря. М. С. Воронцов отмечал, что на рейде Сухум-Кале могут поместиться 3-4 флота, а превосходный порт Геленджика не уступает Севастополю. Очень плохой рейд у Редут-Кале.

У Бомбор М. С. Воронцов и его спутники высадились на берег. Произраставшие здесь в большом количестве дубы, по мнению Михаила Семеновича, могли быть использованы как строевой лес и для распиловки на доски. А богатейшие поля на равнинах, почти не заселенные и не используемые, могли бы стать местом для колоний хлебопашцев, виноделов и пастухов.

М. С. Воронцов докладывал, что на Кавказе замечены иностранные агенты. Общаясь с горцами, они уверяли их, что вскоре некоторые европейские государства и Турция начнут войну с Россией и помогут им, горцам, истребить здесь русских. Михаил Семенович считал, что

торговля с горцами, помимо общих выгод, имеет еще одно немаловажное значение — «сим-то единственным способом можем мы надеяться привлечь к себе когда-либо черкесов, успокоить враждебный их дух, сделать наши сношения с ними для них необходимыми и удалить их от желанья или нужды сношений с иностранцами»^{382}.

Понимая, что без военных действий нельзя будет обойтись, Воронцов предложил занять весь восточный берег Черного моря, а горцам пообещать защиту и покровительство, чтобы они не покидали свои жилища.

В заключение он писал: «Желание видеть успех в намерении правительства весьма много еще во мне усилилось сим обозрением местности; я увидел, сколько есть источников благосостояния в сей прекрасной, но столь мало известной стране; сколь нужно и возможно воспользоваться сими источниками и сим природным богатством и возбранить неприязненной или какой-либо державе вторжение к явному вреду нашему в какие бы то ни было сношения с Кавказом»^{383}.

Весьма возможно, что этот рапорт сыграл немаловажную роль в решении Николая I послать на Кавказ именно М. С. Воронцова. 17 ноября 1844 года император написал М. С. Воронцову: «Зная ваше всегдашнее пламенное усердие к пользам Государства, выбор мой пал на вас, в том убеждении, что вы, как *главнокомандующий войск на Кавказе и наместник мой в сих областях с неограниченным полномочием*, проникнутые важностию поручения и моим к вам доверием, не откажетесь исполнить мое ожидание. Но желая и при сем случае доказать вам особенное мое уважение, я не хотел приступить к объявлению о сем новом вам поручении, не узнав от вас *прежде* ваше согласие принять оное, *в котором, однако, не могу сомневаться*. Прибавлю к сему, что поручение сие считая делом, могущим продлиться не менее трех лет, и в

справедливом внимании к семейным вашим обстоятельствам, полагаю сохранить вам прежнее ваше звание и главное заведывание Новороссийским краем, тем более, что по близкому соседству нахожу совершенно возможным, чтобы вы могли ежегодно проводить по нескольку месяцев на отдохновении в Крыму, в вашем поместье и в кругу вашего семейства»[{384}](#).

Фельдъегерь помчался с этим посланием в Одессу. Узнав там, что М. С. Воронцов в Крыму, он отправился в Алупку и прибыл туда 27 ноября в 3 часа ночи. М. П. Щербинин, взяв письмо императора, пошел будить Михаила Семеновича. Возвратившись, он сказал фельдъегерю, что граф не хочет принимать должность кавказского наместника, опасаясь, что возраст и плохое здоровье не позволят ему справиться с новыми обязанностями. Однако императору фельдъегерь повез иной ответ Воронцова: «Я стар и становлюсь дряхл, не много жизни во мне осталось; боюсь, что не в силах буду оправдать ожидания Царя; но русский Царь велит идти, и я, как Русский, осенив себя знаменем креста Спасителя, повинуюсь и пойду»[{385}](#).

Снова мчится фельдъегерь в Одессу с письмом Николая I. В новом послании говорилось: «Благородная недоверчивость к себе и опасения, которые изъявляете мне, равно как и верноподданные чувства, с которыми вы вверяете мне свою участь, убеждают меня еще более, что выбор мой пал *на того*, кто наиболее способен постигнуть и исполнить мои намерения». «Признавая отчасти те затруднения, которые вы исчисляете, — продолжает император, — не считаю однако их могущими идти в сравнение с тою несомненною пользою, которую принесут краю и делам ваша опытная прозорливость, знание дел, твердость и испытанное усердие к пользам службы». И добавляет: «По собственному вашему предложению желаю, чтобы вы

прибыли сюда для личных с вами объяснений по вверенным вам делам и для сообщения всех тех сведений, которые здесь удобнее всего вам доставить, чем ранее, тем лучше»[{386}](#).

Указом Николая I от 27 декабря 1844 года М. С. Воронцов был назначен командующим Отдельным Кавказским корпусом и наместником на Кавказе с самыми широкими полномочиями. За М. С. Воронцовым остались обязанности генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии. Таким образом, власть Воронцова распространялась на весь европейский юг России и Закавказье. Ни до, ни после М. С. Воронцова никому из российских государственных и военных деятелей не давалось столько власти.

«Как бы я желал, чтобы это назначение, эта власть, мне предоставленные, все это было бы один сон, — напишет М. С. Воронцов позже. — Страшусь, чтоб непосильны мне были новые труды; страшусь общего разочарования на мой счет»[{387}](#).

Михаил Семенович признался в письме к А. П. Ермолову, что не без страха принял он это назначение: ему уже 63-й год, а дел на Кавказе очень много и они ему неизвестны. «Не я себя выбрал, не я себя выставил; могу только отвечать за усердие и добрую волю; за прочее же отвечать не могу, ибо думаю и объявляю, что почитаю поручение это превышающим мои силы»[{388}](#).

Интересно отметить, что А. П. Ермолов, принявший в 1816 году командование Грузинским корпусом (названным в 1820 году Кавказским корпусом), написал М. С. Воронцову: «Если бы не корпус твой во Франции, едва ли бы получил я сие назначение; ибо ты, служба при наилучшем в том краю начальнике, узнал землю и конечно более всех там полезен; между нами двумя нельзя делать выбора. Я первый уступаю тебе преимущество». А вот что он написал через полгода:

«Ты, любезнейший брат, редкое существо, обладающее общею всех любовью. Ты должен быть поставлен судьбою для водворения здесь порядка и будешь всеми боготворим. Я предсказываю тебе сие назначение, разве ты сам его не пожелаешь»^{389}.

Современники М. С. Воронцова говорили, что, согласившись стать наместником, он отважился на самопожертвование, равное которому трудно сыскать. К. К. Бенкендорф, племянник А. Х. Бенкендорфа, пишет в своих воспоминаниях: «Человек совершенно независимого характера и, как ходили слухи, граф был в больших контрах с правительством. Обстоятельство достаточное у нас в России для приобретения популярности. Говорят, что Государь подчинился обстоятельствам; интересно было бы знать, каких усилий стоило ему сложить с себя часть власти, чтобы облечь ею своего подданного, к которому, как указывала молва, он далеко не был расположен». «Это последнее обстоятельство, — продолжает мемуарист, — мне кажется, много способствовало тем овациям, какими встретили Михаила Семеновича Москва и Петербург. Правда, эти овации были заслужены: они относились к той великой жертве, которую граф Михаил Семенович принес, поступившись своим славным отдыхом тогда, когда, казалось, он достиг венца своей карьеры, столь богатой великими событиями и ознаменованной добрыми делами». И далее: «В самом деле, по первому призыву своего Государя, он все бросает для новых трудов, чуждый всякой задней мысли, единственно повинувшись чувству долга и своей совести, которые повелевают ему поработать еще для общего блага и славы русского оружия. Это был призыв к чувству чести дворянина, и граф Воронцов не задумался откликнуться на него»^{390}.

В начале 1845 года М. С. Воронцов приехал в Петербург. Николай I предложил Михаилу Семеновичу

самому определить полномочия, необходимые для победы над Шамилем и для установления мира на Кавказе. И эти испрошенные М. С. Воронцовым полномочия были ему даны. Правда, некоторые высокопоставленные лица пытались хоть на йоту уменьшить права командующего и наместника.

В военном министерстве Воронцову представили подробный план экспедиции с целью занятия Дарго, резиденции Шамиля. Михаил Семенович попросил отложить эту экспедицию на год, чтобы изучить положение дел на месте. Но ему было приказано действовать немедленно и строго по разработанному плану. Он как человек военный не мог не подчиниться приказу. А честь не позволяла ему отказаться от слова, данного государю.

Из Петербурга М. С. Воронцов написал А. П. Ермолову, что ему надо спешно возвращаться в Одессу, поэтому он не сможет заехать к нему в Москву, как хотел, чтобы посоветоваться с ним и с Е. А. Головиным о военном положении на Кавказе. «Мне дают полную волю, и это необходимо. Государь ни в каких способах мне не отказывает; дай Бог, чтобы я мог оправдать его доверие. Без его помощи я ни в чем успеть не надеюсь. Я уверен, что ты помолишься за старого товарища, чтобы он поддержал имя Русское в стране, где ты столько лет прославлял оное <...> Во всяком случае буду просить тебя об одном и сочту твое согласие большим одолжением: у тебя есть много записок и сведений вообще о Кавказе; не можешь ли ты мне сделать из них хотя выписку и прислать мне оную»^{391}.

Но все же Михаил Семенович заехал в Москву и встретился с А. П. Ермоловым и Е. А. Головиным, а потом отправился в Одессу. Здесь поднялась настоящая суматоха. Многие пожелали ехать на Кавказ, чтобы служить под его началом. Каждый день военные и

гражданские лица осаждали Михаила Семеновича просьбами взять их с собой. Когда настало время отъезда, одесситы вышли попрощаться со своим генерал-губернатором. Михаил Семенович медленно спускался по ступеням знаменитой лестницы, чтобы сесть на пароход. По обе стороны лестницы теснились толпы людей. Одни приветствовали его криками «ура!», другие плакали.

24 марта 1845 года Воронцова встречал Тифлис. Несмотря на то, что он, следуя своему правилу, прибыл в город поздно ночью, люди приветствовали его на всем пути по городу до здания, где он должен был остановиться. Его с нетерпением ждали и надеялись, что при нем положение на Кавказе быстро улучшится.

Несколькими днями позже в Тифлис приехала Е. К. Воронцова. 20 апреля Михаил Семенович написал в своем дневнике: «Сегодня 26 лет нашей свадьбе».

В 1844 году произошло еще одно немаловажное для четы Воронцовых событие — их дочь графиня Софья Михайловна (1825–1879) вышла замуж за графа Андрея Павловича Шувалова (1817–1876). Бракосочетание состоялось в Вене.

В 1830-е годы А. П. Шувалов служил вместе с М. Ю. Лермонтовым в Нижегородском драгунском, а затем в лейб-гвардии Гусарском полку. Современники предполагали, что Лермонтов наделил Печорина из романа «Герой нашего времени» некоторыми чертами характера Шувалова, и даже находили между ними портретное сходство.

В 1840—1850-е годы молодая чета подолгу жила во дворце в Алупке в специально обустроенном для них Шуваловском флигеле. Позднее они часто жили порознь — Софья Михайловна в Швейцарии, а Андрей Павлович в Париже.

Елизавета Андреевна, старшая дочь Шуваловых (1845–1924), вышла в 1867 году замуж за графа

И. И. Воронцова-Дашкова (1837-1916), своего троюродного дядю. Таким образом две ветви рода Воронцовых соединились.

Глава XXIV

ВО ГЛАВЕ ОТДЕЛЬНОГО КАВКАЗСКОГО КОРПУСА

Утвержденный в Петербурге план на 1845 год гласил, что необходимо разбить скопище Шамиля, проникнуть в центр его владычества и утвердиться в нем. В то время резиденцией Шамиля был аул Дарго, находившийся в труднодоступной горной Ичкерии. Туда и предстояло отправиться в свой первый поход командующему Отдельным Кавказским корпусом.

К прибытию М. С. Воронцова на Кавказ все задействованные по плану войска были собраны и готовы к намеченной экспедиции. Но командующий еще раз попытался найти мирное решение конфликта. Он надеялся оторвать от Шамиля недавно примкнувших к нему Даниель-Бека и Хаджи Мурата и предложил мир самому имаму. В «Прокламации горским народам» наместник провозгласил: «Религия ваша, шариат, адат, земля ваша, а также все имущество, приобретенное трудами, будет неприкосновенною вашею собственностью и останется без всякого изменения»^{392}. Шамиль ответил наместнику, что «он не думает вести с ним переговоры иными средствами, как при посредстве шашки»^{393}. М. С. Воронцову ничего не оставалось делать, как приступить к реализации плана.

Во второй половине апреля 1845 года командующий отправился на Кавказскую линию, чтобы лично возглавить войска, готовившиеся к походу. По пути он осмотрел укрепления в Назрани, Сунженскую линию, крепость Грозную и укрепление Воздвиженское. Для Чеченского отряда, участвующего в походе, он избрал

опорным пунктом крепость Внезапную и установил срок общего сбора 28 мая. Этот отряд состоял из 12 батальонов, 3 рот саперов, 1 тысячи человек грузинской милиции, 13 сотен казаков и 28 орудий. 31 мая Воронцов осмотрел все части отряда и выразил удовлетворение их состоянием.

3 июня Чеченский отряд, оставив обоз и лишние тяжести, прибыл в Гертме. Здесь его уже ожидал другой отряд — Дагестанский, состоявший из 9 батальонов, 4 рот саперов, 3 сотен казаков и 18 орудий. Эти два отряда и должны были действовать против Шамиля.

Погода не благоприятствовала походу. Из-за сильных дождей, крутых спусков и подъемов дороги стали почти непроходимыми, особенно для артиллерии. После нескольких переходов необходимо было выбрать дальнейший маршрут — идти или через ущелье Мичигал, или пробираться через перевал Кырк. Лично проведя рекогносцировку, М. С. Воронцов убедился, что при движении на Мичигал отряд будет встречен многочисленным неприятелем. Решено было двигаться к перевалу, и командующий имел возможность увидеть, как горцы способны быстро менять позицию. За короткое время они переместились на господствующую над местностью крутую гору Анчимир. Пришлось брать эту гору штурмом.

Погода еще больше ухудшилась. Непрерывно лил дождь, стоял сплошной туман, а по ночам случался мороз. Вблизи стоянки отрядов не было леса, поэтому не на чем было готовить пищу и нельзя было обогреться. В летнее время лагерь весь был покрыт слоем мокрого снега.

М. С. Воронцов приказал построить у перевала Кырк специальный пункт для снабжения отрядов провиантом и боеприпасами. Здесь же соорудили и редут на 200 человек, усиленный двумя орудиями. Из-за трудностей

передвижения в горах было принято решение отправить 8 орудий обратно.

11 июня оба отряда двинулись в Андию через так называемые Андийские ворота, которые, по сведениям лазутчиков, были сильно укреплены. Однако, вопреки ожиданиям, войска не встретили здесь серьезного сопротивления. Горцы, завалив проход камнями, оставили эту позицию.

14 июня, поднявшись на Андийские высоты, солдаты наконец-то увидели сияющее солнце. Их взорам открылась зеленая долина, но совершенно безлюдная: по указанию Шамиля селения андийской общины были преданы огню. Шамиль же отошел за крутой овраг и занял удобную позицию с завалами на противоположных высотах. Перейдя овраг, солдаты пошли на укрепления горцев. В приказе М. С. Воронцова от 15 июня говорится: «Неприятель, сперва изумленный такою смелостью, бросился потом в шашки, но был хладнокровно принят штыками 7-й егерской роты; причем храбрый полковник кн. Барятинский ранен в ногу, достойный командир 7 егерской роты пор. Маевский убит.

Спешенные грузины, как дворяне, так и милиционеры, вступили с неприятелем в рукопашный бой»^{394}. И неприятель снова отступил. А в полученном командующим рескрипте Николая I говорилось, что государь изъявляет свое благоволение за скорое движение и взятие Авдии.

Войско простояло лагерем в Андийской долине до 6 июля. Необходимо было дожидаться транспортов с продовольствием. Те, отражая атаки горцев, с трудом добрались до лагеря. Продовольствия в отрядах почти не прибавилось.

6 июля начался последний этап похода на Дарго. Предстояло пройти пятиверстовый перевал. Войску пришлось преодолеть 23 завала из камней и деревьев, обойти которые было невозможно. Приходилось брать

завалы штурмом с применением холодного оружия и под огнем горцев.

К утру 7 июля авангард спустился в долину реки Аксай и, не встретив серьезного сопротивления горцев, быстро овладел Дарго. Дом Шамиля, мечеть и несколько других строений пылали в огне. Другие жилища, дома мюридов и ближайшие селения уцелели от огня, но жители их покинули.

Приказ Николая I был выполнен — резиденция Шамиля пала. Однако закрепиться в Дарго не было возможности. До аула трудно было добираться и доставлять боеприпасы и продовольствие.

Прежде чем уйти из Дарго, необходимо было позаботиться о пополнении запасов провианта. Это можно было сделать за счет транспорта, двигавшегося из Авдии. 10 июля этот транспорт показался на высотах, и ему навстречу был послан специальный отряд под начальством генерала Клюге-фон-Клюгенау. Началась так называемая «сухарная» экспедиция. Отряд должен был получить сухари на четверо суток для себя и для тех, кто остался в Дарго.

Вступив в лес, отряд Клюге-фон-Клюгенау обнаружил, что разобранные завалы восстановлены горцами, мало того — появились боковые завалы. Из густого лесного массива на отряд обрушился прицельный огонь. С большими потерями отряд брал один завал за другим. Почти вся артиллерийская прислуга и лошади были перебиты. Орудия пришлось катить вручную, а раненых нести на руках. Погиб генерал Пасек, командовавший авангардом. С трудом удалось соединиться с прибывшим транспортом. Утром отряд выступил в обратный путь. И вновь горцы успели восстановить старые завалы и возвести новые. Навстречу отряду из Дарго было послано подкрепление, которое и спасло его от полного уничтожения. Запас

сухарей пополнился незначительно, а раненых у М. С. Воронцова стало почти на 800 человек больше.

Командующий приказал уничтожить все вьюки, чтобы освободить оставшихся лошадей для транспортировки больных и раненых. Палатки пошли на изготовление примитивной обуви для солдат. Освободился Михаил Семенович и от своего имущества, а белье отдал для перевязки раненых. Спал он на голой земле и, как и другие, грыз свой сухарь.

Понимая, что с большим количеством больных и раненых отряду не пройти через перевал Кырк, Воронцов решил идти вперед, к укреплению Герзель-аул, где находились русские войска. Он заявил, что погибнет со всем отрядом, но не покинет ни одного больного или раненого.

К. К. Бенкендорф вспоминал: «Уже несколько дней, как мы не имели продовольствия; рогатый скот был съеден. Жили, несмотря на противника, несмотря на усталость, на общее истощение, жару, голод, жажду; жили потому, что в армии, подобной нашей, жизненную силу составляет энергия начальников, дисциплина и мужественная покорность солдата, и все эти факторы были налицо. Солдат выказал чудеса покорности и храбрости, а энергия графа Воронцова была просто изумительна; он проявил ту силу, которая увлекает, воодушевляет, электризует; ту силу, которой обладает только недюжинный начальник и которая внушает массе, покорившейся ей как по волшебству. Никогда граф Воронцов не был так прекрасен, как в эти минуты, когда многие из нас уже отчаивались в спасении отряда. Стоило только взглянуть на него, чтобы набраться новых сил и весело идти навстречу опасностям, на которые он смотрел ясно и спокойно»^{395}.

Шамиль не ожидал, что Воронцов решит идти вперед, а потому отряд не встретил сперва противодействия горцев. Но уже 14 июля противник

обрушился на отряд с такой силой, что, казалось, ничто не сможет противостоять его натиску. Приходилось преодолевать огромные завалы, овраги и крутые спуски. Большое число раненых лишало отряд маневренности, скорость движения была минимальной. Нередко передовая группа, бравшая штурмом очередной завал, оказывалась отрезанной от основного отряда. Бывали случаи, когда командующий лично восстанавливал разорванные связи и заставлял противника отступить. Твердость, хладнокровие и уверенность Воронцова давали солдатам надежду на благополучный исход.

16 июля отряд прибыл в Шахмал-Берды. Здесь была хорошая питьевая вода и поля, засеянные пшеницей и кукурузой, что дало пищу людям и лошадям. Но вскоре отряд окружили полчища горцев. Отбиться своими силами было невозможно, и М. С. Воронцов отправил лазутчиков к генералу Р. К. Фрейтагу, чтобы тот поспешил на выручку.

Р. К. Фрейтаг с 7,5 батальонов, тремя сотнями казаков и 18 орудиями двинулся навстречу Воронцову. 19 июля после жестокого боя с горцами оба отряда соединились, а 20 июля они пробились к Герзель-аулу.

Своеобразный отчет о походе на Дарго дал Михаил Семенович в письме к А. П. Ермолову. «Штурмуя беспрестанно позиции и овраги, мы не только не оставили ни одного раненого, но ни одного колеса, ни одной вещи, ни одного ружья». Результатов больших нет, «но мы повиновались воле Государя и общему мнению в России, что не показаться сего года в горах было бы стыдно». И делает важный вывод: «Мы пошли очертя голову, сделали все, что возможно, и вышли благополучно и, смею опять сказать, не без славы. Теперь уже настанет время для войны более систематической и которая хотя тихо, но вернее должна в свое время улучшить положение здешних дел»^{396}.

В обзоре военных действий на Кавказе в 1845 году, составленном Генеральным штабом Отдельного Кавказского корпуса, говорилось, что «появление войск в крае, где еще никогда не была нога русских, занятие нами Гумбета, трехнедельное пребывание в Андии, славное взятие с боя и истребления Дарго и, наконец, проследование отряда по пути, который доселе был неизвестен и едва ли считался проходимым — все это достаточно убеждает в том, что для Русских войск нет ничего невозможного»^{397}.

Русской груди и русским штыкам, заявил М. С. Воронцов, никто противостоять не может. Вместе с тем эти успехи достались слишком дорогой ценой. Русские войска лишились 3 генералов, 141 офицера и 2831 нижнего чина.

Николай I направил М. С. Воронцову рескрипт: «Вы вполне оправдали Мои ожидания, проникнув в недра гор Дагестанских, считавшихся доселе неприступными». Завершается рескрипт словами: «В справедливом сознании, как прежних, так и теперешних знаменитых заслуг ваших, Я возвел вас в Княжеское достоинство с нисходящим потомством»^{398}.

Один из мемуаристов так откликнулся на решение императора возвести командующего в княжеское достоинство: «Воронцову дали за это титул князя, только не Даргинского, хотя взять Дарго было несомненно труднее, чем Эривань Паскевичу»^{399}. За взятие Эривани, как известно, Паскевичу был пожалован титул графа Эриванского. А М. С. Воронцов так и остался просто Воронцовым, хотя военными подвигами он превосходил, например, и Дибича-Забалканского, и Муравьева-Карского.

М. С. Воронцову пришлось услышать немало упреков за то, как прошла Даргинская операция. В частности, его обвиняли в том, что он, командующий, напрасно подвергал себя излишней опасности. Михаил Семенович

ответил, что не искал для себя опасности. Это, мол, было бы несвойственно ни его летам, ни занимаемой им должности. Опасным был весь Даргинский поход. К тому же офицерам и солдатам, пишет он, «приятно и ободрительно, когда главный начальник не слишком далеко от них находится»^{400}.

После короткого отдыха М. С. Воронцов отправился в Крым. В сентябре он встретился в Севастополе с Николаем I. Михаил Семенович сумел убедить императора в том, что Шамиля нельзя победить в решающем сражении и что нужно вернуться к осадной стратегии А. П. Ермолова. Несмотря на разочарование, император вынужден был предоставить М. С. Воронцову право действовать так, как он найдет необходимым.

Да, ожидание Николая Павловича не оправдалось. М. С. Воронцов не сумел переломить ход войны. Но кем он, император, мог его заменить? Подходящих кандидатур не было. Оставалось одно — набраться терпения и надеяться, что новая стратегия приведет в конечном итоге к победе над Шамилем.

После возвращения на Кавказ М. С. Воронцов резко меняет тактику войны с горцами. Вместо штыка он ставит на первое место топор и лопату. Еще А. П. Ермолов приказывал расширять просеки в лесах Чечни, чтобы русским отрядам легче было добираться в нужное место. У Воронцова имелась возможность послать на вырубку леса значительно больше солдат. Прорубались широкие просеки, прокладывались новые дороги, возводились крепости. А поэтому результаты новой тактики сказались очень быстро.

Командующий, конечно, не отказался от военных операций против Шамиля. Но теперь это были планомерные действия, направленные в первую очередь против тех мест и укрепленных аулов, где находились большие силы горцев. Благодаря новой стратегии

территория, на которой Шамиль чувствовал себя полным хозяином, все больше сокращалась.

На Кавказе М. С. Воронцову пришлось вести еще одну войну — со злоупотреблениями в войсках.

В Ставрополе находились резервные маршевые батальоны. Они предназначались для пополнения убыли в кавказских полках. «Беспорядок в этих батальонах был ужасающий, — пишет В. А. Бельгард. — Впоследствии, когда приехал уже князь Воронцов, было произведено строгое следствие, и не только батальонные командиры, но и сам начальник этих маршевых батальонов, генерал Тришатный, были отданы под суд. Сначала же никто не рисковал притронуться к этому делу»^{401}.

В окрестностях Тифлиса располагался запасной Кавказский корпус, в котором обучались рекруты. В этом корпусе также процветали воровство и беззаконие. «Много врагов нажил себе старик Воронцов чрез то, что пресек систематическое воровство, можно даже сказать, душегубство в этом корпусе»^{402}, — читаем в воспоминаниях Э. С. Андреевского.

В то же время М. С. Воронцов признавал, что «по военной части генералов и полковников весьма много хороших, и войска вообще в самом лучшем духе и расположении»^{403}.

Как и прежде, М. С. Воронцов мало обращал внимания на форму, на муштру. Главными для него было следование законам чести и бесстрашие на поле боя. «На Кавказе форма вообще мало значила, — пишет Б. М. Колюбакин, — готовились не к смотрам, а к смертному бою и потому духовная сторона стояла на первом месте»^{404}.

Воронцов всегда следил за питанием и обмундированием солдат и не допускал наказания их не по вине, а по своеволию командиров. «Никто лучше Воронцова не знал русского солдата, — пишет В. А. Соллогуб, — никто выше не ценил его беззаветной

храбрости, терпеливой выносливости, веры в провидение и смирения». И далее: «Мне много раз случалось уже и говорить, и писать, что если есть в мире что-нибудь выше русского солдата, это — солдат-кавказец: как он весело идет на бой, отважно дерется, просто умирает! Но при Воронцове, кроме этого всегда необычайного духа в русском войске, царила также, если можно так выразиться, всеобщая семейственность»^{405}.

Действительно, в Кавказской армии командующий утверждал особые отношения — дружеские отношения близких по духу людей. И эта духовная близость между генералами, офицерами и солдатами и стала основой дальнейших военных успехов.

Имам Шамиль и его мюриды всячески пытались помешать планам М. С. Воронцова. По приказу имама поперек просек копались глубокие рвы, аулы превращались в неприступные крепости. Небольшие отряды горцев атаковали русские позиции и быстро уходили в горы.

В апреле 1846 года Шамиль спустился с гор и лесистыми ущельями двинулся к Шали, а оттуда в Кабарду. Это была самая крупная вылазка имама на равнину, полностью контролируемую русскими. Он надеялся поднять кабардинцев на войну с русскими. Но надежды не оправдались: одни кабардинцы открыто отказывались поддерживать Шамиля, а другие прятались от него и его мюридов в горах. За время этого похода мюриды разграбили около 60 кабардинских аулов и 20 казачьих станиц. А затем, спасаясь от наседавшего русского войска, отряд Шамиля за 36 часов прошел 150 верст и скрылся в горах. В результате этого похода значительно пострадали как власть, так и влияние Шамиля.

В Дагестане события развивались по-иному. Военные действия здесь начались лишь в 1847 году. К этому

времени М. С. Воронцов уже хорошо знал Восточный Кавказ. Особое внимание командующего привлек Средний Дагестан, где собирались многочисленные отряды горцев. Шамиль хорошо понимал, что покорение Среднего Дагестана русскими войсками окончательно подорвет его силы, поэтому он поспешил укрепить Гергебиль, Салты, Толитль и Ирис.

В первых числах июня 1847 года началась осада Гергебиля. Вскоре была проделана брешь в стене, окружавшей аул. А горцы в преддверии штурма разобрали крыши саклей, покрыли их хворостом и присыпали землей. Когда штурмующие ворвались в аул, то многие из них, взбираясь на крыши, под хохот и ругань горцев проваливались внутрь саклей и погибали. Приступом приходилось брать каждый завал, каждую баррикаду в ауле. Командующий вынужден был признать, что имеющихся у него сил явно недостаточно для взятия аула. Начавшаяся в этом районе холера вынудила прекратить штурм Гергебиля и сосредоточить все силы на овладении другим укрепленным аулом — Салты.

Защитники крепости поклялись Шамилю, что не уступят Салты, что будут сражаться до последнего. Воронцов отдал дань мужеству защитников аула: «При долголетнем опыте мне редко случалось видеть неприятеля более упорного и стойкого, чем гарнизон укрепления Салты, который составлен был из лучших и храбрейших людей Дагестана. Упрямые сопротивления этого гарнизона превосходят все, что в европейской войне может быть известным»^{406}.

8 июля 1847 года по высочайшему повелению отправился на Кавказ известный русский хирург Н. И. Пирогов. Он намеревался проверить возможность применения эфира при операциях на поле боя. Проводить операции ему предстояло у Гергебиля. Но к

приезду Пирогова на Кавказ осада Гергебиля была снята, и хирург отправился к Салтам.

По словам Н. И. Пирогова, М. С. Воронцов принял его весьма благосклонно. А раненые солдаты с опаской отнеслись к предложению оперировать их с применением эфира. Тогда Пирогов и два его помощника продемонстрировали действие эфира на себе. Предубеждение было сломлено, и впервые в истории войн во время операций не было слышно стонов и криков оперируемых.

Оперировать приходилось в самых примитивных условиях. За отсутствием коек больных клали на скамьи из камней. Матрацы и подушки заменялись соломой или сеном. Так как скамьи были очень низкими, то оперировать приходилось или стоя на коленях, или в полусогнутом положении. Вскоре слухи о чудодейственных операциях Н. И. Пирогова достигли самых дальних уголков Кавказа. Местные врачи тоже захотели научиться делать операции с использованием наркоза.

Осада аула Салты длилась почти два месяца. Крепость пала 14 сентября. Взятие Салт имело важнейшее значение. Жители Горного Дагестана убедились, что отсидеться за стенами и башнями крепостей им не удастся. Много потерял в глазах горцев и сам Шамиль. Падение Салт произошло на его глазах, и он ничего не предпринял, чтобы помочь защитникам аула.

Шамиль, желая восстановить свой авторитет, решил совершить новый поход в Южный Дагестан и повторить свой успех 1843 года. Он был уверен, что из-за непроходимости покрытых снегом перевалов русские войска не рискнут покинуть свои зимние квартиры.

В первой половине ноября огромный отряд Шамиля осадил в Южном Дагестане Цудахар. Осажденных ожидала жестокая расправа. Но на помощь цудахарцам

поспешил Самурский отряд под командованием князя Аргутинского. Преодолевая невероятные трудности, отряд совершил переход, напомиравший швейцарский поход Суворова через Альпы, и освободил осажденных Цудахара. Шамиль вынужден был снова отойти в горы.

Летом 1848 года была возобновлена осада Гергебля, и аул наконец-то пал. Произошло это 7 июля. В приказе М. С. Воронцова об этом важном военном успехе говорилось: «Гергебильский гарнизон, приведенный в ужас разрушительными действиями нашей артиллерии, лишенный возможности иметь внешнее сообщение, получать продовольствие и, наконец, добывать воду, в 10 часов вечера бежал из аула толпами по разным направлениям <...> Мы же не потеряли ни одного человека; неприятель в паническом страхе думал только о спасении своем, а не о защите. Замечательно при этом событии есть еще то, что ровно три года тому назад день в день и час в час Шамиль бежал из Дарго и жилище его предано пламени и разорению»^{407}. Эта победа, отмечал Воронцов, была достигнута благодаря умелому командованию генерал-лейтенанта князя Аргутинского-Долгорукова.

В ответ на падение Гергебля Шамиль осадил Ахты. Но при подходе отряда Аргутинского-Долгорукова имам опять отступил в горы. После этого М. С. Воронцов, убедившись в заметном падении могущества имама, решил во избежание лишних потерь свернуть здесь активные действия и обратить внимание на укрепление Лезгинской линии.

Здесь боевые действия носили оборонительный характер. В основном войска помогали полиции и гражданской власти Джаро-Белоканского округа в поимке воров и разбойников, защищали населенные пункты от набегов Даниель-Бека, участвовали в строительстве укреплений и прокладке дорог. Однажды в Джаро-Белоканский округ пожаловал сам Шамиль во

главе крупного отряда, но, получив отпор, был вынужден в который раз отступить в горы.

А. П. Ермолов, узнав, что М. С. Воронцов неустанно разъезжает по скверным горным дорогам от одного укрепленного пункта к другому, попенял своего друга: «Весьма мудро сказал некто из писателей, — пишет он Михаилу Семеновичу, — что *уметь стариться есть наука трудная!* При всех твоих достоинствах ты этого не имеешь! Тебе надобно так рассчитывать, чтобы Кавказ мог бы еще долго быть под твоим управлением. Тогда оставишь вечные памятники и глубоко врежешь пути для твоих наследников»^{408}.

А вскоре Алексей Петрович написал Михаилу Семеновичу, что не верит молве, будто тот собирается сократить свое пребывание на Кавказе. Эта молва, считает он, родилась в Петербурге, «где конечно немало завидующих блистательному твоему положению, твоему могуществу, в особенности же при расположении к тебе Государя»^{409}. А молва эта родилась не случайно и не в результате происков завистников и недоброжелателей М. С. Воронцова. Ведь прошли три года, отведенные командующему на усмирение Шамиля.

До литературного критика Виссариона Белинского дошло известие, что М. С. Воронцова убирают с Кавказа из-за его неудобства для высшей власти. «Что еще у нас нового? — писал он П. В. Анненкову. — Разнесся было слух, что Воронцов по неудовольствию отказывается от Кавказа, ссылаясь на болезнь глаз. Но эта болезнь была не выдуманная, он выздоровел и не думает оставлять Кавказа. А то было говорили, что на его место пошлют Меншикова, чтоб избавиться от докучного оппонента по вопросу об освобождении»^{410}.

Да, три года прошли, а М. С. Воронцову не удалось решить поставленную перед ним задачу. Но успехи в войне с имамом были налицо, и у Николая I не было основания искать замену командующему.

Михаил Семенович, оглядываясь на прошедшие три года, писал Ермолову: «Смею думать, что уже есть некоторые результаты трехлетней настойчиво взятой мною системы; в будущем году надеюсь, что результаты сии будут еще приметнее и что перемена начальника не сделает такой перемены в видах, от которой все бы могло опять прийти в сомнение». А так как он еще кое-как держался на ногах, то и не хотел требовать увольнения^{411}.

В первой половине 1849 года М. С. Воронцов совершил очередную продолжительную поездку по Закавказью и Дагестану. Елизавета Ксаверьевна сопровождала мужа, видимо, тревожась за его здоровье. «Она мне сопутствовала в Карабаге по Муганской степи, в Ленкорани, на Божием Промысле и потом через Шемаху и Дербент в Шуру и по плоскостям до Терека <...> В Дагестане она имела удовольствие идти два или три раза с пехотою на военном положении, но к большому ее сожалению неприятель не показывался. Мы были с нею на славном Гимринском спуске, откуда виден почти весь Дагестан»^{412}, — писал Михаил Семенович.

В 1850 году на Кавказ приехал наследник престола Александр Николаевич. М. С. Воронцов был рядом с цесаревичем почти во все время его поездки. После завершения этого путешествия А. П. Ермолов сообщил другу, что высокий гость остался доволен, отметив особо, что на Кавказе «повсюду тихо и спокойно». «Он, кажется, меньше ожидал, нежели нашел регулярства в строю и знания фронтовой службы; но свободный и веселый вид наших солдат и что-то такое совершенно воинское, чего в других войсках до такой степени никогда не бывало, особенно обратило на себя его внимание и приметно его радовало»^{413}, — написал в ответ Михаил Семенович.

В своем рескрипте Николай I поблагодарил М. С. Воронцова за хорошую организацию путешествия

цесаревича. Были повышены в чине многие подчиненные Михаила Семеновича. А в высочайшем рескрипте на имя княгини Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой и подписанном 5 декабря императрицей Александрой Федоровной, было сказано: «Достохвальное Престолу и Отечеству служение вашего супруга ознаменовано незабвенными подвигами воинской доблести в Отечественную Войну и двадцатисемилетним отличным управлением Новороссийским краем при исполнении в последние пять лет и многотрудными обязанностями Наместника Кавказского. В изъявление душевной Нашей признательности к супругу вашему и особенного Нашего к вам благоволения, Мы, с соизволения Государя Императора, принимаем вас в число Кавалерственных Дам ордена Св. Великомученицы Екатерины первой степени»^{414}.

Орден Св. Екатерины был пожалован Е. К. Воронцовой, конечно, не как приложение к наградам, полученным ее супругом. Видимо, во время путешествия по Кавказу цесаревич убедился, что Елизавета Ксаверьевна не только заботится о быте Михаила Семеновича, но и помогает ему в служебных делах. Ее помощь оказывалась особенно необходимой при обострении болезни глаз супруга, поэтому в кабинете Михаила Семеновича имелись два письменных стола — один для него, а другой для Елизаветы Ксаверьевны.

1 января 1851 года в Тифлис приехал фельдъегерь. Он привез М. С. Воронцову подарок от цесаревича — табакерку с его портретом и саблю, которую тот носил во время пребывания на Кавказе. Цесаревна же прислала в подарок Елизавете Ксаверьевне браслет.

Летом 1851 года Михаил Семенович и Елизавета Ксаверьевна отправились в Алупку. Здесь должно было состояться бракосочетание их сына Семена Михайловича и Марии Васильевны Столыпной, вдовы

А. Г. Столыпина, урожденной Трубецкой. По приезде в Алупку М. С. Воронцов заболел, поэтому при обручении молодых он присутствовал, а быть в церкви на венчании не смог.

Хотя Михаил Семенович и Елизавета Ксаверьевна желали сыну другой жены, они отнеслись к невестке приветливо. А Мария Васильевна не жаловала родителей мужа. Привыкшая вращаться в высшем свете, она считала их отсталыми провинциалами.

Вскоре Михаил Семенович и Елизавета Ксаверьевна отправились с молодоженами на Кавказ. Михаил Семенович проводил сына и его супругу через Малую Чечню в Воздвиженское. Здесь Семен Михайлович принял в свое подчинение полк.

Некоторое время спустя С. М. Воронцову доложили, что в крепость пришли три горца — посланцы Хаджи Мурата, одного из самых прославленных сподвижников Шамиля. Через своих нукеров Хаджи Мурат просил у русских защиты и покровительства.

Хаджи Мурата отличали исключительная храбрость, ловкость и предприимчивость. Он участвовал во многих сражениях с русскими, в том числе в обороне Гергебиля и Салт. Враги Хаджи Мурата постарались очернить его в глазах Шамиля и преуспели в этом. Шамиль заявил, что вина за последние поражения горцев лежит на Хаджи Мурате. Он даже назвал Хаджи Мурата трусом и приказал ему явиться к нему для ответа за свои действия. И тогда Хаджи Мурат, опасаясь мести со стороны имама, решил искать спасение у русских.

С. М. Воронцов, узнав о желании Хаджи Мурата перейти на сторону русских, выехал из крепости с батальоном пехоты, чтобы, если потребуетя, защитить знатного перебежчика. А М. С. Воронцов обратился вскоре к Николаю I с предложением оставить Хаджи Мурата на положении гостя, а не пленного.

Командующий надеялся использовать Хаджи Мурата в дальнейшей войне с Шамилем.

Михаил Семенович предложил сыну отправить Хаджи Мурата с почетной охраной в Тифлис. 9 декабря состоялась первая встреча командующего и Хаджи Мурата. Воронцов обещал собрать всех пленных мюридов и обменять их на семью Хаджи Мурата, которая осталась в руках Шамиля.

Тифлисцы отнеслись к Хаджи Мурату с уважением. Его приглашали на вечера и балы. Он даже научился играть в шахматы.

Среди русских Хаджи Мурат прожил пять месяцев, и за это время, как отмечал Михаил Семенович, он «увидел и вполне убедился в нашей веротерпимости». В апреле 1852 года Хаджи Мурат обратился к М. С. Воронцову с просьбой разрешить ему съездить в Нуху для исполнения религиозных обрядов.

Разуверившись в возможности русских выволить его семью, Хаджи Мурат решил бежать от них. 22 апреля, воспользовавшись беспечностью охраны, сопровождавшей его на прогулке, он осуществил свой план. Однако на следующий день он и его нукеры были обнаружены недалеко от крепости, и в схватке все они погибли. М. С. Воронцов сказал, что Хаджи Мурат умер так же, как жил, — отчаянно храбро.

1851 год завершился переполохом в военном министерстве. Оказалось, что чиновники проглядели 50-летие службы М. С. Воронцова на военном поприще и не доложили об этом юбилее императору.

25 декабря 1851 года, ровно в полночь Светлого Христова Воскресенья в дом к Воронцовым в Тифлисе вошел фельдъегерь и вручил Михаилу Семеновичу рескрипт императора. В рескрипте говорилось: «Князь Михаил Семенович! Князь Михаил Семенович, в конце прошедшего года совершилось пятьдесят лет со времени вступления вашего на поприще военной

службы. Ознаменовав себя, с самого начала, подвигами примерной храбрости в том самом крае, которым управляете ныне в звании Моего наместника, вы принимали самое блистательное участие во всех войнах, совершенных в царствование Императора Александра 1-го, отличаясь всегда высоким воинским мужеством и всеми качествами благоразумного военачальника; столь же важны и существенны заслуги ваши во время последней турецкой войны, при покорении крепости Варнь. Призванные к управлению Новороссийским и Бессарабским краем, вы успели развить все отрасли народного богатства, устроить местное управление и довести этот край до той высокой степени процветания, на которой он ныне находится. В сознании ваших достоинств, Я с полным доверием возложил на вас звание наместника Кавказского и главнокомандующего Отдельным Кавказским Корпусом и вы вполне оправдали Мои ожидания. По части гражданской вашу неутомимую деятельность и заботливостью сделаны весьма важные преобразования и значительные улучшения, которые должны послужить к благоустройству края и непосредственному благосостоянию всех и каждого, что составляет главнейшее Мое желание; с равным удовольствием вижу, что военные действия на Кавказе, направляясь к достижению указанной Мною цели, сопровождаются постоянными успехами и ознаменованы в последнее время самыми блистательными победами в Чечне, в Дагестане и на Правом фланге Кавказской линии».

Рескрипт — прекрасная характеристика деятельности М. С. Воронцова за пятьдесят лет службы. Немногие могли похвастать получением такого хвалебного рескрипта. И за меньшие военные заслуги Николай I присваивал звание генерал-фельдмаршала. Однако рескрипт заканчивался такими словами: «В изъявление особенного благоволения и искренней

признательности за достохвальные труды ваши, с примерным самоотвержением на пользу Престола и Отечества подъемлемые, Я признал справедливым присвоить к носимому вами, с нисходящим потомством, Княжескому достоинству — титул Светлости»^{415}.

Конечно, титул светлости тоже почетен. Мало кто из пожалованных в князья имел его. Но этот титул можно было получить и за заслуги на гражданском поприще.

Александр I многие годы отказывался присвоить М. С. Воронцову звание полного генерала. Лишь в последний год своей жизни он сменил гнев на милость, и в пасхальный день 1825 года наконец-то Михаил Семенович стал полным генералом — генералом от инфантерии. А Николай I, несмотря на все его хвалебные рескрипты в адрес М. С. Воронцова, несмотря на широко распространенное мнение, что тот давно заслужил звание генерал-фельдмаршала, так и не присвоил ему это звание. И если бы император пережил Михаила Семеновича, то возможно, что тот так и не стал бы генерал-фельдмаршалом.

Обращаясь к содержанию рескрипта, М. С. Воронцов пишет с сарказмом А. П. Ермолову: «Я должен быть благодарен за лестные слова этого рескрипта и за то, что наконец вспомнили о *50-летней* моей службы военной, не говоря уже о том, что три года до того я служил и по гражданской»^{416}. Таким образом, 50-летие служения Михаила Семеновича отечеству на военном и гражданском поприщах, исполнившееся в 1848 году, петербургское начальство также проморгало.

Ходил слух, что в свой юбилей станет генерал-фельдмаршалом военный министр А. И. Чернышев. Это было бы очередным оскорблением для М. С. Воронцова, так как он имел большие основания для получения этого звания. В связи с возможным производством Чернышева Михаил Семенович писал Ермолову: «Ежели произведут мимо меня, то это будет для меня большая услуга: ибо

тогда могу и должен без всякого могущего быть упрека пойти на покой совершенный и тем продлить хотя немного жизнь, и то самым приятным и безукоризненным образом»^{417}. Чернышев не был произведен в генерал-фельдмаршалы, и у Михаила Семеновича не оказалось причины проситься в отставку.

В 1851–1852 годах М. С. Воронцов провел ряд военных операций за рекой Лабой, чтобы лишить непокорных горцев полей и сенокосов. А Шамиль из Дагестана отправился в Чечню. В начале 1852 года он собрал большие силы для осуществления своих планов. Начальник левого фланга А. И. Барятинский, противодействуя мюридам Шамиля, с 12 тысячами воинов сумел покорить большую часть Чечни. Но небольшой русский отряд, направлявшийся к занятому горцами аулу Гурдалы, натолкнулся на главные силы Шамиля и вынужден был отступить. Шамиль, ободренный успехом, решил совершить набег на Сунжу, разорить мирные аулы и угнать побольше скота. Планы Шамиля стали известны А. И. Барятинскому, и он ударил по войску имама всеми имевшимися у него силами. Шамиль потерпел полное поражение. Русским оставалось овладеть переправой на реке Мичик. Эта река была последней преградой в наступлении на Чечню.

А. И. Барятинский направил небольшой отряд к переправе через реку, а главные силы без боя овладели перевалом через Качкалыковский хребет. Этим силам также предстояло форсировать Мичик, на противоположном берегу которого находилось войско Шамиля — 8,5 тысяч конницы и 12 тысяч пехоты. По штурмовым лестницам и канатам взбирались егеря на неприступный берег Мичика, втаскивая на своих плечах горные орудия. А в это время другой отряд переправился выше по течению в незащищенном месте и внезапно напал на правый фланг горцев. Мюриды

Шамиля, атакованные с двух сторон, в панике разбежались, понеся огромные потери. Кавалерия гнала неприятеля до самых гор.

Войско Шамиля потеряло убитыми пятьсот человек. Потери Барятинского составили 11 раненых. В донесении М. С. Воронцова военному министру говорилось: «Эти важные результаты достигнуты с самой малой с нашей стороны потерей <...> благодаря распоряжениям генерал-адъютанта кн. Барятинского и мужеству войск, которые нигде не давали неприятелю времени останавливаться»^{418}.

После этого разгрома положение Шамиля оказалось безвыходным. Войну на Кавказе можно было считать закончившейся. Однако начавшаяся вскоре Восточная (Крымская) война 1853–1856 годов стала спасением для имама. Возвратившись в свою резиденцию в Ичкерии, Шамиль объявил, что турецкий султан призывает всех мусульман Кавказа к священной войне с Россией. Имаму удалось собрать под свое знамя около 15 тысяч человек. С этим войском он надеялся пробиться к Тифлису, чтобы соединиться с турецкой армией и одержать верх над гяурами-русскими.

М. С. Воронцов не был поставлен в известность о возможном разрыве с Турцией, поэтому настоящей подготовки к войне с южным соседом не велось. Имевшиеся на границе воинские соединения были плохо вооружены. Переправленная вскоре на судах из Севастополя 13-я дивизия не могла обеспечить полную защиту границы. А турки, готовясь к войне, сосредоточили у Карса 40 тысяч пехоты и 46 орудий. В другом турецком отряде было 18 тысяч.

На побережье Черного моря у границы с Портой находился пост Св. Николая. Он представлял собою несколько десятков деревянных домов, карантинно-таможенную заставу и склад с провиантом. Для

укрепления защиты поста сюда 11 октября прибыли 255 человек пехоты и две сотни гурийской милиции.

В ночь с 15 на 16 октября турки внезапно напали на этот пост. Его защитники оказали противнику отчаянное сопротивление. Но с турецкой стороны к посту двигались новые и новые толпы. Турки не раз бросались в шашки и в кинжалы, а защитники отвечали штыковой атакой. Смогли вырваться из окружения и спастись лишь 24 рядовых и 3 офицера — почти все израненные.

Первоначально многотысячной армии турок противостояли небольшие гарнизоны приграничных городов и селений. Но вскоре в войну с турками вступили части регулярной армии и ополченцы. 1 ноября генерал Ковалевский с 4 батальонами заставил турок отступить от Ахалциха. 6 ноября тифлисский военный губернатор генерал-лейтенант князь Андронников, не имея ни артиллерии, ни кавалерии, атаковал превосходящие силы противника. Турки не выдержали стремительной штыковой атаки и бежали. В сражении 14 ноября князь Андронников одержал еще одну победу. Победителям достались 12 полевых и 2 горных орудия, артиллерийские парки, 120 пленных и множество знамен, штандартов и значков. 19 ноября турки были разгромлены князем Бебутовым в сражении при Башкады-Клар.

Турки не смогли одержать на Кавказском фронте ни одной значительной победы. Они не прорвались к Тифлису и не объединились с войском Шамиля, двигавшемуся им навстречу. Положение на фронте более или менее стабилизировалось. Крымская война 1853–1856 годов на несколько лет отсрочила окончательное поражение Шамиля. Но могущество и военные победы имама остались в прошлом.

Глава XXV

ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ — УМИРОТВОРЕНИЕ

Современный российский политик Рамазан Абдулатипов пишет, что некоторые ученые и публицисты «вновь пытаются убедить нас, что Ермолов — главный герой Кавказской войны». «Не отрицаю, что это был жестокий, умелый полководец, — пишет он, — но он оказался не очень искусным политиком, иначе не повел бы себя как завоеватель, не уступавший порой своими методами турецким султанам и иранским шахам. И соответственно довел народы Кавказа до отчаяния, до войны. А Кавказ все же — это край дипломатии, а не войны»^{419}.

Нет необходимости останавливаться на характеристике А. П. Ермолова, данной автором, но несомненно, что «проконсулу Кавказа» военные действия были ближе, чем дипломатия. Однако другой главнокомандующий, М. С. Воронцов, был и искусным политиком, и искусным дипломатом. (Рамазан Абдулатипов почему-то не упоминает о нем.)

Политика, проводившаяся М. С. Воронцовым на Кавказе, свидетельствует о том, что он считал главным — установление мира в этом регионе. Военные действия имели для него подчиненное значение. Там, где можно было обойтись без них, М. С. Воронцов предпочитал не воевать, а вести мирные переговоры. Когда переговоры заканчивались договоренностью, наместник становился для жителей этого района защитником их интересов.

М. П. Щербинин, бывший долгие годы личным секретарем Воронцова (и к тому же его родственник) лучше многих был осведомлен о взглядах наместника:

«Князь Воронцов действительно признавал главнейшею своею задачею установление гражданского порядка в Кавказском крае». Если А. П. Ермолов и другие командующие Кавказским корпусом ставили перед собой целью покорить горцев огнем и мечом, то Воронцов ставил на первое место «нравственное покорение» народов Кавказа. «Все его усилия клонились к уничтожению розни, существовавшей между Русскими и туземцами, — писал Щербинин, — к слиянию их, к вкоренению в разнородных и разноплеменных обитателях обширной страны верования, что все они дети одной общей матери России, принявшей их под свою сень; все, равно любимые Царем, — его подданные; к водворению в них непоколебимого сознания, что порядок и законность одни могут обеспечить их собственное благосостояние; к распространению просвещения; привитию любви к науке и всему изящному; оживлению торговой деятельности и сельской промышленности; к разработке обильных источников богатства, коими природа столь щедро наградила земли, лежащие между морями Черным, Каспийским и Азовским»^{420}.

М. С. Воронцов пришел на Кавказ не как покоритель, а как примиритель этого многострадального края. Как командующий Кавказским корпусом он вынужден был воевать и разрушать. Но как наместник, он охотно переходил от военных действий к мирным переговорам, как только появлялась такая возможность. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы навести порядок в органах гражданского управления. Ведь установить порядок в гражданских делах наместничества было значительно труднее, чем в военном деле. Чиновничество в массе своей отличалось и вороватостью, и мздоимством, и заносчивым отношением ко всем, кто от них зависел. Честных и благородных были единицы. Но не усовершенствовав

органы гражданского управления, нельзя было достичь главной цели — умиротворения Кавказа.

Для того чтобы злоупотребления чиновников не оставались безнаказанными, наместник приказал повесить на доме в Тифлисе, где располагалась его канцелярия, желтый ящик. Любой мог опустить в ящик жалобу на противозаконные действия того или иного чиновника. Зачастую Воронцов сам разбирался в жалобах и вершил скорый суд. Михаилу Семеновичу как-то указали, что принятое им решение противоречит закону. Он ответил: «Если бы здесь нужно было только исполнять законы, Государь прислал бы сюда не меня, а Полный Свод Законов»^{421}. В том случае, когда, по его мнению, закон не отвечал интересам дела или справедливости, он не находил нужным считаться с ним.

Когда-то, командуя 12-й дивизией, М. С. Воронцов требовал, чтобы солдат наказывали только по закону, а не по своеволию командиров. Теперь же он сам стал судить по своеволию, а не по законам. Однако между офицерами, избивавшими солдат, и им было существенное различие. Офицеры поступали своевольно, не разбираясь, виновен или не виновен солдат. Он же своевольно принимал меры по отношению к явным ворам, взяточникам, грабителям и иным преступникам. Михаил Семенович отказывался судить преступников по законам лишь потому, что законы противоречили один другому, что они были несовершенны, отставали от требований времени. Он считал, что его совесть, его следование христианским заповедям — лучшая защита для правых и лучшая основа для приговора неправым.

«Слышу, что гражданское управление истощает даже твое ангельское терпение и что занятия твои непрерывны, — пишет А. П. Ермолов Михаилу Семеновичу. — Жалею о тебе, но утешаюсь, слыша, что

мошенники и плуты боятся тебя как грозного призрака»^{422}.

Конечно, в ящике оказывались не только справедливые жалобы, но и поклепы, и доносы на честных людей. И не всегда Воронцов был прав в своих скорых приговорах. Но существование желтого ящика и возможность быть разоблаченными заставляли чиновников быть осторожными в своих действиях, заставляли бояться неизбежного осуждения и наказания.

На многонациональном Кавказе национальный вопрос всегда стоял остро. Немало приказов и распоряжений наместника были направлены на развитие дружеских отношений между русскими и местными жителями, на обеспечение равных прав всем народам.

Перечислю наиболее важные постановления М. С. Воронцова по национальному вопросу. 1845 год — Указ о воспитании уроженцев Закавказья в любых учебных заведениях государства. 1846 год — Положение о меновой торговле с горцами на Кавказской линии. Учреждение комиссии для рассмотрения прав лиц на получение княжеского достоинства и дворянства. 1847 год — Положение об управлении калмыкским народом. 1848 год — Указ о постоянном обучении в Санкт-Петербургском Технологическом институте и в ремесленном учебном заведении Московского воспитательного дома двух уроженцев Закавказья. Принятие на излечение больных горцев в полковые и батальонные лазареты за казенный счет. Предписание наместника о приеме на воспитание детей горцев в пансионы Екатеринодарской и Ставропольской гимназий за казенный счет. 1850 год — Положение об устройстве в Закавказском крае мусульманских училищ. 1853 год — Положение о размежевании земель Кавказского линейного казачьего войска и мухаммеданских народов

в Ставропольской губернии. 1854 год — Указ о порядке производства и решения дел по разделу имений между жителями края мухаммеданского исповедания.

Учел Михаил Семенович и то, что некоторые родители-мусульмане могут не захотеть, чтобы их дети учились вместе с детьми из христианских семей. Для этих детей в Тифлисе, Дербенте, Шуше и Елизаветполе были открыты училища Алиевой и Омаровой сект.

М. С. Воронцов обратился к Николаю I с предложением законодательно закрепить потомственное владение землями высшим мусульманским сословием. И 6 декабря 1846 года император подписал рескрипт, в котором перечислены условия закрепления земель за ханами, беками, агаларами и другими лицами, чтобы «дать им средства быть полезными правительству». Благодаря этому решению местная знать стала союзницей М. С. Воронцова в проводимой им политике умиротворения Кавказа.

Кроме того, М. С. Воронцов последовательно выступал за веротерпимость. В частности, он принял ряд мер, направленных на защиту прав раскольников. Раскольники, переселившиеся на Кавказ, получили при нем льготы на выплату податей и исполнение повинностей. В дальнейшем им было разрешено жить на всей территории Кавказа, кроме Тифлиса.

Большая часть народов на Кавказе была мусульманами. До них, конечно, дошел слух о том, как уважительно относился М. С. Воронцов к вере крымских татар. Таким же благожелательным было отношение наместника и к мусульманам на Кавказе. Отстаивая свою политику по отношению к мусульманам, он писал Николаю I: «То, как мусульмане мыслят и относятся к нам, зависит от нашего отношения к их вере не меньше, чем от событий в Дагестане»^{423}.

В то же время М. С. Воронцов решительно выступал против мусульманского фанатизма. В одном из своих предписаний командующему Кавказской линии он пишет, что из Турции и Персии на Кавказ проникли так называемые мусульманские проповедники. Но они «проповедают не столько настоящую, простую веру магометанскую, как какой-то мюридизм или фанатизм с намерением приготовить покорных доселе магометан к восстанию против нашего правительства». «Вам хорошо известны мнения и правила мои насчет веротерпения, — продолжает он, — и я знаю, что вы сами, так же как я, почитаете нашим долгом ни в чем не мешать вероисповеданиям разных подданных Его Величества в здешнем крае, избегать прозелитизма и не позволять распространиться слуху, что мы хотим обращать мусульман в христиан»^{424}.

М. С. Воронцов был истинно верующим человеком, поэтому он не считал, что есть правильные религии, например, православная религия, и есть религии ложные, что есть верования, угодные Богу, и есть верования заблуждающихся. Противопоставление одних религий другим ведет к вражде между народами, к невозможности умиротворения. Без настоящей веротерпимости невозможно достичь прочного мира. Но как христианин, он не мог не заботиться о распространении и укреплении на Кавказе православной веры. В том же предписании командующему Кавказской линии говорилось: «Но с другой стороны мы должны: 1. защищать христиан от опасности превращения в исламизм, 2. стараться, сколько можно, чтобы в духе и правилах магометан не вкрались и не умножились чувства ненависти к нам и склонности к мюридизму»^{425}.

М. С. Воронцов был уверен в «превосходстве нашей святой веры перед всеми другими». Но это превосходство, считал он, должно проявляться не в

нападках на другие религии, а в поступках, в поведении человека как истинного христианина.

Для распространения православия на Кавказе и подготовки священнослужителей в 1846 году в Ставрополе была открыта духовная семинария. В 1854 году был издан указ об изменениях в управлении церковными имениями в православной Грузии.

М. С. Воронцов поддерживал дружеские отношения с наиболее авторитетным церковным деятелем на Кавказе патриархом всех армян Нерсесом V. Во время осады Гянджи в декабре 1803 года поручик Воронцов и архимандрит Нерсес жили в одной палатке. В 1827 году архиепископ Нерсес был переведен на пост епархиального начальника в Бессарабии.

На соборе 1843 года Нерсес был избран патриархом всех армян. В декабре 1845 года Нерсес приехал в Тифлис и жил здесь до конца весны следующего года. Почти каждый вечер его можно было видеть в доме М. С. Воронцова. Во время бесед наместник и патриарх обсуждали возможности достижения мира на Кавказе.

Одним из оснований умиротворения Кавказа должно было стать экономическое развитие региона, поэтому М. С. Воронцов экономическим вопросам уделял не меньшее внимание, чем вопросам военным и политическим. При этом он опирался на опыт хозяйственного развития Новороссии и Бессарабии.

Воронцов способствовал распространению виноградарства и садоводства. Закупил тонкорунных овец. Проводил соревнования между местными плугами и привезенными из Одессы. Занимался орошением полей — по его распоряжению бурились артезианские колодцы. Благодаря этому ожила обширная безводная Мугабская степь. При его участии было создано Кавказское общество сельского хозяйства.

Наместник поощрял развитие местных ремесел. В Тифлисе была открыта большая выставка, на которой

демонстрировались ремесленные и фабричные изделия, а также образцы добываемых на Кавказе минералов. В Алагире заработал серебряно-цинковый завод. В разных районах Кавказа были разведаны месторождения каменного угля и началась его добыча. О том, какое значение придавалось поискам новых месторождений каменного угля, свидетельствуют такие слова А. П. Ермолова: «Если бы удалось открыть уголь в Казыкумыхе, то это было бы лучше золотых приисков»^{426}.

Развитию сельскохозяйственного и промышленного производства сопутствовало расширение торговых связей. Строились новые дороги и мосты через реки Терек и Куру. В 1845 году открылся порт в Новороссийске, а в 1848 году был основан город Ейск, где вскоре появились порт и таможенная застава, куда пришел первый иностранный корабль, греческий, с грузом разнообразных товаров. Началось регулярное пароходное сообщение между портами Крыма и Кавказа. Было принято несколько постановлений для облегчения перевозки товаров по Кавказу и транзитом через Кавказ. В городах Елизаветполе и Александрополе стали проводиться ежегодные ярмарки.

Позаботился наместник и о том, чтобы в Тифлисе не было нищих. Для тех, кто по увечью или дряхлости «не в состоянии снискать средства к жизни собственными трудами», при городской больнице была открыта бесплатная столовая.

Для улучшения управления огромной территорией Предкавказья и Кавказа Кавказская область была преобразована в Ставропольскую губернию. В дальнейшем были учреждены Дербентская и Кутаисская губернии, а в 1849 — Эриванская губерния. Развивалась почтовая связь. Были разработаны правила заселения земель на северо-восточном побережье Черного моря и размежевания земель Черноморского казачьего войска, а также положения о суде и адвокатуре.

В 1842 году Николай I распорядился провести на Кавказе триангуляцию для последующего размежевания земель.

Вскоре ему доложили, что триангуляция завершена. В действительности же эта работа была отложена главнокомандующим А. И. Нейгардтом «во уважении особых военных обстоятельств за Кавказом». Лишь при М. С. Воронцове начальник топографической службы Отдельного Кавказского корпуса полковник И. И. Ходзько составил проект и смету на проведение триангуляции. Николай I утвердил проект и смету, и работы начались.

Триангуляционные работы велись в горах на высоте до 5 километров. Здесь было много ущелий, ледников, рек, густых лесов и почти отсутствовали дороги. Работа топографов и геодезистов осложнялась военными действиями, а порой и враждебным отношением к ним местного населения. Однако триангуляция была выполнена в срок и с высоким качеством. Она продолжалась с весны 1847 по декабрь 1853 года.

По предложению М. С. Воронцова в августе 1850 года было осуществлено восхождение на Большой Арарат. Члены экспедиции провели на вершине горы на сильном ветру 6 дней, проделав все необходимые наблюдения. Они установили на вершине крест с медной табличкой, на которой была выгравирована надпись: «1850 года 6(18) августа в благополучное царствование императора Николая I при Кавказском Наместнике князе Воронцове взошли на Арарат начальник триангуляции И. И. Ходзько, Н. В. Ханьков, П. А. Александров, А. Ф. Мориц, П. К. Успар, П. И. Шароян и 60 нижних чинов». Сведения, полученные в ходе этой экспедиции, позволили создать единую сеть триангуляции в данном районе.

М. С. Воронцов был в хороших отношениях с персидским государем Магомет-Шахом. Он сумел

договориться с ним о проведении полевых геодезических работ на территории некоторых областей Персии. Это позволило закончить в 1853 году триангуляцию всего Закавказья.

Михаил Семенович помог организовать наблюдение астрономами 16 июля 1851 года полного солнечного затмения. Сопоставление данных, полученных астрономами на Кавказе, с результатами наблюдений в других странах позволило доказать, что корона и протуберанцы принадлежат самому Солнцу.

Наместник выступил инициатором создания на Кавказе отдела Российского географического общества. Он обсудил свое предложение с общественностью Тифлиса и отправил необходимые документы в Петербург. В 1850 году Николай I утвердил Положение о Кавказском отделе Российского географического общества и разрешил отпускать на его нужды по 2 тысячи рублей в год.

10 марта 1851 года в доме М. С. Воронцова в Тифлисе состоялось первое заседание Кавказского отдела Российского географического общества. Председателем отдела был избран Михаил Семенович, а его заместителем И. И. Ходзько. Был составлен обширный план работ отдела. При Воронцове была создана 10-верстная карта Кавказа на 25 листах, составлена и издана климатическая карта Кавказа, начата работа над специальной картой и описанием целебных источников и минеральных вод, была впервые определена разность уровней Черного и Каспийского морей.

М. С. Воронцов и на Кавказе продолжил просветительскую деятельность. Благодаря ему в регионе открылось несколько учебных заведений. В Екатеринодаре — Кубанская учительская семинария. В Тифлисе — учебное заведение Св. Нины. В Андрианополе — уездное училище. В Ставрополе — женский пансион;

женское училище Св. Александры. В Кутаиси — гимназия с пансионатом. В Эривани — женское благотворительное учебное заведение. В Баку — школа моряков. Открылось училище в Черноморском казачьем войске. Дирекция училищ Кавказа из ведомства Харьковского учебного округа перешла в подчинение кавказскому наместнику. Об открытии учебных заведений для народов Кавказа говорилось выше.

Как и прежде, М. С. Воронцов уделял большое внимание развитию культуры. При его участии были учреждены многие газеты: 1845 год — «Кавказ», 1846 год — «Закавказский вестник», 1848 — литературная газета «Арарат» на армянском языке, 1850 — «Ставропольские губернские ведомости». С 1847 года стал выходить многостраничный «Кавказский календарь». Вскоре печатной продукции стало выпускаться столько, что потребовалось создание цензурного комитета при Кавказском учебном округе.

При канцелярии наместника в 1846 году была открыта библиотека и нумизматическая коллекция. В дальнейшем публичные библиотеки были открыты в Тифлисе и Андрианополе. В Тифлисе был создан первый русский театр на основе ставропольской труппы. Здесь же стала давать спектакли итальянская опера.

Наместник прибегнул к проверенному в Одессе способу строительства общественных зданий на средства частных лиц. После окончания строительства эти здания арендовались городскими властями. Таким образом появились в Тифлисе здания театра, городской полиции, Совета главного управления Закавказским краем, Публичной библиотеки, типографии канцелярии наместника. В Кутаиси частными лицами были построены гимназия и здание для присутственных мест. В Эриване — здание для присутственных мест.

Улицы Тифлиса стали покрываться мостовыми, вдоль городской стены был разбит красивый бульвар.

Территория города быстро расширилась, а население за 15 лет увеличилось на 20 тысяч человек. Тифлис превращается в один из красивейших городов юга России. Слухи о созидательной деятельности М. С. Воронцова дошли до А. П. Ермолова. «Не стану говорить о созданном тобою Европейском Тифлисе, когда даже глухой и мрачный Владикавказ сделался красивым городом, охватившим оба берега Терека»^{427}, — писал ему Ермолов.

Через 50 лет после того, как закончилось наместничества М. С. Воронцова на Кавказе, на собрании Ставропольского губернского статистического комитета было заявлено: «Историку Кавказа, о чем бы он ни говорил в сфере экономического и духовного развития, пришлось бы неминуемо, прежде всего, помянуть имя того великого государственного мужа, деятельность которого была здесь более чем плодотворна, имя Михаила Семеновича Воронцова... Вряд ли на Кавказе и в Крыму есть город, где не было бы Воронцовского сада, бульвара, аллеи, Воронцовской улицы или площади, это имя вы встретите на юге почти везде. И это понятно. В течение всего 10 лет управления Кавказом (1845–1854 гг.) Воронцовым было сделано для него так много, что не только признательно чтить память этого незабвенного деятеля, но и изумляешься ему, когда вспомнишь, что Кавказ в его время далеко еще не был мирным»^{428}.

Современники М. С. Воронцова отмечали, что он мог бы сделать больше, если бы не противодействие его начинаниям правительства и императоров Александра I и Николая I. «Он истинно любил Россию, а южный край и Одессу, свое создание — в особенности, — писал декабрист Н. И. Лорер. — Веллингтон о нем справедливо отнесся, назвав звездой России. Но вмешательство правительства много мешало Воронцову в осуществлении его благих предначертаний и

намерений»^{429}. «Пеняют на Воронцова, что он был плохой администратор, — пишет Э. С. Андреевский. — Надо пенять не на Воронцова, а на железный век, в котором он жил. На всякую малость надо было ожидать разрешения из Петербурга; всякая инициатива частного лица считалась едва ли не бунтом»^{430}. И Михаилу Семеновичу приходилось «бунтовать», вызывая недовольство не только высшего чиновничества, но и императоров.

Можно сказать, что вся сознательная жизнь М. С. Воронцова была растянувшимся на пятьдесят с лишним лет сражением — сражением с внешними врагами России во всех войнах, которые вела страна в первой половине XIX века, и борьбой с бюрократией, с противниками прогресса внутри страны. «Главная заслуга Воронцова во все время его управления Новороссийским краем и Кавказом, — отмечает Э. С. Андреевский, — заключалась в том, что в продолжении без малого тридцати лет он был оживотворенною оппозицией) всего, что делалось в Петербурге под началом такого неукротимого автократа, каким был Государь Николай Павлович»^{431}.

Некоторые исследователи утверждают, что по своему воспитанию, по своим воззрениям М. С. Воронцов ближе к XVIII веку, чем к XIX-му. С этим нельзя согласиться. В действительности Воронцов опережал свое время. Многие его предложения были новинкой, их критиковали, но через некоторое время они становились общей нормой.

Глава XXVI

ФЕЛЬДМАРШАЛЬСКИЙ ЖЕЗЛ

21 октября 1851 года умер генерал от инфантерии П. С. Котляревский, боевой товарищ М. С. Воронцова во время службы в армии князя П. Д. Цицианова. Михаил Семенович посчитал необходимым оставить для потомков рассказ о жизненном пути прославленного воина и обратился к писателю графу В. А. Соллогубу с предложением написать биографию П. С. Котляревского. Соллогуб получил широкую известность как автор повести «Тарантас». В 1850 году он серьезно заболел. Врачи порекомендовали ему ехать за границу пить божественные воды. Но Соллогуб решил отправиться на Кавказ, куда его давно тянуло. По его словам, личность кавказского наместника князя М. С. Воронцова «много способствовала этому желанию посетить вверенный его управлению край»^{432}.

Желание В. А. Соллогуба исполнилось. Как чиновник министерства внутренних дел он был направлен в распоряжение Кавказского наместника для занятия статистическими и историческими исследованиями. В Тифлис он приехал в марте 1851 года. Работа над биографией П. С. Котляревского и должна была стать одним из важнейших исторических исследований писателя.

Книга графа В. А. Соллогуба «Биография генерала Котляревского» вышла в 1854 году. Она была напечатана в Тифлисе в типографии канцелярии наместника. Впоследствии Соллогуб написал весьма достоверные и интересные воспоминания. Одна из глав воспоминаний посвящена его службе на Кавказе. В ней он дает самую высокую оценку талантам и нравственным качествам М. С. Воронцова.

С лета 1851 года М. С. Воронцов стал часто и подолгу болеть. Ему становилось все труднее выполнять обязанности командующего корпусом и наместника. Для дальних поездок он вынужден был сменить верховую лошадь на дормез. И всегда рядом с ним была Елизавета Ксаверьевна. В пути она читала ему газеты. У нее тоже ослабели глаза, и приходилось пользоваться очками.

К началу 1853 года болезнь оставила на время наместника, но прежние силы не вернулись. В конце 1853 года он решил проситься в отпуск. В связи с началом Крымской войны и осложнением обстановки на Кавказе Михаил Семенович не стал добиваться полной отставки, но понимал, что от дел придется отойти. Он чувствовал себя «умершим раньше смерти». Бессилие, невозможность исполнять свой долг были для него той же смертью.

«Покой или навсегда, или на время мне необходим, — писал он А. П. Ермолову. — Я чувствую, что многие за это меня будут бранить, удивятся, что в такое время оставляю службу, и будут это приписывать разным выдуманым причинам; но дело само по себе простое: силы у меня для такого дела совершенно исчезли, не могу теперь с пользой продолжать и должен необходимо отдохнуть»^{433}. И не мудрено, ведь ему пошел восьмой десяток.

Летом 1853 года М. С. Воронцов остался без начальника штаба. Тот тоже заболел. «И мне осталось только воспользоваться дружеским предложением князя Барятинского принять на себя должность начальника штаба; он уже ее принял предварительно, и об утверждении уже писано в Петербург»^{434}, — написал он Ермолову. Назначение А. И. Барятинского было утверждено 9 октября.

В прошлом А. И. Барятинский несколько лет состоял при наследнике великом князе Александре Николаевиче. Но светская жизнь стала ему в конце концов в тягость, и

он попросился в 1845 году на Кавказ. Командуя батальоном Кабардинского полка, он участвовал в Даргинском походе и в овладении Андинскими высотами.

В 1847 году Барятинский был назначен командиром Кабардинского полка. На свой счет одним из первых он вооружил полк штуцерами (нарезными ружьями).

В 1850 году Барятинский оказался в немилости у государя. Однако вскоре снова попал к цесаревичу и сопровождал того в поездке по Кавказу. Завершилась эта поездка назначением его командиром Кавказской гренадерской дивизии.

М. С. Воронцов отметил, что назначение А. И. Барятинского начальником его штаба тем более выгодно для него, что его сношения с «Барятинским самые дружеские и откровенные, что всегда необходимо между начальником войск и начальником штаба и что 8-милетняя отличная его служба здесь со мною дала ему полный опыт в здешних военных делах и общую к нему доверенность»^{435}.

Указ об увольнении М. С. Воронцова на шесть месяцев в отпуск «для поправления расстроенного здоровья» Николай I подписал 1 марта 1854 года. До отъезда на лечение за границу Михаил Семенович обратился к профессору Одесского Ришельевского лицея Н. Н. Мурзакевичу с просьбой принять меры для спасения архива из-за возможного обстрела города английскими или французскими боевыми кораблями. В письме говорилось: «Любезный Николай Никифорович! Княгини воображению представляется, что в Одесском доме нашем может случиться пожар, первую жертвою коего будут наши фамильные бумаги и манускрипты, имеющие столько исторического значения, и потому желает, чтобы все это было сложено в особые ящики и поставлено в безопасной от огня части дома»^{436}.

17 ящиков с наиболее ценными рукописями были опущены в подземное убежище. Прочие же богатства дома — библиотека, картины, серебро и многое другое — оставались на своих местах. «Просвещенный вельможа не дорожил убытком свыше чем на миллион руб. сер., но спасал сокровища истории и науки с свойственным ему великодушием»^{437}, — заметил Н. Н. Мурзакевич.

14 апреля англо-французская эскадра начала бомбардировку Одессы. Сотни ядер пронеслись над Воронцовским особняком. Несколько ракет попали на его территорию. Занялся сеновал, но огонь быстро потушили. После ухода с одесского рейда неприятельских кораблей ящики с рукописями были перевезены в Мошны, а позже возвращены в Одессу.

В мае 1854 года супруги Воронцовы покинули Кавказ. В июне они приехали в Дрезден, где Михаил Семенович стал лечиться у известных немецких врачей. В августе-сентябре Воронцовы жили в Голландии. Здесь Михаил Семенович узнал о пленении горцами княжон из семьи князя Чавчавадзе. Он был готов послать несколько тысяч рублей, если горцы потребуют выкуп.

В Голландию повидаться с Михаилом Семеновичем и Елизаветой Ксаверьевной приезжает из Англии Екатерина Семеновна Пемброк с дочерьми и внуками. Михаил Семенович был бесконечно рад этой встрече. Он уже не верил, что когда-нибудь сможет увидеться с сестрой и ее детьми.

Михаил Семенович не терял надежды, что после лечения они с женой снова поедут в Грузию, в Тифлис. Но здоровье не улучшалось, и пришлось остаться на зиму в Дрездене. А из России приходили печальные известия. Неприятель был в Крыму, в Алушке, осадил дорогой Михаилу Семеновичу Севастополь.

С началом строительства в 1841 году Николаевской железной дороги от Петербурга до Москвы некоторые

влиятельные лица, в том числе и М. С. Воронцов, предлагали проложить эту линию до берегов Черного моря. Если бы эта дорога была построена, то к осажденному Севастополю в короткий срок можно было бы перебросить подкрепление, и враг был бы разбит. А весьма возможно, что при наличии этой дороги англичане и французы вообще не осмелились бы отправить свои войска в Крым на верную гибель. И переживания от упущенной возможности и от неудач в Крымской войне не замедлили сказаться на самочувствии М. С. Воронцова.

Среди защитников Севастополя был и С. М. Воронцов, сын Михаила Семеновича. Огорченный положением на Кавказе и в Крыму, Михаил Семенович писал А. П. Ермолову: «Теперь к этому присоединилось и беспокойство на счет сына моего. Но на все Божья воля; он исполнил долг свой, когда просился в самое опасное место, и так как я уже совершенно неспособен для какого-нибудь дела, он меня заменяет в исполнении в сию критическую минуту священного долга каждого Русского»^{438}.

11 октября 1854 года Михаил Семенович отправил письмо Николаю I, в котором говорил, что хотел осенью вернуться к своим служебным обязанностям, но здоровье его не укрепилось. Он остался «совершенно неспособным для какой бы то ни было службы». «Жертва жизни, — продолжал он, — для меня ничтожна, но служить в тех званиях, которые я ношу, было бы теперь не только бесполезно, но и крайне вредно»^{439}. А поэтому он попросил уволить его от должностей военной и гражданской как на Кавказе, так и в Новороссийском крае и Бессарабии. Император удовлетворил просьбу Михаила Семеновича, оставив его своим генерал-адъютантом и членом Государственного совета.

В письме к А. П. Ермолову Михаил Семенович подвел итог своей последней службы: «Меня привыкли везде видеть на Кавказе готовым быть везде и подавать везде пример, и до 1851 года, когда болезни начали меня одолевать, несмотря на все труды и походы, я еще не чувствовал признаков старости и ездил верхом, как молодой человек и ежегодно показывался, а иногда и два раза в год, во всех частях края, от Ленкорани до Анапы и от Эривани до Кизляра. Теперь я уже на это не способен, и я должен был решиться на увольнение от службы, которую, как я выше сказал, я уже не могу продолжать с честью для себя и с пользой для края». И далее: «Совесть моя чиста во всем, и прежняя более нежели полувековая моя служба должна удостоверить всякого беспристрастного человека, что я бы не удалился, особенно в теперешнее критическое время, от трудов и ответственности без настоящей совершенной необходимости»^{440}.

После получения им отпуска командование Кавказским корпусом было возложено на Н. А. Реада, состоявшего при нем с 1851 года. В сентябре 1854 года М. С. Воронцов пишет А. И. Барятинскому: «По всему, что мы получаем из Тифлиса, узнаем с радостью, что генерал Реад сумел снискать уважение и общую симпатию и видим, насколько он счастлив, что после моего отъезда не была послана туда некоторая личность, которая не сумела бы понять ни людей, ни дел Кавказа и захотела бы все переделать на свой образец и произвести всякие перемены, чтобы только показать, что она могла бы лучше все сделать, чем тот, кто был раньше его»^{441}.

Эта «некоторая личность» — генерал-адъютант, генерал от инфантерии Н. Н. Муравьев, воевавший на Кавказе в 1826–1827 годах. Надежда Михаила Семеновича не оправдалась. Именно Н. Н. Муравьев был назначен 29 ноября 1854 года заместником и

командующим Кавказской армией. «Теперь только остается просить Бога, чтобы генерал Муравьев с успехом и счастливо занимал важный пост, ему назначенный, — пишет М. С. Воронцов М. П. Щербинину. — Это хороший воин и, без сомнения, человек с талантом. Лишь бы он умел уладить со всеми служащими под его начальством». Из другого письма Щербинину: «Судя по тому, что мне пишут из Петербурга, Муравьев отправился с добрыми намерениями и предположениями для управления края»^{442}.

Н. Н. Муравьев питал надежду стать наместником на Кавказе еще в 1844 году. С тех пор в течение одиннадцати лет он следил за деятельностью на Кавказе М. С. Воронцова и не одобрял ее. А. Л. Зиссерман, много лет прослуживший на Кавказе, называет нового командующего одним из лучших, образованных генералов. Но в то же время он отмечает в нем крупный недостаток — некоторую «отсталость от духа времени и упорство во взглядах, не соответствующих изменившимся условиям»^{443}. Поэтому Муравьев и не мог ни понять, ни правильно оценить действия М. С. Воронцова, опережавшего время.

В феврале 1855 года Н. Н. Муравьев написал А. П. Ермолову письмо, получившее широкую известность. В нем он резко критикует деятельность М. С. Воронцова на Кавказе. Письмо быстро разошлось по стране в многочисленных списках. Распространению письма способствовал скорее всего сам Муравьев.

Н. Н. Муравьев не случайно адресовал это письмо А. П. Ермолову. Он видел в Алексее Петровиче своего единомышленника. И оба они не поспевали за временем. Потому Ермолов и спорил с убегающим вперед Воронцовым. Но, несмотря на споры, Алексей Петрович и Михаил Семенович оставались друзьями. К тому же за годы их дружбы у Ермолова было много случаев

убедиться, что друг его оказывался прав. Так что вряд ли Алексей Петрович согласился с критикой Муравьева. И уж во всяком случае, он не стал способствовать распространению этого письма, как считает кое-кто из исследователей.

Знакомство с положением дел на Кавказе Н. Н. Муравьев начал с осмотра Кубанской линии. Потом он объехал левый фланг и из крепости Воздвиженской отправился в Грозный. Новый командующий был разгневан увиденным. В пресловутом письме он противопоставляет действия Ермолова в бытность его пребывания на Кавказе действиям Воронцова и доказывает пагубность последних.

«В углу двора обширного и пышного дворца, в коем сегодня ночью, — пишет Муравьев, — стоит уединенная, скромная землянка ваша, как укоризна нынешнему времени. Из землянки вашей, при малых средствах, исходила сила, положившая основание крепости Грозной и покорению Чечни. Ныне средства утроились, учетверились, а все мало да мало! Деятельность вашего времени заменилась бездействием; тратящаяся ныне огромная казна не могла заменить бескорыстного усердия, внушенного вами подчиненным вашим для достижения предназначенной вами цели. Казна сия обратила грозные крепости ваши в города, куда роскошь и удобства жизни привлекли людей сторонних (женатых), все переменялось, обустроилось; с настойчивостью и убеждением в правоте своей требуют войск для защиты; войска обратились в горожан, и простота землянки вашей не поражает ослабевших воинов Кавказа, в коих хотя дух и не исчез, но силы стали немощны».

«Такое состояние дел, конечно, подало повод и к частным злоупотреблениям начальников; хоть солдата не грабят, но пользуются трудами его, как работою тяглового крестьянина, состояние, которое солдат

предпочитает строевой службе. Посудите, каково мое положение исправить, в короткое время, беспорядки, вкоренившиеся многими годами беспечного управления, а в последнее время и совершенным отсутствием всякой власти и управления!»^{444}.

Многие на Кавказе были возмущены этим письмом. Новый командующий, говорили они, почти ничего не увидел и не узнал, а уже постарался облить грязью тех, кто жертвовал жизнью во имя отечества. Наиболее ярко общее негодование выразил в ответном письме кавказский офицер подполковник князь Дмитрий Святополк-Мирский.

«Мы не обманывали Россию в течение четверти века, — писал он, — она смело может гордиться нами и сказать, что нет армии на свете, которая переносила бы столько трудов и лишений, сколько кавказская! Нет армии, в которой бы чувство самоотвержения было бы более развито; здесь каждый фронтовой офицер, каждый солдат убежден, что не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра, он будет убит или изувечен... а много ли в России кавказских ветеранов? Их там почти нет, кости их разбросаны по целому Кавказу!»

«Кавказский солдат, — читаем дальше, — работает много и отстаёт от фронтового образования, но он не «тягловый крестьянин», потому что он трудится не для частных лиц, а для общей пользы. Вместо денежного капитала употребляется капитал его сил и способностей; он расходует силы эти и пот свой для сбережения государственной казны, если это дурно — не мы в этом виноваты. Что же касается до вопроса землянок и дворцов, то не нам, темным людям, ее разрешать; помню только, что когда меня учили истории, я видел в ней, что завоевание земель и особенно упрочивание оных не делалось всегда одною силою оружия, и что постройка великолепных зданий и

распространение цивилизации часто к этому способствовали»^{445}.

Критику в адрес М. С. Воронцова Н. Н. Муравьев дополнил «наведением порядка», как он его понимал, в армии и в гражданских делах. О том, что это был за порядок, пишет А. Л. Зиссерман: «Молчать, дрожать, не рассуждать, ни о чем не думать кроме службы (в ограниченном смысле слова), жить чуть не аскетами, на награды и повышения не рассчитывать, одним словом — превратиться в какой-то суровый легион спартанцев, окруженный мрачным, серым миром, без малейшей улыбающейся надежды впереди — вот, казалось, что желал генерал Муравьев сделать из кавказской армии, этой веселой, поэтической, беззаботной, полной одушевления, жаждавшей сильных ощущений армии, окруженной прекрасною, южною, солнечною природой, шумными потоками, живописными ущельями! Смеющийся Кавказ превратить в угрюмую Новгородскую губернию!»^{446}.

А. П. Берже, служивший с 1851 года в канцелярии М. С. Воронцова, дополняет Зиссермана в характеристике Муравьева: «Мне привелось быть свидетелем перелома, составляющего одну из самых грустных страниц в новейшей летописи Кавказа». «На общество произвел тяжелое впечатление и личный характер Муравьева, в особенности же его недоверчивость, придирчивость и крутое обращение, которому, за немногими исключениями, подвергались все, приходившие с ним в какое-либо соприкосновение». И далее: «Князь Михаил Семенович, как известно, не был взыскателем относительно парадной формы; гражданские мундиры, особенно низших классов, были у нас в его время большою редкостью. Накануне же приезда Муравьева вопрос этот сделался чуть ли не жизненным вопросом. Чиновники всех рангов и степеней, как угорелые, бросились во все стороны: кто

приобретал мундир у портных-торгашей, кто нарочно его заказывал; трети, наконец, обеспечивались на этот счет обещанием знакомого, так как чиновники разных учреждений представлялись не вдруг. При этом, в обуявшей всех суматохе, не принималось в соображение, приходится ли мундир по росту и какой должности или ведомству он был присвоен. В виду всего этого, картина вышла не без комизма»^{447}. Академик Бэр назвал Муравьева вандалом, «применяя это слово как к его личности, так и к системе его управления»^{448}.

При Муравьеве многие офицеры стали покидать Кавказ. А. И. Барятинский также не захотел оставаться с новым командующим. А Муравьев, естественно, не хотел видеть его рядом с собой в должности начальника штаба.

Барятинский был озабочен отправкой с Кавказа своей огромной библиотеки. Муравьев, узнав об этом, сказал ему: «Напрасно вы отправляете вашу библиотеку; ведь вы, по всей вероятности, скоро возвратитесь сюда на мое место»^{449}. Видимо, новый командующий чувствовал шаткость своего положения.

В мае 1855 года просьба А. И. Барятинского об увольнении от службы была удовлетворена. За несколько дней до отставки Барятинский отправляет с оказией письмо М. С. Воронцову, в котором поделился своими мыслями о Муравьеве: «Я полагаю, что генерал Муравьев предан пользам страны и что он приехал сюда с наилучшими намерениями, но, к несчастью, неверно настроенный, очень предубежденный и под впечатлением завистливых убеждений, всегда стремящихся унижить истинную заслугу. Кажется также, что у него не достает такта, что о воспитании его мало заботились и что его развитие не стоит на высоте его положения: у него много деланного и мало естественного. От совокупности всего этого, разумеется,

он до сих пор не мог внушить никому никакой симпатии». «Правление здесь, — продолжает Барятинский, — можно смело назвать палочным, во всей его грубости, правление, которое подавляет все честные и хорошие чувства и которого не существует здесь уже давно».

Далее А. И. Барятинский пишет, что он принял должность начальника штаба у Михаила Семеновича только для того, чтобы помочь ему. А впоследствии, когда закончится война и установится мир, он хотел бы покинуть на некоторое время армию и посмотреть, не дадут ли ему место генерал-губернатора. Чтобы освоиться в гражданском управлении, продолжает он, «я был бы несказанно благодарен, если бы вы мне дали по этому поводу ваш совет. Вы мне всегда оказывали столько внимания, что я не боюсь быть нескромным, прибегая к вашей опытности и прося вас не оставить меня вашими советами»^{450}. Но Александр Иванович не стал генерал-губернатором, и ему не потребовались советы Михаила Семеновича по гражданским делам.

Н. Н. Муравьев, вступив в должность, стал знакомиться с подчиненными ему чиновниками. Он спросил В. А. Соллогуба: «Вы автор «Тарантаса»?» — «Да, я», — ответил граф. «Ну, можете сесть в ваш тарантас и уехать», — заявил командующий. И Соллогуб присоединился к покидавшим Кавказ.

Н. Н. Муравьев, желая доказать свое превосходство над М. С. Воронцовым в военном деле, решил взять штурмом осажденную русской армией турецкую крепость Карс. Осада крепости длилась уже около пяти месяцев. Осажденные должны были вот-вот капитулировать, но командующий приказал штурмовать. Штурм провалился, при этом было убито и ранено у штурмовавших 2 генерала, 228 офицеров и более двух тысяч солдат. На второй штурм Муравьев не решился, а вскоре защитники Карса сдали крепость без боя.

Несмотря на проведение бессмысленного штурма крепости и понесенные при этом огромные потери, впоследствии он стал именоваться Муравьевым-Карским.

В конечном итоге Н. Н. Муравьев понял, что командование армией и наместничество на Кавказе оказались ему не по плечу, и послал в Петербург просьбу об отставке. 22 июня 1856 года просьба была удовлетворена.

Нельзя не отметить, что у Н. Н. Муравьева хватило мужества признать несправедливость своих нападков на М. С. Воронцова и на Кавказскую армию. А. Л. Зиссерман пишет: «Генерал Муравьев за обедом, который ему давали в Тифлисе в 1856 году, после увольнения его от должностей наместника и главнокомандующего, сознался в своей ошибке, сожалел о письме к Ермолову и отдал полную справедливость достоинствам Кавказской армии»^{451}.

22 июля 1856 года наместником и главнокомандующим Кавказской армии был назначен А. И. Барятинский. А за неделю до этого Барятинский написал Михаилу Семеновичу: «Я буду очень счастлив попасть туда, чтобы возобновить ваши учреждения и мудрые меры, вами заведенные; твердою целью моей службы будет поддерживать дух вашего управления, стремясь уничтожить все следы того, который нас разлучил. Жду также с нетерпением увидеть вас, надеюсь, вы не оставите меня вашими советами и наставлениями, на случай если я все же получу известное вам назначение»^{452}.

М. С. Воронцов с удовлетворением воспринял известие о назначении А. И. Барятинского: «Радуюсь от глубины души во имя той дружбы, которую я к вам питаю, за благо страны, передаваемой в ваше управление. Живо представляем себе радость, которая повсюду распространится, в особенности в Грузии и в

Тифлисе. Да поддержит Господь ваше здоровье для прекрасного поста, который вы займете и для которого вы так прекрасно подготовлены!»^{453}.

Храбростью и многими другими чертами Барятинский походил на Воронцова. Михаил Семенович видел в нем преемника, который «довершит то, что ему вероятно исполнить не суждено»^{454}. Так оно и произошло.

А. И. Барятинский оказался достойным продолжателем дела М. С. Воронцова. В 1859 году был пленен Шамиль. В награду за это Барятинскому было пожаловано звание гене-рал-фельдмаршала. Но генерал-фельдмаршал А. И. Барятинский не забыл о сделанном на Кавказе генерал-фельдмаршалом М. С. Воронцовым. «Мне досталась жатва Воронцовского посева»^{455}, — сказал он.

На родину, в Петербург, чета Воронцовых вернулась летом 1855 года. Здесь у Михаила Семеновича началась новая болезнь — катар, который, по его словам, совсем его измучил и обессилил. В августе Михаил Семенович и Елизавета Ксаверьевна узнали, что их сын Семен Михайлович, участвовавший в обороне Севастополя, был серьезно ранен во время осмотра порученной ему дистанции.

Кстати, в то время, когда С. М. Воронцов сражался с англичанами в Севастополе, военное министерство в Англии возглавлял его двоюродный брат Сидней Герберт. Сидней Герберт был неплохим, деятельным военным министром. Так распорядилась судьба двумя братьями, сделав их противниками.

18 ноября 1855 года состоялась встреча М. С. Воронцова с Александром II. В беседе с императором Михаил Семенович говорил о необходимости быстрого заключения мира с англо-франко-турецкой коалицией. При прощании Александр II обнял Михаила Семеновича, поблагодарил за

откровенность и сказал, что сделает все возможное для достижения мира.

В конце декабря 1855 года и в начале января следующего года М. С. Воронцов участвовал по приглашению императора в обсуждении проекта предварительных условий мира. Михаил Семенович доказывал, что как ни тяжелы предлагаемые условия мира, на них надо соглашаться. Продолжением войны не добиться уступок. Напротив, продолжая войну, Россия может лишиться Крыма, Кавказа, Финляндии и Польши. Лучше заключить мир сейчас, когда страна не истощила силы и способна на сопротивление.

18 (30) марта 1856 года мирный договор был подписан. Россия лишилась устья Дуная, ей было запрещено иметь военный флот на Черном море, и она должна была возратить туркам Карс.

Из Петербурга супруги Воронцовы уехали в Москву. Михаил Семенович надеялся принять участие в коронации Александра II. Однако мучительная лихорадка лишила его последних сил, и он вынужден был остаться дома. Перед коронацией домой к Михаилу Семеновичу пришли великие князья и вручили ему рескрипт императора и фельдмаршальский жезл. В рескрипте говорилось: «Князь Михаил Семенович! С сердечным умилением обзревая знаменитое служение ваше, Я возвел вас Приказом, сего дня отданным, в сан Генерал-Фельдмаршала. Назад тому более полувека вступили вы на поприще военное. Вам оно открыло путь к непрерывным отличиям в трудах боевых; на нем, поборая славе Российского оружия, стяжали вы незабвенную личную славу. Так, в 1803 году вы стали уже в ряды Армии, которая впоследствии, под вашим предводительством, переходя от победы к победе в Чечне, в Дагестане, на Кавказской линии и по всему Закавказью, являла собою пример высокой воинской доблести и устройства. В незабвенную Отечественную

Войну, начальствуя Гренадерскою Дивизиею и совершая с нею достохвальные подвиги геройской храбрости, вы кровию своею обагрили бессмертное поле Бородинское. В битвах 1813 и 1814 не менее дела ваши знамениты: они отмечены неизгладимою чертою в Истории войны, за освобождение Европы предпринятой. В 1828 году покорение крепости Варны знаменито довершило подвиги ваши в крае Задунайском, блистательное начало коих восходит к войнам 1809 и 1810 годов. В этом венце достохвальных дел верховное звание воинской почести вам принадлежит по праву.

Облекая вас оным в чувствах душевного уважения и признательности и препровождая при сем алмазами украшенный жезл, званию Генерал-Фельдмаршала присвоенный, пребываю к вам навсегда неизменно благосклонный Александр. Москва. 26 августа 1856 года»[{456}](#).

Свое последнее награждение Михаил Семенович получил на пороге смерти. В звании генерал-фельдмаршала он пробыл чуть больше двух месяцев.

5 октября 1856 года Елизавета Ксаверьевна привезла больного супруга в Одессу. «Мы благополучно приехали на прошлой неделе сюда, — писал Михаил Семенович из Одессы А. И. Бярятинскому, — и по отношению к моему здоровью я скорее выиграл, благодаря этому путешествию, чем потерял; но я все еще очень слаб и все надеюсь, что полный отдых, которым я пользуюсь здесь, и хороший климат Одессы, к которому я в течение стольких лет привык, принесут мне пользу. Я понемногу гуляю пешком и подолгу катаюсь в коляске»[{457}](#).

Михаил Семенович пригласил к себе Н. Н. Мурзакевича, который спасал его архив, и выразил ему искреннюю признательность. Он высказал надежду, что когда ему станет легче, они вместе займутся пересмотром и изданием важнейших документов. Но, к

сожалению, Михаилу Семеновичу не довелось испытать радость, увидев опубликованными наиболее ценные документы из его архива.

6 ноября с утра Михаил Семенович спросил, не приезжал ли преосвященник Иннокентий. «Никто не вник в точное значение слов, произнесенных самым непринужденным образом, — пишет Э. С. Андреевский, — но, видно, князь лучше всех нас постигал роковую важность наступившего для него утра»^{458}. 6 ноября 1856 года стало последним днем в жизни генерал-фельдмаршала.

По повелению Александра II военный министр подписал приказ, в котором говорилось, что по случаю кончины генерал-фельдмаршала князя Воронцова в ознаменование памяти к незабвенным заслугам его Престолу и Отечеству всем войскам сухопутного ведомства предписано носить трехдневный траур.

Во все дни до похорон М. С. Воронцова «с раннего утра и до поздней ночи траурная комната наполнялась густой толпой жителей Одессы всех сословий, всех вероисповеданий, всех возрастов, желавших поклониться гробу усопшего, выражавших скорбь свою в молитве, в слезах и трогательных словах». В своем надгробном слове архиепископ Иннокентий сказал, что дела и труды Михаила Семеновича так велики и разнообразны, что будто бы в лице его работал не один человек, а как бы собрание многих лиц, и что все его дела были преразумны и общепользны и все достойны уважения и любви^{459}.

Под пушечные и ружейные залпы тело светлейшего князя М. С. Воронцова было опущено в могилу, устроенную в Одесском кафедральном соборе в правом углу средней части. Позже над могилой было установлено надгробие.

После похорон супруга Е. К. Воронцова написала А. И. Барятинскому: «Я знаю, что вы сожалеете о нем,

как о лучшем своем друге, и знаю, что он любил вас искренно и сильно. Повторяю вам это, ибо могу подтвердить. Да поможет вам Бог осуществит все надежды, которые возлагал на вас покойный»^{460}. И Александр Иванович оправдал надежды Михаила Семеновича.

Светлейшей княгине Елизавете Ксаверьевне Воронцовой суждено было пережить супруга на 24 года. Она много занималась благотворительностью. Любила перечитывать сочинения А. С. Пушкина. Скончалась Елизавета Ксаверьевна в 1880 году и была похоронена рядом с мужем в одесском кафедральном соборе.

Перед уничтожением собора в 30-е годы прошлого века останки М. С. и Е. К. Воронцовых были перезахоронены на городском кладбище. Могилы их сохранились.

В 1845 году, в период обострения обстановки на Кавказе, прибыл в Тифлис главнокомандующий Особым Кавказским корпусом и наместник М. С. Воронцов. Шестьюдесятью годами позже, в 1905 году, в период острых общественных конфликтов в стране, прибыл в Тифлис наместник Кавказа, главнокомандующий войсками Кавказского военного округа и войсковой наказной атаман Кавказского казачьего войска Илларион Иванович Воронцов-Дашков. Как в 40-е годы Николай I решил, что только граф М. С. Воронцов сможет справиться с задачей умиротворения Кавказа, так в начале XX века Николай II решил, что такая же задача по плечу только графу И. И. Воронцову-Дашкову. Таким образом, Илларион Иванович стал продолжателем дела своего троюродного дяди. И весьма успешным продолжателем.

Ко времени назначения на Кавказ Иллариону Ивановичу было уже 68 лет. За плечами 47 лет военной и гражданской службы. Но несмотря на почтенный

возраст, его энергии и настойчивости можно было позавидовать.

И. И. Воронцов-Дашков разработал обширную программу преобразований на Кавказе. По мере своих возможностей он старался облегчить жизнь простых людей. За это одни называли его «красным», а другие восхищались. «Быть может, он единственный из сановников на всю Россию, который и в настоящее время находится в том крае, в котором управлял, и который пользуется всеобщим уважением и всеобщей симпатией... — писал С. Ю. Витте. — Это, может быть, единственный из начальников края, который в течение всей революции, в то время, когда в Тифлисе ежедневно кого-нибудь или в кого-нибудь кидали бомбу, спокойно ездил по городу как в коляске, так и верхом, и в течение всего этого времени на него не только не было сделано покушения, но даже никто никогда его не оскорбил ни словом, ни жестом»^{461}.

М. С. Воронцов и И. И. Воронцов-Дашков отдали Кавказу по десять лет жизни. И один, и другой ушли в отставку из-за преклонного возраста и болезней. Михаил Семенович прожил после отставки всего два года, Илларион Иванович — лишь четыре месяца.

Графиня Елизавета Андреевна Воронцова-Дашкова пережила супруга на 8 лет. Она чудом избежала смерти в годы Гражданской войны. В 1920 году, собрав детей и внуков, Елизавета Андреевна навсегда покинула Россию. Живущие в настоящее время во Франции и в США Воронцовы-Дашковы являются прямыми потомками И. И. и Е. А. Воронцовых-Дашковых^{462}.

Желание М. С. Воронцова опубликовать наиболее ценные документы из семейного архива было выполнено его сыном С. М. Воронцовым. По предложению Семёна Михайловича с 1870 года стали выходить книги «Архива князя Воронцова», подготавливаемые к печати известным археографом и историком П. И. Бартеневым.

Издание продолжалось и после смерти Семена Михайловича. Всего было выпущено 40 книг и справочный том «Роспись сорока книгам...». Второго такого масштабного издания в России не было. В то же время ждут опубликования тысячи не менее ценных документов, собранных и сохраненных для потомков Воронцовыми.

Глава XXVII

ИЗ ФОРМУЛЯРНОГО СПИСКА

«Генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант князь Михаил Семенович сын Воронцов, главнокомандующий отдельным Кавказским корпусом, наместник Кавказский, Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор. Семидесяти четырех лет (родился 1782 года 19 мая). Из российских дворян, православного исповедания. Кавалер орденов Российских Св. Андрея Первозванного, алмазами украшенного, Св. Александра Невского, алмазами украшенного, Св. Великомученика и Победоносца Георгия 2-го класса большого креста, 3 и 4 степеней, Св. Владимира 1, 2, 3 и 4 степени, Св. Анны 1-й степени с алмазными украшениями и 3-й степени, золотого Базарджикского креста; иностранных: Французского Св. Людовика, Английского Бани, Ганноверского Гвельфов, Шведских Серафимов и Меча, Прусских Черного и Красного Орла, Сардинского Св. Маврикия и Лазаря, Греческого Спасителя 1-х степеней; Австрийских Св. Стефана 1-й степени и Марии Терезии 3-го класса, Турецкого Нишана-Ифтигара, алмазами украшенного. Имеет портреты алмазами украшенные: Его Величества Государя Императора Николая Павловича, султана Турецкого Абдул-Медшида на золотой цепи и шаха Персидского Магомеда на голубой ленте чрез плечо; золотые шпаги, украшенные брильянтами, одну с надписью «за храбрость», другую с надписью «за взятие Варны»; три серебряные медали: в память 1812 года, за взятие Парижа, за Турецкую войну 1828 и 1829 годов, золотую медаль за прекращение чумы в Одессе 1837 года, бронзовую медаль в память восточной войны 1853—56 года, и знак отличия беспорочной службы за XXX лет.

Женат на графине Браницкой Елизавете Ксаверьевне, кавалерственной статс-даме Ее Величества Императрицы Александры Федоровны. Имеет детей Семена и Софию. Вероисповедания православного»^{463}.

Ни Александр I, ни Николай I не благоволили к М. С. Воронцову. Военный министр Чернышев не любил Михаила Семеновича за несговорчивость, за то, что он предпочитал идти по жизни своим путем. Многие высшие петербургские чиновники завидовали ему и интриговали против него. Но, несмотря на это, заслуги М. С. Воронцова перед Отечеством были такими значительными, что хоть и с задержками он получил и княжеское достоинство с титулом светлости, и высшее воинское звание генерал-фельдмаршала, и ордена, и золотые шпаги, и другие отличия.

Глава XXVIII

ПАМЯТЬ

Память о М. С. Воронцове была увековечена еще при его жизни. Александр I решил отметить подвиг России в войне с Наполеоном устройством в Петербурге в Зимнем дворце Военной галереи. Над проектом зала галереи работал известный архитектор К. И. Росси. А писать портреты генералов героев Отечественной войны 1812 года было доверено английскому художнику-портретисту Джорджу Доу. Первоначально Доу трудился один, а в дальнейшем его помощниками стали молодые русские художники В. А. Голиков и А. В. Поляков.

25 декабря 1826 года, в 14-ю годовщину изгнания остатков армии Наполеона из России, состоялось открытие Военной галереи. В торжестве помимо семьи императора и высшей знати участвовали многие прославленные герои, изображенные на портретах галереи. К открытию Военной галереи было написано 236 портретов. К 1829 году галерея пополнилась новыми портретами. Их стало 332.

Портреты в галерее расположены в 5 рядов. Портрет генерал-лейтенанта графа М. С. Воронцова висит на почетном месте — в первом ряду. В первом же ряду висят портреты боевых товарищей Михаила Семеновича — генерал-майора А. Х. Бенкендорфа, генерал-лейтенанта А. П. Ермолова, генерал-майора А. А. Закревского, генерал-лейтенанта И. Ф. Паскевича, генерал-лейтенанта И. В. Сабанеева и генерал-лейтенанта графа Э. Ф. Сен-При.

В конце 30-х годов XIX века известный немецкий художник-баталист Питер Хесс получил от Николая I предложение написать серию картин с изображением важнейших событий войны 1812 года. Работа над серией

из 12 картин заняла 17 лет. В настоящее время две батальные картины П. Хесса «Сражение при Бородино 26 августа 1812 года» и «Отступление французов через Березину 17 ноября 1812 года» находятся в Военной галерее. В центре полотна «Сражение при Бородино» художник изобразил раненого князя П. И. Багратиона. Справа от Багратиона в шляпе и с аксельбантом на правом плече стоит начальник его штаба граф Э. Ф. Сен-При. Слева изображен на белом коне командир 3-й пехотной дивизии П. П. Коновницын. Он слушает приказание Багратиона. А еще левее в небольшой телеге с подбитым колесом увозят с поля битвы раненых М. С. Воронцова и кирасирского обер-офицера. На груди Михаила Семеновича среди других наград выделяется золотой Мальтийский крест на Георгиевской ленте, полученный им за участие в штурме Базарджика.

П. Хесс умышленно нарушил хронологию событий Бородинского сражения. В действительности раненый М. С. Воронцов был увезен с поля боя за несколько часов до того, как разрывом вражеской гранаты был ранен П. И. Багратион. Видимо, не без согласия Николая I, художник решил пренебречь точностью во времени, чтобы на картине были изображены оба героя сражения — П. И. Багратион и М. С. Воронцов.

По заказу Николая I немецкий художник Ф. Крюгер написал несколько парадных портретов М. С. Воронцова. На одном из них Михаил Семенович изображен со всеми орденами и регалиями. Этот портрет был признан каноническим и получил широкое распространение во множестве эстампов. Изображение Михаила Семеновича с этого портрета использовалось даже в лубках.

8 сентября 1862 года в Новгороде состоялось торжественное открытие памятника «Тысячелетие России». Автором проекта памятника был молодой художник М. О. Микешин. По многофигурности

памятнику «Тысячелетие России» нет равных в мире. Это своеобразная энциклопедия российской истории.

По форме памятник напоминает колокол. Его венчает огромная держава с крестом. Крест поддерживает ангел, а перед ним стоит преклонив колена женщина, символизирующая Россию. В нижней части памятник украшен бронзовым поясом с барельефами самых видных деятелей России за тысячу лет ее истории. Пояс имеет 27 метров в длину и 1,5 метра в высоту. Фигуры на поясе выполнены по рисункам Микешина группой скульпторов. 109 человек составили четыре раздела.

Первым на барельефном поясе помещен раздел «Государственные люди». Он начинается изображением Ярослава Мудрого, а завершается фигурами Николая I и М. С. Воронцова. Таким образом, М. С. Воронцов был признан самым выдающимся государственным деятелем во время царствования Николая Павловича. Никто из немалого числа известных государственных мужей не оказался равным ему по заслугам перед отечеством. Впрочем, изображение генерал-фельдмаршала М. С. Воронцова могло находиться и в следующем разделе «Военные люди и герои», например, рядом с изображением его боевого товарища генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича.

В высочайшем манифесте от 25 декабря 1812 года Александр I дал обет воздвигнуть в Москве храм во имя Христа Спасителя, который напоминал бы потомкам о доблести их предков. Автором проекта храма стал архитектор К. А. Тон. Строительство храма было завершено в 1883 году.

На стенах нижнего коридора храма помещены 177 мраморных плит, на которых дано краткое описание важнейших сражений Отечественной войны 1812–1814 годов. В описании сражения при Бородине 26 августа 1812 года среди отличившихся назван и генерал-майор

граф Воронцов, но в длинном списке награжденных орденом Св. Георгия его нет. Подвиг М. С. Воронцова, о чем рассказывалось выше, был отмечен лишь алмазными знаками к ордену Св. Анны. Граф М. С. Воронцов, но уже в звании генерал-лейтенанта, назван и среди отличившихся в сражении при Лейпциге.

В описании сражения при Краоне говорится, что войсками командовал генерал-лейтенант граф Воронцов и что он был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени. Полковник С. И. Маевский, отразивший со своим полком 10 атак французов, получил орден Св. Георгия 4-й степени. Граф Воронцов назван среди отличившихся и в рассказе о покорении Парижа.

После пожалования М. С. Воронцову генерал-фельдмаршальского звания русский художник Б. П. Виллевальде написал его портрет для фельдмаршальского зала Зимнего дворца. На портрете Михаил Семенович одет в общегенеральскую форму, введенную в 1855 году. На нем мундир-кафтан с золотым шитьем, красные брюки с золотыми лампасами. Он держит каску с белыми, черными и оранжевыми петушиными перьями. На генерал-адъютантских эполетах скрещены фельдмаршальский жезл и вензель Александра I. На груди многочисленные ордена, на шее портрет Николая I в алмазном обрамлении. Рядом с фигурой Воронцова на камне лежат изображение карты Кавказа и отделанный золотом и эмалью фельдмаршальский жезл.

Вскоре после смерти М. С. Воронцова одесситы обратились к Александру II с просьбой разрешить начать сбор денег по подписке на сооружение в Одессе памятника их прославленному генерал-губернатору. Разрешение было дано, подписка прошла весьма успешно. Автором памятника стал архитектор Брюггер.

Открытие памятника состоялось 8 ноября 1863 года — через 7 лет и 2 дня после смерти светлейшего князя.

«В пятницу, 8 ноября, в день св. Михаила, Одесса отпраздновала торжество открытия памятника светлейшему князю Михаилу Семеновичу Воронцову, — сообщалось в «Одесском вестнике». — С утра обширная Соборная площадь, на которой воздвигнут памятник покойному князю, спустя семь лет после его кончины, наполнилась густыми толпами народа, которого в тот день насчитывалось до 20000 душ. Вся площадь, все окружающие улицы, все окна, балконы и крыши домов пестрели народом. Прямо против собора устроен был обширный временный помост для зрителей при доме господина Мими. Около 12 часов дня, после божественной литургии, совершенной в кафедральном соборе преосвященным Димитрием, архиепископом Херсонским и Одесским, процессия <...> двинулась из собора и заняла назначенные ей места вокруг памятника, где устроены были 4 платформы: для духовенства, генералитета, местных и иногородних граждан. При торжестве присутствовали: господин Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор и командующий войсками Одесского военного округа генерал-адъютант Коцебу, генерал-адъютант граф Строганов, одесский градоначальник, воспитатели учебных и благотворительных организаций, представители дворянства, духовенства, депутации от разных городов, от немецкой и болгарской колоний, от татар, старейшины, мастеровые, трудившиеся по сооружению памятника, инвалиды, служившие под начальством покойного князя М. С. Воронцова, отряды войска <...> Представители дома князя Воронцова находились: светлейшая княгиня Е. К. Воронцова и генерал-адъютант светлейший князь С. М. Воронцов»^{464}. Затем был совершен церковный обряд освящения памятника. Завершилось торжество прохождением войска церемониальным маршем.

На памятнике М. С. Воронцов изображен во весь рост в мантии, с фельдмаршальским жезлом в руке. На пьедестале памятника барельефы. На одном надпись — «светлейший князь Михаил Семенович Воронцов», на других изображения — «Краон 1814 года», «Варна 1828 года» и с сельскохозяйственными эмблемами слова «Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор». Ограда памятника состояла из 12 чугунных тумб, украшенных гербом князя, и натянутой между ними цепью. Памятник и сейчас стоит на прежнем месте.

С такой же просьбой дать разрешение на сбор денег по подписке для сооружения памятника М. С. Воронцову в Тифлисе обратились к Александру II дворянство и А. И. Барятинский. Император дал согласие и первым внес 3 тысячи рублей. От имени великих князей было внесено 2 тысячи рублей. От военных и представителей разных сословий стали поступать взносы — от нескольких рублей до нескольких тысяч.

Начал работу над памятником известный скульптор Н. С. Пименов. А после смерти скульптора работу над памятником закончил его ученик Крейтан. На установленном в Тифлисе памятнике М. С. Воронцов был изображен в парадной форме, в накинутой шинели, с шашкой на поясе, папачой в левой руке и фельдмаршальским жезлом в правой. Памятник был окружен двойным рядом цепей между восемью вертикально поставленных пушек.

Открытие памятника состоялось 25 марта 1867 года, в 22-ю годовщину приезда М. С. Воронцова в Тифлис. В годы Гражданской войны прошлого века памятник был разрушен.

Кроме живописных и скульптурных изображений есть еще один портрет М. С. Воронцова. Соавторами этого своеобразного портрета являются те, кто знал близко Михаила Семеновича, кто общался с ним, кто с ним дружил или служил в его подчинении. Штрихи этого

портрета сохранились в письмах, на страницах воспоминаний, в других документах. Этот портрет Михаила Семеновича является особенно многокрасочным.

С. Р. Воронцов (в письмах к Ф. В. Ростопчину):

«Я умоляю вас перенести вашу дружбу ко мне на моего Михаила: он честный малый, добрый и истинно Русский, он никогда не совершит ничего недостойного и будет всегда так поступать, как Русскому дворянину надлежит».

«Михаил — прямое сокровище в смысле всего благоразумного, доброго, высокого и благородного. Мне не стыдно так выражаться о нем перед таким другом, как вы, который его хорошо знает»^{465}.

Э. С. Андреевский:

«Дело для Воронцова было не только постоянною нравственною потребностью, но и священным долгом».

«Недаром получил он воспитание в Англии, где с детства внушается в людях уважение к святости долга».

«Всегда и везде он, по влечению своего характера, старался облегчить участь подсудимых».

«Россия и русский народ лишились не просто гражданина, не дюжинное создание творческой силы, не человека с обыкновенными качествами ума и сердца. Еще светла была память о неутомимой и многоплодной деятельности Воронцова на пользу царской службы, еще помнили, как от вчерашнего дня, и блеск его дивного сложения, и христианскую кротость его души. По милости и доверию своих государей, Воронцов неоднократно располагал почти неограниченной властью и держал в руках своих участь целых племен и обширнейших областей, но легко жилось при Воронцове, и каждый край, которым он управлял, не остался без какого-нибудь им самим вызванного существенного улучшения».

Он «не мог переносить Петербургского климата и его бюрократии»^{466}.

Р. И. Андронников:

«Этот великий государственный деятель был совершенно чужд <...> всякого пристрастия; напротив, его великая душа скорее способна была извинять и прощать слабости человека, чем преследовать или мстить за отца сыну»^{467}.

А. И. Барятинский:

«Храбрость была чисто джентльменская, всегда спокойная, всегда ровная. Часто случалось, что во время сна главнокомандующего раздавалась тревога в самой главной квартире. Князь Воронцов просыпался, спокойно вынимал шашку и спокойно говорил: «господа, будем защищаться».

«Если бы князь Воронцов ничего не сделал более того, что уже им сделано, то и тогда заслуги его огромны: он первый показал и убедил всех, что можно быть отличным Кавказским офицером, не нося мазаных дегтем сапог и не выпивая при всех по несколько рюмок водки»^{468}.

К. К. Бенкендорф:

«Энтузиазм к новому начальнику был безграничный: никогда еще население Тифлиса не видело в представителе всемогущего сардаря более ласкового приема, ни большей доброты и мягкости в соединении с таким величием. Таково было впечатление на массы. У лиц же, окружающих графа, к этому общему впечатлению присоединялось еще и удивление, и некоторое смущение, так как новый начальник не походил ни на одного из своих предшественников. Строились всевозможные догадки, старались его поймать на чем-нибудь, испытывали, но он не поддавался никакому объяснению и оставался неуязвимым. Своей непроницаемостью, в этой стране

интриг, граф Воронцов приводил в отчаяние самых бывалых и продувных».

«Обладая в высшей степени всеми качествами, всеми данными, чтобы покорять сердца или просто нравится, которые всем хорошо известны, граф Михаил Семенович соединял с ними еще и те, которые в России подкупают все симпатии и всегда пленяют. Я хочу сказать о внешности графа. Красавец в свои 65 лет, высокого роста, с прекрасными и изысканными манерами, граф прежде всего был большой барин, качество тем более почтенное, что оно со дня на день становится все более и более редким»^{469}.

А. М. Дондуков-Корсаков:

«Приступая к характеристике такой высоковыдающейся личности, как личность князя Воронцова, я не намерен касаться официальной ее стороны, которая доставила князю заслуженную память, как одного из самых просвещенных, замечательных деятелей своего времени. Я могу указать на те особенности его жизни, на те оттенки пронизательного ума его, те слабости и достоинства натуры его, которые имел случай так близко изучить во время долголетней моей службы при покойном наместнике Кавказа».

«Меня вполне поразила величественная наружность моего начальника. Высокого роста, с густыми седыми волосами, без усов и бакенбардов, при отсутствии всякой военной вытяжки, к которой в то время так привык глаз; необыкновенное достоинство и простота в речах и манерах, при обаятельном обхождении составляли в графе Воронцове редкое исключение из всех военных сановников той эпохи <...> Необыкновенная приветливость и вежливость графа нас всех на первых порах как бы озадачила и казалась чем-то неестественным в начальнике».

«Сколько раз я имел случай убедиться в жизни, что официальная недоступность, напускная важность и

театральность форм скрывают в начальнике истинную неуверенность собственного достоинства и желание наружными формами прикрыть скудость нравственного содержания своего <...> Воронцов так высоко стоял своим прошедшим и настоящим, что он не опасался никогда показать себя человеком во всех случаях сношений своих с подчиненными и управляемыми».

«Князь чрезвычайно высоко понимал и ценил военные доблести, давая собою пример исполнения воинского долга с тою естественностью и простотой, которые еще более выставляли его достоинства. Он не любил хвастовства в военном деле и вообще всякого фанфаронства, и в храбрости более всего ценил скромность; трусость он презирал глубоко, а человек, подверженный этой слабости, окончательно терял в его глазах».

«Князь принимал всегда участие во всех даже частных делах его приближенных. Достаточно было ему узнать о нуждах кого-нибудь, чтобы совершенно естественно и просто придти ему на помощь со свойственной ему одному только деликатностью *grand seigneur*. Он был чрезвычайно щедр, но вместе с тем разборчив. Часто случалось мне докладывать ему о нуждах беднейших офицеров, и никогда он не отказывал в пособии или даже в выручке из затруднительного положения заслуженных и достойных людей».

«В сношениях с людьми князь выказывал замечательный такт и знание человеческого сердца; он с каждым умел говорить подходящим языком; особенно простота и приветливость его обвораживали всех, имеющих к нему дело. Всякий выходил от князя под обаянием его приема, довольный и полный надежд».

«Князь совершенно не обращал внимания на форму, лишь бы была суть дела. Так, совершенно безразлично было написать ему рапорт по возложенному поручению

на белой или серой бумаге, явиться за приказаниями или с докладом в мундире или в сюртуке без эполетов и т. п. Вообще, в службе он держался духу и смыслу, а не наружной формы. Для окружающей его молодежи и приближенных нельзя было вообразить себе более снисходительного, внимательного и доброго начальника. Все шалости молодежи, разумеется не имеющие характера ни буйства, ни явного неприличия, встречали скорее в нем симпатичный интерес к проявлениям молодости, чем взыскательное отношение начальника к своим подчиненным».

«Князь был враг всяких канцелярских формальностей, он не переносил бюрократизма во всех его видах, а постоянным предметом его язвительных насмешек были чиновники приемной начальника Штаба и другие лица управления».

«Многосложный свод наших законов князь глубоко презирал, он мало его знал и всегда уверял, что ежели не в одной, то в другой книге можно найти тот закон, который желаешь».

«Нельзя сказать, чтобы князь был рабом своих привычек, — когда этого требовали обстоятельства, он всегда подчинялся и иным условиям, никогда не изменяя ни сдержанности своей, ни обаятельному своему со всеми обхождению. Князь крайне невзыскателен был в своих требованиях; дорогой, походами он удовлетворялся самыми простыми помещениями. Ужасные, далеко не гастрономические, обеды и вообще пища, которую приходилось есть в поездках наших и на приглашенных обедах в провинции, совершенно удовлетворяли князя, лишь бы были щи, каша, баранина или рис. Я никогда не встречал человека его лет более сносливого выдерживать всякого рода лишения, более неразборчивого, менее взыскательного и всегда спокойного, как князь Воронцов. Сила воли его в этом случае была замечательна». «А Щербинин с

обыкновенным юмором своим уверял, что не стоит иметь такого громадного состояния, чтобы голодать в продолжении более 60-ти лет».

«Я старался привить себе его широкие взгляды на глубокую преданность чувству долга, его стойкость в преодолении препятствий и, к сожалению, только до известной степени мог усвоить уживчивость его характера, особенно со старшими».

«Меня всегда поражало во всех случаях самообладание князя. Никогда почти он не выходил из сдержанности своей и не изменял хладнокровной осанке своей. Раздражение его замечалось только некоторым дрожанием голоса, известною гримасою рта и прищуривания глаз, но в словах его почти никогда не вкрадывалось какое-либо резкое выражение».

«Князь от природы щедро наделен был всем тем, что составляет высокую, во всех отношениях выдающуюся из ряда, государственную личность. Знаменитое рождение, огромное состояние, многостороннее и тщательное воспитание, сроднившее его по взглядам и привычкам с либеральными формами просвещенной Англии, наконец пронизательный от природы ум его, самое мягкое любящее сердце и сила воли, ознаменовавшая блистательное поприще его жизни, создали в князе Воронцове человека, назначенного судьбою играть видную роль в его эпохе, служившей проявлению стольких высоких доблестей в отечестве нашем»^{470}.

А. П. Ермолов:

«Мы уже божимся тобою. Случается, в разговорах между людьми тебе известными, что если рассуждаем о ком, то чтобы высокое дать понятие, говорим: этого и Михаил не скоро проникнет. Конец однако же всегда тот, что брата Михайлу никто не проведет».

«Читаю о тебе в газетах. Вижу похвалу Веллингтона Русским войскам. Воображаю состояние их под твоим

начальством и с твоею заботливостью. Радуюсь душевно, что ты доброе о Русских мнение распространишь и утвердишь в землях чужих, где долгое время не знали цены их».

«Мне одного только жаль в тебе, что ты не имеешь неприятелей. Не смешивай с ними завистников: это люди почтенные, которые служат проповедниками того, кто возбуждает в них чувство зависти, и непременно служат к его пользе. Но для счастья человека надобны неприятели. Они удерживают в бдительности и оживляют силы к деятельности. Я только тем и живу. Какое сладостное существование назло своим неприятелям».

«Ты обладаешь магической силою, и у тебя исполняются все предначертания. Многие сделано в твое управление страну, что наследникам твоим казаться будет неразгаданной задачей. Ты врежешь в скалы Кавказа эпоху царствования Императора и имя могущественного его наместника»^{471}.

П. С. Котляревский:

«О намерении Вашем поставить маленький памятник при Гандже и в Ленкорани, не увлекаясь честолюбием, скажу Вам, что оно для меня лестно, потому более, что Гянджею открыта первая Персидская война, и одна из первых пуль досталась мне; при Ленкорани закончена Война, и три из последних пуль достались мне же; следовательно, и начал и кончил кровью. Но для меня вдвое было бы приятнее, когда бы на Гянджинском памятнике можно показать тот момент, в который Вы взяли меня, раненого, под одну руку, а взявший под другую, егерь моей роты Иван Богатырев, был тут же убит. Эту картину хочу я иметь написанной хорошим живописцем и передать ее в род мой с завещанием хранить и питать благоговейное уважение к имени Вашему до позднейшего потомства»^{472}.

А. И. Левшин:

В Петербурге в 1823 году М. С. Воронцов «формировал свое управление и предложил мне вступить в него; я принял это предложение с восхищением. На самых первых шагах новый начальник мой очаровал меня своею вежливостью, любезностью, умом и пылким стремлением к общей пользе. Очарование это продолжалось 15 лет, то есть во весь период служения моего под его начальством, и, могу смело сказать, что я разделял это чувство почти со всеми моими товарищами»[{473}](#).

С. И. Маевский:

«Граф в обращении с военными подчиненными имел весь дар очарования. Он был обожаем от офицера до солдата. В минуту боя он требовал самоотвержения; вне боя — любил свободу и простоту; за его столом обедало нас по 100, по 200 человек; его дом был нашею гостиницею, где мы жили безвыходно»[{474}](#).

С. Н. Марин:

«Ты не можешь ни писать, ни говорить не согласно с твоими чувствами»[{475}](#).

Н. Н. Мурзакевич:

«Сколько-нибудь полезным людям не надлежало искать покровителя для представления ему; он сам их отыскивал, сближался с ними и затем неизменно оставался одинаково расположенным к ним».

«Я никогда ни в ком не находил той душевной простоты, соединенной с теплотою сердца, какою был одарен граф Михаил Семенович»[{476}](#).

Николай I:

«Я всегда говорил, что нет другого человека в России, как князь, который бы так был способен и так умел творить, созидать, устраивать. Его голова не годится для мелочей. Доказательство этому, что в короткое время пребывания на Кавказе он успел осмотреть большую часть края и положить начало таким

предположениям, о которых давно думали, но ничего до сих пор не сделали»[{477}](#).

И. Ф. Паскевич (в письме к М. С. Воронцову):

«Не забыл ли ты своих друзей; по крайней мере они о тебе помнят и, будучи в холодной разоренной Руси, вспоминают о твоих желаниях облегчить судьбу несчастных наших подчиненных; — так я проповедую твои установления, испытываю на то ближайшего моего командира <...> Я хоть теперь и остался старшим в корпусе, по его отсутствию на несколько месяцев, но если бы я и вздумал сделать некоторые установления, то верно по приезде его он найдет причины для их опровержения <...> Время еще не пришло, когда человеколюбие будет общее мнение в войске; оно случится, когда Воронцов с прекрасною душою будет во главе его»[{478}](#).

Ф. В. Ростопчин:

«Что за прекрасная у него душа! Скромность равна в нем доблести и честности. Лестно знать его своим соотечественником, почетно служить с ним вместе и быть ему признательным»[{479}](#).

В. А. Соллогуб:

«Воронцов был действительно русским солдатом, и таким, каких дай Бог много! Я отроду не встречал такой холодной и беззаботной храбрости. Сколько раз мне случалось видеть Воронцова в схватках с горцами. Всюду впереди, он отдавал приказания, шутил, улыбался и нюхал табак, точно у себя в кабинете. Особенно поразил он меня однажды, когда после незначительной перестрелки у нас с горцами завязалось жаркое дело; неприятель несколько раз окружал нас, мы чуть было не попали в плен, потеряли много людей и, наконец, под вечер, изнуренные, грязные, пробыв целый день под градами пуль, возвращались на главную квартиру; по дороге ежеминутно свистели пули рассыпавшегося в кустах неприятеля. Все,

насторожившись, переглядывались и осматривались, один Воронцов спокойно ехал на своей изнуренной и еле передвигавшей ноги лошади. Надо заметить, что ему тогда уже минуло за 70 лет, в тот день он, как и мы, ничего не ел, не слезал с лошади и все время находился на самом опасном месте».

«Никто лучше Воронцова не знал русского солдата, никто выше не ценил его беззаветной храбрости, терпеливой выносливости, веры в провидение и смирения».

«Я имел случай в Риме, в начале 40-х годов, видеться с Воронцовым в продолжении целого месяца почти ежедневно, и могу сказать, что и тогда, и впоследствии, когда служебные и дружественные отношения в течение нескольких лет сблизили нас окончательно, он оставил во мне навсегда впечатление одного из самых замечательных людей своего времени. Он обладал в высшей степени тремя очень редкими между русскими людьми качествами: необыкновенной настойчивостью, непреклонностью и твердостью убеждений и самой утонченной вежливостью».

«Чем объяснить это вечно улыбающееся самообладание? Презрительностью большого барина, считающего, что все, что его окружает, ниже его, и поэтому равно относящегося ко всем? Но Воронцов был слишком умен и человечен, чтобы поддаваться близорукой спеси, свойственной ограниченным людям знатного происхождения».

«Раз только я видел Воронцова изменившим своей, можно сказать, беспощадной вежливости; он оказался впоследствии очень больным».

«Князь Михаил Семенович обладал драгоценным для государственного человека даром окружать себя людьми, если не всегда замечательными, то способными, трудящимися и добросовестными, что во время николаевское, когда всякий служащий человек

считал казенное имущество чуть ли не собственным достоянием, являлось большой редкостью»[{480}](#).

Э. И. Стогов:

«Не забуду, так расскажу о Бенкендорфе, о Паскевиче, о князе Меншикове — какие это все гиганты издали, но увы, только издали, а подойди близко... Вот Михаил Семенович Воронцов, тот и близко не теряет»[{481}](#).

О. О. Чижевич:

«Постоянные приемы, обеды и балы в салонах князя Воронцова соединяли и знакомили между собою все, что было порядочного в Одесском обществе. Гостеприимство и любезность хозяев превышали всякие похвалы. В одном случае князь был менее любезен, — это в отношении курящих. Сам он, как англичанин, не курил и не переносил табачного дыма. По окончании званого обеда он обыкновенно обращался к мужчинам с следующей фразой: «Господа, кто имеет скверную привычку курить, прошу в отдельную комнату». После такого приглашения курящих не оказывалось»[{482}](#).

М. П. Щербинин:

«Высокой душе покойного князя были чужды всякие чувства, его недостойной, злобы и желания гнусной мести. Как истинный христианин, проникнутый учением Спасителя рода человеческого, он прощал своим врагам, за зло творил добро; и я мог бы привести несколько примеров, оказанных им услуг и милостей своим лютейшим недоброжелателям, преимущественно даже перед теми, в преданности и любви коих к нему он был вполне уверен»[{483}](#).

М. С. Воронцов о себе:

«Я никогда не помышлял искать ни чинов, ни власти, для этого следовало бы вращаться при дворе, который я всегда избегал, и среди придворных, которых я не любил»[{484}](#).

**Из обращения Михаила Семеновича к сыну
Семену Михайловичу:**

«Люди с властью и с богатством должны так жить,
чтобы другие прощали им эту власть и богатство»^{485}.

ПЕСНЯ

Кто борец с Наполеоном,
Поборол грозу бойцов
В славной битве под Краоном?
Ратный вождь наш Воронцов!

Кто царю сподвижник нужный,
Вождь — правитель городов,
Укротитель Руси южной?
Наш вельможа Воронцов.

Кто избранник, вождь маститой,
На Кавказе от врагов
Стал отечества защитой?
Руси честь — наш Воронцов!

В. Филимонов^{486}.

* * *

В недавнем прошлом не появлялось серьезных исследований, посвященных жизни и деятельности М. С. Воронцова. Но в последнее время положение стало меняться. В книге О. Ю. Захаровой «Генерал-фельдмаршал светлейший князь М. С. Воронцов. Рыцарь Российской империи» подробно рассказывается об отдельных этапах жизненного пути Михаила Семеновича. В книге В. В. Дегоева «Большая игра на

Кавказе: история и современность» дается самая высокая оценка командования М. С. Воронцовым Отдельным Кавказским корпусом и выполнения им обязанностей наместника на Кавказе. В книге М. А. Давыдова «Оппозиция Его Величества» положительно оцениваются взгляды и действия не только М. С. Воронцова, но и его друзей. В монографии М. И. Микешина «М. С. Воронцов. Метафизический портрет в пейзаже» доказывается, что Алупкинский комплекс есть «отражение», «автопортрет» его хозяина-творца. В книге В. Н. Алексеева «Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России» рассказывается о представителях рода Воронцовых от древних времен до наших дней. Статьи о М. С. Воронцове имеются в Трудах Воронцовского общества и в других изданиях.

Можно надеяться, что предлагаемая читателям биография М. С. Воронцова сыграет свою роль как в восстановлении доброго имени этого благороднейшего человека, так и в утверждении достойной оценки его многообразной и самоотверженной деятельности на благо нашего Отечества на военном и гражданском поприщах.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАВКАЗСКИЕ ПИСЬМА М. С. ВОРОНЦОВА

К А. П. ЕРМОЛОВУ

Дружеская переписка между М. С. Воронцовым и А. П. Ермоловым продолжалась более сорока лет. Она стала еще более содержательной после назначения Воронцова главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом и наместником на Кавказе. А. П. Ермолов командовал этим корпусом с 1816 по 1827 год и имел большой опыт ведения войны с горцами. Поэтому Михаил Семенович часто обращался к Алексею Петровичу за советами.

С 1827 года А. П. Ермолов находился в отставке. Изнывая от безделья, он с нетерпением ожидал Воронцовские письма с Кавказа. Эти письма делали его причастным к кавказским событиям — к военным экспедициям и к умиротворению этого региона.

Кавказские письма М. С. Воронцова к А. П. Ермолову являются ценнейшим историческим документом. В них подробно рассказывается о том, чего нет в приказах и донесениях главнокомандующего.

1

С.-Петербург, 24 января 1845 г.

Любезный Алексей Петрович. Ты, верно, удивился, когда узнал о назначении моем на Кавказ. Я тоже удивился, когда мне предложено было это поручение, и не без страха оное принял; ибо мне уже 63-й год. Дела

там очень много, и край сей, особливо в теперешнем его положении, совершенно мне неизвестен; отказаться было однако невозможно. Не я себя выбрал, не я себя выставил; могу только отвечать за усердие и добрую волю; за прочее же отвечать не могу, ибо думаю и объявляю, что почитаю поручение это превышающим мои силы.

Мне дают полную волю, и это необходимо. Государь ни в каких способах мне не отказывает; дай Бог, чтобы я мог оправдать его доверие. Без его помощи я ни в чем успеть не надеюсь. Я уверен, что ты помолишься за старого товарища, чтобы он поддержал имя Русское в стране, где ты столько лет прославлял оное. Я бы желал нарочно ехать отсюда через Москву, чтобы видеться с тобою и с Головиным и получить от вас обоих и сведения, и советы; но боюсь, что это не будет мне возможно, и так как мне надобно еще ехать через Одессу и что время очень коротко, то, кончив здесь, надобно мне будет ехать как можно прямее. Во всяком случае буду просить тебя об одном и сочту твое согласие большим одолжением: у тебя есть много записок и сведений вообще о Кавказе; не можешь ли ты мне сделать из них хотя выписку и прислать мне оную через Закревского, который всегда будет знать, как мне оную доставить, или через Александра Яковлевича Булгакова.

Три предмета более всего меня интересуют: 1, о нашем Правом фланге и о горах прямо Черкесских между Кубанью и Грузиею; 2, о Чечне и Дагестане; 3, о мусульманских и Персидских провинциях. Все, что ты мне пришлешь по этим трем отношениями, все, что ты еще к тому прибавишь, будет принято мною с истинною душевною признательностью. Я думаю отсюда выехать дней через 10, и я бы желал ехать в Грузию через Сухум-Кале; ибо пункт сей я считаю, особливо в будущем, лучшим всех других для всех наших сношений с

Новороссией и западными губерниями, а иногда с Тифлисом и самим Петербургом; в случае же развития возможной торговли, Сухум не только лучший, но и единственный безопасный порт на восточном берегу Черного моря. Я надеюсь быть в Тифлисе в первой половине Марта, часто буду о тебе там думать. Прошу, любезный Алексей Петрович, еще раз прошу не отказать мне в моей просьбе и пожелать мне нужные силы исполнить долг мой как следует старому и верному слуге Царя и Отечества. Навсегда тебе преданный М. Воронцов.

2

Ташкичу, 26-го мая 1845 г.

Я должен был и хотел писать к тебе, любезный Алексей Петрович, еще из Тифлиса, но все что-нибудь как нарочно мне в этом мешало, а когда время приближалось к моему оттуда отъезду, то уже предпочел писать по осмотре всех этих мест, где ты несколько лет играл такую роль и где еще полно памятью о тебе, о твоих подвигах, твоих распоряжениях. Из Владикавказа я пошел по Сунже, через Назрань, укрепление Волынское, Казакичу и Закан-Юрт до Грозной. В этом месте, тобою основанном, я нашел землянку, называемую домом Ермолова, и с удовольствием узнал, с каким почтением все здешние начальники берегут этот памятник, окружили оный палисадом и предостерегли от всякой порчи; видел тополи и другие деревья тобою посаженные. Потом, идучи из Грозной в Чах-Гирей по прекрасной Ханкалинской долине, которую ты начал расчищать, мне показали курган Ермолова, на который всякий без изъятия всегда въезжает, помня или слышав о тебе. Чах-Гирей или Воздвиженское есть пункт важный и

полезный и должен сильно способствовать к будущему покорению Чечни. На этом марше я узнал подробно о всех действиях ген. Пулло и не понимал, как Граббе мог предписать им позволить оные. Воротясь в Грозную, я пошел через Старый Юрт и Горячеводск в Червленую, потом уже в экипаже поехал левым берегом до Кизляра, осмотрев на пути переправу в Амираджи-Юрт. Кизляр я видел процветающим 40 лет тому назад от своих вин и водок; с тех пор не только Кази-Мулла и набеги, как откупа и откупщики этот несчастный город.

Из Кизляра я опять пошел, отчасти с пехотными и отчасти с кавалерийскими прикрытиями, через Магометов мост в Кази-Юрт на Сулаке, оттуда через Озень в Петровское укрепление и порт на Каспийском море; это недалеко от твоей бывшей крепости Бурной. Здесь я нашел суда из Астрахани, которые привезли нам большое количество провианта. Крепость хороша и красива; но жаль, что вода не совсем внутри оной. Надеюсь, что можно будет вырыть колодезь на той же глубине и такой же обильный, как тот, который теперь находится снаружи, хотя под выстрелами. Из Петровского мы пошли через Кунтур-Кале в Темир-Хан-Шуру, где командует князь Бебутов; это место сделалось важным, и в нем завелись лавки и торговля. Я ездил с визитом к семейству шамхала в Казанище; сам шамхал уже встретил меня в Кази-Юрте. Из Темир-Хан-Шуры я также ездил в Черней и Евгеньевское, укрепление хорошее с прекрасным мостом на Сулаке и с башнею на левом берегу. Потом мы пошли через Кази-Юрт во Внезапную, где я познакомился с большою и верною нам деревнею Андреевскою, оттуда мы прошли сюда для последних распоряжений до похода. Послезавтра идем опять отсюда во Внезапную, а 31-го идем в горы.

Будем искать Шамиля; но даст ли он нам случай ему вредить, один Бог это ведает. По крайней мере мы

сделаем все, что можем, и ежели бы был какой-нибудь благоприятный случай, постараемся им воспользоваться. Боюсь, что в России вообще много ожидают от нашего предприятия; но ты хорошо знаешь положение вещей и особливо местности. Надеюсь, что мы ничего не сделаем дурного; но весьма может статься, что не будет возможности сделать что-нибудь весьма хорошее, лишь бы нашей вины тут не было. Можешь вообразить, как пламенно желаю найти возможность сделать какую-нибудь удачу; последствия от оного были бы самые важные и благоприятные; но не могу не признаться, что ежели Шамиль так умен, как уверяют, то он нам такого случая не даст. Впрочем, что Бог даст! Надобно покориться Его священной воле.

В Тифлисе я имел случай видеть всю правду сказанного тобою об некоторых лицах. Безак просится отсель, и я в этом ему помогаю; Калачевский давно удален; с Куткашинским я отделался учтивостями, но отказал в употреблении ко мне по службе. Абас-Кули едет с отпуском в Персию и занимается, как говорят, ученостью; Сумбатова я не видал. О Ваньке-Каине меня просила жена его и другие, но я совершенно отказался от всякого содействия к его возвращению. Ладинский принялся за дело хорошо, с натуральным умом, и знает край хорошо. По гражданскому управлению негодяи в большинстве, по военной части генералов и полковников весьма много хороших. О себе я скажу, что здоровьем держусь хорошо, но устаю от трудов больше прежнего, что весьма натурально.

Прощай, любезный Алексей Петрович; сделай милость не оставляй меня известиями и советами и будь уверен, что я в полной мере ценю всякую строку и всякое от тебя слово.

Темир-Хан-Шура, 1 августа 1845 г.

Я получил здесь, третьего дня, любезный Алексей Петрович, письмо твое от <в подлиннике пропуск> и хочу без отлагательства как благодарить тебя за оное, так и дать тебе краткий, но аккуратный отчет о всем, что с нами случилось с тех пор как мы вошли в горы и до возвращения нашего чрез Герзель-аул на плоскость. Поход, сперва легкий и почти без драки, сделался потом трудным во всех отношениях и кровавым; но мы окончили оной с честью и, смею сказать, не без славы. Дух в войсках не только сохранился во всей своей прекрасной целости, но еще увеличился, по мере как увеличивались препятствия и по ежедневному опыту, что Русской груди и Русским штыкам ничто противостоять не может.

Ты знаешь, как мы легко дошли до Андии, проходя почти без драки все приготовленные против нас позиции в Бортунеае, у Мичикале и у Андийских ворот. Тут я увидел не без сожаления, что Шамиль, понимая очень хорошо, что нам противиться не может, открыто взял систему немного похожую на нашу 1812 г., и уступал весь атакованный край, разоряя и выжигая деревни, в надежде вредить нам при отступлении, поелико нам зимовать там было невозможно. Жителям это было очень больно, и некоторые даже военною рукою ему в этом сопротивлялись; но сила его и приверженность ему мюридов так велика, что никто не мог помешать ему в его намерении. В самой Андии, накануне нашего прихода, были даже ружейные выстрелы между жителями и мюридами, но сила превозмогла, и все богатые деревни Андийского общества достались нам сожженными и опустошенными. Шамиль сам промедлил с час или полтора отступлением с высот Андийских за горы и этим себя унижил, дав случай двум ротам Кабардинского полка с помощью Грузинской милиции атаковать и прогнать его и сборище его, от 4 до 5 тыс.,

самым постыдным для него образом. Со всем тем главный результат от входа в горы, то есть покорение жителей, мы не приобрели: они ушли в разные места с семьями, на нас не восставали и Шамилю почти ни в чем не помогали; но страх его казни, как меч Дамоклеса, постоянно вертелся перед глазами их, и никто не смел к нам присоединиться. В Андии мы постояли две недели и, для спасения отряда продовольствием, были оставлены между Черкеем и Анди три эшелона: 1-й главный в урочище Кирки (где у Граббе укр. Удачное при 5 батальонах), 2-й в урочище Мичикальском, два батальона, а 3-й у Андийских ворот или Куршукале, также два батальона. Таким образом продовольствие наше было уже совершенно обеспечено, и у нас все осталось довольно войск для действия; но с 6 по 13 июня явился к нам неприятель, гораздо опаснее всех Шамилей: ужасная стужа, мороз и снег имели сильное влияние на часть отряда, расположенную в горах с генералом Пассеком, и несколько сот человек оказались с отмороженными ногами, и более половины черводарских лошадей, которые нам возили сухари, пропали. По сей причине мы уже получали продовольствие, можно сказать, день в день, и запасов составлять уже было невозможно.

Основать что-нибудь в Андии на долгое время было невозможно: снег и морозы до 5° в Июне месяце по единственной открытой туда дороге могли дать понятие о сообщениях осенью и зимой. Но прежде выхода из гор необходимо было занять и истребить гнездо разбойника нашего, Дарго; вся Россия этого ожидала, и мы бы стыдились показаться на плоскость, не быв в Дарго. При единогласных со всех сторон показаниях, дорога из Андии в Дарго не представляет никаких затруднений; все уверяли, что мы найдем около двух верст леса, редкого и при хорошей дороге. Во всяком случае надо было идти, и мы пошли, оставив один батальон в укр. в

Андии. Вместо двух верст мы нашли пять верст леса самого трудного и с таким географическим местоположением, что цепи ни справа, ни слева иметь было невозможно почти на всем протяжении; 23 завала были устроены на единственной дороге. Завалы были взяты один за другим, можно сказать шутя; но боковые выстрелы на многих пунктах следования, против коих весьма было трудно что-либо делать, сильно нам вредили. Мы прошли молодецки и в тот же вечер пришли из Андии в Дарго; потеря была небольшая — всего убито, ранено и контужено от 2-х до 300 человек, между коими убит ген. — лейт. Фок. После взятия последнего завала, при входе на маленькую площадку, мы увидели, что в Дарго Шамиль распорядился как в Андии; здесь однако он зажег только свой дом и два или три окружающие, прочее осталось на нашу долю. В Андии мы сберегали, здесь же с усердием истребляли все, что оставалось целым. Шамиль ушел за Аксай и расположился с малою толпою на пушечный выстрел от нашего лагеря. На другой день мы оттуда его прогнали; но так как нельзя было нам разделиться на две позиции, ни отойти от занимаемой нами до получения ожидаемого чрез три дня транспорта с сухарями, он опять воротился на свое место и вел с нами пушечную перестрелку.

Между тем, истребляя Дарго и все заведения, мастерские и проч. Шамяля, я не мог не видеть, что транспорты с продовольствием чрез пройденный мною лес следовать к нам не могут. Мы пришли в Дарго 6-го июля, первый транспорт ожидался 10-го, и я решился, по получении оною, или возвратиться в Анди и там еще постоять для морального действия или, не отступая, идти на плоскость по направлению в Герзель-аул, не по дороге, которою шел Граббе в 1843 году, но ближе к Аксаю, по левому берегу оною. Для получения же продовольствия, 10-го числа, один только способ мог

дать надежду, но надежду сильного успеха: это было не ждать транспорта в Дарго, но послать навстречу оно до горы, выше леса, чисто боевую колонну, состоящую из половины всего отряда налегке и с одними мешками, чтобы взять сухарей на 8 дней, т. е. на 4 дня для себя и на 4 дня остающихся в лагере. Колонну сию я поручил ген. — лейт. Кюки-фон-Клугенау; авангардом у него командовал генерал Пассек, арьергардом ген. Викторов. Эта операция была единственная наша неудача во всю компанию. Неприятель, опять занявший лес и усиленный большим числом чеченцев, не бывших против нас 6-го, сильно противился нашей колонне и особенно арьергарду; Викторов убит, и одно горное орудие потеряно. Кюки, получив провиант и сдав транспорт больных и раненых, прошедших благополучно за авангардом, воротился к нам 11-го числа, но уже с большим уроном: убит Пассек, много обещавший для будущего, и потеряно или лучше сказать брошено еще два горные орудия. Кюки привел к нам 700 раненых и весьма мало провианта. С таким числом раненых, кроме наших собственных, идти нам в Андию чрез тот же самый лес и еще в гору было невозможно, тем более, что всякое отступление ободряет здешнего неприятеля и увеличивает затруднения.

Я решил идти в Герзель-аул не только не отступая, но прямо на неприятельскую позицию близ нашей дороги. У дер. Цонтери, 13-го числа, мы перешли через Аксай в виду Шамиля, сбили его с позиции и остановились на ночлег несколько верст далее; в тот день драка была не сильная. 14-го, увидя наше направление, неприятель взял все меры нам противиться. Число его увеличилось, а по бокам нашей дороги были сделаны засеки и завалы, которые необходимо было штурмовать и после каждого останавливаться, чтобы не слишком растянуться и не подвергнуть опасности наших раненых, которых я во

всяком случае решился спасти, в чем Бог нам и помог. 15-го мы опять шли несколько верст без большого боя, но 16-го мы имели дело еще сильнее 14-го, штурмовали несколько позиций и оврагов и дошли до дер. Шухал-Берды в 8 верстах от Мискита. Здесь я решился дождаться известий от Фрейтага; ибо, при выходе из Дарго, мною было писано полк. Бельгарду из Андии отойти на Бур-цукал и, взяв там эшелон, соединиться с отрядом Бебутова в Мичикале (что им превосходным образом исполнено), а Фрейтагу, чтобы он собрал сколько можно батальонов и пришел бы в Герзель-аул к нам навстречу. Он удивительно скоро собрал 7 батальонов и 17-го вечером пришел к ним в Герзель-аул, 18-го выступил к Мискиту, где к вечеру его зарева пушка отвечала на нашу; 19-го он подошел к нам, и мы к нему. Неприятель более обратился уже на наш арьергард, но без успеха, а 20-го числа мы пришли благополучно в Герзель-аул уже почти без выстрела.

8-ми дневный поход из Дарго до этого места с беспрестанными драками (ибо и в Шаухал-Берды на месте целый день перестреливались) было дело нелегкое. Почти всегда в лесу и охраняя, кроме вновь прибывающих, 700 раненых, приведенных к нам генер. Клюки, штурмуя беспрестанно позиции и овраги, мы не только не оставили ни одного раненого, но ни одного колеса, ни одной вещи. Ни одного ружья. Я во все время только боялся насчет раненых и насчет принца Гессенского, брата Цесаревны; но слава Богу, раненые все приведены и тотчас призрены и успокоены, а любезный принц наш остался цел и невредим. Войска дрались необычайно, и особливо могу сказать, что батальоны 5-го корпуса оказались тут похожи на старые Кавказские полки и при окончании похода были еще в лучшем духе и более имели к себе доверенности, нежели до начала оного. Ген. — майор Белявский достойно вел во все время авангард и с одним

батальоном Литовского полка, с подкреплением одного Апшеронского и часть саперов штурмовал две или три позиции каждый день. Известный тебе ген. Лабинцев командовал всегда арьергардом, составленным более из Кабардинского полка, и его хладнокровию и твердости надобно приписать малый урон во все эти дни этой части нашего отряда. Шесть рот Куринского полка составили левую цепь под командованием полк. Миллера, а Навагинский полк был в правой цепи. Командир одного полк. Бибилов ранен 14-го числа, а 16-го опять двумя пулями в колонне, где его несли; от последних ран сей достойный штаб-офицер умер. Ранены еще полк. гр. Бенкендорф и Альбранд, а майор гр. Штейнбок опасно, и ему отрезали ногу, также ранены майоры Суворов и Риц; всего убито и ранено в эти восемь дней около 800. Мы бы не имели и половины этого урона, если бы раненные генерала Кюки с самого начала не затрудняли марш наш и не принудили отделить много людей из фронта для носки тех, которые не могли ехать верхом; но мы все решились скорее погибнуть, нежели покинуть хоть одного раненого, и Бог нам в этом помог; хотя в некоторых трудных местах смельчаки из неприятелей врывались в колонну в шашки, но всегда были отбиты штыками. Бенкендорф, раненый пулею 14-го числа, получил две раны шашками, когда его несли; но, слава Богу, раны легкие, и я надеюсь, что он скоро будет здоров, лишь бы не заболел от жаров на плоскости. Из моего штаба убит, к большому моему сокрушению, адъютант мой Лонгинов, сын Николая Михайловича, и ранены, но все четверо легко, Глебов, князь Васильчиков, князь Дондуков-Корсаков и граф Гейден.

Из Герзель-аула я распустил отряд недели на две на отдых, сам же приехал сюда, чтобы таким же образом отдохнуть и отряду кн. Бебутова, который с 10 1/2 батальонами сегодня или завтра пустится из гор в

Чиркей. После сего отдыха мы примемся за второй акт предположенных действий, т. е. устроим и укрепления передней Чеченской линии также и всех здешних наших постов, и мне хочется занять и укрепить Чир-Юрт, дабы лучше обеспечить плоскость от набегов и связать ближним сообщением Внезапную с Чирке — ем вместо теперешнего дальнего на Кази-Юрт. Я пробуду еще здесь несколько дней и потом поеду в Червленную или Грозную для свидания с Фрейтагом, потом поеду отдохнуть и покупаться дней шесть или семь в Кисловодске, а оттуда на Правый фланг, которого еще не видел.

Вот тебе самое верное и аккуратное описание всего, что у нас делалось в течение двух месяцев. Конечно результатов больших нет и, как я тебе говорил в Москве, без какого-либо особого случая не могло быть; но мы повиновались воле Государя и общему мнению в России, что не показаться сего года в горах было бы стыдно. Мы были и жили спокойно в Андии, куда столько лет уже собирались идти и где Русские никогда не были, сожгли и истребили Дарго, местопребывание нашего главного неприятеля и под его глазами; шли на него и били его всякий раз, что он близ нас оставался. Кроме несчастной оказии генерала Клюки никто из нас не имел во всю кампанию ни малейшей неудачи. Что народы нам не покорились, причиною тому, что они слишком боятся Шамиля, хотя его ненавидят. Наконец, когда не оставалось ничего делать в горах, то мы возвратились на плоскость, но без всякого отступления и проложили себе дорогу новую, неизвестную, которая шла прямо через неприятельскую позицию и, несмотря на все его сопротивления, на все затруднения местности, на число наших больных и раненых, мы пришли невредимо и без всякой потери (кроме тех, которые от неприятельских пуль в войне неизбежны) туда, куда придти хотели.

Весьма может статься, что в России ожидали более. Конечно, если бы общества могли покориться, то дело было бы виднее; но какие же бы были последствия? Зимовать отряду в горах было бы невозможно, и покорившиеся общества, наказанные после нашего отхода Шамилем, только еще более нас возненавидели бы и проклинали. Ты знаешь хорошо здешний край и все обстоятельства здешней местности и здешней войны; ты будешь нас защищать против тех, которые скажут, что мы недовольно сделали. Конечно, многие могут думать и сказать, что лучше было бы не идти совсем в горы; но в этом году не идти туда было невозможно; мы пошли очертя голову, сделали все, что возможно и вышли благополучно и, смею опять сказать, не без славы. Теперь уже настанет время для войны более систематической и которая хотя тихо, но вернее должна в свое время улучшить положение здешних дел; но об этом я буду говорить в другой раз.

Скажу тебе сегодня, что сын твой <Клавдий Алексеевич> молодец и вполне достоин носить твое имя; к истинной моей радости он остался невредим, хотя в горной артиллерии, в последнем периоде нашего похода, в пропорции более потери, нежели во всех других командах; мне самому досталось видеть, с каким хладнокровием и искусством он наводил свои орудия под сильным ружейным огнем; и начальники, и товарищи отдают ему полную справедливость. Я жду только рапорта генерала Козлянова, чтобы сделать для него уже здесь то, что от меня будет зависеть. Прощай, любезный Алексей Петрович, пожалуйста отвечай мне на письмо это и скажи мне, что у вас в Москве про нас говорят. Всегда любящий тебя и преданный тебе М. Воронцов.

Тифлис, 10 декабря 1845 г.

Это не письмо, любезнейший Алексей Петрович, а только повестка, что будет письмо пространное и обстоятельное, коли не с первою, то наверное со второю экстрапочтою; но я не хотел пропустить сегодняшней без того, чтобы не сказать тебе два слова в ответ на вчера полученное письмо твое, с приложениями от 24 ноября. Письмо это по истине меня огорчило тем, что ты мог подумать, что, вопреки моего обещания, я не отвечал еще на первое письмо твое от 31 августа, потому, будто бы, что я сержусь на что-нибудь в том письме писанное. Первое — ни одно слово в письме твоём не было такое, чтобы человек, даже который любит подозревать и сердиться, нашел бы в том причину; второе — я сам тебя просил сказать мне откровенно все, что об нас в Москве говорят. Ты это сделал, и во всех этих толках ничего не было оскорбительного или неприятного, но, напротив того, во всем и во всех вопросах, требующих объяснения, было видно чувство благосклонности и доброжелательства, и я должен быть благодарным от всей души за всеобщее участие, показанное нам за экспедицию сего года, хотя понятно она не имела и не могла иметь блистательных результатов. Много подробностей ты от меня получишь в будущем письме, а теперь только повторяю еще, что я благодарю тебя от всей души за все, что ты мне писал и писать будешь, и что хотя беспрестанно собирался отвечать тебе обстоятельно, но шестимесячное отсутствие из Тифлиса в экспедиции и разъездах, потом, по возвращении сюда, необходимость отправиться в Ахалцых и потом в Закаталы и на всю Лезгинскую линию, совершенно мне в этом помешали; приехав же сюда недели две тому назад, я тотчас был замучен не только хаосом всякого рода дел и текущих, и запущенных, но несколько дней сряду должен был беспрестанно заняться рассмотрением и отправлением в

Военное Министерство военных и провиантских смет на будущий год и, в дополнение всего этого, должен был открыть настоящие военные действия против некоторых ужасных злоупотреблений по разным частям и, между прочим, по инженерству. Вот что мне помешало о сею пору, несмотря на беспрестанное желание, отвечать тебе во всей подробности и уведомить о ходе здешних дел. Сказав все сие (и ты будешь очень несправедлив, если во всем этом мне не поверишь), я уже в будущем письме ничего не скажу о причинах замедления, et j'entrerais en matiere sans preambule <приступлю к делу без предисловиях Будь уверен между тем, что я с полным вниманием и с душевным желанием исполнить твою справедливую просьбу, прочту посланные тобою записки и займусь этими двумя делами немедленно и ежели я успею помочь справедливому разрешению, то опять должен буду тебя благодарить за то, что ты дал мне этот случай. Вообще нельзя не желать, чтобы правительство наше было справедливо и щедро против остатков здешней царской фамилии; а что же касается до барона Розена, то я здесь уже имел случай удостовериться, сколько против него было несправедливостей, вследствие мерзостей и доносов Гана, и как ты был прав во всем, что ты мне сказал в его пользу, когда я был у тебя в Москве. Итак, не прощай, но до свиданья, хотя заочно, любезнейший Алексей Петрович; сделай милость, никогда не сомневайся, что я к тебе истинно привязан, люблю и уважаю тебя от всей души. М. Воронцов.

Р. С. Фрейтаг 4-го числа должен был занять с 10-ми батальонами Гойтинский лес и рубить и сжечь лес насквозь всего пространства по дороге на два пушечных выстрела, что он надеется сделать до праздников, потом в Генваре пойдет на ту же операцию в Гихинский лес, в чем ему будет способствовать Нестеров со стороны Владикавказа. Не знаю, до какой степени Чеченцы будут

мешать и драться; но о сию пору как у них, так и во всем Дагестане, а еще более на Правом фланге, все совершенно смирно и спокойно.

Тифлис, 2 января 1846 г. Кончено 18 января.

Начинаю с того, любезный Алексей Петрович, что обе твои записки, т. е. насчет царицы Марии и дел покойного барона Розена, в полном ходу, и я надеюсь, что успею подвинуть оба эти дела выгодным и справедливым образом. Насчет царицы Марии, в особенности, Ладинский весьма хорошо мне помогает. Просьба ее самая скромная, а решение здешнего совета, чтобы она искала формою суда в делах с своими бывшими подданными, и несправедливо, и неприлично; оно так показалось и Государю, и он велел министру внутренних дел, по сношению с моим предместником, представит сие дело в видах правительственных. Нейдгардт дал справедливое и приличное мнение; но г. Перовский, полагая, видно, что по этому делу недовольно еще вышло нумеров, не докладывая Государю, вновь требовал от Нейдгардта какие-то сведения о бывших, 50 лет тому назад, у царицы здесь доходов. Несмотря на то, что Нейдгардт прежде ему писал, что это теперь узнать невозможно; старик уже ничего не хотел отвечать, и дело осталось без хода. Теперь мне остается только повторить самому Государю все, что Нейдгардт прежде писал Перовскому, с некоторыми примечаниями и которые, смею думать, покажут всю умеренность того, что просит сама царица; и смею надеяться, что дело это кончится успешно.

Я уже начал сие письмо, когда, после беспрестанных помешательств, неминуемых по здешнему течению дел, дошло до меня дружеское твое письмо от 24 декабря в

ответ на последнее мое письмо от 10 декабря. Оно меня очень обрадовало уверением, что ты на меня не сердишься и во мне не сомневаешься. Раз навсегда нам с тобою надобно удалить и возможность мысли друг другу не доверять. В одном только не исполню твоего приказанья, а именно в продолжении молчания: я бы сам себя этим наказал, ибо для меня истинное и душевное удовольствие с тобою беседовать, сообщать тебе о здешних делах и просить твоих заключений и советов. Когда нельзя, так нельзя да и полно, но как скоро есть время и возможность, то это всегда будет для меня праздником. — Теперь начну некоторые объяснения на вопросы твои в прежнем письме и на то, что про нас в Москве говорили. Начну с того, что я писал Головину, потому что должен был отвечать на два письма его и уверять его, что я получил записки и сведения, при тех письмах приложенные; но конечно мне в голову никогда не приходило, что от одного Головина я могу получать мысли и соображения военные. Я видел в нем только того, кто еще недавно и в критическое время был здесь главнокомандующим, и я должен был быть признательным за готовность его сообщать мне все, что он почитал для меня полезным. Чтобы я сравнил его с тобою, в военном отношении, это дело невозможное, и ты сам должен это чувствовать: для тебя я нарочно приехал в Москву, и не думай, чтобы это была лесть, а точная правда. Головин случился там, и мы уже много с ним и в Карлсбаде, и в Италии о Кавказе говорили. Я не имел никакого мнения на счет его управления, как военного, так и гражданского; но по обоим статьям его сведения были последние. Тебе кажется тоже, что, по внушениям Головина, я не отдал справедливости генералу Клюке и ни к чему его не представил, а слишком выставил Аргутинского. Но Клюке был представлен мною к шпаге с алмазами за храбрость, получил оную и очень ею доволен, ибо сам

чувствовал, что большего права на награду не имел. Я его не виню за сухарную экспедицию, как ее называют, которая нам так дорого стоила, хотя может быть и тут распоряжения могли быть лучше, и должен сказать, что во все наши жаркие минуты, от Дарго до Герзель-аула, особенно 13-го, 16-го и 19-го, Клюке показал свою старинную личную храбрость и твердость, стоял грудью и готов был на рукопашный бой; но вместе с тем скажу тебе, в откровенности, что его военное поприще должно считаться конченным. Храбрость осталась; но решительности на какую-нибудь ответственность, ежели и когда-нибудь была, то теперь уже вовсе нет. Я это имел случай видеть на деле 14-го июня, под Андиєю, где он хотел удержать Кабардинцев от атаки на Шамиля и не умел их поддержать; а в Бартунае я видел лично то место, с которого он в 44-м году, при Нейдгарте, с 6-ю батальонами и 1500 кавалерии, не смел атаковать бегущего, так сказать, под его ногами неприятеля, спустился было сперва на него с 4-мя батальонами и потом, по слуху, что будто его обходят (чего не было и быть не могло) воротился опять на гору и дал Шамилю уйти из такого положения, в котором, как Шамиль сам говорит, мы уже его никогда не застанем. От самого простого и ни в чем не опасного движения тогда, со стороны Клюке, зависело, может быть, кончить войну одним ударом: Шамиль бы не мог спасти ни одну пушку и с трудом свою пехоту. Клюке напуган событиями 43-го года, и как я выше сказал, природная его храбрость всегда поддержит его в опасности лично, но отдельно употреблять его уже невозможно. Все это должно остаться между нами, для собственного твоего сведения; но мне нужно было в твоих глазах оправдаться.

Теперь насчет Аргутинского. Конечно я не так нов в делах и реляциях, чтобы верить числу убитых неприятелей и даже обыкновенно, как ты сам мог

видеть, в известиях о делах, где я сам находился, я никаких чисел в этом отношении не назначаю. Никто не обязан верить, что Аргутинский 600 лезгин бросил с круч. Но Аргутинский настоящий генерал, имеет большие способности, большой навык, обыкновенно счастлив на войне и знанием края, языков и общею к нему доверенностью и наших войск, и туземной милиции, он незаменим в том важном месте, где теперь начальствует. Конечно, в этом году, я имел некоторую надежду, что он сделает больше, что может быть возьмет Тилитли и нанесет большой удар Кибит-Магомету. Это не сбылось; но я думаю, что Аргутинский сделал все, что мог, и во всяком случае во все нужное время он занимал и оттянул от нас, вместе с храбрым Шварцом, все общества среднего и южного Дагестана. Представить его в генерал-лейтенанты было две причины: 1-я, что он более трех лет занимает, во всех отношениях, с успехом и с общею доверенностью, настоящее генерал-лейтенантское место, а после производства Лабинцова и Фрейтага (из которых последний был моложе Аргутинского) Аргутинский бы никак не остался служить, если бы его не произвели; потеря же его была бы для нас слишком чувствительна. Производством теперь трех отличных людей и прибавя к ним Шварца, я имею четырех отрядных командиров, каких лучше желать нельзя; а покаместь они были генерал-майоры, то столкновения по старшинству беспрестанно мешали, к большому вреду здешних военных дел. Конечно награды были сюда посланы в этом году необычайные; но я думаю, что, прося об оных щедрого и милостивого Государя, я сделал полезное для здешних войск. Вся Россия говорила недавно, что войска на Кавказе обескуражены и потеряли прежний блистательный порыв к сражениям и славе; я этого не нашел на деле и, напротив того, видел везде ту же готовность, ту же неустрашимость, которыми прежде

отличались полки Кавказские; я счел нужным показать им, что Государь ценит их службу и любит их награждать. Я хотел, кроме того, возвысить их самих в собственном мнении; ибо ежели человек, и еще более, целый полк, уверен, что он хорош и страшен неприятелю, то этим самым он таким и делается, хотя до того он ничем этого не доказал. Мы видели примеры этого в этом году в некоторых батальонах 5-го корпуса; я ручаюсь за то, что после трудного похода, и хотя были и опасности, и потери, эти батальоны теперь могут цениться вдвое более, нежели можно было это делать в прошлом году; они считают себя героями, и это уже почти довольно, чтобы быть героями.

Теперь буду отвечать на обвинение, что мы не признавались в отступлении, хотя действительно отступили; потому что, вошед в горы, мы потом из оных вышли опять на плоскость. Здесь может быть спор только об слове. Оставаться совершенно в горах и там зимовать не предполагалось и было невозможно. Мы вошли с одной стороны и когда нужно было выдти, то из Дарго разделились на две части, эшелоны, поставленные для нашего продовольствия, имев направление на Мичикале и Кирки, по которому мы шли вперед. И поэтому можно сказать, что эта часть войска число отступила; мы же пошли тоже на плоскость, но по другому направлению, только не на те места, по которым шли, но на такие, где наших войск еще никогда не было. Кроме того, чтобы идти таким образом, надо было начать с того, чтобы атаковать самого Шамиля в его позиции у деревни Цонтери. Сзади у нас неприятеля в тот день не было; да и в три следующие, т. е. до того места, где мы после соединились с Фрейтагом, арьергарду почти не было дела: неприятель был всегда впереди нас, и мы должны были каждый день штыками брать его позиции. Уже только 19-го числа, когда впереди у нас был не Шамиль, а Фрейтаг, все силы

неприятельские обратились на арьергард, но без успеха, хотя одна рота Кабардинского полка пострадала; 20-го же никакого преследования не было, и мы пришли в Герзель-аул почти без выстрела.

Вот почему я считал себя в праве сказать в приказе, что мы нигде не отступали, а безпрестанно шли вперед на неприятельские позиции. Это приятно для солдат, и можно и им и себе сделать это удовольствие, когда и факты нас в том поддерживают. Впрочем довольно любопытно, что и из тех войск, которые были на линии продовольствия только сперва один батальон из Андии и потом еще два, присоединившиеся к нему в Бурцукалах или Андийских воротах, были преследуемы до Мичикале; а потом весь отряд князя Бебутова, из 11 батальонов, стоял еще две недели в Мичикале и Кирках, потом спустился к Чиркею, не видя неприятеля и совершенно без выстрела. Ожидая, что его будут атаковать, я из Герзель-аула пошел с двумя свежими батальонами и частью конницы, чтобы им помочь и по обстоятельствам остаться еще на месте, ежели будет неприятель, или с ними же спуститься в Чиркей и Шуру; но еще на дороге получил рапорт, что неприятеля нет и что отряд занимается совершенно безопасно отправлением тяжестей и проч, с малыми конвоями. Оставив мою пехоту на Сулаке, я поехал в Шуру, и 4-го августа, т. е. 16 дней после того как мы расстались с Шамилем, князь Бебутов пришел в Чиркей совершенно в мирном положении.

Теперь два слова о нарекании, что мы были в таком положении, что около самого главнокомандующего убито или ранено четверо из его адъютантов и пр. Ты верно понимаешь, что я не искал лично лишней опасности; это бы было несвойственно ни летам моим, ни месту мною занимаемому, хотя с другой стороны я не могу не чувствовать (как и ты бы почувствовал на моем

месте и как ты сам, не один раз, на деле показывал), что офицеру и солдату приятно и ободрительно, когда главный начальник не слишком далеко от них находится. Братское, так сказать, отношение во время огня между начальником и войском, особливо таким, как полки Кавказские, не может не иметь хорошего действия; и потому, хотя я этого не искал, я очень рад, что это так случилось и что во всех отношениях полезно и приятно для моей здесь службы. В Ичкерийском лесу, и именно оттого более, что неприятель был не сзади, а впереди и по бокам, это само от себя сделалось, и я могу это приписать своему счастью. Наш бедный Граббе верно не трусливее меня, он это доказал тысячу раз и в будущее время при каждом случае докажет; но несчастье, которое его преследовало, не дало ему случая натурально и без лишней опрометчивости быть в огне вместе с его подчиненными, особливо в Ичкерийском лесу. Он не мог и не должен был быть со стрелками на флангах или в арьергарде, но это не поправило его здесь моральное положение. Еще до похода в горы я это слышал со всех сторон. Жаль думать, что сей отличный во всех отношениях офицер никого здесь себе не привлек и никакой к себе не внушил доверенности, ни любви. Ежели будет Европейская война, то можно надеяться и даже быть уверенным, что для Граббе опять предстоит блистательное поприще; но здесь служить ему уже невозможно. И не говори, любезный друг, чтобы это было от недостатка громкого имени, вселяющего более или менее доверенность: Фрейтаг и Шварц носят имена нерусские и негромкие; но все офицеры и солдаты на Кавказе любят и уважают их и служат у них охотно и с полною доверенностью. Впрочем бедному Граббе более всего повредили Пулло и Засс: это две чумы, которые нам причинили более несчастья, нежели можно тебе

изъяснить, и покровительство, оказанное им от Граббе, никогда ему здесь не простится.

Вот, любезный друг, что мне нужно было тебе объяснить на счет дружеского твоего извещения о том, что в Москве о нас говорили. Впрочем я не могу довольно быть признательным почтенной нашей старинной столице и всем вообще нашим соотчичам за участие, которое постоянно все брали в наших действиях и за добрые, благосклонные к нам чувства; дай Бог, чтобы я мог заслужить такое участие и такое доброе мнение. Боюсь теперь одного: в этом году находили вообще, что мы слишком много дрались; теперь, может быть, будут критиковать за противное. Но ты хорошо знаешь мое мнение о системе, которой надобно здесь следовать. В прошедшем году необходимо было идти в горы, идти в Андию и Дарго и показать им, что мы не боимся с ними бороться и между скалами, и в глубине лесов; Бог нам помог это сделать, хотя без блистательного успеха, но и без стыда и без лишней потери. Я говорю: Бог нам помог, потому что *без всякой нашей вины* могли бы быть большие неприятности. Не приди в самую пору и с невероятным трудом 13-го к утру лазутчик наш в Андию, мы бы, может быть, потеряли батальон наш, оставленный с храбрым Бельгар-дом, со всеми тяжестями своими и с частью артиллерии. Я это чувствовал при выступлении из Дарго и ужасно этого боялся; но делать было нечего. С другой стороны, Фрейтаг, отошедший из Большой Чечни для пагубной необходимости сенокосения и снабдив таким образом Шамиля лучшими людьми для действия против нас в лесах, получив после того все мои предписания через лазутчиков и с превосходным распоряжением, с невероятною скоростью, пришел к нам на встречу с сильным отрядом; мы бы продрались и без него, но, может быть, не без потери некоторой части наших раненых, вьючного обоза и, может быть,

артиллерии. За все это надо было благодарить Бога: ибо, вместо того, что мы видим теперь беспрестанно доказательства хороших последствий похода в горы, последствия были бы дурные.

Теперь же следует идти по системе менее наступательной, шагами, может быть, более верными, но тихими. Ты уже видел по газетам действия Фрейтага, в прошедшем месяце, в Гойтинском лесу. Для лучшего объяснения тебе этого дела посылаю тебе карточку, показывающую пространство вырубленного и огнем истребленного леса. Теперь он, вместе с Нестеровым, то же самое делает в Гихинском лесу и к 1-му февраля надеется кончить; а между тем Нестеров, покамест Фрейтаг был в Гойте, ходил и очищал пролески от Сунжи до реки Артанка, где, близ Ачхоя, мы должны в этом году строить укрепление, которое составит правый фланг передней Чеченской линии. О сию пору чеченцы почти никакого сопротивления не оказывали, хотя эта операция и им и Шамилю весьма не нравится и что в Гойту послано было несколько тысяч горцев с пушками, которые только что перестреливались, съели все, что было провизии и сена в Чеченских деревнях и потом разошлись еще прежде нежели Фрейтаг воротился в Грозную. Можно надеяться, что то же самое будет и в Гихинском лесу, и тогда большое и полезное дело будет сделано с ничтожною потерей.

Ты первый здесь подал мысль и доказал необходимость истреблять леса по путям сообщения и много в этом отношении сделал, но после тебя никто этим не занимался. Между тем у теперешнего нашего неприятеля есть артиллерия; двух ружейных выстрелов, как прежде, уже теперь недостаточно, и мы должны рубить и истреблять на два пушечные выстрелы, по крайней мере картечные. С истреблением и Гихинского леса и с построением укрепления на Фортанге, положение Малой Чечни совершенно изменится, и

можно надеяться, что она покорится. Подобные же действия для Большой Чечни начнутся в следующую зиму открытием такового же широкого сообщения от Аргуна через Шали к Маюртупу; Лезгинский же отряд в этом году подыметя более или менее, смотря по обстоятельствам, на гору к Дидойским обществам, а для сего, еще с Февраля, начнется рубка леса от укрепления Натлис-Мтцемели (что впереди деревни Сабуй) к горе Кодор.

Эти сведения о предстоящих и будущих наших намерениях должны остаться единственно для тебя; но мне нужно было объяснить их тебе и спросить твое мнение. На правом фланге у нас все спокойно, также и на Восточном берегу. Теперь остается мне у тебя просить прощения за столь длинное письмо; я сам ужасаюсь, смотря, сколько намарано листов; каково же будет тебе читать оные? Прощай, любезный друг; остаюсь на всегда преданный тебе М. Воронцов.

(Собственноручно). Представление в пользу царицы Марии послано.

6

Нальчик, 5 мая 1846 г.

Письмо твое от 13 Апреля, любезнейший Алексей Петрович, я получил в Владикавказе, куда я должен был поспешить из Шемахи по получении известия о вторжении Шамиля в Кабарду. Будучи уверен, что в Москве пойдут всякого рода толки и преувеличения насчет этой экспедиции, я из Владикавказа же написал несколько слов Булгакову, для успокоения на счет предприятия, которое кончилось ничем почти вредным для нас, но совершенною неудачею для нашего неприятеля. Пробыв всего шесть дней в Большой Кабарде, в Черекском ущелье, не успев почти ни в чем с

Кабардинцами и не смев ни взять, ни атаковать ни слабого укрепления Черекского, ни одной станицы на Тереке, он обманул тех из Кабардинцев, которые к нему пристали, обещанием идти через два дня в Нальчик или на Баксан, и, велев им собрать молодцов к нему на помощь, в ту же ночь, с 25-го на 26-е, ушел поспешно к Тереку; там подрался немного с Миллером, который очутился тут с тремя батальонами, тотчас переправился, шел без остановки целые сутки и 27-го по утрам переправился уже через Сунжу, сделав, как ты увидишь по карте, в 36 часов до 150 верст.

26-го числа уже три батальона, пришедшие из Грузии, соединились с Нестеровым, который был на дороге к Ар-дону, в намерении соединиться с Миллером и с ним вместе идти к Фрейтагу. Если бы Шамиль промедлил еще два дня, то ему было бы почти невозможно спастись, по крайней мере с артиллериею; он это почувствовал и, как скоро узнал, что войска из Грузии перевалились чрез горы и пришли в Владикавказ, и видя, что Кабардинцы только что отчасти колеблются, а вооруженного восстания в его пользу никакого не сделали, он решил уйти как можно скорее. Идучи в Кабарду, он послал наиба Нур-Али-Муллу с большим сборищем с приказанием идти чрез Джираховское ущелье к Ларсу и пересечь все сообщения между Грузиею и Владикавказом; но отчасти по нерешительности и отчасти по наклонности Галачаевцев, а еще более Джираховцев пропустить его чрез свое ущелье, Нур-Али ничего не сделал и остался только несколько дней не ближе 30 верст от большой дороги, между тем как наши войска со всех сторон сбирались.

Конечно жаль и очень жаль, что он мог уйти без большой материальной потери, потому что тогда бы был для него решительный удар; но при таком поспешном уходе трудно было против него более сделать. Впрочем

он людей потерял довольно в разных стычках, особливо переправляясь назад через Терек, где половина его отряда была во все время под картечью пушек Миллера; репутация же его и влияние моральное много пострадали, потому что, собрав самое сильное сборище, которого он во все время еще не имел и обещав ему самые блистательные успехи, он не имел ни малейшей удачи. Войска его, собранные из всех частей Дагестана (между пленными есть Аварцы и Унцукульцы) в последние дни совершенно голодали. Кабардинцы не могли или не хотели ему давать хлеба и с большим принуждением только делились рогатым скотом, а на возвратном пути многие умерли от жажды: ибо, чтобы идти скорее и не быть отрезанными Нестеровым, он шел от Терека до Сунжи верст 80 по средней дороге, совершенно безводной. А вместе с тем и он сам, и все прибывшие с ним увидели, что между Черкесскими и другими племенами, ни расположения, ни помощи ему не было, кроме некоторых князей или, лучше сказать, узденей Большой Кабарды, всего 4 человека, которые его вызывали, но потом ничего в его пользу не могли сделать. Народы Правого фланга и Закубанцы на его призывы отвечали, что они будут ждать его успехов, дабы на что-либо решиться и тогда только прекратить мирные с нами сношения; а Карачаевцы ему решительно сказали, что будут драться до последнего и не пустят через их земли.

Все это вместе составляет результат хороший, и мы в этом много обязаны своевременному узнанию чрез лазутчиков о сборе и направлении его и счастливому движению Фрейтага в Казах-Кичу, пред самым моментом переправы Шамиля, несколько верст выше чрез Сунжу, и скорому его преследованию по следам. Это самое поставило Шамиля с самого начала в фальшивое положение. Уже на Тереке Фрейтаг, может быть, мог бы действовать решительнее 18 числа; но с одной стороны

он счел необходимым видеть Нестерова и обеспечить свое продовольствие, а с другой стороны они оба были обмануты фальшивым известием, что вся Большая Кабарда вооружилась и соединяется с Шамилем у Минарета. Как бы то ни было, все надежды Шамиля на народы Правого фланга и между ними надежды тех, которые ждали его и считали на возможность и последствия его к ним прибытия, все эти надежды пропали; а между Дагестанцами и другими, с ним пришедшими в столь неудачном походе, влияние и власть его более или менее должны уменьшиться.

Теперь посмотрим, что он будет делать. Мы будем хладнокровно продолжать наши прежние предположения, а там что Богу угодно, то и будет. Скажу только еще, что если Шамиль имел большие намерения для будущности, то и тут он сделал большую ошибку в выборе на то времени. В первых известиях, полученных мною еще в Шемахе и на дороге, здешние наши начальники, или из опасения того, что сделают Кабардинцы, или по другим, неизвестным мне причинам, давали всему вид весьма серьезный и говорили о возможности потерять владычество России на Кавказе. Я этому с самого начала не поверил по двум причинам: 1-е по скорому преследованию Фрейтага и по уверенности, что большого восстания в Кабарде не будет, а 2), что если дела пойдут немного вдаль, то мы имели в нашу пользу ту огромную выгоду, что 12 батальонов 5-го корпуса (все тысячные батальоны), долженствующие идти в Россию, кроме одного, все еще были на местах и тотчас задержаны: 4 в Дагестане, а 8 на Линии и близ самого театра происшествий. С таким резервом успех наш не мог быть сомнителен, если бы Кабарда и восстала. Заводовский тотчас остановил и поворотил батальон, который был уже за Ставрополем, прочих придвинул; а один, попавшись в руки Фрейтага, участвовал в его походе, равно как и маршевые

батальоны, идущие на комплектование новых полков, Дагестанского и Самурского. Теперь 4 батальона 13-й дивизии уже мною отпущены по прежнему направлению в Россию; прочие же задержаны на несколько недель, пока не везде осмотримся, и маршевые батальоны дойдут до своих новых полков. Все это я сам увижу, ибо отсель отправляюсь после завтра по Тереку на Внезапную, Чир-Юрт, Шуру и в Южный Дагестан.

Здесь в Кабарде все кончено и устроено; главные виновники, писавшие к Шамилю и просившие его прийти сюда, суть Магомет-Мирза Анзоров, Магомет Кожохов, Магомет Тилтеров и Магомет Куденетов; они скрылись в леса или в Чечню. С ними поступлено по твоей прокламации: они объявлены абреками, имение их конфисковано, и все положенные тобою штрафы и наказания объявлены против тех, которые дадут им малейшую помощь или убежище. Кроме этих четырех есть еще один эфенди Гаджи-Берцов, писавший призывание Шамилю и который попал в ту же категорию; главного же эфенди здесь Шаратлука, который хотя был у Шамиля, но его не призывал и потом немедленно явился к кн. Голицыну, мы удалили на время в Россию. Явившиеся ко мне здесь все князья выбрали для нового Кабардинского суда таких, которые не являлись к Шамилю, и все единодушно просили о строгом наказании настоящих виновных. В числе оставшихся у нас вернейшими и показавших более усердия, нельзя не отличить подполковн. князя Мисоста Атажухина, князя Алкаева Мисостова, Батыр-Бек-Тамбиева, подпоручика Мед-Кудепетова, Баты-Гирея Даутокова, Девлет-Гирея Тамбиева, Жашока Агоева, Магомета Намцова и некоторых других. Народ везде остался спокойным, и те только увлечены или вышли сами в горы, которые были на самой дороге Шамиля или как у Магомет-Анзорова, которого владетели к тому принудили. Теперь все до единого уже возвратились в свои аулы и все уже начали

пахать и сеять, как будто ни в чем не бывало. Из тех, которые были собраны у Шамиля в Череке, партия была послана вместе с Чеченцами на Баксан, но как скоро встречены были кавалериею Фрейтага, то Кабардинцы отказались от боя, не смотря на увещания Магомет Анзорова; Чеченцам одним досталось от передовых казаков, и они оставили 5 тел. Ненависть между Кабардинцами, Чеченцами и Тавлинцами останется на долго весьма сильно. Голицыну были трудные минуты до прихода Фрейтага к Череку, и он не мог не ждать атаки для самого Нальчика; но решительно Шамиль не смел ничего атаковать и тем еще более показал слабость свою всем здешним народам.

Я здесь сижу у стола, на котором пишет обыкновенно Голицын и на котором лежат два закона, которые служат ему руководством: Кора во Французском переводе и твоя прокламация, и положение насчет Кабардинского народа. Я это письмо начал в Нальчике, продолжал сегодня 12 числа в Внезапной, а кончу, надеюсь, в Шуре. Вчера я осматривал и решил местность для построения укрепления на Эрак-Су, на половине дороги отсюда до Герзель-аула и в ровной дистанции 11 верст от сих двух укреплений и Таш-Кичу. Эта мера и постановление драгунского полка в Чир-Юрте, куда я сегодня иду, много успокоят и утвердят всю здешнюю плоскость. Из Шуры постараюсь отвечать на разные пункты письма твоего; между тем скажу теперь о причине, по которой отдан под суд полковник Копьев.

Он обвиняется в трех пунктах: 1) Жестокое наказание в 1844 г. одного мастерового слесаря за какой-то ключик, дурно сделанный для его шкатулки, и от которого он исчах и скоро умер в госпитале; смерть его показана иначе, и наказание даже не записано в штрафной книге. 2) За фальшивое донесение вот по какому случаю. В прошлую осень рядовой, также мастеровой команды, повесился; в полку делали

следствие о сем и донесли бригадному командиру, «что никакой причины на это не открылось, кроме той, что тот рядовой был пьяница». Время было выбрано, когда бригадный командир генерал Врангель был в отсутствии. Тот же полковой командир Копьев вышел и бригадным, дело велел предоставить воле Божьей и донес в Главный Штаб, что никаких причин не открылось. По дошедшему до меня сведению послано исследовать, и вышло, что рядовой повесился после наказания, также жестокого, за то, что он будто без позволения делал для какого-то генерала мебель и что по вскрытии тела медиком найдены сильные знаки наказания, которые медик скрыл, равно как и офицер при вскрытии бывший, и что фельдшера даже показали, что в ранах были остатки палок или розог. 3) Он был, по прежнему еще утверждению Нейдгардтом, поставщиком провианта в своем полку и давал солдатам такую муку, что они теряли 10 % на очистку, которых он им не вознаграждал. Два раза на этот счет были жалобы и ему замечания; наконец, при последнем следствии найден в той же несчастной мастеровой команде, которая не имела способов как в ротах очищать муку, такой хлеб, который, по сделанному формальному акту, назван отвратительным и вредным. Вот, любезный Алексей Петрович, за что Копьев отдан под суд. По моему мнению и по моей совести причины более нежели достаточны. О прежней его службе, которую ты называешь блистательною, я ничего не знаю; знаю только, что в последние годы здесь он нигде не был, никуда не просился; а теперь, когда два батальона его полка назначены в экспедицию, он не только не просился с ними идти, но беспрестанно ходатайствовал, чтобы первый батальон оставался на месте... Он опять просил об этом бывшего начальника штаба, даже после того, когда я ему сказал, что с такими правилами он не будет находить благородных людей, чтобы служить

офицерами в уважаемом Грузинском гренадерском полку. Все его занятия были по провиантской части и формировании мастеровых, которых я с самого начала прогнал несколько десятков из Тифлиса, между прочим одного парикмахера, прекрасного гренадера, который учился сей благородной науке у Французского парикмахера в Тифлисе, взамен другого, который у того же парикмахера учился и в прошлом году, купаясь в Куре, утонул. Правда, что на это была причина; ибо Копьев сам носил парик и для того желал иметь настоящего для сего артиста. Впрочем, я сначала донес чрез военного министра, что конфирмации по делу Копьева я здесь не положу, а все дело отправлю с одним только моим мнением на рассмотрение генерал-аудиториата и высочайшее разрешение Государя Императора.

С Дадыяном поступлено может быть и слишком строго, и может быть от того самого и последствия не были совершенно удовлетворительны; злоупотребления в том же роде продолжались и теперь еще не вовсе искоренились. Из Тифлиса я выслал осенью к ближним своим полкам 630 человек, т. е. сильный батальон, которые были там без пользы и в противность закона. Всего труднее справиться с сенокосами, которые почти везде сделались спекуляциею полковых командиров; привести это в совершенный порядок очень трудно, почти невозможно, но буду стараться сколько сил будет. За прошедшее не взыскиваю; стараюсь только, чтобы на будущее время всего этого было менее.

Я оканчиваю это письмо в Шуре; но при первом досуге и не позже как из Тифлиса, где и надеюсь быть к 1 июня, буду отвечать на другие статьи письма твоего и распоряджусь насчет карт для тебя и сведений. О Кучине я справлялся и сегодня его увижу; он не был представлен в прошлом году полковым командиром в офицеры, потому что слишком недавно был произведен

в унтер-офицеры, но при первом случае это будет сделано. Его очень хвалят, и он заведывает школою колонистов; но как скоро какой-либо батальон пойдет туда, где могут быть случаи отличиться, то он будет туда откомандирован, а школа отдастся другому. Пожалуйста, скажи все это почтенному его отцу.

Едучи сюда, я назначил прекрасное место для укрепления на Эрик-Су, между Герзель-аулом и Внезапной, а третьего дня имел удовольствие видеть отличное укрепление в Чир-Юрте на Сулаке, которое Лабинцов успел построить прошлую осень после экспедиции; это укрепление, перевод драгунского полка на Сулак и расположение нового Дагестанского полка выше Шуры в Ишкартах, совершенно обеспечат Шамхальскую плоскость и сильно помогут, вместе с укреплением на Эрик-Су, для успокоения и Кумыхской плоскости.

Прощай, любезный друг. Стыжусь многословия сего письма; но мне нужно было тебе объяснить дело Копьева. Известия из гор все благоприятные на счет впечатления от огромной и неудачной экспедиции Шамиля. Обнимаю тебя душевно и остаюсь навсегда преданным тебе М. Воронцов.

7

Темир-Хан-Шура, 15 мая 1846 г.

Любезный Алексей Петрович. Я сегодня отправил по почте длинное письмо к тебе, а теперь пишу два слова с едущим в Петербург одним из отличившихся здесь людей, Дукай-Кадий Ауховский. Сделай милость, будь к нему милостив. Он привык тебя уважать, как все здешнее народонаселение; он несколько раз показал отличную храбрость и совершенную к нам преданность. Прошлого года в деле у Анди он был со мною, когда я

спешил к делу кн. Барятинского и по такой дороге в гору, что ни одна лошадь под бывшими со мною не могла подниматься, и мы с ним проехали почти вдвоем. Прощай, любезный Алексей Петрович. Дукай может много тебе рассказать про здешние дела. Преданный тебе М. Воронцов.

Владикавказ, 1 июля 1846 г.

Я получил третьего дня, любезный Алексей Петрович письмо твое от июня и надеюсь сегодня иметь свободное время, чтобы ответить и на оное, и по некоторым статьям на прежнее от 13 апреля; потому что из Шуры я только мог написать о получении оною. Я просил о назначении губернатором двоюродного твоего брата <Сергея Николаевича Ермолова> потому что от всех хороших людей здесь слышал о нем лестные отзывы и конечно не могу скрыть, что, при таких отзывах и при равных правах, мне приятнее иметь дело с Ермоловым, нежели с Трандафиловым или даже Кампенгаузеном. Я теперь душевно радуюсь сему назначению, видя, что ты его любишь, так его хвалишь, и что он сам рад сюда ехать и здесь служить.

О снятии запрещения с имения сына почтенного барона Розена я точно отнесся куда следует вследствие письма твоего, но не знал и очень теперь радуюсь, что это сделано. Что же касается до царицы Марии, то, также вследствие твоего уведомления, я писал и сильно писал в ее пользу. Ладинский мне в этом хорошо помог, и мы, кажется, сильно доказали умеренность ее просьбы и справедливость и пристойность удовлетворить оную; но это дело еще не решено. Великий наш министр внутренних дел, кажется, обиделся тем, что я должен был сказать о прежних по этому делу действиях; а

Государю, я думаю, напомнили, что она убила Лазарева. Впрочем, если будет возможность и долго не будет разрешения, то я опять попробую напомнить.

Дай Бог, чтобы твое предсказание насчет Шамиля сбылось; но оно основано и на рассудке, и на знании края и дел. Положение его конечно затруднительно. Горцы мало по малу теряют к нему доверенность, видя, что несмотря на его действия и обещания, мы всякий год ближе к ним подходим и все наши предположения приводим не торопясь, но постоянно, в действие. Недавно еще приходил к нам к цепи, в лесу около Фортанги, один известный эфенди, часто употребляемый Шамилем, говоря, что он и некоторые другие из самых почетных лиц в горах и из числа духовных, намереваются, если в этом году Шамиль не будет иметь успехов против нас, не только от него отклонится, но и провозгласить везде, что он недостойн владеть над народом и отступник законов Корана, ибо употребляет зверскую деспотическую власть против настоящей пользы племен, которые теперь ему послушны. Конечно нельзя давать веры подобным словам; но из них и многих других фактов можно надеяться, что влияние его уменьшается. Чеченцы Малой Чечни единогласно говорят, что если Шамиль не может помешать нам выстроить начатую теперь крепость, им не остается другого средства, как покориться. Шамиль это знает и не смеет идти на Лабинцова, который строит крепость, и не смеет также оставаться без действия, приказывает собраться и набам действовать против нас; но набов не слушаются: он один по твердости характера и по страху, который все к нему чувствуют, может к чему-либо принудить и что-либо предпринять.

По возвращении из Малой Чечни я был здесь около недели и собирался вчера ехать на левый фланг Лезгинской линии разрешить один важный вопрос

насчет мер, принятых ген. Горским и позиции части его отряда на горе Кодор, как вдруг рано поутру Нестеров принес мне известие довольно положительное о сильном сборе в Шалях, в Большой Чечне и что Шамиль сам туда отправился с пушками. Разумеется, что я остался здесь и очень рад, что, полагая доехать вчера только до Казбека, я не отправился рано поутру и теперь подожду, чем все это объяснится. А Владикавказ в теперешних обстоятельствах есть пункт самый центральный; будучи на большой почтовой дороге, я получаю скоро со всех сторон известия и могу легко управлять всеми распоряжениями, получая кроме того всякий день, через наших азиатцев, известия от Лабинцова. Не знаю, что Шамиль может и хочет предпринять. Если у нас есть пункт слабый на время, то это Кумыкская плоскость; но и тут я надеюсь на благодать Божию, что он ни в чем важном не успеет. Они, месяц тому назад, не могли помешать Козловскому начать строить укрепление на Ярык-Су. Фрейтаг на днях должен получить целый Донской полк с Правого фланга, а драгунский полк подходит к переправе через Терек в Амираджи-Юрте, чтобы идти на Сулак-Тавлинцов. Шамиль не может иметь с собою много: они боятся и за свои пределы с тех пор, как мы укрепились в прошлом году в Чир-Юрте, а теперь заняли Ишкарты для штаба нового Дагестанского полка. С южного Дагестана никто или мало кто придет, ибо Аргутинский с 7 батальонами около Кумыха и горы Турчидага. Они ходили с Шамилем в Кабарду, потому что Аргутинский тогда был на зимних квартирах на Самуре, и эта экспедиция немного им прибавила охоты служить Шамилю; сбор же, какой есть в Большой Чечне, должен на что либо решиться немедленно, ибо долго их держать вместе невозможно, особливо теперь, что сенокосы начались и жатва скоро начнется. Надобно полагать, что Шамиль хочет держать чеченцев в нерешительности между страхом и

надеждою в самое то время, когда они входят более и более в сношения с нами о покорности; может быть также, он надеется всеми этими движениями и угрозами расстроить и отвлечь нас от построения новой крепости; но я надеюсь, что в этом он ошибается. Конечно, надо бдительно смотреть за его действиями и принять по оным нужные меры, но мы между тем будем спокойно и хладнокровно продолжать наше дело и ожидать, что Богу будет угодно. Место для нового укрепления прекрасно.

Осмотрев Сунжинскую линию и работы в новой 3-й станице, 18 числа я перешел Сунжу с отрядом генерала Лабинцова, 9 1/2 батальонов и до 800 конных. Мы пришли в тот день на Ассу, не видав ни одного неприятеля, а 19-го перешли через Фортангу и пришли на Правый берег после незначительной перестрелки с жителями ближних аулов, которые нам после объявили, что якобы их заставляют днем по нас стрелять, а ночью они будут приходить толковать и просить о будущем их положении. 20-го числа я осмотрел всю местность от Фортанги к Ачхою и кругом, и мы нашли, что нельзя желать лучшего и выгоднейшего места для построения укрепления как то, на котором мы стояли лагерем. Местность сия имеет все возможные выгоды: на самой хорошей текучей реке, с прекрасным полем верст 5 в диаметре впереди, с таковым же гораздо большим назад, с маленьким редким лесом, как будто нарочно для нужд укрепления вверх по течению Фортанги, и с другим более значащим вниз по течению оной, к вырублению которого на полтора пушечные выстрелы тотчас приступлено. С тех пор из Гихи пришло один раз до 200 человек конницы лесом с левой стороны, привезли две пушки, которые стреляли без всякого вреда; но как скоро Лабинцов обратил на них батарейное орудие и вывел из лагеря часть конницы, они тотчас ушли и с тех пор не показывались. Вот наше

теперешнее положение. Так как это письмо отправится только завтра, если что либо случится до того времени, то припишу.

Не знаю, князь Бебутов писал ли тебе, как он хотел, как он меня провожал по Акушинской земле, когда я поехал в Южный Дагестан; он мне показывал место, где вы дрались, не доходя Лаваши, и мне было весьма интересно слышать все подробности от человека, который был во все время при тебе. Оттуда я проехал в Цудахар, потом в Кумых, Чирах, Курах и проч. И потом заехал в Баку, где мне не досталось быть из Шемахи, когда я получил известие о Шамилевой экспедиции в Кабарду. Весь этот вояж был для меня преинтересный и преполезный; нельзя иметь понятие о крае, особливо о Дагестане, не видав оного на досуге, едучи шагом верхом и вместе с таким человеком, как князь Аргутинский, который там командует и управляет уже несколько лет. Я вижу по твоим письмам, что ты его не очень жалуешь; но уверяю тебя, что во многих отношениях, и особливо в военном, такие люди не часто встречаются; никто не имеет более таланта беречь войско, кормить оное, снабдить всем нужным, потом вдруг перевести скоро туда где нужно, действовать решительно, употреблять туземную милицию, узнавать все, что делается у неприятеля, пользоваться всяким хорошим случаем и без нужды никогда не жертвовать драгоценною кровию наших солдат. Результат всего сего есть, что в течение целых пяти лет он везде успевал где нужно, имел много удачных дел, никогда не потерпел большой потери.

Теперь я должен отвечать на один пункт первого твоего письма, где ты удивляешься о производстве старика князя Эристова и спрашиваешь, как я мог о том представить. Признаюсь, что я представил и готов сказать почему. Эристов старый и почтенный слуга Государю и России, из первых грузинских фамилий,

душевно предан нашему правительству, служил усердно и храбро, Бог знает сколько лет (ибо я его застал в 1803 году уже подполковником) и пользуется общим уважением и почтением; уже несколько лет первый в списке генерал-лейтенантов и всякий год обойден людьми которые в сравнении с ним могут считаться мальчиками и которых заслуги никому не известны. Когда производят Бибикова, который 10 лет теснит и истребляет три губернии, или Шуберта, который 30 лет ровно ничего не делает, как не произвестъ, *par ordre du tableau* <в порядке очереди>, почтенного старика князя Эристова? Разве потому, что на него сердит один добрый твой приятель <князь Паскевич> за противозаконное овладение Тавризом? Нет, любезный Алексей Петрович, я полагаю, что при таких производствах несправедливо бы было обходить Эристова и что сие производство должно быть приятно для всей Грузии и для всей армии. Конечно, ты видел в нем подчиненного, которым ты имел случай быть недовольным; но это дело прошедшее, а служба его вообще честная и долговременная; я же в нем видел человека, который уже был подполковником и дрался отлично в Кабардинском полку, когда я был поручиком, и я не мог не желать, чтобы он получил то, что получают ежегодно и без всяких побудительных причин.

Я надеюсь, что ты получил план вырубки в Гихинском лесу. Насчет карты Дагестана, сношений с Кахетиею и проч. ты имеешь 20 верстную общую, печатанную в Тифлисе, где все это находится: другой специальной нет, кроме 5-ти верстной, которой по множеству листов у нас при штабе так мало экземпляров, что до сих пор даже отрядные командиры оной не имели, и которую впрочем никогда не испрашивали как должно по новым сведениям и маршрутам. Я еще зимою много об этом спорил, но бывший генерал-квартирмейстер Герасимов так был

занят другою фаворитною для него работою, что я не мог добиться толка; теперь вся эта часть в недоумении, новый квартирмейстер генерал Вольф не совершенно принял оную и теперь исправляет должность помощника начальника штаба. Но я постараюсь сделать для тебя другое. И 20 верстная и 5 верстная так спутаны и сконфужены темнотою красок гор и лесов, что для меня по крайней мере они негодны для употребления. Я для тебя велел сделать экземпляр 5 верстной без этих изнурительных для глаз красок; не все листы еще готовы, и много в этой новой карте не достаёт, но по крайней мере дороги и расстояния ясно узнаются.

С Лезгинской линии я ворочусь сюда через Тифлис и пробуду там дня 4 или 5; в это время я постараюсь исполнить твое желание и служить тебе как можно лучше. Впрочем, прочитав твое письмо, я должен подозревать, что у тебя нет и 20 верстной карты, которая в Тифлисе даже продается, и в этой мысли я напишу, чтоб тебе послали по почте один экземпляр, которым тебе усердно кланяюсь; если же ты эту карту уже имеешь, и она тебе не нужна, то пошли ее от моего имени Андрею Васильевичу Богдановскому, который верно ее не имеет и, по дружбе ко мне, очень интересуется этим краем. С сего же месяца я велю начать делать для тебя записку, для отсылки по крайней мере два раза в месяц о всем, что здесь делается. Все, что до сих пор достойно было быть известным, послано мною в Петербург для напечатания в газетах. Я не мог еще завести здесь настоящий порядок для общего военного журнала о происшествиях, потому что здесь давно заведено, что каждый отдельный начальник посылает за «Кавказом» не в Тифлис прямо, а здесь чрез командующего войсками в Ставрополе и кроме того к военному министру, и при мне никого до сих пор еще нет, чтобы это толком все собрать. Между прочим, нет и не было здесь никогда при главном начальнике военной

канцелярии, а это вещь необходимая. Для тебя кроме того будет любопытно узнать, что делается по гражданской части; я устрою это для тебя в Тифлисе с Сафоновым. Теперь скажу тебе только в добавок того, что ты увидишь в газетах и что в этом письме написано: 1) что патриарх Нерсес миропомазан и посвящен в Эчмиадзине 9 июня при огромном стечении народа; мне бы самому хотелось быть при этой церемонии, но это было невозможно; ездили туда присутствовать при оной исправляющий должность губернатора Жеребцов и адъютант мой полковник Минквиц. При сем я должен тебе сказать, что Нерсес и для армян, и для нас, — человек драгоценный и совершенно превосходный против его нации, особенно по духовенству. Горестно думать, что этот человек был 15 лет в отсутствии и бездействии, когда бы он во все это время оказал величайшую пользу, сперва как епископ в Тифлисе и потом как патриарх. Во все это время черт знает какие у них были люди и что они здесь делали. В Тифлисе все начатое Нерсесом было брошено или запущено; что делалось в Эчмиадзине, ты можешь судить из того, что один из архиереев и членов синода (по случаю умерший в прошлом году) в последний год Персидского там управления, будучи уже архимандритом, был сильно подозреваем в воровстве драгоценных патриарших вещей, пытан с помощью сардаря, изобличен, и вещи у него найдены, и чрез несколько лет посвящен архиереем. Зная это обстоятельство и не зная еще о его смерти, по приезде Нерсеса, я о нем спрашивал; он мне отвечал: «Все правда; но, слава Богу, Бог милостив: взял его к себе два месяца тому назад».

В Эриванском уезде (жаль, что не область) мы начали возобновлять и улучшивать старые водопроводы, совершенно брошенные после управления Розена; дело идет с успехом; я велю о том составить для тебя выписку в Тифлисе. Другое дело у нас в хорошем ходу:

положение высшего магометанского сословия, лишенного всякой собственности по распоряжениям барона Гана. Государь уже изволил утвердить, и им объявлено, что все земли, бывшие во владении у агаларов, им отдаются навсегда потомственно; теперь дело идет только о некоторых подробностях насчет повинностей, которыми будут обязаны поселяне, живущие на землях, принадлежащих бекам и агаларам. Проект об этом был послан в Петербург, там рассмотрен, прислан сюда для некоторых объяснений, и скоро выйдет положение; я надеюсь, что это дело утвердит спокойствие и верность к нам здешних мусульман, которые вообще приняли это с большою благодарностью.

По общему управлению края составляется проект об особой Имеретинской области, а в последствии мне бы хотелось иметь такую же Эриванскую или Армянскую, сделай милость напиши мне об этом деле твое мнение. По части дорог я стараюсь и надеюсь устроить прибрежную дорогу от Сухум-Кале до Редут-Кале с паромными переправами через Кодор и Ингур, близ устьев сих рек, где они расширились, не так быстры и сердиты, как выше. В Сухум-Кале я уже с прошлого года начал сушить болота и это дело идет хотя тихо, но не без успеха. От Редут-Кале до Кутаиса инженеры путей сообщения так умели устроить и направить, что нет никакого проезда даже верхом, и все идет как вверх, так и вниз, Рио-ном. Из Имеретии до Сурама, по милости тех же художников, более 4-х месяцев не было никакого колесного сообщения. Обе эти дороги теперь в ходу по другим направлениям, прежде бывшим и от которых округ направил на другие, как будто нарочно, чтобы всегда брать деньги на ремонт и никогда не иметь дороги. Дормез, присланный ко мне из Одессы в октябре, дошел до Тифлиса только в апреле и то с большими повреждениями; можешь судить, каково для

частных лиц и купцов! Генер.-майор Бюрно делает прекрасное шоссе по Шинскому ущелью и речке Ахты-Чай до сел. Ахты; эта дорога будет драгоценная во всех отношениях и укоротит более нежели на 200 верст для военных движений и торговли из Кахетии в Южный Дагестан и Дербент.

Ген. — майор Горский сделал большую вырубку леса и прекрасную широкую дорогу от укрепления Натлис-Мтцемели среди деревни Сабуи до подошвы горы Кодор, а теперь делает таковую зигзагами до вершины оной; наконец, здесь мы исправляем сколько можно с прошлого года большую Военно-грузинскую дорогу и перевал через Кашаур, совершенно брошенный и забытый в последние два или три года, потому что они затеяли дорогу по Гудошаурскому ущелью от Пассануара до Казбека, для обхода теперешних затруднений. Я не могу судить, будет ли или нет полезна эта новая дорога, об этом много споров; но во всяком случае она не будет готова еще через 10 лет, а между тем никакого проезда бы не было.

Вот главные наши занятия как по военной, так и по гражданской части. Я боюсь, что ты будешь даже испуган огромностью этого письма; но я хотел на сей раз, пользуясь случайным досугом, дать тебе понятие, сколько мог вспомнить, о всем, что делается, а на будущее время устрою для тебя регулярные выписки.

Вчера и сегодня, 2 июля, мы ничего не получили о движениях неприятеля, и можно полагать, что, если сбор действительно есть, то они потянулись на Левый фланг и на Кумыкскую плоскость; к вечеру или завтра это должно объясниться. Я забыл тебе отвечать на счет петербургской моей поездки, но подробности письма сего послужат лучшим ответом. Возможно ли при таких обстоятельствах и начатых делах так далеко отлучиться? Дай Бог только, чтобы я мог осенью поехать отдыхать несколько недель на южном берегу Крыма;

там, с помощью пароходов, я могу скоро и обо всем узнавать и, если нужно, сюда возвратиться, а отдых этот для меня нужен и весьма бы был приятен.

Бедному Дадиану я был рад оказать маленькую услугу. На нем лежало еще какое-то взыскание от полка; я просил об избавлении его от оногo, и просьба уважена.

Прощай, любезный друг. Если что будет важное, я опять напишу. Остаюсь навсегда душевно тебе преданный М. Воронцов.

9

Тифлис, 15 декабря 1846 г.

Любезнейший Алексей Петрович, я точно виноват пред тобою, но виноват, ей-Богу, без вины: ибо первые недели по возвращении в Тифлис я так завален запущенными в моем отсутствии бумагами, не говоря о новых, и потом бесчисленными просьбами, претензиями, требованиями личных свиданий и объяснений и пр. и пр., что в сравнении с этим лагерная жизнь показывается сибаритскою. Кроме того, с некоторых пор и, как надобно полагать, от старости и расслабления, мне необходимо спать от 8 до 9 часов, вместо 6 или 7, которыми я прежде довольствовался. Меня уверяют, что для здоровья это очень хорошо, и это может быть так, но для дела это невыгодно: ибо лучшее время, т. е. рано поутру, для меня потеряно, и это было именно то, которое мне служило для частной корреспонденции и собственных дел.

Письмо сие отдаст тебе сын мой, который едет месяца на два в Петербург и которому я поручил быть непременно у тебя, если только ты в городе. Он тебе расскажет о нашей здесь жизни и о прекрасной нашей погоде, а между тем я тебе буду отвечать на несколько пунктов последнего письма твоего. На счет дел и

распоряжений здешних по гражданской части я точно поручил Сафонову держать тебя в известности и, чтобы тебе было более знакомо все, что здесь сделано до Июля месяца сего года, я поручил ему послать тебе копию отчета моего Государю за первый год моего управления; он мне писал из Петербурга, что этот отчет списывается и будет тебе прислан. На счет же военных дел и пр. я не могу лучше доказать тебе решительное мое желание, чтобы все тебе было известно о здешнем крае, как тем, что пошлю тебе с князем Кочубеем, который едет после завтра, весьма секретную бумагу в копии той, которую я вчера отправил Государю на счет всех военных действий текущего года, предположений моих на будущее и нашего военного положения здесь вообще. Я прошу тебя, любезный Алексей Петрович, и уверен, что ты почувствуешь необходимость этого, чтобы эта бумага никому не была показана и чтобы никто не знал, что она в таком виде тебе посылается. Весьма натурально бы было, чтобы я все те же подробности послал бы тебе в моих письмах; но не надобно, чтобы в Петербурге знали, что я тебе послал копию с самого рапорта, тем более, что все что касается до будущих предположений для Южного Дагестана должно держать в совершенной тайне. Я еще писать буду с Кочубеем, а между тем посылаю тебе только еще сегодня справку на счет подпоручика Свешникова, о котором ты интересуешься. Суд производится, и я особенно займусь этим делом, как скоро оно до меня дойдет; когда же оно дойдет, не знаю, ибо военно-судная часть у нас в самом жалком положении: аудиторов весьма мало и большая часть из них пьяницы и негодяи, почти постоянно на гауптвахте. Нам обещают для будущего года полевой аудиториат на другом положении, о чем я прошу с самого моего прибытия. Аудиторов и в России нет порядочных, но по крайней мере пришлют, я надеюсь, людей трезвых, а

может быть и честных. Прощай, любезный друг; остаюсь навсегда твой М. Воронцов.

Тифлис, 17 декабря 1846 г.

Я надеюсь, любезный Алексей Петрович, что князь Кочубей, который повезет тебе это письмо, найдет тебя в Москве; но если ты будешь в деревне, то отдаст пакет дворецкому или человеку в твоём доме, а если не найдет такого, которому можно бы поверить, то он поговорит Булгакову на счет доставления надежным образом оного тебе. Я опять повторяю мою просьбу никому не показывать приложенной при сем копии, а говорить о содержании оной, как будто о статьях из разных моих писем, кроме однако о предположениях Южного Дагестана, которые должны быть совершенною тайною. С получением гражданского отчета от Сафонова, ты будешь в известности совершенно о всем, что здесь делалось и делается. Я надеюсь скоро прислать тебе новую гравированную карту всего края десяти-верстного масштаба, которую в штабе обещают кончить в феврале; что касается еще до пятиверстной, то оной не остается ни одного экземпляра, так что по требованию Шубертом для Государя нельзя было послать. Я еще все не квит перед тобою и имею много пунктов двух твоих писем к ответу, но сегодня мне писать более невозможно, и я должен это отложить на несколько дней; по крайней мере ты видишь, что если не всегда есть у меня возможность, то всегда есть желание, чтобы ты все знал, что здесь делается. Ты конечно поверишь, что то, что я сегодня к тебе посылаю, никому, кроме тебя, сообщено мною быть не может, но зато никого нет, которого мнение было бы для меня столь драгоценно, как твое. Подробности дел князя

Аргутинского, как и славного дела Кутишинского, все были напечатаны в газетах. Один из сыновей твоих особенно отличился у князя Аргутинского, так что Георгиевская дума здесь сочла возможным, чтобы он получил Георгиевский крест вместе с старшим его артиллерийским офицером; не знаю, как решит главная дума в Петербурге. Прибавлю только одно слово в сегодняшнем письме, а именно, что если бы было у тебя какое либо сомнение на счет всегдашней и постоянной неустрашимости здешних войск, то можешь совершенно быть спокоен. Конечно 1842 и 1843 годы имели некоторое влияние на некоторые отдельные части и на некоторых начальников, лично храбрых, но не имеющих морального постоянства духа, без которого одна храбрость недостаточна. Было у многих какое-то неопределенное понятие о достоинствах и могуществе Шамиля, в миниатюрном виде напоминающем мне о том, что многие из наших первенствующих и конечно храбрых людей колебались и боялись в 1814 году, когда мы были уже почти в виду Парижа. О всем том, если ты хочешь, я тебе когда-нибудь напишу подробности; но будь уверен, что вообще военный дух тут тот же, что и прежде: я видел это несколько дней сряду в прошлом году в обстоятельствах не весьма плавных, а в этом году генералы Козловский и Битовский на Кумыкской плоскости и потом князь Бебутов в Кутиши явно доказали, что как скоро наши штыки идут прямо на Шамиля, как на всякого другого, то успех не есть проблема, а неминуемое последствие. В числе же полков, как и всегда было, есть некоторые, которые превосходят других. В мое время, при Цицианове, Кабардинский пехотный и 17-й егерский полк были бесспорно первые; теперь тот же Кабардинский и Куринский егерский всеми признаны и называемы *les braves des braves* <храбрые из храбрых>, но и во всех других полках дух отличный. 5-й корпус конечно не мог

равняться с Кавказским, и новые полки, которые из него составлены будут, сначала немного слабее и морально и даже физически; но они уже показывают желание сравниться с старыми полками, и я уверен, что в скором времени много успеют. Прощай, любезный друг, довольно на сегодня. Я думаю, что ты будешь жаловаться на длинное это письмо, тем более, что приложенный пакет более тебя будет интересовать, нежели самое письмо. Сделай милость, напиши мне откровенно о всех твоих мыслях и мнениях на счет этого рапорта; но некоторые вещи не пиши по почте и также не говори, что ты читал такую-то бумагу, но в общих словах ты много можешь написать, как бы в ответ на обыкновенные письма, а где надобна осторожность, пиши с оказиею. Остаюсь навсегда преданный тебе М. Воронцов.

11

Тифлис, 22 апреля 1847 г.

Любезный Алексей Петрович! Я так пред тобою виноват, что не умею и не смею извиняться. На многие пункты твоих писем я собирался отвечать на досуге, и ты, может быть, не поверишь мне в этом; но этого досуга я не нашел. Первая тому причина, как я уже раз тебе писал, есть то, что для моей дряхлости нужно теперь гораздо более против прежнего сна и, вставая против прежнего двумя часами позже, я теряю те же самые два часа самого лучшего времени для дел, как партикулярных и партикулярной переписки, так и для служебных, текущих и экстренных. В два часа по полудни я чувствую, что я должен быть свободным, для избежания того, что доктора называют *febris cerebri*; со всем тем редко могу избавиться от дел прежде 3-х часов. До 6-го езжу как можно более верхом, а вечером я

никогда и прежде делами не занимался и не мог заниматься, хотя ни обжорою, ни пьяницею меня назвать нельзя. Играю всякий вечер в карты и в этом нахожу еще ту большую пользу, что тут и в разговоре никто уже не атакует меня с делами. Вследствие этого принужденного распределения времени часто случается, что несколько дней сряду не имею ни минуты для партикулярной переписки.

Уже теперь три месяца, что возле меня лежат те из твоих писем, которые заключают вопросы, на которые я должен отвечать, и к величайшей моей досаде не мог еще к тому приступить; это будет однако непременно сделано и как можно скорее. Письма твои всегда будут со мною в шкатулке, и я найду и надеюсь в скором времени свободный час, чтобы исполнить то, что я давно бы должен сделать. В походе или в лагере иногда гораздо более свободного времени, нежели здесь в центре управления, где кроме дел и пустых и нужных беспрестанно получают сведения и известия с театра главных наших действий, из коих большая часть изменяется следующею почтою, но на которые надо отписываться и распорядиться и часто надобно беспокоится. Но на это я всегда был хладнокровен, и теперь опыт многих десятков лет мне доказал, что недоверчивость к пустым слухам и хладнокровие насчет пугательных известий есть единственный способ для спасения и своего здоровья, и самого дела, когда вместе с тем однако все предосторожности всегда взяты для могущих быть опасностей.

Ты мог видеть из печатных наших известий, что вся зима, как и прежде того осень и теперь почти половина весны, прошли без всякого не только вредного для нас нападения от неприятеля, но даже без всякого серьезного покушения. Напротив того, все поиски с нашей стороны были удачны и некоторые довольно важны. Со всем тем во все это время не проходило

недели или 10 дней, чтобы я не получал известия от разных начальников, что неприятель в ужасных силах собирается то на один пункт, то на другой, и что некоторые единомышленники готовы их принять и соединиться с ними. Если бы я хоть одной половине всего этого верил, я был бы в беспрестанном кипятке и раза два или три должен был бы решиться бросить все здешние дела по устройству края и ехать на Линию; но я не верил и десятой части всего написанного и, зная расположение и силу наших войск, я только что им показывал, где должны быть резервы и всегда объявлял им в ответ, что одно только раздробление наших войск и несогласия между начальниками могут иметь дурные последствия, но что силы наши таковы, что неприятель никуда серьезно не пойдет и что мы должны желать и просить Бога, чтобы Шамиль опять пустился на что-либо подобное прошлогоднему: ибо после того примера он конечно был бы гораздо более наказан. Во все это время я немного боялся за один только пункт, а именно верхние деревни Ка-зикамыхского ханства, которые мы не можем защитить до половины мая, так что и теперь опасность сия не совершенно миновалась. В тех высоких местах подножный корм является поздно, и до того времени ни войска наши, ни жители не могут восстановить разоренные в прошлом году деревни Цудахар и Ходжал-Махи. Первая из них открывает всегда свободную дорогу и на Акушу, и на Кумых. На Акушу я их не боюсь, потому что мы могли поставить резервы довольно близко; но деревни между Цудахаром и Кумыхом и самый Кумых, кроме укрепления, где у нас две роты, неприступны, и не могут быть скоро подкреплены по невозможности Самурскому отряду зимою держать резервы даже в Курахе. К будущему году это положение должно поправиться. С места я непременно писать к тебе буду, а между тем Сафонову я поручил сообщить тебе все, что окажется

примечательного по гражданским распоряжениям здесь и во-первых все, что у нас теперь в ходу по устройству сообщения с Черным морем.

Прощай, любезный Алексей Петрович. У нас вчера была славная скачка, вещь, которая у нас здесь весьма входит в моду и всем нравится; выиграл жеребец Вадим, завода Петровского, выписанный сыном моим. Остаюсь всегда преданный тебе М. Воронцов.

12

Лагерь в Турчидаге, 1 июля 1847 г.

Наконец, имею возможность к тебе писать, любезный Алексей Петрович, и пользуюсь оной с искренним удовольствием. Ты верно знаешь и по слухам, и по тому, что, я надеюсь, в Петербурге о нас напечатали, заботы и затруднения, встреченные мною с самого прибытия моего шесть недель тому назад в Дагестан. На самом Сулаке я встретился с холерою, и эта проклятая болезнь, помешавшая нам кончить с Гергебилем, начала было так ослаблять нашу численность, что я счел первым долгом отложить действия против горцев и заняться сперва здоровьем обоих отрядов, князя Бебутова и князя Аргутинского. Атака бреши, сделанной в Гергебиле, не удалась; но мы бы ее возобновили и, по совершенному бездействию Шамиля, который на нас смотрел с высокой горы за Кара-Койсу, не смея ничего предпринимать в пользу осажденных, Гергебиль долго не мог и может быть не желал бы долго противиться, но мы начали терять много людей и из высших чинов от эпидемии. Места, нами занимаемые, были нездоровые, и проклятая эта болезнь действовала физически даже на тех, которые серьезно не заболели; так называемая аура-холерика ослабляла людей вообще. Я счел, что было бы грешно оставить

войска под таким влиянием и рисковать таким уменьшением в батальонах, что и на будущие движения у нас сил бы не стало; я решился взять сперва меры поправления здоровья в войсках и потом выждать, чтобы болезнь около нас истощилась. Оставив три батальона на высотах около Ходжал-Махи, для укрепления этого важного пункта, я пошел с прочими по Акушинским горам малыми переходами и с дневками на Кумых и оттуда сюда на Турчидаг. Движение это имело наилучшие результаты. С самого первого перехода мы почти совершенно простились с холерою, имея только три или четыре случая сомнительных; а здесь, на высоте 9000 фут, в прекрасном и богатом пастбищном месте мы не только холеры, но никаких других болезней не имеем. Вместе с тем батальоны, оставшиеся в Ходжал-Махи с выбором сколько возможно было здоровой местности, потеряли только в первые дни умершими одного офицера и пять или шесть нижних чинов. Теперь уже несколько дней у них нет ни одного случая, и работы укрепления идут самым успешным образом. Здесь у меня девять батальонов и всех чинов с милициею и пр. до 8000 человек. Всего больных менее сорока человек; мы ни одного не отослали в госпитали и, напротив того выздоравливающие из оных ежедневно нас здесь усиливают. Вокруг нас под ногами и в неприятельских деревнях, и между Кумыхскими жителями, а также в богатых деревнях между Кумыхом и Цудахаром, болезнь еще сильно действует. В лагере Кибит-Магомы у подошвы Гуниба смертность ужасная. Шамиль с маленьким сбором старается избегать холеру переменою места, но не переходя Кара-Койсу. Они боятся нас, ибо с Турчидага можно идти куда угодно, и боятся также эпидемии.

Успев сохранить отряд от смертоносного действия болезни, я бы хотел однако поскорее возобновить действия; но для этого надобно, чтобы болезнь или

исчезла или сильно уменьшилась в тех местах, куда идти будет полезно. Надобно терпение, время есть еще пред нами, и я не оставляю эту часть Дагестана, не сделав всего нужного для улучшения положения наших войск здесь и для защиты, укрепления и спокойствия всего покорного нам края.

Несмотря на все неприятности и заботы, которые меня встретили, я более и более радуюсь, что в этом году я не остался в Чечне или в других местах, и прибыл сюда. Я теперь совершенно познакомился не описаниями и рассказами, но собственными глазами с единственную частью Дагестана, которую я прежде лично не знал. В 1845 году я видел почти все от Андийского Койсу до Ичкерийских лесов и Чечню; в прошлом году я объехал весь покорный нам Дагестан от Казикумыхского Койсу до Самура и Ширвани. Теперь здесь, с Турчидага, я вижу как на ладони весь средний Дагестан до самых Андийских высот. У нас под ногами Сугратль, Каракские горы, Чемодан-гора, Ругджа, Гуниб, Кегер и вся Авария. Теперь по крайней мере я могу судить, сколько во мне есть уразумения, что нам нужно иметь и защищать и какие места могут быть более или менее под нашим влиянием, но никогда нами занимаемы не должны.

Последнее твое письмо, где ты говоришь о Казикумыхском Койсу, как о натуральной нашей границе здесь, доказывает мне теперь, сколь ты лучше судил и судишь о здешнем крае, нежели все главные начальники, которые в течении 20 лет после тебя здесь управляли и воевали. До прибытия моего сюда я увлекался мнением многих, что нам бы полезно было занять Ругджу и Гуниб. Теперь я ясно вижу, что эта мысль была совершенно ошибочная. Что же касается до занятия Аварии, то пусть Бог простит тех, которые имели эту мысль и по оной действовали. Конечно мы всегда должны иметь возможность (и это весьма легко)

сделать набег, если обстоятельства того потребуют, и на Аварию, и на Тилитли, и на другие места; но думать о постоянном занятии внутренности этих проклятых гор без всякого способа существования, без всякого предмета и с огромными издержками для перевозки провианта и снарядов, есть по моему мнению совершенное сумасшествие, не говоря о том еще, что такое занятие потребовало бы употребления наших резервов и что этим резервам, в случае восстания со стороны, у нас не осталось бы чем помочь. Между тем во все это время ничего не было сделано для совершенного обеспечения, особенно в зимние месяцы и раннюю весною, покорных нам Кузикумского ханства и Даргинского общества. Самурский отряд, по недостатку топлива, каждую осень отходил на Самур более 300 верст от настоящей линии; таким образом не только весь край, но и слабые наши гарнизоны в Кумыхе и Чирах оставались шесть или семь месяцев в году совершенно без защиты. От этого также богатая и преданная нам деревня Чох в начале 1845 года была разорена Даниель-Бекем, а в прошлом году Шамиль, прежде разбития своего в Куташи, разорил сильные и преданные нам деревни Цудахар и Ходжал-Махи.

Для защиты Даргинского общества и даже Мехтулинско-го ханства я еще в прошлом году согласился с князем Ар-гутинским о переводе в течение нынешнего 1847 года Са-мурского пехотного полка с правого берега Самура на урочище Джедагор, недалеко от Акушинской границы, и теперь там строится полковой штаб. Ходжал-Махи теперь укрепляется, и жители там опять строятся, видя, что им уже не будет никакой опасности и что их богатые сады и виноградники остались целы. Остается теперь восстановить Цу-дахар при присутствии части наших войск и обеспечить весь Казикумых.

Вот наше главное дело, и я надеюсь, что с помощью Божию мы в этом успеем. Главное затруднение всегда было совершенный недостаток в топливе, не позволявшем никаким резервам оставаться здесь зимою. Это затруднение чудесным образом теперь устранено. Еще в прошлом году содействием князя Аргутинского, чрез нарочных специальных чиновников, мы искали между Акушею и Кумыхом каменный уголь, но удачи не было. В прошедшем апреле месяце я пригласил известного профессора Абиха поехать на места, где еще в 1843 году князь Аргутинский писал генералу Нейгардту, что по его мнению есть признаки драгоценного для здешней местности минерала. Князь Аргутинский дал ему верных проводников и рабочих, и к истинному моему восхищению, когда мы были еще в Ходжал-Махи, г. Абих привез мне образчики найденного им настоящего каменного угля. Место оно около деревни Улучур, в 12-ти верстах от Кумыха. Будучи почти на дороге нашей, когда мы шли сюда, я остановился там с большою частью отряда на три дня. Мы нашли уголь не в одном, а в десяти местах, а как у рабочих не было недостатка, то и успели добыть тогда же несколько сот пудов и тут же начали пробовать и употреблять его в земляных печах. То же самое делаем здесь, и к нам привозят сюда уже уголь со всех сторон, ибо за каждый вьюк получают по полтине. Солдаты и жители знакомятся с употреблением оно, и важнейший вопрос о возможности иметь зимою резерв в 2 или 3 батальонов в окрестностях Кумыха из графского полка (Ширванского) торжественно решен. Это большой результат, и может быть, что без тех обстоятельств, которые меня повели с отрядом по эти местам, дело угля, столь для нас интересное, осталось бы по крайней мере до будущего года нерешенным.

Вот, любезный Алексей Петрович, точное описание теперешнего нашего положения. Я изложил оно во всей

подробности, потому что ты берешь участие во всем до меня касающемся и потому что ты так совершенно знаешь край сей и что надобно желать и делать для будущности оною. Обо всем, что я тебе изложил, напиши мне твои примечания и заключения: всякое твое мнение для меня драгоценно и полезно.

Прощай, любезный Алексей Петрович. Я пересмотрю еще на днях все твои письма и если найду какие-нибудь вопросы, на которые не отвечал, то немедленно это сделаю. Преданный тебе М. Воронцов.

13

Тифлис, 8 ноября 1847 г.

С последнею экстрапочтою я получил, любезнейший Алексей Петрович, письмо твое от 20-го октября и сожалею теперь очень, что слухи о твоём отъезде еще в сентябре помешали мне написать тебе прямо и подробнее о счастливом окончании нашей кампании взятием Салтов в глазах Шамиля, несмотря на невероятные усилия его, чтобы мы не успели в предприятии, от которого зависел весь результат пятимесячных трудов с нашей стороны, и со стороны лезгин повсеместные сборы и особливо на определение от Имама храбрейшим мюридам со всего Дагестана — не отдать нам Салты или умереть, защищая оные. Вот отчего успех сей важен и в теперешнем положении дел, и для будущего; горцы увидели нашу силу и свою слабость против серьезной от нас атаки. Кроме того надобно заметить, что хотя пребывание мое во все время на неприятельской земле заставило и Шамиля быть безотлучно пять месяцев на Кара-Койсу, не предпринимая совершенно ничего ни в какую другую сторону и что с нашей стороны никакого отвлечения его сил не было (потому что холера помешала Чеченскому

отряду собираться и строить башню на Гойте), силы Шамиля были, во все время, слабы. После дела 7-го августа против Кибит-Маго-мы главный этот сбор не ретировался, а просто разбежался по домам, и только недели две после того он мог собрать 5 или 6000 человек, с которыми стоял все время между Аварским Койсу и Кара-Койсу и не смел уже никого оставить, ни на одну ночь, в лагере на правом берегу Кара-Койсу.

Я найду средство послать тебе подробности нашей осады, в продолжение которой мы употребили конечно огромные средства; но это было необходимо, чтобы победить отчаянное сопротивление трехтысячного гарнизона, решившего умереть, частью от фанатизма а частью от страха самого Шамиля: ибо он угрожал и действительно сначала казнил смертью некоторых, которые вышли в первые дни из Салты нераненые. Он теперь заплатил с процентами за прискорбное для нас событие 1843-го года, когда наш гарнизон в Гер-гебиле был им истреблен в глазах нашего отряда. В будущем письме, кроме подробностей о происшедшем, я напишу тебе о последствиях, которые можно ожидать от действий сего года и скажу тебе теперь только, что я радуюсь, видя, что предположения мои для охранения края и ослабления неприятеля согласны с твоими видами: ты один из здешних бывших начальников видишь дела Дагестанские совершенно так, как они мне показались по близкому знакомству с сим единственным в свете краем. Вообрази, что я вчера получил письмо от Головина, в котором, поздравляя с Салтами, он опять твердит настоятельно, что надобно занять Аварию и что потеря этой провинции единственная причина всех бывших несчастий и будущих трудностей и неудобств.

Это письмо я посылаю к Булгакову, которого я уже прежде просил узнать, каким способом можно с тобою переписываться, когда ты будешь за границей; ибо я совсем не понимаю твоей мысли, что раз за границу,

переписки с тобою не будет. На то есть почты и особенно банкиры. Вена для Германии и Венеция, Флоренция и Рим для Италии, есть пункты, которые ты миновать не можешь и с помощью которых всегда можно сообщаться. Прощай, любезный Алексей Петрович; верь истинной моей к тебе преданности.
М. Воронцов.

14

Тифлис, 20 декабря 1847 г.

Я совершенно был удивлен, любезный Алексей Петрович, получением вчерашнего числа твоего письма, тогда как тебя считал по крайней мере за границей. С самого сентября месяца ты беспрестанно выезжаешь в дорогу, не приказываешь к себе писать, говоришь, что и за границею письма наши тебя не найдут, а теперь вот уже половина Декабря, ты еще в Москве, а все так и не говоришь, когда именно выедешь, так что я в совершенной неизвестности, найдет ли это письмо тебя там. Признайся, однако, что большая разница, особенно когда столько разных препятствий и без того мешают писать с уверенностью или, по крайней мере, надеждою, что письмо дойдет в руки и скоро, или писать тому, кто говорит: «не пиши, целый год буду там, где и ворон костей моих не сыщет».

Один офицер отправляется сегодня через Москву в Петербург; я пользуюсь его отъездом, чтобы отправить это письмо и новую 10-ти верстную карту Кавказа, прося его отдать их непременно или тебе самому, или Булгакову, который, в случае недавнего перед тем твоего отъезда, все-таки будет знать, я думаю, как тебя догнать и то и другое тебе доставить. Скажу о карте, что она вышла из литографии, когда я был уже в экспедиции; мысль, что ты уже уехал, болезнь моя и пр.

оправдывают меня до некоторой степени в том, что экземпляр не был к тебе прежде доставлен; я все-таки и сожалею и даже признаю себя виновным, что по возвращении в Тифлис я к тебе ее не послал наудалую и на всякий случай. Этой карты еще никогда здесь не печатали; в рукописных же листах пятиверстной, для меня сделанной, я нашел столько ошибок, что и свои листы отдал в штаб для поправления и не получу их обратно прежде весны.

Не знаю, как мои будущие письма к тебе дойдут и опять скажу, что ты так меня запутал своими известиями об отъезде и пр., что о многом осталось писать, о чем по крайней мере один или два раза я бы в последние два месяца мог распространиться. Еще одно слово в ответ на последнее письмо твое о пункте Карадагского моста; все, что ты об этом говоришь, еще доказывает, как превосходно ты знаешь и судишь о делах Дагестанских. Входить в подробности мне теперь невозможно; скажу только, что я всегда чувствовал важность этого пункта и, может быть, в одном только с тобою не согласен, а именно я полагаю, что лучше и вернее сперва иметь Гергебель.

Я все-таки надеюсь, что Булгаков найдет средство доставлять тебе мои письма еще прежде, нежели ты в мае месяце будешь в Париже. Я тотчас послал справиться на счет выписки твоей из сочинений г. Константинова, который сам уехал в Петербург и узнаю, как это было.

Аргутинский уже имел случай доказать выгоду нового расположения наших резервов и единства начальства в Дагестане. В первых числах декабря он ходил с 6-ю батальонами за Койсу Казикумыхский и прогнал мюридов из пограничных деревень Мухранского магала, где они уже четыре года беспрепятственно находились. Фрейтаг сильно действует, рубит леса и очищает широкие просечки между Гойтою и Урус-

Мартаном; предприимчивый полковник Слепцов сделал неожиданную и успешную экспедицию из Ачкая на деревни и хутора Умахан-Юрта за Валериком, вправо от Русской дороги, взял пленных, рогатого скота, оружие и истребил все строения, хлебные запасы и сено. Чеченцы более и более находятся в крайности. Шамиль, не доверяя Кибит-Магоме и другим своим наибам, которые хотя привержены и послушны ему, имели вместе с тем желание и интерес не губить подчиненное им население, сменил их новыми сорванцами, которые ни на что не смотрят кроме исполнения его воли; от них он требует беспрестанные на нас попытки, которые также беспрестанно кончаются к их стыду и урону. Этакое положение вещей не долго может продлиться, и можно надеяться, что терпению у народа будет конец.

Прощай, любезный Алексей Петрович; княгиня усердно тебе кланяется. Остаюсь преданный тебе М. Воронцов.

15

Тифлис, 25 марта 1848 г.

Я давно не писал к тебе, любезнейший Алексей Петрович; но это происходит от того, что дела по гражданской части, кроме текущих и военных, ужасно в это время накопились и что хотя я, слава Богу, не могу теперь жаловаться на здоровье, но остается, после всех бывших недугов, некоторая физическая усталость, мешающая мне вставать рано, а первые часы утра всегда были для меня единственное время для дел немного-важных и частной переписки. Я теперь на деле подтверждаюсь во всегдашнем моем мнении, что кто не встает рано, мало способен для многосложной службы и для дел вообще, и вижу, с прискорбием, что или по

летам, или вследствие болезни прошлого года, я уже не могу вставать рано.

Как ты хорошо сделал, что остался на зиму в Москве и не попал в хаос революций и смятений, в который впали о сию пору уже почти все государства западной Европы. Можно ли было этого ожидать? И чем все это кончится, Бог один знает. Известия, полученные вчера, о случившемся в Вене, всего поразительнее и, может быть, всего опаснее; Австрия сама по себе ничего, и только удивительно, что мирные граждане Вены из агнцев сделались так внезапно хищными зверями. Но что будет в Богемии, Галиции, в Венгрии и особенно в Италии. Вот чего предвидеть еще нельзя и что может иметь ужасные последствия. За многое будет отвечать перед Богом папа Пий IX, от которого пошло начало этого духа волнения и перемен, который хотя более или менее существовал, но везде был удержан и правительствами, и интересами людей благомыслящих и достаточных; когда же папа столь неосторожно вызвал, так сказать, к содействию либералов, так неосторожно и так необдуманно: пример его сделался знаменем для всех революционеров, какие бы ни были их собственные чувства к главе Католической церкви, и с тех пор, можно сказать, что возмутители везде приобрели силу и влияние совершенно неожиданное, что, верно, не было в интересах самого папы. Опять скажу: чем все это кончится, Бог один знает; надобно дожидаться событий и молить Бога, чтобы умы успокоились и чтобы пример беспорядков и потерей, которым непременно подвергнется Франция после бывшего счастливого ее состояния, укротил хотя до некоторой степени охоту к слишком сильным переменам и к разрушению всех теперешних общественных сношений.

Общей войны, я все-таки надеюсь, не будет: каждый народ имеет теперь довольно дела дома и довольно силен для сопротивления в случае нападения других; но

ни Франция, а еще менее кто-нибудь другой в силах и в состоянии начать наступательную войну. Одни только Итальянские дела мне кажутся страшными; ибо, ежели Австрия там не будет в силах удержать свои владения, то могут быть осложнения опасные для всей Европы.

У нас все здесь покамест смирно, и дела идут своим порядком. Зимние операции Фрейтага были этот раз еще сильнее и успешнее, нежели в две предыдущие зимы. Малая Чечня у нас, так сказать, в руках, и Большая без нее не долго будет нам сопротивляться. Мы теперь с одного конца до другого, от Владикавказа до Воздвиженска, имеем широкий и свободный путь; но, чтобы отвратить и последнее влияние Шамиля над жителями, надобно будет иметь еще укрепление около бывшего Урус-Мартана и сильную башню на Гойте, в 8 верстах от Воздвиженского, а сделать оба эти построения в этом году, кажется, невозможно. В Дагестане увидим, как будет с Гергебилем; но вообще позиция наша с той стороны несравненно лучше прежней. Еще на несколько времени неприятель может брать хорошие меры для своей защиты, но для наступательных против нас движений способов у него скоро вовсе не будет. Недавно было там любопытное событие. Шамиль собрал главных наибов и объявил им, что дела идут худо, что от них мало содействия и что, не предвидя ничего хорошего, он желает отложиться от дела и от своего названия. Разумеется, наибы в ноги, как в старину наши бояре перед царем Иваном Васильевичем, и просили его продолжить его кроткое над ними управление; он долго ломался, говорил о своих недугах, что одним манером или другим скоро должен пропасть и требовал, чтобы они, во всяком случае, назначили ему наследника, которому бы при жизни и после смерти его во всем повиновались. По данному наперед направлению они просили о назначении для этого его сына; он опять сказал, что сын молод и не

знает дела, но они опять умоляли, и наконец решено, что сын его, хотя неученый мальчишка, назначен наследником и повелителем везде, куда будет послан отцом. Увидим, что из этого будет; но все это, кажется, более и более доказывает расстройство в настоящем положении Шамиля. Власть его и полицейская, и духовная не может перейти с успехом на неизвестного ни делами, ни учением мальчика. Чтобы быть правителем светским, надобно иметь другие качества, самостоятельность и опыт; а чтобы быть имамом, почти калифом, надобно иметь, по магометанским понятиям, ученость и лета. Из главных наибов Кибит-Магома не был в собрании, но должен был согласиться. Всех более у него теперь в ходу Хаджи-Мурат, которому поручено принять, по усмотрению, меры по защите Гергебиля и укрепления Кара-Койсу от впадения Казикумыхского Койсу до соединения с Аварским.

Посылаю тебе маленькое объяснение на счет статьи в «Кавказе» об агаларах. Я надеюсь, что ты найдешь оно справедливим. Прощай, любезный Алексей Петрович; обнимаю тебя душевно и остаюсь на всегда преданный тебе М. Воронцов.

16

Воздвиженское, 11 июля 1848 г.

Любезный Алексей Петрович, я давно к тебе не писал и, как всегда в таких случаях, нахожу себя против тебя виноватым, хотя с другой стороны оправдываю себя и в моих собственных и в твоих глазах невозможностию писать, как бы я то желал, в жизни, подобной той, какую веду здесь: с 22 апреля, т. е. с выезда из Тифлиса, я только здесь (смешно сказать, в Большой Чечне) пользуюсь более или менее спокойной досугой. Может быть, генерал Фрейтаг, назначенный генерал-

квартирмейстером в Варшаву, был у тебя проездом через Москву и рассказал тебе об наших делах здесь и то, что я теперь здесь делаю; но Фрейтаг так беспокоился на счет жены своей, которая близко родов, спешил в Петербург, что он совсем не останавливался в Москве, и потому я должен войти в некоторые подробности.

Из Тифлиса я поехал на Лезгинскую линию, осматривал работы дороги, делаемой генералом Бюрно по Шинскому ущелью в с. Ахты, потом через Пуху, Шемаху, Баку, Кубу и Дербент (здесь я был первый раз) приехал в расположение Дагестанского отряда под командованием князя Аргутинского, с ним осмотрел хорошо выбранные места для штабов наших полков — Самурского и Дагестанского: первый в урочище Дишлагар, в одном марше от деревень Акушинских и от с. Оглы, а другой в Ишкартах, в 12 верстах от Шуры. Тут с отличным начальником, как военным, так и гражданским, всего сего края я сделал все распоряжения на счет действий сего лета наших войск. Первый предмет, как ты очень хорошо понимаешь, есть занятие Гергебиля. Сильные по здешнему способы и соединение всех властей в руках опытных и искусных не оставили бы никакого сомнения, что Гергебель сам по себе не мог бы долго сопротивляться; но что делает по этому некоторые затруднения, это сильные укрепления по левому берегу Кара-Койсу близко деревни Кикуну и довольно близко от самого Гергебиля, и было бы трудно нам обложить со всех сторон этот аул, не оставив важную часть отряда под огнем тех укреплений. С другой стороны, все мосты и броды через Кара-Койсу, все места, по коим можно бы пройти и взять эти укрепления с тылу, так же сильно укреплены и заняты по возможности сильными сборами центрального Дагестана с обещанием Шамиля прийти на помощь со всем, что он может собрать и на севере. Конечно весьма

значительных сборов Шамиль уже не в состоянии делать, и мы видели в прошлом году, что хотя никакой диверсии не было со стороны Чечни и что Шамиль со всем, что он мог собрать, был более трех месяцев близ нас, толпы его были небольшие, смелости еще менее и что мы стояли 7 недель в его глазах под Салтами, все транспорты беспрестанно к нам приходили с Кумуха и из с. Оглы, почти без выстрела и что, наконец, мы силою завладели Салтами в глазах Шамяля, объявившего торжественно, что Салты не будут наши: со всем тем, дабы все условия были соблюдены в нашу пользу, необходимо казалось подкрепить, сколько возможно, князя Аргутинского так, чтобы, кроме всех резервов и гарнизонов и оставляя все нужное для защиты края и запасов и для сообщений от Сулака до Ходжал-Махи, он бы имел до 15 батальонов, т. е. довольно не только обложить Гергебиль, но и по обстоятельствам действовать наступательно на внешние сборы. Также нужно было оттянуть оттуда самого Шамяля, или по крайней мере большую часть тех сил, которые он привел против нас в прошлом году, сильною диверсиею здешней стороны.

Все это сделать не очень легко, ибо надо было прибавить 3 батальона князю Аргутинскому и следственно убавить 3 батальонами Чеченский отряд, которому было назначено 772 батальонов и следственно оставить в нем для действия только 472 батальона. При этом еще та complication, что Фрейтаг от нас отозван, Лабинцов рапортовался больным и находится в какой-то гипохондрии, а удалить в эту минуту Нестерова от Владикавказского округа и от Сунжи было бы слишком опасно. Кому же поручить довольно трудное действие вблизи самого Шамяля с таким малым числом войск и когда Шамиль, зная передвижение 3 батальонов на Шуру, мог бы, не заботясь о слабом Чеченском отряде,

всегда сделать то, чего нам не хочется, т. е. идти на Кара-Койсу и в помощь Гергебилю?

Поэтому я решился на то, что уже было у меня в виду в Тифлисе, т. е. сперва усилить князя Аргутинского всем возможным и потом, как мое присутствие там было бы излишнее (ибо он соединяет в себе все власти того края, тогда как в прошлом году было там два начальства) взять на себя неблистательную, но нужную роль и личное начальство над Чеченским отрядом или, по крайней мере, при нем присутствовать со всей корпусной штаб-квартирой, со многими генералами и усилить отряд, сколько я нашел возможным, линейными казаками и милициею. Над самим же отрядом взял лично команду на время генерал-лейтенант Заводовский. Решив все это и согласясь обо всем с князем Аргутинским, я выехал из Шуры 15 мая чрез Чир-Юрт и Внезапную в Хасав-Юрт на Ярык-Су, где теперь строится новый штаб Кабардинского полка, назначил место между Таш-Кичу и Амираджи-Юртом для укрепленного кавалерийского поста; в Червленой сделал все нужные приготовления и 25-го, переехав через прекрасный только что конченный мост через Терек, приехал в Грозную, где собирался маленький наш отряд. В этот же день 3 батальона пошли: один гренадерский прямо в Шуру чрез Амираджи-Юрт, а два из Тенгинского и Навагинского полков, чрез Умахан-Юрт на Кумухскую плоскость, на смену двух батальонов Кабардинского полка, которые с князем Барятинским пошли к князю Аргутинскому. 2-го июня мы пришли с отрядом из Грозной сюда, а 5-го главная часть отряда и вся кавалерия перешли на правый берег Аргуна, где тотчас приступлено к построению башни, которая будет служить тет-де-поном для моста, тут зимой сделанного. О сию пору движения наши, кажется, имеют желаемый успех; приход на правый берег Аргуна наших войск, присутствие мое и других генералов, сильной

артиллерии и более тысячи человек отличной кавалерии, сильно беспокоят Шамиля, тем более, что он недавно слегка укрепил свой Ведень и что отселе до Веденя не более 40 верст; силы, которые бы без того направились на Кара-Койсу, теперь здесь в беспрестанной готовности защищаться, боятся за Большую Чечню, боятся за Ведень и укрепляют все дороги. Теперь против нас здесь 7 наибов всякий раз ходят около нас высматривать, раз или два на день затевают пушечную перестрелку, уходя, коль скоро наша артиллерия отвечает и боясь потерять свои орудия, тем более, что мы каждый день более и более очищаем лес впереди и на флангах нашей позиции. Шамиль несколько раз обещал сам быть здесь, но по сию пору не выезжал из Веденя и ежели поедет куда, то не на долго и с малыми силами.

Таким образом предмет наш отчасти исполняется. Теперь, что Богу будет угодно; но кажется, что нами сделано все возможное для облегчения главных операций князя Аргутинского. Ежели Бог нам поможет и Гергебиль скоро будет наш, то 3 батальона немедленно сюда воротятся, и я посмотрю, что лучше можно будет сделать для ободрения к покорности большей части Малой Чечни, в которой почти все жители этого желают и беспрестанно просят меня сделать еще одно или два укрепления, которые бы их защитили от мщениа Шамиля, отчасти переселением к этим укреплениям и отчасти оставлением на местах, там, где уже трудно будет мюридам мимо нас идти их наказывать.

Вот наше положение, любезный Алексей Петрович; я жду с терпением и покорностию, что Богу угодно будет решить. Аргутинский должен был начать свое движение наступательное третьего дня или вчера, и конечно Шамиль был бы уже там, ежели бы я не был здесь с отрядом.

По отказу Лабинцова я просил о назначении сюда на Левый Фланг генерала графа Симонича; из Петербурга ему послали мое предложение, и я жду ответа. Ежели Бог хоть немножко нам поможет в этом году, то начальствовать Левым Флангом и Чечнею будет дело уже нетрудное. По последним известиям, на Лезгинской линии все было спокойно, и нельзя ожидать в этом году с той стороны серьезного нападения.

Так как ты интересуешься о моем здоровьи, то скажу тебе, что оно держится, но долго ли оно будет держаться, не знаю. Я бы имел право теперь отсель выехать, ибо брался только служить здесь три года, а вот уже пошел четвертый; но так как при некоторой слабости я еще кое-как держусь, то не могу решиться требовать увольнения, покамест не имею причины ни на что жаловаться и надеюсь, что при помощи Божией еще один год теперешнего течения дел облегчит роль тому, кто заменит меня. Смею думать, что уже есть некоторые результаты трехлетней настойчивости взятой мною системы; в будущем году надеюсь, что результаты сии будут еще приметнее и что перемена начальника не сделает такой перемены в видах, от которой все бы могло опять придти в сомнение. Итак продолжаю бодрствовать, не жалея себя. Что же касается до мыслей, чтобы я мог быть назначен на другое служение на Западе, то я думаю, что не только никто о том не помышляет, но решительно и торжественно скажу, что я никакого такого назначения не приму и принять не могу и что, сделав уже лишнее принятием здешнего места, я не вижу в себе никаких сил, ни способов для какого-нибудь нового назначения. Даже и здесь в сем году я считаю необходимым для поддержания здоровья, не позже как в июле или августе, поехать сперва на воды, а потом на отдохновение в Крым. Этот отдых на несколько недель ежегодно был мне сначала предлагаем, как вещь весьма возможная и легкая; но вот уже три года прошло,

и я не нашел возможности отлучиться хотя на две недели. Теперь, если бы Аргутинский скоро и хорошо кончил, это будет возможно; ибо, начав действия лично в Чечне, я найду кому поручить продолжение оных. Между тем, для выиграния времени, я и здесь нашел воды, тебе верно известные, близко Старого Юрта; наши мирные мне оные привозят сюда, и я их употребляю вот уже две недели и надеюсь, что они будут мне полезны.

О происшествиях в Европе не буду говорить, но читал с крайним любопытством мастерское твое изложение, как о самых происшествиях, так и о твоих заключениях. Я же не распространяюсь больше, потому что это письмо итак покажется тебе слишком длинно и что кроме того каждая почта приносит такие вести, что все то, что прежде было известно, переменяется. О Франции я совершенно твоего мнения, но что будет с Неаполем, с папою и с Австриею? Поляки по милости Божией так сами испортили свои дела в Позене и Кракове, что нельзя много опасаться с этой стороны; у нас и в Англии, слава Богу, все хорошо, и даже в Бельгии французы не успели этот раз завести беспорядки. Сегодня мы ждем две почты разом, и будет завтра много любопытного чтения; здесь на это есть время, и все газеты имеют в себе что-нибудь любопытное.

Кр. Воздвиженская, июля 11-го дня 1848 г.

Берусь за перо, чтобы сказать вам <Это письмо, видимо, было не продиктовано, а написано по приказанию Воронцова.> только три слова на счет занятия Гергебиля; потому что курьер, отправляемый мною в Петербург, сейчас едет. Войска наши, под командованием князя Аргутинского, 7-го июля с рассветом заняли Гергебель, гарнизон которого,

устрашенный жестоким огнем артиллерии нашей, производимым по аулу из 8-ми мортир, 11-ти осадных и 6-ти полевых орудий, 6-го вечером густыми толпами начали выходить в сады и к Аймакинскому ущелью, встреченный батальонным огнем с фрунта и картечью с тыла, оставив много тел; в ауле взяты три пушки, артиллерийский парк и много запасов всякого рода. Прощайте, любезный Алексей Петрович, остаюсь навсегда истинно-преданным вам «к. М. Воронцов».

<Собственноручно>: «Из сыновей твоих два младшие действовали в батареях и здоровы».

18

Тифлис, 18 октября 1848 г.

Любезный Алексей Петрович, я приехал сюда на три дня и после завтрага отправляюсь в Эривань; теперь успею только сказать, что я получил твое письмо от 22-го сентября. Посылаю тебе копию с приказа, по которому ты увидишь некоторые подробности дел в южном Дагестане, которые так благополучно для нас кончились. Надобно надеяться, что и самому Шамилю, а еще более горцам вообще, наконец надоест беспрестанно делать попытки, которые все без исключения кончаются для них неудачею или стыдом. Впоследствии сообщу тебе интересные подробности геройской защиты укрепления Ахты, в которой и женский пол имел блистательное участие. Теперь не имею ни минуты: ибо, при множестве дел, после 6-ти-месячного отсутствия и отъезжая после завтра, а вместе с тем должен заниматься и принцем Бехмень-Мирзою, с которым я здесь познакомился. Прощай, любезный друг; остаюсь всегда преданный тебе М. Воронцов.

19

Тифлис, 5 ноября 1848 г.

Я получил сегодня, любезный Алексей Петрович, письмо твое от 25 октября.

Я совершенно разделяю твое мнение, что беспрестанные в течение более трех лет неудачи Шамиля должны наконец возродить в горах негодование и наконец непослушание. Увидим, что произойдет в течение зимы и будущей весны и когда кончится покорение Чечни. Как скоро Бог нам поможет кончить там, то положение Шамиля будет самое невыгодное. Лишение, как ты справедливо замечаешь, лучших во всем Дагестане земель на правом берегу Кара-Койсу и потеря Чечни отымут средства не только кормить беспрестанные сборы, гарнизоны и забранных им из тех мест во внутрь гор жителей, но и едва оставят достаточное продовольствие на местах жителям, оставшимся под его властью. Мне кажется совершенно ясно, что надобно следовать теперешней системе, не делать без нужды никаких экспедиций, и годом прежде, годом позже Дагестан усмирится, и Шамиль, ежели жив останется, потеряет всю силу и важность. В будущем году я бы желал водворить опять сильную и преданную нам деревню Чох, разоренную до моего приезда в 1845 году, когда, по неимению резервов зимою в Кумухе, невозможно было успеть защитить оную против Даниель-Бека. Во время лета и в присутствии какого-нибудь отряда нашего на Турчидаге Чохцы могут спокойно пользоваться огромными и богатыми полями, а зимою никто их тронуть не может; потому что около Кумуха, благодаря каменному углю и особенно торфу, у нас всегда будет батальона два в резерве. Шамиль велел укрепить Чох еще прошедшею зимою, и после занятия Гергебиля необходимость укрепить Аймаки не позволила князю Аргутинскому атаковать и взять Чох и Согратель; но лучшие жители Чоха выходцами у нас, и в будущем году, с Божиею помощью, я надеюсь, что тут

большого затруднения не будет. Новых гарнизонов там не нужно будет. Чохцы сами себя будут защищать, а Согрательцы, как торговое общество, останутся нейтральными. Что касается до Карадахского моста, тут есть причины и pro и contra; но по моему мнению, это может нас завести далее нежели нужно, и мне бы ужасно хотелось обо всем этом с тобой переговорить на карте. Между тем увидим, что будет с Араканами и Гимрами; жители не желают и, кажется, не могут долго остаться в теперешнем положении и уже посылали к князю Аргутинскому, чтобы толковать о будущем. По известиям из гор, Шамиль ужасно сердит на Даниель-Бека и приписывает ему всю вину неудачи в Самурском округе. Раздоры у них непременно будут, а может быть и важные. Движение Аргутинского на Ахты прекрасно; но и Шварц более бы сделал во фланг и тыл неприятеля, если бы не оплошал генерал Бюрно; он с двумя батальонами работал дорогу в Щинском ущельи и при первом появлении неприятеля занял прекрасную и полезную позицию у селения Борч, потом, без причины, и как будто испугавшись, выступил и открыл дорогу даже на Нуху, куда однако немедленно и вовремя прибыл Шемахин-ский военный губернатор генерал-майор Врангель со всем, что он мог собрать пехотных команд и милиции; а скоро прилетела к нему туда же отличная Карабахская конница с уездным начальником князем Тархановым; потом 16-го числа, т. е. неделю прежде, дело у Мискиндже. Шварц велел ген. Бюрно опять идти в Борч с данным ему подкреплением и сам хотел идти в горы левее, но и тут Бюрно не послушался, под разными глупыми предложениями. Я думаю, что ему придется отвечать за все это перед военным судом.

Я воротился четыре дня тому назад из Эривани, быв перед тем в первый раз в Александрополе, где я нашел прекрасную и пресильную крепость. От Эчмиадзина до Эривани я с любопытством и крайним удовольствием

видел те места, где я получил 44 года тому назад Георгиевский крест и через чин пожалован в гвардии капитаны. Познакомился тоже с Гойчинским озером и Делижанским ущельем. Мне хотелось быть в Нахичевани, но простудившись сильно в Александрополе, я должен был отложить это намерение. Теперь надеюсь остаться всю зиму здесь, а раннею весною поехать в Карабах и Ленкорань, единственные места всего здешнего края, где я еще не был, так что, поехав после того к князю Аргутинскому и в Чечню для решения там насчет действий, я желаю в июле месяце выехать в Петербург и там отдать полный отчет после четырех-летнего управления и полного знакомства со всем здешним краем; сию же зиму я надеюсь много представить для лучшего устройства по гражданской части и между прочим восстановления Эри-ванской губернии, что совершенно необходимо для развития сей прекрасной и богатой страны. В князе Бебутове я имею теперь настоящего помощника. При Иуде Ладинском я имел двойную работу, ибо ему ни в чем верить было невозможно; теперь дело совсем другое, и работать легко и успешно. Прощай, любезный друг; вот тебе письмо довольно длинное, но ты так интересуешься этим краем, в котором приобрел столько славы и оставил такую драгоценную память, что я уверен, что оно тебе не наскучит. Сыновья твои много тебе расскажут подробностей о здешних делах и особенно о военных действиях в Дагестане. Преданный тебе Мих. Воронцов.

Тифлис, 23 января 1849 г.

Любезный Алексей Петрович, я стыжусь тем, что прежде нежели отвечать на одно твое письмо от 19

декабря, я получил другое от 6 января, и это в такое время, где, живя на зиму в Тифлисе, я бы должен иметь более досуга. Скажу однако здесь, что лишнего досуга и в Тифлисе я не имею; ибо, кроме текущих дел, я должен был заняться многими гражданскими предположениями, которых пускать в ход невозможно с цыганскою жизнью и переездах по краю. Кроме того, приезжают сюда в это время некоторые главные начальники, как гражданские, так и военные, и со всеми надобно толковать, рассматривать бумаги и решать действия на будущее время. Теперь у меня здесь князь Аргутинский-Долгорукий, а тотчас после зимней экспедиции будет сюда Нестеров. Много было также дела с новым начальником Лезгинской линии генерал-майором Чилиевым и с начальником Центра полковником князем Эристовым. Этот последний слишком молод, чтобы ты его знай здесь, человек преотличный во всех отношениях, и такого начальника для Большой и Малой Кабарды еще не было. С князем Аргутинским чем более я знакомлюсь, тем более я ценю его способности как военные, так и в администрации и в совершенном знании края. По гражданской части он имеет хорошего помощника в Дербентском губернаторе князе Гагарине, бывшем много лет моим адъютантом, а по военной части в прошлом году у него произвели несколько отличных полковников в генерал-майоры, между коими я считаю первым для будущего времени во всех отношениях князя Григория Орбелианова.

Теперь в ответ на один из пунктов твоих скажу, что мне весьма понятно твое удивление, что ни Аргутинский, никто другой не знал о приготовлениях Шамиля на сильное его покушение в Самурский округ; но опыт четырех лет мне доказал, что хотя мы имеем беспрестанные и иногда весьма точные сведения о том, что делается в горах, центральное положение Шамилевых мюридов и беспрестанная готовность, в

которой он их содержит собраться на данный пункт, не оставляют нам другого средства, как быть всегда осторожными и готовыми везде и иметь всегда резервы, готовые к скорому движению. От этого происходит, что я беспрестанно получаю известия от частных начальников, что сборы готовятся напасть именно на их часть; я это принимаю хладнокровно и по привычке, и по тому, что границы наши теперь довольно крепкие, чтобы не бояться результатов нападения. Действительно, один пункт только остается некоторым образом открыт и именно между Казикумухом и верхними магалами Джаробелоканского округа. С другой стороны, трудно было думать, что Шамиль решится на что-нибудь серьезное в это отверстие, потому что во всяком случае конец не мог быть для него благоприятен, что погода уже была по тем местам холодная и что князь Аргутинский соединил в себе и умение, и способы идти на помощь атакованному пункту, несмотря на снега, которые уже покрыли часть предстоящей ему дороги. Шамиль сделал быстрое и сильное движение; один счастливый выстрел из единственного маленького единорога, расстроив оборону Ахтинского укрепления, привел оное и храбрый гарнизон в критическое положение; а без этого не нужно бы было геройского духа полковника Рота и храбрых его товарищей, чтобы шутя отбить осаждающих и без славного дела Дагестанского отряда у Мискиндже. Главная ошибка Шамиля (и это не в первый раз) есть надежда, что народонаселение не только восстанет против нас, но будет сильно с ним действовать вместе и там, где он уже находится, и в соседственных обществах. От людей худо к нам расположенных он получает призывания, но на деле общего содействия не встречает. Это с ним случилось и в Кабарде, и потом на Кумухской плоскости, и два раза в Акуше, и теперь наконец на Самуре. Не знаю, решится ли он еще раз на какое-нибудь такое

предприятие и куда; но мы везде готовы, и с помощью Божию конец будет опять тот же. В этом году князь Аргутинский попробует, можно ли будет восстановить приверженный нам Чох и обратить в покорность Согратель. Между тем в Чечне все идет потихоньку, к лучшему. Теперь Нестеров рубит и очищает между Русскою дорогою и Сунжею и, кажется, не будет там сопротивления, или очень мало; ибо чеченцы упали духом, да и леса убавились не только от наших работ, но и от того, что они сами везде очищали поляны для засевов. Может быть, Бог даст, что я тебя увижу в Москве около Июня месяца: для некоторых дел мне очень нужно сделать поездку в Петербург, если здесь ничего не будет такого, чтобы мне в этом помешало. Мое намерение есть выехать отсюда скоро после Светлого праздника в Карабах и оттуда в Ленкорань, единственные места, которые я здесь еще не видал; оттуда, пробыв несколько дней у князя Аргутинского, я отправлюсь чрез Кумухскую плоскость в Грозную для направления действий в Чечне. Главное предприятие наше там теперь есть построение сильной башни на Аргуне близ разоренного селения Большой Чечень, на лучшем и почти единственном броде, через который сильные партии с пушками могут переходить из Большой Чечни в Малую; разобщение сих двух частей будет дело полезное и, может быть, решит судьбу Малой Чечни. Таким образом, если все пойдет хорошо, мне можно будет еще кое-что осмотреть на Правом фланге, где славное дело генерала Ковалевского имело хорошие последствия, побывать в Ейске и еще в июне месяце отправиться на Север.

Тифлис, 28 января 1849 г.

В последнем письме моем я говорил тебе, любезный Алексей Петрович, что полагаю теперь возможным просить Государя в пользу Дадьяна и его семейства; но предстоят два вопроса: первый, лучше ли теперь же написать об этом или дожидаться предполагаемого мною приезда летом в С.-Петербург; второй, о чем именно просить можно как для отца, так и для детей, ибо подробности несчастного их положения мне неизвестны или, по крайней мере, мало известны. Посему я решился написать письмо к баронессе Розен, которое посылаю к тебе открытое, чтобы ты оно прочитал, а потом сделай милость потрудись отдать оно баронессе Розен и поговорить с нею хорошенько на счет того, когда и каким образом приступить к делу. Я имею причину думать, что в Петербурге расположены что-нибудь сделать в пользу Дадьяновых; но надобно стараться, чтобы сделано было как можно более. Что вина была, об этом спорить невозможно; но наказание слишком строго и продолжается уже более 10 лет. Я поступлю по вашему ответу и по общему твоему с баронессою соглашению.

У нас здесь ничего нет нового. Несеров продолжает рубить в Чечне без выстрела; сын мой командует в отряде 5-м батальоном Куринским; они стоят на правом берегу Сунжи подле Закан-Юрта, почти напротив трех курганов, которые называются Три Брата, на половине дороги от Закан-Юрта до Грозной. Чтобы дать тебе понятие, как изменилось там положение вещей и умов, скажу тебе, что офицер, посланный из отряда в среду в 10 часов утра, приехал в Тифлис в четверг в 6 часов пополудни, т. е. в 32 часа, проехав до Владикавказа без пехоты с одним кавалерийским конвоем.

Тифлис, 17 марта 1849 г.

Я только что хотел отвечать на письмо твое, любезный Алексей Петрович, от 14-го февраля, как получил и другое от 20-го. Очень благодарен тебе за исполнение моей просьбы к баронессе Розен. В ответе ко мне она соглашается с моим мнением, чтобы стараться о деле Дадияна; в Петербурге я буду с душевным усердием об этом хлопотать, кажется, можно надеяться на успех.

Я имел случай пересмотреть здесь слегка отчет генерала Головина о здешних делах его времени и признаюсь, что удивлен был резкостью некоторых суждений о людях и вещах и неаккуратностью изложения некоторых дел. Конечно за Ичкерийское дело нельзя много хвалить бедного Граббе, но можно не написать в официальном отчете, что в минуту опасности начальства уже не было и что батальоны уходили от лая собак. С другой стороны, я читал, как он рассказывает о геройском деле в сел. Ричах. Ежели бы это и было, то я не велел бы написать Государю, а еще менее отдать в печать; но кроме того, как ни было худо это дело, раненые не были брошены, и из всей сильной артиллерии потеряна одна только пушка; этого бы не могло быть, ежели бы батальоны до того были расстроены, что бежали от лая собак, и по его рассказу, всякий должен подумать, что тут присутствовал и победил полковник Заливкин. По правде же не только он там не был, но он бы подлежал суду за то, что отрядил и оставил без помощи против весьма сильного неприятеля две или три сборных роты, в коих по счастью все офицеры и, можно сказать, все нижние чины были герои. Я был на месте и со мною был покойный князь Захарий Орбельянов, который был начальником в этом деле. Я видел, в каком они были положении и каковы должны были быть неустрашимость и самоотвержение, чтобы с этой горстью людей, в самом невыгодном

положении, не только защищаться, но победить и взять несколько значков в трофеи. Они дрались штыками при беспрестанных нападениях спереди, с флангов и с тылу. И это продолжалось почти целый день. Неприятель уже со всех сторон бежал, когда показался на горах сзади нашей позиции не сам Заливкин, который ближе 20 верст во все время не был, но посланный им весьма малый впрочем сикурс. Но Заливкин прежде был адъютантом Головина, и нужно было приписать ему одно из самых блистательных дел всей Кавказской войны. Два саперные офицеры Магалов и Карганов были главными сподвижниками князя Орбелианова, который за это получил подполковничий чин и Георгиевский крест; к несчастью, он умер от холеры в 1847 году, быв командиром Апшеронского полка. И на место его поступил не менее достойный брат его, недавно произведенный в генерал-майоры и который был тебе известен под именем Гриши. Вот две статьи этого отчета, которые меня поразили; впрочем я всего прочесть не успел: ибо тот, кто мне оный дал, неожиданно и скоро после того потребовал назад, отъезжая отсель.

Насчет Ваньки Каина могу тебя уверить, что мои мысли о нем никогда не переменятся и что тебе ложно сказали о моих с ним сношениях. Я просил о позволении ему воротиться по неотступной просьбе его семейства и Патриарха; но уже здесь и после его возвращения, видя, что он хочет вмешиваться в дела и давать мне известия, я сказал ему решительно, что я с ним никакого дела иметь не хочу, чтобы он жил в покое и в семейственном кругу. А в противном случае ему будет еще раз и в последний раз беда.

О деле князя Палавандова я написал официально в Петербург и желаю от всей души, чтобы был успех; но уже он почти верен, потому что с сегодняшнею почтою получено извещение, что Государь изволил согласиться

на отсрочку долга княгини на 18 лет, по 500 рублей в год без процентов; может быть, князь Палавандов уже это знает официально в Москве. Сделай милость, скажи это ему, а ежели увидишь княгиню, то возьми на себя приятную комиссию поцеловать у нее за меня ручку.

Про здешние дела я сегодня ничего не буду писать, да и нет ничего нового; ты видел по газетам, что чеченцы сами начинают отдавать нам пушки, полученные от Шамиля для действий против нас. Дай Бог, чтобы такое похвальное их направление продолжалось.

23

Тифлис, 28 марта 1849 г.

В ответ на письмо твое от 10 марта спешу уведомить тебя, любезный Алексей Петрович, что я предупредил просьбу твою на счет полковника Левицкого, и по собственному желанию его он переведен в Апшеронский пехотный полк. Перевод его из полка князя Барятинского устранил все бывшие у него неприятные столкновения с своим ближайшим начальством и даст ему возможность продолжать попрежнему полезную его службу на Кавказе. С своей же стороны, зная Левицкого за храброго и достойного офицера, я от всей души готов для него делать все от меня зависящее. Что же касается до подсудимого Свешникова, в котором ты принимал участие, то душою радуюсь, что конфирмация моя о нем высочайше утверждена и дает ему возможность загладить свой прежний проступок.

24

Воздвиженское, 1-е июня 1849 г.

Любезнейший Алексей Петрович, так как я теперь почти решительно устроил свой маршрут, то я спешу тебя об оном уведомить в надежде, что будет мне возможность видеть и обнять тебя в Москве. Здесь все устроено так, что мое отсутствие до осени не может быть, кажется, вредным; а так как до поездок зимою я не слуга, то и решаюсь в это лето съездить в Петербург, где необходимо надобно кое-что устроить на будущее время. Итак я надеюсь быть в Кисловодске около 6-го, пробыв там с неделю (больше для свидания с князем Бебутовым, который туда приедет), посетить Правый Фланг и генерала Ковалевского в Прочном Окопе и быть в нововозникающем городе Ейске около 20-го, 25-го быть в Ростове и потом на Воронеж и Москву. Здесь между тем в Чечне совершенно спокойно, и Малая Чечня, можно сказать, или наша, или нейтральна. Надеюсь, что в непродолжительном времени и Большая последует тому же примеру. Нестеров превосходно знает край и знает, как вести здесь дела и в мирном и в военном отношениях. Обо всем этом переговорим, я надеюсь, в Москве, *la carte a la main* <с картой в руках>. Князь же Аргутинский попробует, можно ли будет покорить вновь укрепленный Чох и Согратель. Ежели это будет сделано, то наши дела в Дагестане будут в весьма хорошем положении, и останется только на будущий год лучше устроить дистанцию между Кази-Кумухом и верхними магалами Джаробелоканского округа. Нельзя ожидать, чтобы Шамиль предпринял что-нибудь важное в этом году против нас, а ежели бы и попробовал, то, кажется, будет ему такой же успех, как и в прошедших годах

Жена моя дожидается меня в Кисловодске; она мне сопутствовала в Карабаге по Муганской степи, в Ленкорани, на Божием Промысле и потом через Шемаху и Дербент б Шуру и по плоскостям до Терека, откуда она поехала в Кисловодск, а я в Кизляр и потом сюда. В

Дагестане она имела удовольствие идти два или три раза с пехотой на военном положении, но к большому ее сожалению неприятель не показывался. Мы были с нею на славном Гимринском спуске. Откуда виден почти весь Дагестан и где, по общему здесь преданию, ты плюнул на этот ужасный и проклятый край и сказал, что оный не стоит кровинки одного солдата; жаль, что после тебя некоторые начальники имели совершенно противное мнение.

Теперешняя моя поездка познакомила меня со всеми местами Закавказья, где я лично не был, и теперь я могу сказать, что весь край мне известен от Ленкорана до Анапы и от Озургет и Александрополя до Кизляра.

Мой сын поехал к князю Аргутинскому, чтобы участвовать в его действиях. Ты узнаешь от Булгакова, какую он забубенную, но счастливую штуку сделал близ Абас-Тумана; оно было не совсем осторожно, но удалось: смелым Бог владеет!

Кисловодск, 10 июня 1849 г.

Любезный Алексей Петрович, у меня планы остались те же: из Воздвиженского я прошел чрез всю Малую Чечню во Владикавказ, почти как по мирному краю. Князь Аргутинский должен быть теперь на Турчидаге. На Правом Фланге одно только не так хорошо, что мирные наши Закубанцы отчасти волею или неволею увлекаются от нас посланцем от Шамиля, живущим у Абазехов. Конечно, они гораздо больше теряют через это, нежели мы: ибо теряют земли прекрасные, которые нам пригодятся и для наших верных ногойцев, и для казаков Лабинской линии; но генерал Ковалевский по самой просьбе лучших из Закубанцев старается их

защитить от невольного переселения, в чем ему однако же покуда мешает большая вода в Лабе.

Я 16-го числа отсюда поеду на Правый Фланг и надеюсь с Ковалевским видеться, потом надеюсь быть 25-го в Ростове и через неделю оттуда в Москву. Прощай, любезный друг; для меня будет истинное удовольствие с тобою видеться.

С.-Петербург, 11 августа 1849 г.

Любезный Алексей Петрович, я хотел писать тебе еще из Варшавы, но не имел там минуты свободной; теперь спешу тебя уведомить, что для фамилии Дадьяна все, что Государь соглашается сделать, есть принятие детей в Пажеский корпус; он сказал мне, что этот ответ был уже им дан на недавно поданное к нему прошение и что больше этого сделать не может. Я очень сожалею, что не мог ничего сделать полезного для этой несчастной фамилии; но дело это уже было не новое и решено прежде, нежели мое доказательство дошло на высочайшее разрешение; я напишу об этом почтенной баронессе, а между тем сделай милость скажи ей все, что я по этому чувствую и что я употребил на это все возможные старания, но дело было кончено прежде меня, и переменить невозможно.

На счет царицы Марии Государь изволил согласиться на отъезд ее в Тифлис, о чем я ее уведомил, а также официально и министра внутренних дел. Ты узнаешь с удовольствием, что старый твой адъютант князь Василий Осипович Бебутов получил орден Св. Александра; между другими милостями пожалованы две кокарды княгине Дадьян и кн. Орбелиановой, дочери царевича Баграта, и две княжны, Эристова и Орбелианова, пожалованы во фрейлины. Больше писать

сегодня не могу, ибо замучен делами и визитами. Ты верно знаешь все подробности славного окончания Венгерских дел; нельзя, кажется, лучше было кончить. Государь и Россия играют прекрасную роль.

С.-Петербург, 20 августа 1849 г.

Любезный Алексей Петрович. Спешу тебя уведомить, что по известиям о недоразумениях по новому шоссе на Могилев (ибо по новой дороге шоссе провалилось, или не готово, а по старой недостаток в лошадях, которых перевели на новую), мы должны были решиться ехать на Москву; но так как много уже времени потеряно, то мы там пробудем только один день или, лучше сказать, несколько часов. Мы выезжаем отсюда 23-го вечером, с Божиею помощью будем 26-го рано утром в Москве и тот день пробудем там по крайней мере до ночи. Ежели ты будешь в Москве или можешь туда приехать в тот день, то я надеюсь, что ты с нами пообедаешь. Я прошу Булгакова, чтобы он дал знать о том Палавандовым, и мы тогда поговорим о делах. Я забыл тебе сказать, что Сергея Николаевича <двоюродного брата Ермолова> обещали произвести 6-го декабря и что он будет назначен на первую губернаторскую вакансию. Бедный Левицкий, о котором ты интересовался, быв траншей-майром под Чохом, к несчастью убит во время сильного ночного нападения на траншею, которое он отразил с полным успехом, но при самом конце получил пулю прямо в грудь. Князь Аргутинский очень о нем сожалеет. Прощай, любезный друг. Жена моя усердно тебя благодарит за лестную о ней память, весь твой М. Воронцов.

Тифлис, 26 ноября 1849 г.

Я давно не писал к тебе, любезный Алексей Петрович, и даже не отвечал на письмо от 11 октября, потому что я ждал приезда Ильи Орбелианова и уверен был, что он привезет от тебя письмо.

Илья Орбелианов не мог и не думал называть Чохские действия победою; но, быв личным и достойным свидетелем храбрости наших войск, об них благородно и справедливо отозвался, и Государь также справедливо и милостиво наградил их. Князь Аргутинский, я думаю, хорошо сделал, что не штурмовал покрытые развалинами землянки, где без пользы потерял много бы людей; ему нельзя было ожидать награждения, но он просил и подчиненных, и Государь достойно их наградил.

На днях было прекрасное дело храброго полковника Кишинского; с милициею Казыкумукскою и резервом 6 рот пехоты он разбил и прогнал Хаджи-Мурата, который пришел и засел было в одну Кумухскую деревню у подножья Турчидага.

При сем прилагаю представление твое о предоставлении права выкупа крестьянам в Грузии, о котором мы с тобою говорили и которое ты поручил Дондукову отыскать и тебе выслать. Прощай, любезный Алексей Петрович; княгиня тебе усердно кланяется и всегда гордится, когда ты о ней вспоминаешь.

Тифлис, 25 января 1850 г.

Я очень давно тебе не писал, любезный Алексей Петрович, и чувствую себя некоторым образом виноватым; но первая причина тому было возвращение моей глазной болезни, в продолжение которой я сколько можно меньше занимался и диктовал; а потом

множество накопившихся дел к тем, которые были запущены во время болезни. Теперь я, слава Богу, поправился, но все еще должен более нежели прежде беречь глаза, в которых осталась некоторая слабость.

Ты видел в газетах решительную и успешную операцию генерала Ильинского на Галашевцев и прямо-таки геройское дело полковника Слепцова с его храбрыми казаками; с тех пор Шамиль послал двух наибов, чтобы наказать эти племена за их покорность к нам; они послали за Слепцовым, который тотчас прибыл, разбил наибов, и все это дело вышло для нас еще полезнее. Теперь Нестеров в Большой Чечне для рубки лесов и проч. Это в первый раз, что мы вступили при мне в Большую Чечню, и ежели Бог поможет, то результаты могут быть важны. Посылаю тебе при сем брошюрку с описанием и анекдотами защиты укрепления Ахты; она достойна твоего любопытства.

Тифлис, 20 февраля 1850 г.

Любезный Алексей Петрович, я получил письмо твое через г-на Бартоломея; он, кажется, очень хороший человек и от всех весьма хорошо рекомендован. Великий Князь Наследник желает, чтобы он был назначен у меня по особым поручениям в первую вакансию. Воля Его Высочества будет исполнена и с истинным удовольствием, потому что Бартоломей во многих отношениях и по многим его познаниям может нам быть весьма полезен. Но так как теперь вакансий нет, то я просил, нельзя ли его между тем прикомандировать и потом назначить на первую вакансию. Он захотел сам ехать с этим предложением в Петербург, тем более, что он должен сдать там роту, и я надеюсь, что это там

устроится и, как сказал выше, он во многом здесь будет полезен.

В Большой Чечне все идет хорошо и теперь уже должно быть кончено. Шамиль сильно вооружился против этой первой нашей операции для рубки лесов и широких просек в Большой Чечне, собрал почти весь Дагестан для сопротивления, но ничему не мог помешать, и Нестеров хладнокровно продолжал, и я надеюсь теперь уже кончил то, что было положено в эту зиму сделать.

Тифлис, 9 мая 1850 г.

Я очень виноват перед тобою, любезный Алексей Петрович, но может быть не совсем виноват, так как ты думаешь; давно к тебе не писал, но в этом мне помешала ужасная куча дел всякого рода, и особенно по гражданской части; потом некоторые двух и трехдневные поездки, и в добавок к тому я пил три недели сряду Боржомские воды здесь в Тифлисе, что мне отнимало ежедневно два или три часа самого лучшего утреннего времени для частной переписки. Теперь я собираюсь после завтра в дорогу, сперва на Лезгинскую линию, потом далее. У нас, слава Богу, все хорошо идет своим порядком. Нестеров выздоравливает, но еще не совсем: в нем сумасшествия уже нет, но осталась некоторая мания к восторженности в разговорах по всем предметам и в особенности по делам, касающимся до командования им Левого Фланга. Но это всякий день уменьшается. В обществе он совершенно приличен и спокоен, теперь отправляется с хорошим доктором на воды, и я надеюсь, что к осени он будет совершенно здоров и в состоянии приняться опять за службу. Между тем зимние его операции оставили

большие следы и на деле, и в умах чеченцев. Шамиль очевидно боится за свой Ведень, к которому дорога почти открыта, и заставляет несчастных Чеченцев делать огромные рвы через сделанные просеки и держать там постоянные сильные караулы. Между тем другие уверяют, что он имеет намерение перебраться в Карату и уже посылает туда часть своего имущества; он назначил туда сына своего мудиром над многими наибам и сосватал его на дочери Даниель-Бека. Впрочем все слухи о разных военных приготовлениях и нашествиях оказались пустыми, и они только готовятся на отражение тех покушений, которых они от нас ожидают; но главный способ Шамиля для поддержания враждебного духа против нас есть то, чтобы заставлять, под опасением строжайших наказаний и даже смертной казни, всех наибов и все общества беспрестанно нас беспокоить по всем границам хищническими партиями и слухами о приготовлениях для большего. Мы же везде осторожны, укрепляемся и мало по малу делаемся сильнее. Я теперь осмотрю Лезгинскую линию, Самурский округ, новую Шинскую дорогу, весь Дагестан, потом через Шуру и Чир-Юрт поеду на Левый Фланг и в Чечню и, смотря по обстоятельствам, оттуда поеду в Кисловодск на Правый Фланг и далее. Наступательных движений я в этом году делать не намерен. Прежде нежели приеду в Чечню, я непременно к тебе напишу о положении края, по которому проеду и нашел ли я что нужное там сделать.

Дела гражданские, смею сказать, подвинулись вперед. Посылаю тебе список вещам, привезенных со всех сторон в Тифлис на выставку. Приятно видеть живое усердие и порыв у всех жителей Закавказских ко всякому роду промышленности. Посылаю тебе либретто и афишку второй пьесы, сочинения Георгия Эристового; все это шло превосходно. Первое русское театральное представление было в январе 1750 г., и играли кадеты;

первое же грузинское ровно 100 лет позже, но с тою разницею, что русский театр и 50 лет после своего открытия был весьма плох, и только недавно сделал быстрые шаги, особливо по части актеров и актрис; грузинский же с самого начала не только хорош, но превосходит, и нельзя не удивляться чрезвычайной способности первых лиц из лучших здешних фамилий понимать и играть все роли; это дело пойдет вперед и в нравственном отношении весьма будет полезно.

Я в уме своем предупредил то, что ты говоришь о Слепцове и месяца два тому назад писал Государю, что на случай большой Европейской войны этого человека необходимо употребить, чтобы вести кавалерию к славе и победам. Кавалерийских генералов настоящих у нас нет; да вряд ли они есть в других армиях. У французов был сумасшедший, но храбрый Мюрат, который и с дурною кавалериею, и с дурным за ней присмотром делал чудеса, потому что ни ее, ни себя не жалел, как скоро был случай идти в атаку. Настоящий образец кавалерийского начальника был Зейдлиц. Какие бы результаты были у нас, ежели бы подобные им люди вели нашу превосходную конницу в кампаниях 1812, 13 и 14 г. Молодцы у нас всегда были и будут; но решительные атаки принадлежат малому числу людей особенных, и Слепцов, конечно, с Божиею помощью докажет, что может сделать русская кавалерия, которая кроме всех своих достоинств имеет еще себе в помощь несравненное иррегулярное войско.

Я оканчиваю это письмо не спором, ибо я спорить с тобою не хочу, но протестом против того, что ты говоришь, что просьбы твои ко мне в моих глазах ничтожны. Это слишком несправедливо: я всегда делал и буду делать с душевною радостью все то, что могу тебе в угождение и когда не могу, то уже я не виноват. Александрову дать бригаду против желания Заводовского и Крюковского я не считаю себя вправе, но

не хочу входить в длинные объяснения и прошу только тебя судить меня по совести, а не по минутному неудовольствию.

Темир-Хан-Шура, 15 июня 1850 г.

С самого отъезда моего из Тифлиса, 11-го числа прошлого месяца, я нигде не имел досуга писать, любезный Алексей Петрович, а между тем я получил на пути письмо твое от 8-го мая. Ты писал, не получивши письма моего от 10 мая, которое во многих пунктах может служить ответом на то, что ты мне пишешь. Ты мог из него судить, что я совсем не имел намерения идти на Ириб, как ты в Москве слышал. Ириб слишком далек от наших границ, чтобы, взявши оный, оставить там гарнизон, и ежели бы мы его взяли, что во всяком случае было бы не без потери и больших затруднений по качеству дорог, туда ведущих, Даниель-Бек или всякий другой на его месте через два или три месяца опять бы укрепил это, и мы от такого подвига никакой выгоды не получили бы. Прошу заметить, что Салты и Гергебиль в этом отношении отличны от Ириба: взявши оные, мы там не остались, но и неприятель их вновь не занял и занять не может; мы от них слишком близки, и проходы к ним от нас слишком легки, чтобы они осмелились не только там опять укрепиться, но даже сделать там какой-либо посев; ибо к бывшему Гергебилю мы можем из укрепления Аймаки и Ходжал-Махи в несколько часов без всякого затруднения придти истребить всякое начало каких-нибудь работ и скосить для нас все, что они думают посеять для себя. На Салты еще легче идти из Эйджалманов, из Цудахара и из летнего лагеря князя М. З. Аргутинского на Турчидаге; в этой местности все пространство между Кара- и Казикумухским Койсу

осталось нейтральное. Там были деревни из самых богатых Дагестана: Купа, Салты, Кегер и Кудали. Эти деревни совершенно разорены, а две последние служили материалами для возобновления построек в Цудухаре, которые были разорены Шамилем в 1846 году. Это пространство было, можно сказать, житницей для большей части враждебного нам Дагестана, и мы всегда можем и должны смотреть, чтобы там неприятель никаких ресурсов не находил. Конечно разорение Ириба сделало бы на время довольно сильное в нашу пользу впечатление; но как я выше сказал, эта местность слишком до нас далека и доступ слишком труден, чтобы мы могли помешать немедленному возобновлению того же самого Ириба.

Впрочем мнение московской публики встретилось в этом случае, как до нас слухи доходят, с ожиданием самого Шамиля: и он, и Даниель-Бек, как видно, ожидали нападения на Ириб и особенно когда узнали, что я собрал небольшой отряд на верхнем Самуре, откуда идет одна из дорог, ведущих от наших границ до Ириба. Но я, кажется, писал к тебе из Тифлиса, зачем я шел туда: это единственная часть нашей границы, которая теперь еще слаба и через которую неприятель может беспрестанно спускаться даже до Ахты, угрожать новой дороге через Шинское ущелье и Нухинскому уезду, а особенно держать в беспрестанном волнении бывшее владение Елисуйское, верхние магалы и весь правый фланг Джаробелоканского округа. Все бывшие там начальники теперешние и прежние не могли положительно заключить, что лучше сделать, дабы поправить столь невыгодное положение дел на этом пункте. Я теперь узнал по опыту, что оно очень трудно; но, по крайней мере, я узнал совершенно местность и имею некоторую надежду, что хоть мало по малу мы добьемся тут толку и хотя убавим то зло, которое вовсе отменить невозможно. Чтобы пройти без всякого

препятствия везде, где нужда укажет, я собрал у Ахтов 4 батальона, 2 роты сапер, роту стрелков и 4 горных орудия, и мы пошли вверх по Самуру сперва в Рутул и потом в Лучек, а из Лучека на Гельмец и Цахур, куда ко мне пришли 3 роты карабинеров из Лезгинского отряда через Адам-Тахты, где они стояли в лагере Килаши-Джиних. По мере как поднимались по Самуру, дорога делалась уже и труднее и, наконец, от Гельмеца до Цахура почти непроходима. Места там также холодны, и в Цахуре 3-го июня около нас падал снег. Ежели бы не саперы, не знаю, как бы мы туда пришли, а еще менее как бы мы оттуда вышли, особливо ежели погода продолжала бы портиться, как то было 2-го числа и до утра 3-го. Жители этих деревень не могут там оставаться зимою и приходят со скотом и даже с семействами своими в нижние части Джаробелоканского округа; защищаться против неприятеля они не в состоянии даже с фронта, еще менее по обходам, особливо со стороны Лучека. Где многие дороги сходятся и откуда пути сообщения во все стороны сравнительно хороши. Я всегда думал, что Лучек важный для нас пункт и что надобно оный укрепить; но по общему мнению гарнизон наш там был во всю зиму отрезан по холодному климату и не только бы не мог ни в чем нам принести пользу, но и сам бы был в опасности. Впрочем место само по себе так крепко, что сами жители, хорошо расположенные к нам, и часть Ахтинской милиции всегда преграждали путь малым партиям; против больших же устоять они не могли тем более, что нижняя часть деревни и все их поля всегда могли быть разорены неприятелем. В 1848 году, когда Шамиль пошел на Ахты, то он пошел на Лучек, как единственный путь для большого ополчения. Рассмотрев со вниманием всю эту местность, я совершенно удостоверился, что Лучек должно и можно занять, во что бы то ни стало, и что это не так затруднительно, как

казалось, ибо климат Лучека, хотя горный, но довольно умеренный. Я сам видел, что около него растут орехи; а дорога, по которой мы прошли через Рутул, по местам узкая, но везде удобная и довольно теплая даже зимою, так что в случае нужды резервы, в какое бы то ни было время года, могут придти туда из Кусар, где стоит Ширванский полк, через Ахты и Рутул. Кроме того мы немедленно начнем улучшать к Лучеку другую дорогу, холоднее Ахтинской, но удобную по крайней мере 7 или 8 месяцев в году через горы от с. Ричи, что между Чирахом и Курахом; это дорога может служить для приходу к Лучеку резервов и всего, что нужно, когда Дагестанский отряд собран около Кумуха или на Турчидаге. Сам же Лучек с двумя ротами, при провианте и воде, которую отнять нельзя, не может быть в опасности; ибо положение его может сравниться с Саксонским Кенигштейном. В обыкновенное же время, т. е. когда нет главного сильного ополчения в этой местности против нас, занимая милициею первые деревни по двум главным ущельям, ведущим к Лучеку, т. е. по Самуру и Кара-Самуру, гарнизон не только будет совершенно спокоен, но будет иметь все выгоды, имея вблизи и строевой, и дровяной лес, место для пастьбы, огородов и проч.; гарнизон будет состоять из двух рот линейного батальона, который теперь в Хозрах без всякой пользы. Штаб батальона перейдет теперь в Ахты, где находятся теперь две другие роты батальона, а со временем, может быть, и штаб этот перейдет в Лучек. Князю Григорию Орбелианову с 5-ю батальонами поручено строить новое укрепление, и он будет сколько можно в связи сообщения с Лезгинским отрядом, от которого два батальона будут стоять лагерем в Кялало все лето и потом еще несколько недель на уроч. Адаш-Тахты, прежде чем воротиться на Лезгинскую линию. Таким образом и между этими двумя отрядами неприятель, имея один проход чрез Цахур, не посмеет

идти силою в наши владения; а ежели найдется возможным иметь постоянную милицию в Гельмеце, то и самые малые хищнические партии будут иметь большие затруднения тем более, что вместе с тем мы составляем маленькие отряды партизанские и из охотников с опытными и храбрыми офицерами в Елисуйском участке, в верхних магалах и в Нухинском уезде, которые будут отыскивать и истреблять не только разбойников всякого рода, но и передержателей, которые им помогают. Наконец, ежели и за этим мы через лето и осень не достигнем желаемого спокойствия в этом крае то зимою переселим все эти сомнительные деревни на плоскость, где они и теперь уже почти все зимуют, назначив им на лето кочевье, ибо эти жители жаров перенести не могут. Таковым распоряжением я совершенно буду спокоен насчет сильных нападений по примеру 1848 года и, что весьма важно, насчет продолжения работ по дороге через Шинское ущелье; на этой дороге в этом году два батальона, и я надеюсь, что вьючное сообщение и следовательно для войск и горной артиллерии до зимы будет кончено.

Я вошел во все эти подробности, любезный Алексей Петрович, потому что я думаю, что они тебе покажутся интересными и чтобы показать тебе, что, по крайней мере по моему мнению, моя краткая, но довольно трудная экспедиция вверх по Самуру не останется без пользы. Кончив оную, я отправился через Ахты в Курах и оттуда через горы и Табасаран в Дербент, третьего дня был в прекрасной новой штаб-квартире Самурского полка в Дешлагаре и сегодня мы приехали сюда, послезавтра поеду в Петровское, оттуда в Чир-Юрт и через Кумухскую плоскость в Чечню; буду писать тебе или из Воздвиженского, коли там буду иметь досуг, или из Владикавказа.

Кисловодск, 24 августа 1850 г.

Я давно не писал тебе, любезный Алексей Петрович, и это кажется еще страннее, что уже несколько дней в Кисловодске, где, казалось бы, я должен иметь время отдыхать, купаться, лечиться и полный досуг для партикулярной переписки с друзьями; но вышло совсем иначе. Едучи сюда, еще на Сунже, мы получили известие сперва предварительное от кн. Чернышова, что Великий Князь Наследник намеревается посетить Кавказ. Разумеется, тотчас надо было думать и распорядиться о всем необходимом для приема высокого гостя; но о времени приезда по маршруту я получил только здесь в Кисловодске. Его Высочество приезжает к нам в Тамань 14-го числа, едет через Кубань и частью по Лабе через Пятигорск, Кисловодск и Нальчик во Владикавказ, оттуда в Тифлис, где пробудет три дня.

Я встречу Великого Князя в Усть-Лабе, поеду с ним до Тифлиса, оттуда он поедет с князем Бебутовым в Кутаис и Эривань, а я опять буду дожидать в Дербенте, чтобы с ним поехать в Шуру, Чир-Юрт, Кумукскую плоскость, а потом Грозную, Воздвиженское по Чечне, а 30-го октября Его Высочество предполагает уже быть в Новочеркаске на возвратном пути. Ты верно увидишь кого в Москве. Дай Бог, чтобы импрессия о Кавказе была у него хорошая; но для нас не выгодно, что Великий Князь не видел этот края пять или шесть лет тому назад: ибо в таком случае он бы лучше мог судить о некоторых переменах, смею сказать, довольно важных в нашем положении вообще. Я не могу быть с Великим Князем везде, потому что не считаю себя в силах скакать по 140 и более верст в сутки и тем более, что у меня немного еще болит нога от маленькой случайности в Дербенте; зато я буду готов и способен сопровождать

знаменитого гостя там, где нужны конвои даже и пехоты и где переходы медленны и не могут быть так длинны. Когда воротимся после этого во Владикавказ, я немедленно напишу тебе несколько слов, чтобы известить о всем бывшем.

Вообще по делам у нас нет ничего особенного, кроме прекрасной экспедиции на прошлой неделе храброго Слепцова в Большой Чечне. Генерал-майор Козловский уже несколько времени был занят с небольшим отрядом близ укрепления Куринского истреблением леса и открытием дороги для наших конных партий от Куринского до Мичика и вдоль этой реки. Эта операция весьма неприятна Шамилю, ибо сильно должна действовать на Большую Чечню; он послал туда сильный сбор, к которому, видно, присоединилась и часть другого сильного сбора из чеченцев и дагестанцев, стоявшая с самой зимы постоянно около Шалей для защиты укрепления, сделанного поперек просеки, так хорошо вырубленной зимою Нестеровым. Козловский писал Ильинскому и Слепцову, прося, ежели возможно, сделать диверсию в пользу его операции. Ильинский разрешил, а Слепцов немедленно исполнил: собрав около 900 казаков и милиции, он скрытно прошел через всю Малую Чечню, дал вид частью пехоты, что он хочет атаковать немирные в лесах деревни; потом, переправясь через Аргун у Большого Чечня, куда к ним присоединились три роты из Грозной, 22-го с рассветом внезапно атаковал самое укрепление и взял оное почти без всякой потери. Тут подошли еще Куринцы из Воздвиженского и зачали, сколько возможно было, разрушать огромный вал, сделанный по приказанию Шамиля. Когда неприятель, собравшись, подходил, чтобы его беспокоить, он прямо кинулся на него с храбрыми и всегда счастливыми Сунженскими казаками, рассеял его и гнал несколько верст по Большой Чечне почти до Герменчука. Главный наиб Талгиб сильно ранен

картечью в ногу. Чеченцы так уstraшены, что Слепцов без выстрела воротился сперва к взятому им укреплению, где нашел уже пришедшего из Воздвиженского генерала Миллера с рабочими инструментами и, разрушив, сколько возможно было в течение дня, весь отряд воротился в Воздвиженское также без выстрела. Моральное действие этого смелого и прекрасного дела будет большое и особенно поможет нам в будущую зимнюю экспедицию около тех же мест.

Идучи назад через Малую Чечню, Слепцов был встречен везде поздравлениями не только от мирных Чеченцев, поселенных на передовой нашей линии, но даже некоторыми старшинами из деревень, ушедших в горы и которые не покорились.

В Дагестане ничего не было особенного, кроме постройки Лучека. На Лезгинской линии генерал Бельгардт, оставшийся старшим по болезни Чиляева, имел хорошее дело в горах против Джурмутцев, и разные мелкие покушения неприятеля на плоскость были везде отбиты без всякого для нас вреда. Но в этой стороне был один случай, для нас весьма горестный. Помощник начальника Джаробелоканского округа, князь Захарий Эристов, только что недавно произведенный в полковники, имел нужду поехать на несколько дней в отпуск в Тифлис и отправился с пехотным конвоем, который был назначен к почте, потому что были слухи о хищниках в лесах по дороге. Около половины дороги бедному Захарю надоело идти с пехотою, и он с 4-мя казаками поехал вперед; в лесу напали на него хищники, и он убит. Жалко думать о бедном старике отце его, у которого он был единственный сын, и о бедной вдове его, княгине Елене, с которой он жил уже несколько лет совершенно согласно и счастливо, хотя бездетно. Это несчастье поразило нас всех, и нельзя еще кроме того не сожалеть, что Великий Князь найдет

в Тифлисе многих членов фамилии Эристовых и Орбелиановых в печали и трауре.

На Правом Фланге и за Кубанью агент Шамяля, Магомет-Амин успел приобрести много власти над Абазехами, Шапсугами и Натухайцами; но эта власть шаткая. Я подкрепил начальника Правого Фланга, генерала Евдокимова и надеюсь, что с Божиею помощью можно будет взять меры, чтобы ежели не уничтожить, то по крайней мере весьма уменьшить влияние Магомета-Амина и совершенно обеспечить нашу границу и поселение.

Я здесь с радостию нашел, и ты верно с удовольствием узнаешь, что храбрый и почтенный генерал Нестеров совершенно выздоровел: не осталось ни малейших признаков в несчастной его болезни; одна только слабость, необходимое последствие сильных мер, взятых для его лечения и которые так хорошо удались. Я только взял с него слово, что, приняв команду над Левым Флангом после проезда Великого Князя, он не примет участия в зимней экспедиции, которую по его наставлению отлично выполнит генерал Козловский с отличными и опытными генералами и полковниками, которые будут в отряде: зимний бивуак несколько недель сряду мог бы опять потрясти силы и физическое здоровье Нестерова, тогда как, отдохнув зимою, он будет готов на всю будущую весну. Лечение это делает большую честь нашему эскулапу, доктору Андреевскому, и конечно никто кроме его, может быть, и в самых столицах этого бы не мог исполнить; в этом ему помогли пятилетняя дружба и знакомство с Нестеровым и самое лечение будучи в Тифлисе, где я, по доверенности Нестерова ко мне, всегда был готов и мог помогать. Не будь Андреевского, пришлось бы Нестерова запереть; ибо ни один из медиков в Тифлисе не считал возможным его вылечить.

Тифлис, 6 декабря 1850 г.

От всей души благодарю тебя, любезный Алексей Петрович, за интересное письмо твое от 15-го ноября. Мне должно быть очень приятно видеть, что и в Москве Белокаменной Государь Наследник отзывается об нас так лестно и повторил то, что и нам здесь сказывал об удовлетворительном для него по всем частям осмотре здешнего края. Надобно признаться, что Бог во всем нам помог: погода была почти постоянно хороша, храбрые наши войска везде показали себя молодцами, в чем также нам помогла новая и прямо воинская форма для Кавказского корпуса. Он, кажется, меньше ожидал, нежели нашел регулярства в строю и знания фронтовой службы; но свободный и веселый вид наших солдат и что-то совершенно воинское, что в других войсках до такой степени никогда не бывало, особенно обратило на себя его внимание и приметно его радовало. Когда мы дошли до расположения славной нашей егерской бригады 20-й дивизии, то он входил во все подробности, восхищался Кабардинцами и Куринцами, о службе коих он так много слышал, ехал постоянно при них верхом и любовался охотничьей командой Кабардинского полка, которая проводит жизнь свою в поисках и экспедициях и, увидев их в первый раз в настоящей форме, приказал на другой день им показаться в той, в которой они ходят и скрываются по лесам и проч. Тут он в них увидел настоящих диких чеченцев с чеченскими песнями и всеми ухватками тамошних туземцев. В этих двух полках он увидел почти все батальоны, ибо четыре дни они ему служили прикрытием; почетные караулы от этих двух полков были составлены без изъятия из Георгиевских кавалеров. В Воздвиженском он велел при себе петь славную нашу песню: «Куринский полк ура», удивлялся

запевалу первой карабинерской роты, который с двумя простреленными ногами пляшет даже на походе перед песельниками. На походе же через Урус-Мартан в Ачхой Куринские батальоны, которых он еще не видал, не только ему были представлены, но и проходили мимо его церемониальным маршем. Признаюсь, что я сам был удивлен, видя, как они стройно прошли; а он тем более был доволен, что знал особые обстоятельства этого храброго полка, в котором, можно сказать, что от 1-го Января до 31-го декабря почти нет дня, в котором кто-нибудь не стрелял бы по неприятелю: ибо хотя чеченцы около него ослабли и упали духом, но Воздвиженское всего в 35 верстах от Веденя, штаб-квартиры Шамиля, немирные деревни в весьма близком расстоянии, и в последние два года Шамиль, потеряв надежду сделать против нас что-либо серьезное, тем более решился предписывать, для поддержания враждебного против нас духа несчастных своих подвластных, беспрестанно, хотя малыми партиями, беспокоить наши окрестности, рубки дров в лесу и проч. Со всем тем, прикрытия одной только роты теперь совершенно достаточно для всех okazji между Воздвиженским и Грозной и Воздвиженским и Урус-Мартаном. Все это должно было понравиться Великому князю, не выдавшему прежде того, ни этого военного духа, ни войск в настоящем военном положении.

А что он истинно достоин это примечать и ценить, он скоро нам оказал на деле; ибо, увидев 26 окт. партию чеченцев, на которых никто из наших не обратил внимания, он от собственного порыва бросился на них около трех верст за цепью и имел удовольствие выдержать их огонь: ибо дураки, вместо того, чтобы сейчас уйти в лес, около которого ехали, сделали залп по Наследнику, что им дорого стоило; ибо начальник их изрублен на месте, и между ушедшими верно были раненые. Ты видел, как я об этом случае донес Государю

и какие были тому последствия. Все это совершенно было так, и я так мало думал, будучи уже в 4-х верстах от Валерика (где нас ждал с отрядом Ильинский), что какой-нибудь отряд покажется, что, страдая от груди и от кашля, за четверть часа перед тем сел в коляску и уже заснул, как вдруг Дондуков, податель сего письма, разбудил меня и показал, как Великий Князь скачет прямо в чеченские леса. Можешь себе вообразить, как я испугался и как я потом радовался, когда все кончилось так хорошо и особенно, что это все произошло в последний день прямо-военного похода, когда уже после того нельзя было ожидать никакой встречи. Я бы ужасно беспокоился, ежели бы такая возможность продлилась несколько дней; перед тем же я имел уже один случай видеть, как ему хотелось встретить какую-нибудь опасность.

Так как, едучи из Грозной в Воздвиженское, нужно было сделать привал, я назначил оный с завтраком на кургане, который носит твое имя; а чтобы какой-нибудь наиб не вздумал на нас стрелять из пушки из ближних местных гор налево нашего марша, которые простираются до Аргуна, я велел занять оные двумя ротами. Великий князь об этом узнал и, подходя к этой местности, ни говоря ни слова, он вдруг поскакал к этим ротам, чорт знает по каким тропинкам, смотреть их пикеты и секреты и, узнав, что по нашим перед тем было два или три ружейные выстрела, он видимо сожалел, что эти выстрелы были прежде его приезда. С таким молодцом ответственность моя была бы не легкая, и слава Богу, что все так скоро и хорошо кончилось. Между тем нельзя не радоваться, что Богу угодно было при конце его потешить и что он имел случай при нас всех и при большом числе туземцев всякого рода показать, какой в нем истинно-военный дух и отвага. Словом, все было устроено Промыслом Всевышнего к

лучшему и тут, где люди со всем старанием не могли бы этого сделать.

По гражданской части он также всем был весьма доволен, и князь Бебутов мастерски ему показал Имеретию, Эривань и Шемахинскую губернию. После его отъезда я отдохнул три дня во Владикавказе и теперь чувствую себя довольно хорошо.

(Собственноручно). Рекомендую подателя сего письма <князя М. А. Дондукова-Корсакова>: молодец во всех отношениях, и как я имел случай сказать о нем Государю, хотя еще молод, прямой Кавказский ветеран.

Тифлис, 7 февраля 1851 г.

Я виноват перед тобою, любезный Алексей Петрович, что последние две-три недели не писал тебе, получив в это время сперва одно, а потом другое письмо от 18 января. Начинаю с того, чтобы благодарить тебя душевно, как от себя, так и от жены моей, за истинное дружеское твое поздравление о пожаловании ей ордена ленты св. Екатерины: это большая милость, и мы должны быть весьма благодарны. Что же касается до того, что ты мне пишешь о празднествах в Москве в будущем августе месяце и об ожидании твоём меня там видеть, то скажу тебе, что об этих празднествах мы ничего не знаем официально, и должно и можно ли будет мне туда ехать, мне теперь совершенно неизвестно. Отсель уезжать, кроме физических трудов поездки, вместо возможного отдыха на водах или в Крыму, есть и другое всегдашнее затруднение: слишком отдалиться от здешних мест и дел в то самое время, когда у нас есть предприятия и когда против неприятеля должно быть в осторожности. Притом помощников у меня весьма много отличных, но нет

никого, которому и по старшинству, и по другим обстоятельствам вместе, я бы мог все сдать на время отсутствия, и в 1849 году я должен был устроить довольно трудное распоряжение между лицами: никто не был назначен всем заведывать и хотя по милости Божией все это пошло хорошо, но на подобное счастье всегда считать невозможно, и я нередко в это время очень беспокоился. Впрочем к тому времени увидим, что обстоятельства покажут и что Богу будет угодно.

О князе Палавандове я, кажется, уже писал тебе в прошлом году; я бы желал от души сделать что-нибудь ему приятное и выгодное, но запрещение входить с просьбами о денежных наградах и арендах теперь еще сильнее прежнего, и мы получили недели две тому назад такие о том повторения и наставления, что должны, хотя на время, не только не входить с подобными просьбами, но даже останавливаться в некоторых предположениях и улучшениях по краю, как скоро это влечет в сверхсметные расходы. Что же касается до места для Палавандова, то одно, которое он может здесь занимать и которое я очень был бы рад ему доставить, как скоро будет вакансия, есть место в главном здешнем Совете, где находятся и гражданские чиновники; губернаторы же все должны быть военные, и воля Государя на это есть решительная.

Ты можешь откровенно об этом переговорить с князем Палавандовым и уверить его не только в готовности, но и об истинном желании моем видеть его здесь в службе, на которую он по опытности в делах и совершенному знанию края более нежели способен и будет весьма полезен. Вакансий в Совете хотя теперь в виду нет, но таковая всегда может встретиться, и дело бы тогда скорее сделалось по общему нашему желанию, если бы он в то время был не в Москве, а здесь; впрочем, я слышу, что они намерены приехать назад на родину в этом году и надеюсь, что они это сделают.

У нас нет ничего особенного кроме продолжения рубки леса в Большой Чечне. Шамиль сильно сопротивляется, но с помощью Божиею, надеюсь, мешать нам не может, и сопротивление это хотя стоит нам некоторую потерю людей, но по сие время небольшую, и доказывает лучше всего, сколько Шамиль дорожит этою местностью и сколько он боится, что плоскость Большой Чечни попадет к нам в руки, так, как это сделано в Малой Чечне. Он привел для сопротивления почти все силы Дагестана. Даниель-Бек и Хаджи-Мурат с ним, и сей последний на днях ходил в верховья рек Черных гор в Малой Чечне, где остались еще в весьма трудных местах те жители Малой Чечни, которые еще не покорились, и оттуда хотел ударить на какую-нибудь станицу Сунженскую или на мирных наших чеченцев, но Слепцов не дремал, и Козловский послал за неприятелем часть своей кавалерии. Хаджи-Мурат должен был уйти, не сделавши совершенно ничего. Но Слепцов этим не довольствовался и пошел наказывать жителей, принявших этого пришельца; в этом он совершенно успел, но не без потери с нашей стороны по особенно трудным местам, по которым он должен был следовать возвратным путем после сожжения и истребления всего принадлежащего виновным против нас аулам и хуторам. В этом деле мы потеряли, к общему сожалению, доброго и старого служилого полковника Германса и служащего в Сунженском полку сына наказного атамана Хомутова. Вообще же в Чечне и на Кумухской плоскости дела идут весьма хорошо, и я смею думать, что северная часть Дагестана недолго останется в порабощении сильного и умного возмутителя, с которым мы имеем дело.

На Правом Фланге я также надеюсь, что в этом году дела сильно подвинутся; теперь строится мост на Лабе у ст. Тенгинской, а весной пойдет сильный отряд строить укрепление, а в последствии и мост с тет-де-поном на

Белой, в 35 верстах от Тенгинской станицы. Это единственный способ держать в страхе все племена Закубанские и особливо абазехов, а этим можно и должно уничтожить влияние Шамиля и его агентов на все тамошние местности.

Кисловодск, 20 июля 1851 г.

Ты мне пишешь, и я сам думал, что ничто не помешает мне отправиться именно завтра на Правый Фланг и, пробыв там несколько дней, через Ейск и Крым на настоящий отдых; но здесь более нежели на всяком другом месте человек предполагает, но не располагает. Покамест все идет так хорошо в Чечне и за Кубанью, Шамилю вздумалось попробовать смелую штуку в Дагестане. После первой неудачи Омара Салтинского, он отправил Хаджи-Мурата с партией около 800 доброконных через Буйнаки, которые он разграбил, в Кайтаг и вольную Табасарань, где многие или от страха, или с дурным намерением к нему пристали. Князь Аргутинский, узнав это на Турчидаге, был в довольно затруднительном положении, ибо около Чоха и Согрателя находился Шамиль с сильным сбором. Он однако решился идти против главной неприятельской операции и, оставив хорошего штаб-офицера с четырьмя батальонами, сам с пятью батальонами, с драгунами, милициею и проч, пошел через Чирах в Табасарань. Не знаю, как и когда это все развяжется и надеюсь на Бога, на славное войско и опытного нашего начальника Дагестана; но во всяком случае ехать отсель на Правый Фланг, прежде нежели получу известие о чем-нибудь решительном, невозможно, тем более ежели там хуже загорелось, надо будет подвинуть в Сунжу и к Шуре резерв из войск Левого Фланга. Я непременно напишу

тебе, как скоро узнаю что-нибудь интересное, а теперь скажу только, что 8-го числа князь Аргутинский должен был выйти из Кумуха на Чирах, и что я считаю около 4-х переходов, чтобы войти в Табасарань; один батальон из Гельмеца на Самуре выступил к Чираху, чтобы действовать по обстоятельствам.

Кисловодск, 4 августа 1851 г.

Любезный Алексей Петрович, я обещал уведомить тебя о развязке дел в Дагестане прежде моего отъезда отселе. Теперь спешу написать, что все там, слава Богу, кончилось так, как можно было желать и как можно было ожидать от знания дела и решительности князя Аргутинского. От него прямо я еще ничего не имею, но по официальному отношению Кубинского уездного начальника нам известно, что Хаджи-Мурат, ворвавшись в Табасарань, успел привлечь к себе часть жителей, хотя все беки ему сопротивлялись; потом, когда войска наши пришли со всех сторон, то он начал метаться и укрепил несколько деревень; 21-го числа князь Аргутинский взял с бою четыре деревни, а 22-го атаковал главную, где был сам Хаджи-Мурат, на которую жители надеялись. Хаджи-Мурат однако думал иначе и, как кажется, еще прежде боя ушел. Деревня взята мигом и сожжена в наказание, равно как и взятая накануне. Часть мюридов защищалась с жителями и была переколота; с другою частью Хаджи-Мурат пробрался, как мог, тропинками и 24-го наткнулся на один наш батальон, как кажется, из отряда генерала Сулова и потом успел спастись, хотя со стыдом и с большою потерей. О Шамиле я ничего не знаю; но, как кажется, он не посмел ни сделать диверсию в пользу Хаджи-Мурата и вольных табасаранцев, к нему приставших, ни атаковать наши

войска, оставленные на Койсу кн. Аргутинским. Сегодня я отправляюсь на Белую и далее. Конечно еще лучше бы было, если бы сам Хаджи-Мурат попал бы к нам в руки, но на это считать было бы невозможно. Довольно сильное и смелое предприятие Шамиля ни в чем не удалось, и жители, к мюридам приставшие и которых давно Аргутинский хотел наказать за непокорность, теперь сильно наказаны, и главное, что когда в Чечне и на Правом Фланге для нас все идет как нельзя лучше, новое и смелое предприятие Шамиля повернулось в нашу пользу. Прежде нежели отправиться в Крым, я тебе еще напишу, что я увижу и узнаю на Белой. Прощай, любезный друг; я посылаю это письмо чрез Булгакова не запечатанное, чтобы он мог видеть, что у нас делается.

Лагерь на Белой, 9 августа 1851 г.

Любезный Алексей Петрович, я начинаю это письмо здесь, но кончу и отправлю оное завтра или послезавтра из Тифлиской станицы на Кубани, и тогда может быть я что-нибудь узнаю прямого и официального от князя Аргутинского. Мы пришли сюда третьего дня и с самой Лабы, через которую мы проехали по прекрасному мосту о трех арках по досчатой системе, в станице Тенгинской я вошел в край ранее мне неизвестный. От Лабы до этого места около 35 верст; здесь я нашел укрепление почти конченным на 6 рот и 4 сотни казаков; вначале сентября начнут строить мост или, лучше сказать, два моста с укреплениями для тет-де-пона. Вчера мы выстроили временный мост на колах, заняли лес на левом берегу пехотою, и сегодня я ездил на ту сторону версты две по прекрасным равнинам за лесом. Вдали были видны Абазехские аулы, но ни один живой человек

не показывался; непонятно даже, какой упадок духа мог быть причиною, что отряд здесь живет, строит крепость и купается в реке без всякой защиты на левом берегу и без всякого со стороны неприятеля покушения. Еще сначала были редкие перестрелки, но после разбития Магомета-Аминя 16-го мая Волковым и кн. Эристовым, здесь уже не было ни одного выстрела. Разные племена все говорят о необходимости покориться; но мы им объявили, что между Белою и Лабою мы не дадим никому селиться и что все это пространство останется пусто, по Кубани же у нас есть земли готовые к услугам. Когда же все построения здесь будут кончены, т. е. будущею весною, и здесь будет с хорошим гарнизоном хороший и опытный начальник, то абазехи будут у нас в руках, и задние линии нижней Лабы и части Кубани будут сильно обеспечены, а несколько сотен отличных казаков всегда готовы, как резервы, к действиям.

Здесь вообще место здоровое, вода в реке и в колодцах отличная и в изобилии. До половины июля здесь не было больных; но после несносных жаров не только здесь, но даже и в Кисловодске пошли лихорадки и отчасти поносы. При лечении, заведенном в последние годы Андриевским, лихорадки бывают непродолжительны и, что всего важнее, редко возвращаются. Почтенный генерал Заводовский также пострадал от жаров и от давней его болезни, волнения в крови; но ему эти два дня гораздо лучше, и он везде со мною ездил верхом; он поедет недели на две полечиться в Железноводск и потом приедет назад сюда, где его присутствие драгоценно по совершенному его знанию дела и края и по совершенному уважению и доверенности, которые имеют к нему все здешние народы.

Ст. Тифлиская, 11 августа.

С удовольствием спешу прибавить тебе несколько слов, любезный Алексей Петрович, о делах Дагестана. Вчера я был обрадован подробным донесением князя Аргутинского, из которого узнал, что Хаджи-Мурат, пробравшись в вольную Табасарань, где часть жителей присоединилась к нему, везде был атакован нашим отрядом и, потеряв лучших людей своих, с частью мюридов бежал обратно. Но и тут еще встречен войсками и жителями нашими и потерпел новые уроны. С другой стороны, Шамиль со всем скопищем своим, считая отряд, оставленный в Гамаши недостаточным для остановки его, стал действовать против Казикумуха, где Агалар-Бек с милициею и батальоном пехоты опрокинул его, а 12-го числа генерал-майор Граматин совершенно разбил все скопища горцев около Турчидага. Шамиль бежал к Чоху, потеряв три значка, много убитых и в том числе 4 наиба; сбор распущен, и в Табасарани водворено полное спокойствие: жители делают дороги и просеки, которые во всякое время сделают доступною нашим войскам трудную эту местность.

Вообще я совершенно спокойно отправляюсь в Алупку и смело могу сказать, что в последние эти годы, по всему, что делалось в Чечне, что нашел я здесь и наконец с последними успехами в Дагестане, никогда дела наши не были в таком удовлетворительном и блестящем положении, как теперь.

Князь Аргутинский в последнем походе действовал отлично и оправдал вполне высокую репутацию его в войне Дагестана. Сейчас отправляюсь в Ейск.

Темир-Хан-Шура, 7-го ноября 1851 г.

Любезный Алексей Петрович, ты справедливо жалуешься на меня в письме твоём 8-го октября,

полученном здесь только сегодня, что я так давно к тебе не писал. Одно извинение была болезнь, постигшая меня немедленно по прибытии в Алупку, которая мне помешала даже быть в церкви при свадьбе сына и во время лечения от которой мне тем более не позволяли ни писать, ни без необходимости чем бы то ни было заниматься, чтобы сделать меня способным к поездке к Государю в Елисаветград и потом в Одессу для встречи молодых Великих Князей и потом для встречи их опять в Алупке. Между тем nolens-volens <волей-неволей> я должен был хотя с разборчивостью и только по необходимости входить в дела Кавказа и Новороссийских губерний. Итак могу сказать, что у меня минуты не было свободной; вместо покоя и отдохновения в Крыму, как я надеялся, недель на шесть или более, я имел всего свободных пять дней между отъездом Великих Князей и моим собственным отъездом из Алупки. Хотя еще на диете и с предосторожностями после сильной болезни, опять вместо покоя я отправился с адмиралом Серебряковым в Новороссийск, там осматривал новую дорогу через горы, потом должен был в Керчи вместе с г. Федоровым хлопотать о перемене полусумасшедшего градоначальника, потом по всему течению Кубани имел толкование со всеми закубанскими народами, а из Ставрополя отправился через Малую Чечню, чтобы водворить сына моего с молодою женою в Воздвиженском: он принял полк скоро и исправно и с большим рвением принимается за дело. Оттуда мы приехали сюда, и я в коротких словах тебе скажу: *первое*, что Закубанские дела в этом году взяли очень хороший оборот; об Чечне довольно тебе сказать, что я привез дам (ибо жена моя и графиня Шуазель со мною) от Владикавказа по Сунже, потом через Урус-Мартан в Воздвиженское и оттуда в Грозную в экипажах и большою рысью с кавалерийскими конвоями. В Грозной, по желанию жены моей и моему собственному, мы были

в твоей землянке, которая остается сохранною и драгоценным памятником о тебе. Теперь останется тебя уведомить о важном деле, о котором ты может быть уже слышал, а именно о ссоре Шамиля с Хаджи-Муратом. Чтобы дать тебе ясную идею об этом, я посылаю то, что мы сообщаем в Тифлис; там все сказано, что мы знаем, ни больше, ни меньше. Что будет впоследствии, Бог один знает; может быть от этого для нас хорошее, дурного же быть не может. Сегодня мы получили известие, что Анцухский наиб, получивший повеление Шамиля сдать свое наибство другому, объявил неповиновение и хочет ни нового наиба, ни Шамиля к себе не пускать.

Прощай, любезный друг; мы послезавтра отправляемся в Дербент и потом через Баку и Шемаху в Тифлис, куда надеюсь прибыть 22-го числа.

40

Тифлис, 17 января 1852 г.

Я так против тебя виноват, любезный Алексей Петрович, в последние времена, что, собираясь писать к тебе сегодня и в это время видя письмо твое, пришедшее по почте, я боялся, что ты меня будешь крепко бранить; а между тем я, право, не так виноват, как бы казалось. Последние три или четыре месяца я имел всякого рода недуг, хлопот и запутанных дел и занятий, которые не давали мне ни покоя, ни досуга. Между тем в декабре я было оглох, и это продолжалось дней 8 или 10; потом, только что это поправилось, сделалось у меня маленькое воспаление в глазе, и опять недели на две я никуда не годился. Не знаю, что будет далее, но теперь покамест я поправился и могу ездить верхом и ходить пешком по обыкновению. Об делах здешних ты знаешь по газетам и по тому, что я

пересылал тебе через Булгакова. Я был очень обрадован блистательным началом зимней экспедиции и хорошим участием в этом моего сына. Князь Барятинский оказывает вот уже года два или три хорошие военные способности и совершенное понятие здешней войны. Он всегда делает больше и лучше, нежели в инструкции предположено. При прощании с ним я с ним условился, чтобы при рубке лесов, (где найдется лучшим для вящего расширения и так уже больших полян Большой Чечни и доступных мест и для отнятия у них всех средств к продовольствию и тем принуждать к покорности или к уходу пропадать в горах) найти удобный случай занять и разорить главные селения и, можно сказать теперешнюю столицу большой Чечни Автур. Сообразив сведения и все обстоятельства местности, Барятинский исполнил это с полным успехом и ничтожною потерей, распорядительно и неожиданно, в самый первый день вступления на боевые места. 6-го числа, когда Шамиль только что собирался сделать сильную защиту на реке Басе и около Герменчука, он выступил в два часа утра и прежде полдня пришел прямо к Автуру; тут он поручил Куринцам с сыном моим немедленно штурмовать это селение, в котором было до 1000 домов, и это сделано так молодечески и неожиданно по навесной крутизне от речки Хунхулу, что неприятель совершенно потерялся, и нам досталось это важное селение с потерей одного убитого и нескольких раненых. Заняв Автур, Барятинский тотчас повел 4 батальона к Гелдыгену, и барон Николаи с Кабардинцами немедленно занял с бою и это важное селение: не менее 600 дворов. Оно тотчас истреблено со всеми запасами, находившимся в нем, и к вечеру весь отряд был сосредоточен в Автуре. Ты видел в известиях с Кавказа, как на другой день Барятинский сделал рекогносцировку к стороне Веденя и потом воротился в лагерь на Аргуне после сильного боя Ку-ринцев уже с

самим Шамилем, который в отчаянии точно сам бросался в атаки и стрелял из ружья и потом в расстройстве бежал со всем своим сборищем.

Истребление этих двух главных селений и всех запасов, приготовленных для вспомогательных сборов из Дагестана, есть дело важное и совершенно изменяет все расчеты и действия и сопротивления на зимний поход, который во всяком случае должен продолжаться до первых чисел марта. Несчастные чеченцы точно находятся в ужасном положении, и можно надеяться, что мы приближаемся к развязке. Между тем 18 числа, по согласию с генералом Вревским, Барятинский исполнил то, что покойный Слепцов всегда считал важнейшим делом для окончания в Малой Чечне: сам повел Куринцев и батальон Эриванский в верховья Гойты, а Вревский с Кабардинцами и батальоном Навагинским или Тенгинским пошел в верховья Рошни. Последние главные убежища немирных истреблены, взято много пленных и добычи всякого рода и все это было сделано так распорядительно и секретно, что Шамиль во все время ожидал, что будет в Большой Чечне. И не успел ни одним человеком помочь атакованным аулам. Это дело важное и полезное; но тут при бочке меда досталась нам горькая ложка дегтю: храбрый и почтенный атаман Крюковский вел кавалерию впереди колонны Барятинского и, как видно из писем Барятинского и сына моего (но официального еще ничего не имею), не умерил шага кавалерии и особенно авангарда, который бросился в главный аул и занял оный; но когда тут произошел сперва беспорядок, то бросился с 10 человеками в середину аула и там изрублен. Куринцы, бегом подоспевшие, тотчас все поправили, истребили всех сопротивляющихся и, как выше сказано, вообще дело было прекрасное; но смерть Крюковского испортила для нас удовольствие. Он был всеми уважаем и всеми любим. Я всегда думал и

говорил, что ежели бы взять из 1000 человек по частице нужной для составления превосходного атамана для линейного казачьего войска, нельзя бы лучше составить, нежели это составлено натурою, опытом и внутренними качествами в генерале Крюковском. Прошу тебя сообщить Булгакову, что я пишу тебе о военных наших делах, ибо я писать ему о том же не успею; а надо, чтобы он все это знал: ибо к нему адресуются за известиями и, по неимению таковых, могут выдумывать фальшивые толки.

Тифлис, 18 февраля 1852 г.

Любезный Алексей Петрович, я никак не мог написать тебе с последнею почтою. Мы три дня тому назад официально получили Георгиевский крест для Семена Михайловича. Можешь себе вообразить, что для меня было очень приятно видеть на сыне моем тот же самый крест и в том же самом крае, где я получил оный 48 лет тому назад. Дела в Чечне идут как нельзя лучше. Барятинский действует и смело, и распорядительно, знает совершенно и край, и образ тамошней войны, любим войском, жителями и даже немирными, которых он успел уверить, точно так как сделал покойный Слепцов, что он их первый защитник и благодетель, как скоро они являют покорность. Жаль, что зимою надо размерять сроки для действий по возможному приготовлению, особливо сена. Я первый начал требовать, чтобы все сено приготовлено было и закуплено, хоть иногда и большими ценами, но так, чтобы не менее двух месяцев можно было действовать на чужой земле; так было в прошлом году, и так оно есть и теперь. Но ежели бы было возможно остаться там до апреля месяца, то Большая Чечня в этом же году, может

быть, была бы совершенно покорена; впрочем, итак результаты уже большие, и до начала марта будут еще более. Окончив между Воздвиженским и Автуром, Барятинский перешел с отрядом вниз по Аргуну близ бывшего селения Тепли в 15 верстах от Грозной. Лагерь расположен по обоим берегам реки, мосты сделаны, и оттуда всякий день ходят на рубку, также в дирекцию на Автур, так что вся эта северная часть Большой Чечни, где лесов гораздо менее (и те более островками среди полян), совершенно отнята у неприятеля, и в оной пахать, сеять и косить невозможно им будет без нашего позволения. В этих местах Шамилю со своим сбором трудно противиться нашим операциям, рубки делаются почти без сопротивления, а иногда вовсе без выстрела; когда же они что-нибудь пробуют, то всегда неудачно.

Третьего дня мы получили известие об одном блистательном деле трех сотен казаков под командою Лорис-Меликова, которые бросились на сильную Тавлинскую партию под командою сына Шамиля, показавшуюся с намерением преследовать колонну, окончившую в этот день рубку. Из приказов, из которых я на всякий случай посылаю тебе здесь один экземпляр, ты увидишь подробности кровавого, но славного дела ген. Сулова, который с молодецкою решимостью уничтожил совершенно сильное скопище всех абреков из Дагестана, пришедших волновать Кайтах и Табасарань, и тем надолго успокоил весь этот край. На правом же фланге и за Кубанью совокупное движение генерала Евдокимова, адм. Серебрякова и генерала Рашпиля не может не иметь также больших результатов.

Тифлис, 22 марта 1952 г.

Любезный Алексей Петрович, от тебя в первый раз слышу я о юбилее *тысячелетия* России: все наши историки назначают на то 1862 год. Но вчера я читал в «Кавказском вестнике» статью, доказывающую, что это расчисление было ошибочное и что эта любопытная эпоха точно в текущем 1852 году. Теперь, говорят, другие ученые и об этом спорят, и весьма легко спорить о вещах, о которых ничего верного не знают; но как скоро есть о том спор, то лучше выиграть десять лет и объявить именным указом, что *тысячелетие* великой Империи должно быть признано и праздновано в 1852 году.

Тифлис, 2-е апреля 1852 г.

Христос Воскрес!

Фельдъегерского корпуса капитан Иностранцев отдаст тебе это письмо, любезный Алексей Петрович; он мне сказал, что он желал и без того быть у тебя и был у тебя в старину здесь в Тифлисе. Он мне привез накануне праздника, как это ему было приказано, Высочайший рескрипт с титулом светлости. Вы верно уже копию из этого рескрипта получили из Петербурга. Я должен быть благодарен за лестные слова этого рескрипта и за то, что наконец вспомнили о *50-лети*и моей службы военной, не говоря уже о том, что три года до того служил я по гражданской. Благодаря за эту милость, я имел удовольствие донести о новом подвиге храбрых моих Куринцев. Князь Барятинский приехал в Тифлис по делам службы, и сын мой приехал нас навестить и оставить здесь жену до времени, когда он опять приедет, чтобы ехать с нами в Боржом. — Можно полагать, что после двух месяцев беспрестанной драки и видя отсутствие начальника фланга и того полка,

который к ним ближе и беспрестанно с ними дерется, чеченцы не были в полной осторожности. Генерал Меллер-Закомельский, командуя в отсутствие Барятинского, воспользовался этим и секретным ночным движением напал с рассветом на хутор наиба Талгика, где всегда находились две пушки, уже несколько лет доверенные ему Шамилем. Две роты Куринцев с храбрым майором Оглобжио и капитаном Мансурадзевым ворвались на двор Талгика, перелезли через все препятствия, взяли обе пушки и привели их благополучно, хотя с дракою, до полянки, где сам Меллер с двумя батальонами был готов их принять и в случае нужды помочь, и с этого уже места пошли с своими трофеями без выстрела до Воздвиженской. Сам наиб успел спастись, но значок его и принадлежащее ему домашнее имущество остались в руках победителей. Потеря наша убитыми и ранеными менее 100 человек, между коими ранено 8 офицеров. Вообще в здешних старых полках и, может быть, еще более в Куринском, офицеры составляют во время опасности как будто переднюю шеренгу перед своими частями. Эту потерю нельзя считать большою в сравнении с важностию этого дела. — Можно вообразить, как примет Шамиль своего наиба. Мы давно зубы вострили на эти две пушки, но удивительная осторожность, с которою они употребляют орудия, не позволяла нам ими завладеть — В 1848 году от гальванического взрыва одна из этих пушек была на воздухе, и сам Талгик был сброшен, покрыт землею и потерял часть своего оружия; но это было ночью; управляющий гальванизмом, будучи в низком месте, не увидел взрыва, думал, что заряд отказался и так донес резерву, который был всегда готов бежать к месту взрыва. Мне же тогда об этом доложили только к утру, и чеченцы уже успели с рассветом собрать и увезти свое разломанное орудие.

Теперь не только эта пушка, но и обе стоят благополучно в Воздвиженской.

Теперь предстоит задача, произведут ли кн. Чернышева (давно светлейшего) в его юбилей? Ежели произведут мимо меня, то это будет для меня большая услуга: ибо тогда могу и должен без всякого могущего упрека пойти на покой совершенный и тем продлить хотя немного жизнь, и то самым приятным и безукоризненным образом.

Тифлис, 18-го мая, 1852 г.

Я много виноват перед тобою, любезный Алексей Петрович, что так долго не отвечал на письмо твое с добрым нашим Клавдием от 10 апреля; но ей Богу, как будто нарочно столько был погружен в обыкновенные и необыкновенные дела и бумаги и столько должен был видеть и толковать с людьми всякого рода и племени, которые, зная, что я отъезжаю отсель на несколько месяцев, не дают мне покоя по разным делам, что не имел и не имею минуты свободы и сегодня бы еще не мог тебе писать, ежели бы не решился взять хоть четверть часа из нужного времени для прогулки, дабы не уехать из Тифлиса, не написавши тебе несколько строк. Я уезжаю послезавтра, сперва в Осетию, чтобы осмотреть то, что уже сделано на будущей нашей резервной дороге через Осетинские горы в объезд Казбека и теперешней Военно-Грузинской дороги. Я поеду с перевала у деревни Гаки, где уже у нас есть маленькое укрепление и открыто арбенное сообщение у Цхинвала, оттуда я поеду на новую Имеретинскую дорогу, так называемую Улескую, которая оставляет влево затруднения Сурамского перевала и ущелие двух рек и соединится со старой дорогой у станции

Квирильской; пробыв потом два дня в Кутаисе, я поеду в Боржом на воды, которые надеюсь пить шесть недель сряду и оттуда на досуге пошлю тебе подробное описание местности и выгод двух вышеозначенных новых дорог, из коих Имеретинская должна быть готова в начале будущего года.

Сейчас получил от Булгакова твою записку на счет Хаджи-Мурата. Я об нем много напишу тебе на досуге; скажу тебе теперь только, что побег его не был *premedite* <замысленным> сначала, как это многие думают, а произошел от порыва дикой и буйственной души и видя себя в положении фальшивом и неприличном, под сильным подозрением от многих и с половиною только доверенностью от меня. А впрочем конец для нас был самый счастливый и для меня избавление тяжелой и весьма неприятной ответственности. С Шамилем он бы не ужился надолго, но, может быть, на время бы помирился и был бы для нас немаловажной причиной беспокойства. Человека ему подобного в Дагестане нет, не было кроме Ахверды-Магома, убитого в 1844 году, и, кажется, не будет.

45

Коджоры, 25 июля 1852 г.

Я получил дня три тому назад письмо твое, любезный Алексей Петрович, от 3-го июля и спешу тебя за оное благодарить. Из Боржома, где я был шесть недель, я не писал к тебе более потому, что ждал развязки весьма важного для нас дела на Лезгинской линии, а в последние дни не имел ни минуты свободной: ибо, кончив воды, я поехал в Ахалцых, на угольные копи, недавно вблизи найденные, и в Ахалхалаки, где я до того еще не был; потом из Гори поехал в Уплисцихе, где прелюбопытные древнейшие пещеры, по уверениям

ученых троглодитические, был у старика Еристова в Афинах и оттуда на стеклянный завод Элизбара Еристова, единственный за Кавказом, и вверх по Атенскому ущелью до прекрасной старинной церкви Сиона, не меньше в размере Тифлисской и весьма примечательной конструкции. Оттуда я поехал в Тифлис по новой дороге по правому берегу Куры, которая будет почтовая, как скоро будут готовы около Гори строящиеся два моста, один выше, другой ниже впадения Ляхвы. Из Тифлиса же, чтобы уйти как можно скорее от несносных жаров, я приехал сюда на Коджоры, куда еще в 1846 году я перенес часть весьма плохих строений, сделанных моими последними предшественниками в Приюте, по дороге от Тифлиса в Манглис: они всегда там проводили часть лета с большим беспокойством для себя и для всех имеющих с ними дела. От Тифлиса до Приюта более 35 верст по ужасно плохой дороге; поехать туда и воротиться в один день почти невозможно и останавливаться там негде, кроме казенных домишек и барак, сделанных для штаба, канцелярии и адъютантов.

Между тем я узнал, что в урочище Коджоры, в 12 верстах от Тифлиса, грузинские цари любили иметь летний лагерь; климат здесь лучше, нежели в Приюте, а так как я не хотел опять строить здесь дома и помещений, то я перевел только часть меньше других гнилую, принадлежавшую лично покойному Нейгардту; а с казенною землею около 100 десятин у этого урочища я сделал то, что мне так удалось 20 лет перед тем на южном берегу Крыма с урочищем Магарачем: роздал участки в 5 или 6 десятин с условием что-нибудь выстроить и что-нибудь посадить, и составила прекрасная колония, около 20 маленьких имений, 1 1/2 ч. верхом шагом от Тифлиса, поправил дорогу, ведущую сюда, так что можно приезжать в экипажах, и это место сделалось общее спасение для желающих

избегнуть Тифлисский жар, и большая часть строителей отдаст эти дома в наем с весьма большею выгодой против суммы, употребленной на постройку. Сын мой был один из первых, который взял участок и выстроил и посадил хороший сад; жена его теперь тут живет и будет жить до конца августа, а потом поедет в Тифлис, где надеется родить в ноябре. Сын мой на днях отправляется в полк и воротится в Тифлис в конце октября.

Вот все, что касается до меня и до моих. О делах военных и прочее ты увидишь все подробности в газетах; по милости Божией все шло и идет хорошо, и все предприятия Шамиля и его набобов кончились к их общему стыду и к нашей большой выгоде. Всего примечательнее и полезнее, что случилось на Лезгинской линии, где глупое и совершенно несчастное предприятие Даниель-Бека дало нам и возможность, и решительную волю кончить важнейшее дело переселения на плоскость всех жителей верхних магалов. Я еще в 1850 г., будучи на месте, видел необходимость этого дела, но так как мера казалась крутая и по другим обстоятельствам не мог это выполнить. Теперь Даниель-Бек сам дал на то сильный повод. И дело сделано в пять или шесть дней без всякой с нашей стороны потери; около 1500 дворов, живущие в 15 деревнях перешли и сами помогали истребить свои селения, проклиная Даниель-Бека, но сами признают, что оставаться там им невозможно. Кроме летнего времени мы их защищать не могли, а они принуждены были помогать всем качагам и партиям неприятельским, идущим или сильно, или слабо для грабежа на плоскость; а еще кроме того они платили ежегодно Даниель-Беку 12000 рублей, которые он делил с Шамилем. По всем известиям Шамиль ужасно сердится на Даниель-Бека за его необдуманное предприятие и весьма растревожен потерю целого края, коего жители

по принуждению ему во всем помогали и хоть нам платили положенную подать, но ему платили больше.

О сыне генерала Ховена я достану и пришлю тебе справку и все сделаю возможное по твоему желанию и для утешения почтенного его отца.

Ейск, 18-го сентября 1852-го г.

Любезный Алексей Петрович. Я думал, что из Ейска найду минуту свободно и подробно писать к тебе; но здесь, как почти везде, в этом опять ошибся через большое количество людей всякого рода и звания, которые меня ожидали и в эти два дня ко мне приехали; не хочу однако же выехать из Кавказа, не написав тебе несколько слов и отвечать хотя на два или три пункта твоих последних писем. По делу Ховена посылаю тебе справку из корпусного штаба и прибавлю только, что кроме милостивого обещания начальника штаба я сам займусь этим делом и коли нельзя, как кажется, кончить мягче, то по крайней мере по желанию твоему я постараюсь доставить ему случай подраться рукопашно с чеченцами, заслужить опять производство и, может быть, вместе с тем сделаться порядочным человеком. — Об Дурове я сделаю все, что могу, и из Крыма напишу тебе то, что покажется возможным и кому о нем писать, лишь бы только не старому твоему приятелю Закревскому, с которым я всякой переписки убегаю как огня. Я ему писал, даже дружески, насчет несчастного генерала Нестерова, но кроме глупых формальных бумаг ничего от него не получил и не знаю даже, удостоил ли он когда-нибудь своим визитом этого всеми любимого и всегда отличавшегося кавказского воина. Ты можешь на меня сердиться, но скажу тебе, что приятель твой мог бы быть хорошим комиссариатским чиновником, а по

безрыбью и порядочным дежурным генералом, но он не рожден и не воспитан быть генерал-губернатором в Москве, даже в теперешнем фабричном положении этого древнего города. — Дурова я теперь видел в Кисловодске, и он знает, что я все сделал, что могу в его пользу.

Боржомские воды точно первый поднял на некоторую известность генерал Головин; после него они были брошены до моего приезда. Посетив их проездом в Ахалцах в 1845 году, я велел выстроить там галерею; в прошлом году и в теперешнем я пробыл там по шесть недель. И воды, и местность чудесны; там строится целый город, и со всех сторон просят о местах для построения и местах для хуторов на противоположном берегу Куры. Порыв такой, что это стоит особого о Боржоме письма, в котором я тебе расскажу и о Боржоме, и об удивительных водах, и заведениях близ Старого Юрта и Сунженской станицы Михайловской. — Об Лещенке скажу тебе, что о нем хорошего мнения, что доказывается его производством в генералы из комендантов и бригадных командиров линейных батальонов, хотя не имел случая ни одного раза быть в деле. Я буду стараться его окуражить, но в этом году трудно придраться к чему-нибудь, чтобы его представить.

Я читал с большим удовольствием, что ты писал о переселении жителей верхних магалов; надеюсь, что это дело будет полезно, и нельзя не радоваться, что оно сделано так легко и без всякого пролития крови. Так как мне сегодня не остается уже пяти минут для окончания этого письма, то я прошу тебя послать к Булгакову за письмом, в котором я ему описываю прогулку мою 28-го августа по Большой Чечне. Это была для меня преутешительная экспедиция и также тем более, что мы не потеряли ни одного человека. Эго тебя удивит, когда ты посмотришь на карте, где мы беспрепятственно

ходили, как перешли через реку Басс, раздавали кресты за прежние дела, стреляли из всех пушек и ружей за здоровье Государя и как проходили мимо меня церемониальным шагом с музыкой и развернутыми знаменами все пять батальонов Куринского полка, весь Гребенский полк, весь Донской № 19 и 12 орудий. А ты, как превосходный и опытный военный человек, усмотришь поэтому, что, несмотря на слишком многочисленные наши гарнизоны по укреплениям, я мог в два дня собрать такой резерв для прогулки, но которая бы могла сделаться настоящей экспедицией и с верным успехом для нас, если бы Шамиль, который очень хорошо слышал наш feu de joie <веселый огонь>, захотел нам помешать. Мне нужно было видеть своими глазами работы и результаты трех зимних экспедиций и то, что я видел, далеко превзошло мои ожидания.

Об Эйске уже я не имею времени говорить. Четыре года тому назад мы с Заводовским искали место для этого города, а теперь уже в нем десять тысяч жителей, законно приписанных, три тысячи ожидающих разрешения приписаться, более 600 домов и 17 кирпичных заводов для построения новых. Прощай, любезный друг; я буду писать тебе еще из Крыма, где надеюсь найти жену мою. Сажусь сегодня на пароход; надеюсь быть завтра в Бердянске, послезавтра в Керчи, а 16-го числа в Алушке.

Тифлис, 22 января 1853 г.

Я так давно к тебе не писал, любезный Алексей Петрович, что я даже стыжусь начинать сегодня это письмо и даже не знаю, как начать; давно также не имею от тебя ни слова, но имею от доброго Клавдия о тебе известие и от проезжающих через Москву я знаю,

что ты здоров. Последние две или три недели я останавливался писать, ожидая всякий день известия о первых действиях князя Барятинского в Большой Чечне; но по причинам, которые я считаю весьма хорошими, Барятинский отложил начало своих действий недели на три; я думаю, что он теперь начинает и, ежели будет что-нибудь важное, то я тебя уведомяю. Одна из причин, помешавших мне тебе писать, было беспрестанное неприятное беспокойство на счет жены сына моего; признаков теперь меньше, нежели было в начале лета, но должна быть какая-нибудь женская болезнь, которую здесь никто не понимает, а все советуют ей ехать в Париж к первому, как говорят, в Европе доктору по женским болезням, *Шомель*. Я должен был послать на днях просьбу Государю Императору об отпуске Семена Михайловича на четыре месяца, чтобы отвезти жену свою в Париж. Сын мой в отчаянии и по потере надежд своих, и потому, что должен быть в отлучке от полка, и то еще в самое время зимних действий; но оставить жену в таком положении и физическом, и моральном совершенно невозможно, и надо покориться воле Божьей. Они отправляются на днях в Одессу и там будут дожидаться разрешения из Петербурга. Семен Михайлович оставит жену в Париже и возвратится сюда.

Дела наши идут довольно хорошо, неприятель везде ослабевает, распри и неудовольствия между ними усиливаются, и в Большой Чечне делается сильный поворот в нашу пользу, так что можно полагать, что наподобие Малой Чечни вся плоскость Большой будет в наших руках. Барятинскому предложено в эту зиму очистить Мичик, прикрывать

переселения жителей в наши границы и действовать по обстоятельствам. О том, что делалось летом в Дагестане и на Лезгинской линии я тебе писал в прежних письмах. На возвратном пути из Крыма (где я был все время нездоров и насилу мог приехать в

Севастополь для свидания с Государем) мы проехали по восточному берегу Черного моря; из Анапы мы пошли берегом через форт Раевский в Новороссийск, а из Новороссийска я ходил с отрядом в землю натухайцев. Мы ночевали в долине Адагум и, кроме пустой перестрелки с цепями, неприятель не показывался; потом опять морем до Сухума, а оттуда с большим удовольствием я мог сделать в первый раз поездку сухим путем по новой дороге до Редута, которую шесть лет готовили и в которой мне много мешали глупости и неумение прежних офицеров путей сообщения. Теперь это дело, можно сказать, кончено: с 1-го мая сего года будут почтовые станции между Сухумом и Редутом и также по новой дороге от Кутаиса в Карталинию, называемую Уманскою, но которую я называю Митрополитскою, потому что Имеретинский митрополит еще в 1845 году советовал мне эту дорогу вместо ужасной и беспрестанно починающейся дороги; но при прежних начальниках округа гг. Эспехо и К. ничего невозможно было сделать. Тогда можно будет надеяться, что коммерческие и другие сообщения от Тифлиса до Черного моря будут совсем на другой ноге; о сию же пору положение их служило для нас стыдом. Скажу тебе еще вещь довольно интересную для здешнего края, а именно, что пароходство с успехом заведено на Куре: пароход в 60 сил пришел из Каспийского моря до Мингичаура и будет постоянно служить на Куре. Вот все, что я могу тебе сказать немножко нового.

Боржом, 12 июля 1853 г.

Любезный Алексей Петрович, я бы должен прежде отвечать на два письма твои, одно доставленное кн.

В. О. Бебутовым и другое писанное скоро после его отъезда из Москвы, но которое по почте пришло ко мне прежде первого.

Все эти дни я не имел времени писать, ибо дела и хлопоты прибавились вследствие шаткого положения наших сношений с Турками, а к тому еще прибавились для меня большие хлопоты оттого, что в самое то же время надо было брать беспрестанно меры для предохранения границ от хищников, которые не ожидают настоящей войны, чтобы грабить и устроить воровские дела свои, к которым они привыкли и в мирное время, и, как ты сам хорошо знаешь, наша Турецкая граница и по Гурии, и между Ахалцыхом и Александрополем совершенно открыта. Надо было продвинуть хотя слабые резервы с дорожных и штабных работ частью к Ахалцыху и частью для прикрытия богатых сектаторских деревень Ахалкалакского участка. Ежели будет настоящий разрыв, то еще продвинем от четырех до пяти батальонов, куда окажется нужно, и будем дожидаться обстоятельств и Божией воли. Как я выше сказал, в самое то время, когда я был беспрестанно занят этими непривлекательными подробностями, я нашелся вдруг лишен всякой помощи сотрудника по военной части. Ты знаешь, что генерал Коцебу отпущен по ноябрь и теперь получил даже другое, хотя временное, назначение; генерал Вольф, который очень хорошо исправлял его должность, уже более двух месяцев серьезно болен, особливо приливом крови в голову. Уже в Тифлисе он мне сказал, что он боится скоро не быть в состоянии продолжать такую трудную службу. Я, не имея никого в виду для его замещения, просил его еще подождать и попробовать; но на днях ему сделалось хуже, так что можно было бояться удара, и мне осталось только воспользоваться дружеским предложением князя Барятинского принять на себя должность начальника штаба; он уже ее принял

предварительно, и об утверждении уже послано в Петербург.

Такое назначение тем для меня выгоднее, что сношения мои с Бярятинским самые дружеские и откровенные, что всегда необходимо между начальником войск и начальником штаба и что 8-ми летняя отличная его служба здесь со мною дала ему полный опыт в здешних военных делах и общую к нему доверенность. Все это прекрасно соединилось с приездом князя Василия Осиповича Бебутова, который, быв прежде управляющим и командиром войск и в Имеретии, и в Ахалцыхе, и в Эривани, лучше всякого другого мог помочь насчет лучшего расположения малых сил, которыми я теперь могу располагать без слишком большого ослабления разных нужных работ. Я право не знал бы, что делать без этого распоряжения насчет главного штаба, ибо всякая экстренная работа теперь уже не по моим силам. Первые дни здесь в Боржоме я приметно поправился; но как пошли фельдъегеря, и известия, и распоряжения, а вместе с тем и отсутствие главных помощников, я скоро потерял все, что прежде выиграл, и так лечиться невозможно. Теперь мне сделалось легче, но все-таки труды слишком велики.

Прощай, любезный друг. Мы здесь остаемся до 25, потом я поеду отчасти по границе на Ахалкалаки, духоборские деревни и через Манглис в Коджоры, где желаю пробыть весь август месяц и до жаров, а в сентябре обстоятельства укажут, ежели здоровье не слишком изменит, куда будет полезно и возможно мне ехать.

Тифлис, 20 сентября 1853 г.

Любезный Алексей Петрович, я так заеден и утомлен все это последнее время делами и распоряжениями по этим проклятым турецким делам, что не мог тебе писать, как я того желал, и сегодня пишу тебе только несколько слов, посылая экземпляр приказа, чтобы ты видел все подробности и хороший конец сильного нападения Шамиля на Лезгинскую линию. С последнею почтою я послал Булгакову, для предупреждения фальшивых толков в Москве, неполное извлечение об этом событии; но в приказе ты увидишь все настоящие подробности и все прекрасные действия наших войск и отличных их начальников. Важный пункт тот, что Шамиль крепко ошибся в надежде восстания не только наших лезгин, но и всех наших мусульманских провинций. Ни один человек во все время не восстал, даже из тех деревень, чрез которые неприятель проходил, а главные деревни Джары и Талы вооружились и не позволили никому чрез них проходить. Шамиль до того фанфаронил в своих надеждах, что уверял жителей, что идет в Тифлис, где должен встретить турецкого султана. Мы ждем скоро прихода в Сухум-Кале из Севастополя 13-й дивизии пехотной или части оной для усиления наших войск по турецкой границе. Все эти войска поступают в командование князю Бебутову, который на днях объехал всю границу, взял на все лучшие меры и успокоил жителей, которые не могли сначала не быть в страхе, зная, что турки сильно собираются в разных местах, когда у нас почти там никого не было. Теперь мы это все усиливаем по возможности, и Куринский батальон, пришедший третьего дня с Линии, а потом еще два или три батальона пойдут в Александрополь.

Тифлис, 24 декабря 1853 г.

Я получил вчера, любезный Алексей Петрович, письмо твое от 10-го декабря и начинаю с того, чтобы успокоить тебя насчет непонятого для нас слуха о плене твоего сына. Щербинин верно тебе написал, но ты письма еще не получил: мы даже не имеем еще известия о приезде посольства в Тегеран, а только, что они выехали из Ленкорана и переехали Персидскую границу. Я думаю, что причина этому пустому слуху есть просто ошибочное смешение с тем, что случилось месяца два тому назад с другим моим адъютантом Понсетом, который, едучи из Эривани в Александрополь, еще прежде открытия военных действий, был ограблен и в 4-х или 5-ти местах ранен разбойниками из наших верноподданных; он и теперь еще лечится в Александрополе, но раны его не опасны. Как скоро я получу что-нибудь от Клавдия, то я немедленно тебе сообщу. — Благодарю тебя от всей души за поздравления и примечания твои о наших здешних успехах. Мне совестно, что я не писал тебе по мере наших действий; но, ей Богу, не был в силах: ибо с самого лета я был так нездоров и слаб, и замучен беспокойством, распоряжениями, известиями всякого рода и принятием необходимых мер после каждого действия и приготовления против нас на пяти разных пунктах больших неприятельских сил (особливо, когда еще до прихода 13-й дивизии, я не мог нигде собрать даже 4-х батальонного отряда для защиты края от Черного моря до Арарата), я был совершенно истощен в силах, и были минуты, что я совершенно не знал, как из этого выпутаться. Почти уничтожен физически, я однако выдержал морально; но зато теперь, по милости Божией, что все пошло хорошо, физические силы не могли возвратиться, и я не имею возможности продолжать упражняться как должно бесчисленными подробностями дел всякого рода, которые по

обстоятельствам теперь на мне лежат, не говоря уже об обыкновенных, которых здесь всегда довольно и слишком много по моим летам и по всему тому, что я выдержал. Покой или навсегда или на время мне необходим. Я чувствую, что многие за это меня будут бранить, удивятся, что в такое время оставляю службу, и будут это приписывать разным выдуманым причинам; но дело само по себе простое: силы у меня для такого дела совершенно исчезли, не могу теперь с пользой продолжать и должен необходимо отдохнуть. — Мне бы хотелось написать тебе несколько подробностей о том, что у нас делалось, но теперь это мне совершенно невозможно. Но, чтобы ты имел по крайней мере что-нибудь больше, нежели то, что в газетах и что содержится в этом моем письме, я поручил одному доверенному лицу сделать извлечение из всего того, что у нас было сделано и официально донесено. Я пересмотрю, что он напишет и пришлю тебе коли не с этим письмом, то с первою почтою. Теперь я жду с нетерпением, что скажут иностранные журналы о теперешнем положении наших дел, и что скажут Англия и Франция. Особливо Англия, которая имеет на совести, что ободряла турок к войне. Прощай, любезный друг; я сейчас получил рапорт о прекрасном деле на Левом Фланге Кавказской Линии. Шамиль послал 1500 человек чеченцев и тавлинцев для нападения на наших мирных и для занятия вновь одного важного места в Ханкальском ущелии, в котором население было истреблено или снято год тому назад кн. Барятинским. Генерал Врангель, узнав об этом, сам пошел в это ущелье, а храбрый генерал Бакланов с сильным отрядом казаков Донских и Линейных столкнулся с неприятелем и почти уничтожил всю партию. Неприятель потерял более 300 человек. И вся Чечня находится в унынии.

Тифлис, 16 февраля 1854 г.

Любезный Алексей Петрович, пишу к тебе с добрым Клавдием и пишу мало, потому что его приезд лучше всякого письма и потому, что я не в силах писать много; ибо кроме обыкновенных недугов я теперь замучен пропастью дел со всех сторон и приготовлением к сдаче генералу Реаду. Он мало по малу входит в дела и принимается за оные дельно и с рассудком. Я надеюсь сдать все официально к 1-му марта, а 4-го пуститься в дорогу. Какова бы ни была дорога, она все будет мне отдыхом по мере удаления от бумаг, докладов и убийственных подробностей всякого рода. Я посылаю к тебе при этом взгляд на прошедшую кампанию и точное описание всего, что у нас было. Ежели бы проклятые англичане и французы не вмешались так бессовестно и с такою злостью в наши дела с турками, то султан конечно бы помирился; а в случае его упрямства он бы был наказан сильно в будущую кампанию, как на сухом пути, так и на море. Но с вмешательством западных держав дело гораздо труднее, потому особенно, что наш правый фланг, т. е. Мингрелия, Грузия и вся береговая линия, будут в большой опасности, и что, может быть, нужно будет ослабить главный действующий отряд, которому поручено сначала взять Карс, Ардаган и Баязет, для сопротивления десанту сильному в Мингрелии и Абхазии. Надо надеяться на Бога; войска у нас славные, дух везде отличный, а турки после сильного наказания в прошлом году будут морально и в материальном отношении слабее прежнего. Можешь себе вообразить, как мне больно и печально оставить корпус и край в такую минуту; но я так истощен в силах, что служить теперь мне невозможно: я бы только погиб без всякой пользы и скоро бы был в таком же

положении, как теперь находится князь Аргутинский. На прошедшей неделе я почти ждал нервного удара; может быть, удаление от работы меня хоть на время поправит. Мы поедем от Ставрополя не по Кубани и Крыму, где бы я не мог избавиться опять от многих дел, просьб и докладов, но на Ростов, Мариуполь, Херсон и оттуда прямо в Мошны; из Мошен же, как скоро будет можно, поедем за границу через Лемберг, Краков, Дрезден и оттуда в Карлсбад, ежели главные немецкие медики не посоветуют, после рассмотрения моего положения, вместо Карлсбада другие воды.

Клавдий тебе расскажет о своем путешествии в Тегеран и затем он теперь отправлен в Петербург. Персияне теперь сожалеют, что не покончили с нами условие по прежнему и хотели бы опять к нему возвратиться. На них считать нельзя, особливо при сильном действии на них англичан. Да и большего содействия нам от них ожидать нельзя; но мы должны желать и надеяться, чтобы по крайней мере они не соединились с нашими неприятелями и не пошли бы против нас.

О себе тебе расскажет сам Клавдий. Я просил Реада, когда он воротится из Петербурга, прислать его хотя на короткое время ко мне, где бы я ни был и, разумеется, ежели он сам того пожелает, и он все-таки может успеть участвовать в делах у князя Бебутова, который его очень любит и будет ему очень рад.

P. S. Разумеется, что все, что я пишу в этом письме, кроме о моем здоровье и все, что тебе скажет Клавдий насчет персидских дел, есть секрет. Описание же действия прошедшего года, сделай милость, покажи кому угодно и кто этим интересуется. M. V.

Карлсбад, 30 июля 1854 г.

Любезный Алексей Петрович, пользуюсь отъездом сына твоего Виктора, чтобы написать тебе хотя несколько слов в добавок к тому, что он тебе скажет о моем лечении и пребывании здесь. Я кончил воды карлсбадские вчера, и мы теперь собираемся ехать через Дрезден в Шлангенбад, где я должен три недели купаться. Здешние воды некоторым образом мне будут полезны, ибо по крайней мере остановят зло в печени и не дадут ему сделаться хуже; но что касается до сил и до возможности серьезно чем-нибудь заниматься, я не чувствую почти разницы и полагаю, что надежды в этом мало. Доктора все советуют быть в совершенном покое, лечиться опять в будущем году и даже остаться на зиму где-нибудь в Германии; на это последнее ни в каком случае я не соглашусь и непременно возвращусь на зиму в Россию. Впрочем да будет воля Божия — на все надо покориться. О делах тебе не пишу; газеты ты получаешь, а я их не читаю. Прощай, любезный друг; я очень рад, что добрый твой Клавдий со мною. Жена моя тебе усердно кланяется, обнимаю тебя душевно и остаюсь навсегда весь твой М. Воронцов.

Дрезден, 6(18) ноября 1854 г.

Любезный Алексей Петрович, ты уже знаешь решение моей судьбы и что, по просьбе моей, на необходимости основанной, Государь Император милостиво и лестным для меня образом уволил меня от должностей, которые уже были сверх моих сил и для которых я сделался совершенно неспособен. Но нужно мне тебе сказать, что я не без особенной и горькой печали должен был покориться этой необходимости и удалиться в теперешних обстоятельствах от всякой

деятельной службы; но в теперешнем положении моего здоровья я не только не могу служить с пользою, но служба, при одолевшей меня слабости, как физической, так и моральной, могла бы быть только вредна: ибо на Кавказе, особливо теперь, надо пользоваться всеми условиями, необходимыми для беспрестанных деятельных усилий, без коих главный начальник там не может служить так, как я, смею сказать, служил и как край того требует. Со всем душевным уважением к одному из моих предшественников, почтенному старику Ртищеву, я не могу выдержать мысль быть в Тифлисе в его положении, когда со всех сторон опасность, и храбрые наши войска везде дерутся. Кроме того меня привыкли везде видеть на Кавказе готовым быть везде и подавать везде пример, и до 1851 года, когда болезни начали меня одолевать, несмотря на все труды и походы, я еще не чувствовал признаков старости и ездил верхом, как молодой человек и ежегодно показывался, а иногда и два раза в год, во всех частях края, от Ленкорани до Анапы и от Эривани до Кизляра. Теперь я уже на это не способен, и я должен был решиться на увольнение от службы, которую, как я выше сказал, я уже не могу продолжать с честью для себя и с пользою для края. Вот, любезный Алексей Петрович, что меня понудило оставить, как я полагаю, навсегда всякую службу; я надеюсь, что ты поймешь мои причины и не будешь меня хулить за то, что я сделал. Совесть моя чиста во всем и прежняя более нежели полувековая моя служба должна удостоверить всякого беспристрастного человека, что я бы не удалился, особливо в теперешнее критическое время, от трудов и ответственности без настоящей совершенной необходимости. Здесь в Дрездене следую аккуратно особенному лечению под руководством доктора Геденуса и лучших здешних медиков. Я имел сильное желание не оставаться зимою в чужих краях и

отправиться на покой в Киевскую губернию; но доктора решительно против этого протестовали, потому что лечение мое требует как можно меньше стужи и что Дрезден хотя не Италия, все-таки теплее Киева. Ехать же в Италию или куда-нибудь в австрийские владения я решительно отказался. Мы живем здесь уединенно и никого не видим, кроме доброго нашего посланника Шредера. Жизнь не веселая, но кто же теперь может думать о веселье? Участь Севастополя и Крыма особенно мучительно нас занимает и беспокоит. Надеемся на милость Божию, что конец будет в нашу пользу. Меншиков с его войсками геройски защищается и даже действует иногда наступательно, но союзные войска также беспрестанно усиливаются и, кажется, на все решились, лишь бы не выйти из Крыма без успеха.

(Июль 1855)

Насчет сил я не вижу никакого успеха, и тому более причиною моральные чувства вообще, беспрестанное беспокойство от известий, иногда верных, иногда несправедливых, насчет дел вообще и насчет всего, что происходит, особливо в Севастополе и вообще в краях, где я столько лет жил спокойно и старался всеми силами быть полезным. Теперь к этому присоединилось и беспокойство насчет сына моего. Но на все Божья воля; он исполнил свой долг, когда просился на самое опасное место, и так как я уже совершенно неспособен для какого-нибудь дела, он меня заменяет в исполнении в сию критическую минуту священного долга каждого русского. Чем бы все это ни кончилось, геройская защита Севастополя спасает нашу военную славу и составляет одну из блистательных страниц нашей военной истории.

Я сегодня пишу из Петергофа, куда мы приехали вчера на праздник сего 22-го числа. Я думаю, что мы останемся здесь до 27-го, дня рождения Императрицы, чтобы после того иметь на несколько времени совершенный покой и физический в Царском Селе, где Государю угодно было назначить нам прекрасное помещение в Китайской деревне. Прощай, любезный Алексей Петрович; жена моя тебе усердно кланяется. Кн. М. Воронцов.

Царское Село, 20 августа 1855 г.

Премного благодарю тебя, любезный Алексей Петрович; за письмо твое от 7-го числа. Сожалею очень, что твое здоровье не совсем хорошее; но надеюсь, что лихорадки у тебя не будет; а ежели бы пришла, то советую поступать с нею по кавказскому манеру, т. е. большими приемами хины, чего, мне кажется, здешние доктора мало понимают. Это один способ испытанный не только для прекращения лихорадки, но и для того, чтобы она больше не возвращалась; на это есть прекрасная система доктора Андриевского, указание которой находится в моем приказе по Кавказскому корпусу, кажется еще в 1846 г. Я в душе уверен, что это распоряжение в девять лет пребывания моего на Кавказе спасло несколько тысяч человек или от смерти, или от таких повторений болезни, по которым они бы сделались совершенно неспособными к службе.

Благодарю тебя за лестные твои слова насчет моего сына. Он был ранен 1-го августа во время осмотра порученной ему дистанции; удар был счастлив тем, что пуля, не повредив костей, ограничилась, как пишет мне князь Горчаков, раздражением кожи сухожильного растяжения на два с половиною дюйма. Его тотчас

перевезли на Бельбек; но слабость его так велика, что еще 12-го числа он насилу мог написать несколько слов и не был еще в состоянии переехать в Симферополь. Боль в голове от контузии ужасная, и первый раз в ночь с 11-го на 12-е он мог порядочно уснуть, отчего и боль очень уменьшилась. Он надеется дня через два или три быть в состоянии переехать в Симферополь. Между тем, с дозволения Государя, доктор Андриевский поехал к сыну моему, чтобы вывезти его из Крыма, где невозможно ему иметь то спокойствие, которое необходимо при такой ране в голову, а может быть, по обстоятельствам и по ходу болезни, привезти его сюда.

Мое собственное положение ничем не изменяется: я слаб до чрезвычайности, и всякая деятельная служба для меня невозможна. Прощай, любезный Алексей Петрович; жена моя тебе усердно кланяется. Остаюсь навсегда весь твой. М. Воронцов^{487}.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ М. С. ВОРОНЦОВА

1782, 19(30) мая — рождение в графской семье в Санкт-Петербурге.

1785-1801 — жизнь в Англии, где его отец, С. Р. Воронцов, более 20 лет возглавлял русское посольство.

1785 — записан в службу бомбардир-капралом в лейб-гвардии Преображенский полк.

1786— произведен в прапорщики этого полка.

1798— пожалован в действительные камергеры.

1800— лишен звания камергера.

1801, март — восстановлен в звании камергера.

1801, май — приезд в Санкт-Петербург. Начало дружбы с С. Н. Мариным и Д. П. Арсеньевым.

1801, 2 октября — записан поручиком Преображенского полка.

1803, 20 августа — перевод в армию князя П. Д. Цицианова.

1803, 26 сентября — встреча в Астрахани с А. Х. Бенкендорфом. Начало дружбы с ним.

1803, 2 декабря — участие в штурме крепости Гянджа. Спасение капитана П. С. Котляревского. Награждение орденом Св. Анны 3-й степени.

1804, январь — участие в сражениях с лезгинами. Награждение орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом.

1804 — переговоры с имеретинским царем Соломоном.

1804, июнь — участие в сражениях с персами. Награждение орденом Св. Георгия 4-й степени. Произведен в капитаны.

1805, март — возвращение в Москву.

1805, апрель-август — пребывание в Андреевском в гостях у А. Р. Воронцова.

1805, сентябрь-декабрь — участие в европейской войне с Наполеоном. Произведен в полковники.

1807, июнь — командуя 1-м батальоном Преображенского полка, находился в Тильзите во время переговоров Александра I и Наполеона.

1809, 30 сентября — назначен командиром Нарвского пехотного полка.

1810, 22 мая — участие в штурме крепости Базарджик. Награжден золотым Базарджикским крестом. Произведен в генерал-майоры.

1810 — пишет «Наставление господам офицерам Нарвского полка в день сражения».

1810-1811 — участвует в сражениях под Варной, Шумлой, Батиным, Рущуком, Видином. Пожалованы ордена Св. Владимира 2-й степени и Св. Георгия 3-й степени и золотая шпага с надписью «За храбрость».

1812, 1(13) апреля — назначен командиром 2-й сводной гренадерской дивизии.

1812, июль — участие в стычках с неприятелем при Мире, Романове, под Салтановкой.

1812, 24 августа — сражение за Шевардинский редут.

1812, 26 августа — участие в Бородинском сражении, оборона Семеновских флешей, ранение.

1812, сентябрь — организация госпиталя в Андреевском.

1813, январь — возвращение в строй, сражение под Бромбергом.

1813, 1 февраля — взятие Познани. Произведен в генерал-лейтенанты.

1813, 4-7 октября — участие в сражении за Лейпциг. Удостоен ордена Св. Александра Невского.

1813, 15 октября — занят Кассель.

1824, начало февраля — занят Регель.

1814, 23 февраля — сражение под Краоном. Награждение орденом Св. Георгия 2-й степени.

1814, 18 марта — участие в сражении под Парижем.

1814, март — пребывание в Париже. Заказ художнику Г. Опицу.

1814, май — назначение командиром 12-й дивизии, входившей в корпус А. П. Ермолова. Начало дружбы с Ермоловым.

1815 — составление «Правил для обхождения с нижними чинами 12-й пехотной дивизии» и «Наставления, данные М. С. Воронцовым гг. офицерам 12-й дивизии».

1815, августа — участие в смотре под Вертю, пожалован генерал-адъютантом императора.

1815-1818 — командование русским оккупационным корпусом во Франции.

1818, 12 октября — награжден орденом Св. Владимира 1-й степени.

1819, 20 апреля — бракосочетание с графиней Е. К. Браницкой.

1820, 19 февраля — назначен командиром 3-го пехотного корпуса 1-й армии.

1820, май — попытка создания легального общества с целью освобождения крестьян от крепостной зависимости.

1820, май-октябрь — участие в организации пассажирского сообщения дилижансами между Петербургом и Москвой.

1823, 7 мая — назначение генерал-губернатором Новороссийского края и полномочным наместником Бессарабии.

1823, 21 июля — приезд в Одессу.

1823, 23 октября — рождение сына Семена.

1823, июль — 1824, июль — общение с А. С. Пушкиным

1825, 29 марта — произведен в генералы от инфантерии.

1825, 3 апреля — рождение дочери Софьи.

1825, октябрь-ноябрь — общение с Александром I.

1826, 25 мая — назначен членом Государственного совета.

1826, июнь-сентябрь — участие в переговорах с турками в Аккермане.

1826, 7 октября — подписание Аккерманской конвенции. Пожалованы алмазные знаки ордена Св. Александра Невского.

1826, декабрь — избрание почетным членом Петербургской академии наук.

1829, 16 августа — возглавил осаду турецкой крепости Варна.

1829, 29 сентября — падение Варны. Пожалована золотая шпага с надписью «За взятие Варны».

1830— борьбы с эпидемией чумы в Одессе и Севастополе.

1832, июнь — похороны отца, С. Р. Воронцова, в Англии.

1834, 30 августа — участие в торжественном открытии Александровской колонны в Петербурге. Пожалованы алмазные знаки ордена Св. Андрея Первозванного.

1837, сентябрь — пребывание в Одессе и в Крыму Николая I и Марии Федоровны, супруги императора.

1837, октябрь-декабрь — борьба с чумой в Одессе.

1842 — перевод крестьян имения Мурино на положение обязанных.

1844, 27 декабря — назначение командующим Отдельным Кавказским корпусом и наместником Кавказа с неограниченными полномочиями.

1845, 24 марта — приезд в Тифлис.

1845, июнь-июль — Даргинская военная операция. Возведение в княжеское достоинство с нисходящим

ПОТОМСТВОМ.

1847, 14 сентября — падение Салт.

1848, 7 июля — падение Гергебиля.

1848— основание Ейска. Окончание строительства дворца в Алупке.

1851, 25 декабря — пожалован к княжескому достоинству титул светлости.

1854, 28 февраля — уволен в отпуск на 6 месяцев.

1854, 19 октября — отставка. Остался генерал-адъютантом и членом Государственного совета.

1855, 18 ноября — первая встреча с Александром II.

1856, 26 августа — присвоение звания генерал-фельдмаршал, вручение фельдмаршальского жезла.

1856, 6 ноября — смерть в Одессе. Похоронен в городском кафедральном соборе.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

В. К. Купцов

Граф М. И. Воронцов.

Г. Ф. Шмидт с оригинала Л. Токке. 1758.

Граф Р. И. Воронцов.

Неизвестный художник.

Граф А. Р. Воронцов.

И.-Г. Шмидт. 1884.

Княгиня Е. Р. Дашкова.

Д. Левицкий.

Граф С. Р. Воронцов.

Д. Левицкий.

Графиня Е. А. Воронцова.

Д. Левицкий.

Граф С. Р. Воронцове Катей и Мишей.

Л. Гуттенбрунн.

Д. В. Арсеньев.

Неизвестный художник.

С. Н. Марин.

Неизвестный художник.

Парад гвардейских полков.

Князь П. Д. Цицианов.

П. С. Котляревский.

Убийство князя П. Д. Цицианова.

М. Андреев.

Андреевское. Господский дом.

А. Кондырев. Середина XIX века.

Андреевское. Церковь Андрея Первозванного.

А. Кондырев. Середина XIX века.

Граф Ф. В. Ростопчин.

Мейер с оригинала Гебауейра. 1815.

Н. М. Лонгинов.

С акварельного портрета Г. Беннера. 1813.

К. Я. Булгаков.

Портрет работы Ж. -А. Беннера.

А. Я. Булгаков.

Портрет работы К. Астахова.

Граф М. С. Воронцов.

Л. Молинари. 1812.

М. И. Кутузов. Д. Доу.

М. Б. Барклай-де-Толли. Д. Доу.

***Генерал от инфантерии князь П. И. Багратион.
Д. Доу.***

Генерал-майор А. А. Закревский. Д. Доу.

Генерал-лейтенант граф Э. Ф. Сен-При. Д. Доу.

Генерал-майор А. Х. Бенкендорф. Д-Доу.

Генерал-лейтенант А. П. Ермолов. Д. Доу.

Генерал-майор Л. А. Нарышкин. Д. Доу.

Генерал-лейтенант И. В. Сабанеев. Д. Доу.

Генерал-лейтенант И. Ф. Паскевич. Д. Доу.

Герцог Веллингтон. Д. Доу.

***Бивак казаков на Елисейских Полях в Париже в
1814 году.***

Г. Опиц.

Казачи в Париже в 1814 году. Г. Опиц.

Генерал-лейтенант граф М. С. Воронцов. Д. Доу.

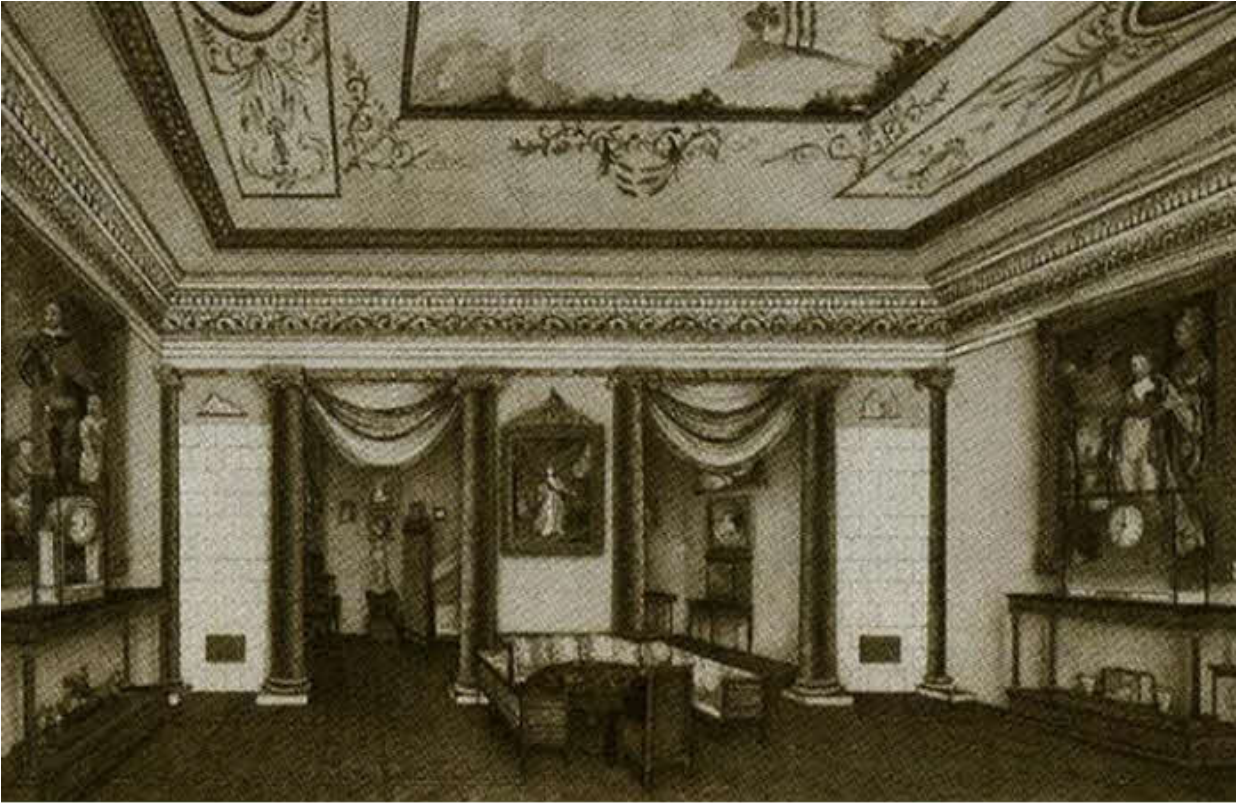

Граф М. С. Воронцов. К. К. Гампельн. 1820-е годы.

Графиня Е. К. Воронцова. Д. Доу.

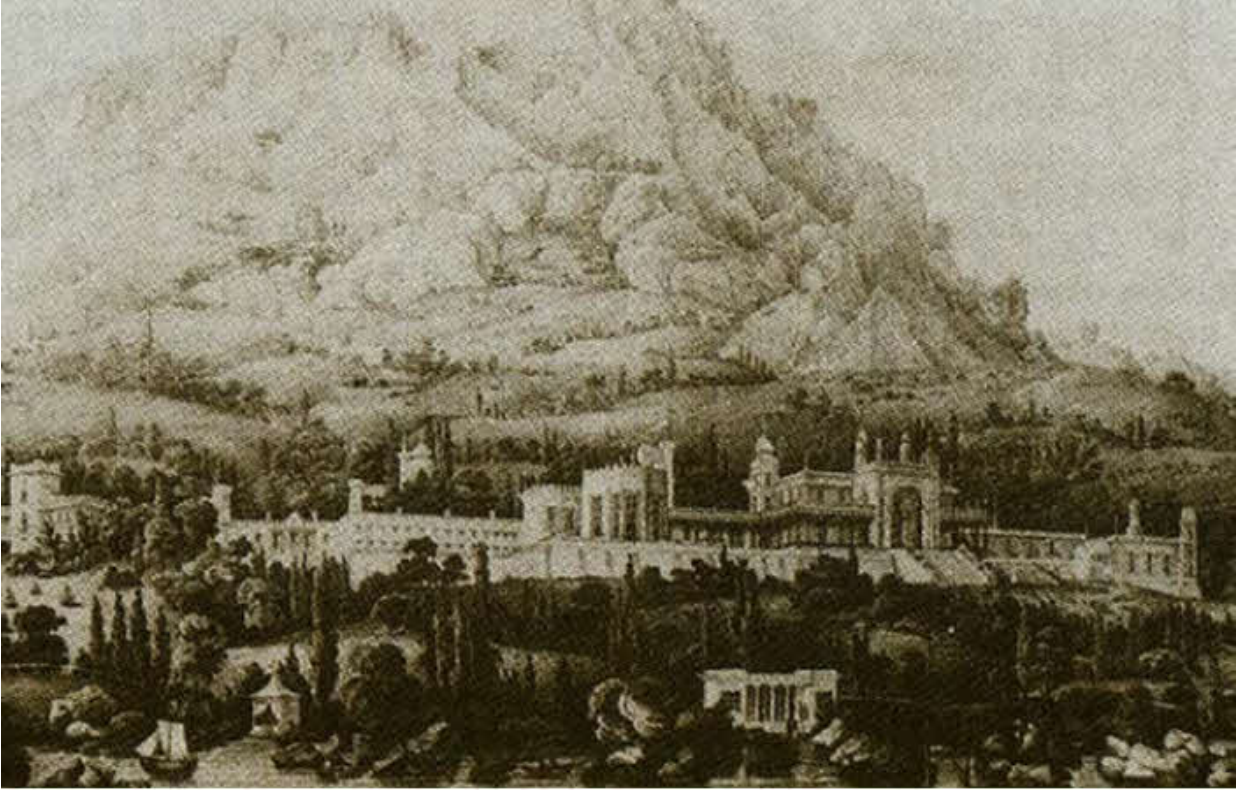
Зал в доме Браницких в Белой Церкви.

Г. П. Виллевальде.

Графиня С. М. Воронцова.

Д. Каневари. 1844.

Воронцовский дворец в Алушке.

В. Тимм.

Графиня Е. К. Воронцова. Дж. Хейтер. 1832.

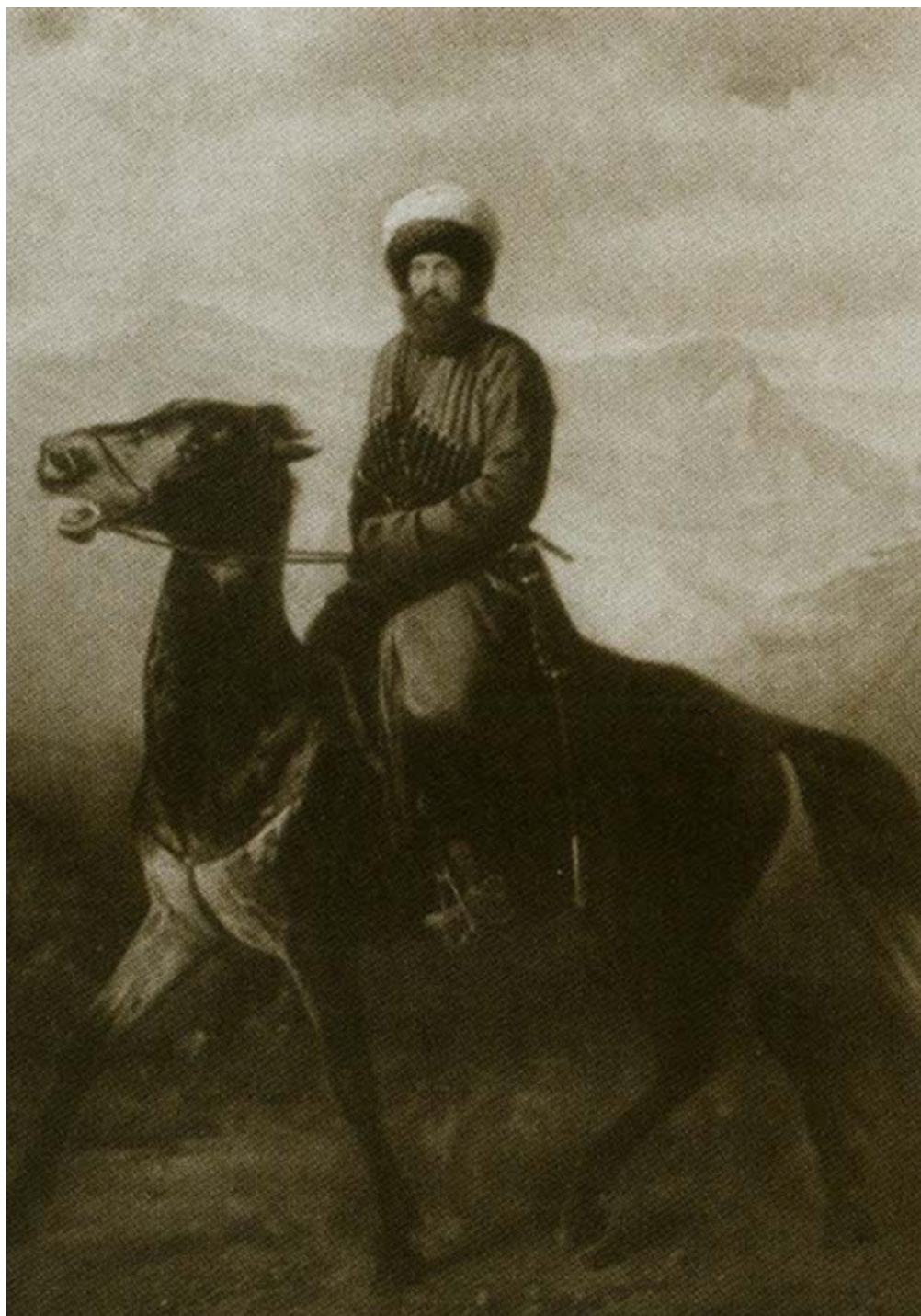
Адмирал А. С. Грейг.

Граф П. Д. Киселев.

Ф. Крюгер.

Шамиль. Н. Сверчков.

Даргинский поход 1845 года. Ф. Рубо.

Штурм аула Салты 14 сентября 1847 года. Ф. Рубо.

Шамиль и наибы Даниял-бек Илисуйский, Хаджи-Мурат, Шуаиб-Мулла. Х.-Б. Мусаяссул.

Кавказский пейзаж. Н. Чернецов.

***Взятие в плен Шамиля 25 августа 1859 года.
Ф. Рубо.***

Графиня Е. К. Воронцова.

М. В. Жокото.

Граф М. С. Воронцов.

Н. Шредель. Барельеф. Слоновая кость.

Тифлис. Памятник М. С. Воронцову.

Одесса. Воронцовский дворец.

Архитектор Ф. Боффо.

Колоннада Воронцовского дворца.

Светлейшая княгиня Е. К. Воронцова.

Принцкофер с оригинала К. Блааса.

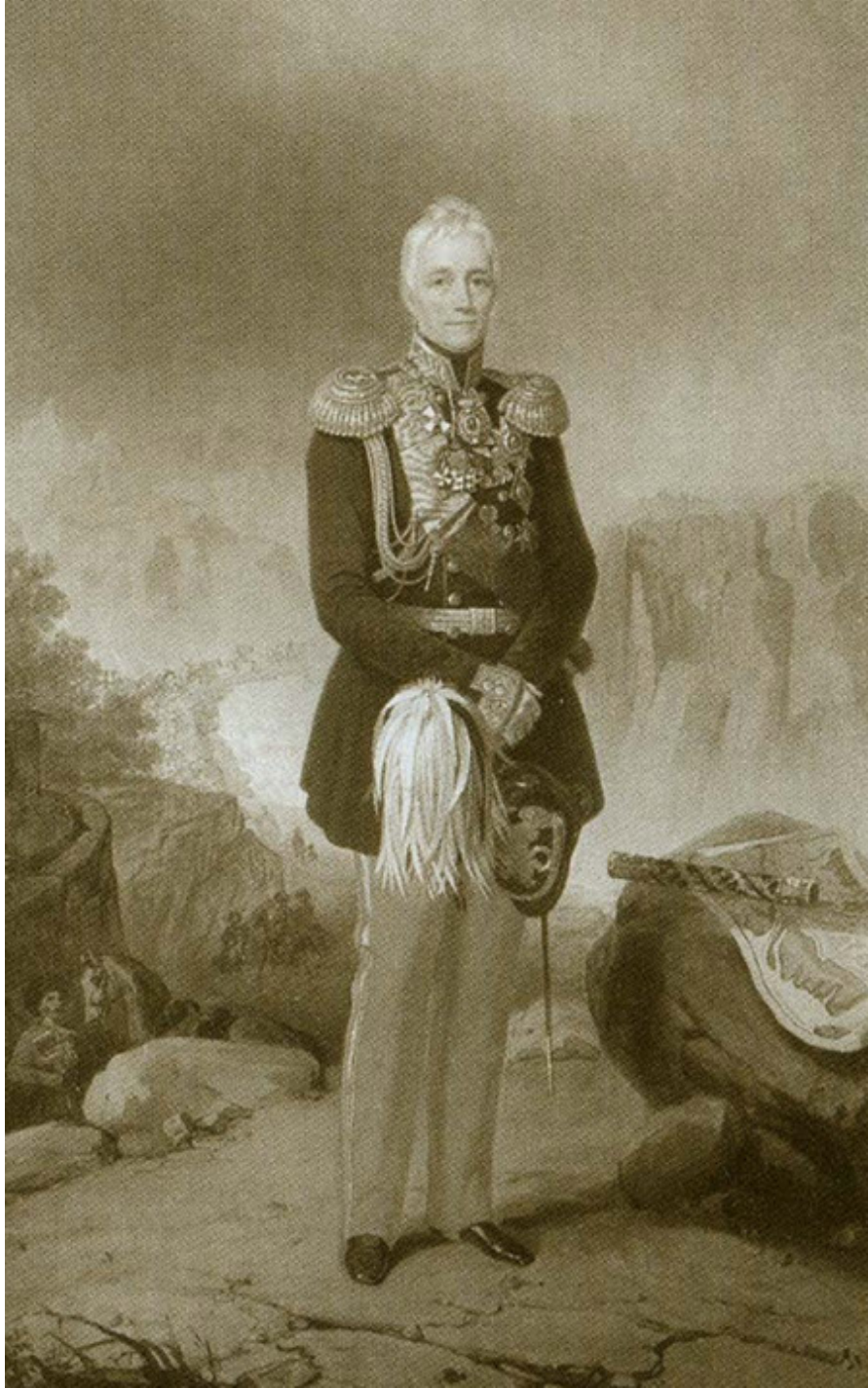
***Сын М. С. Воронцова — светлейший князь
С. М. Воронцов.***

А. Легран.

Соборная площадь в Одессе в 1870—1880-е годы.

***Генерал-фельдмаршал светлейший князь
М. С. Воронцов.***

Г. П. Виллевальде.

Могила М. С. Воронцова в Одесском кафедральном соборе.

Памятник М. С. Воронцову в Одессе.

Скульптор Ф. Брюггер.

Граф И. И. Воронцов- Дашков.

Графиня Е. А. Воронцова- Дашкова.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив князя Воронцова. Кн. 1—40. М., 1870–1895.
Воронцовское общество. 1991–2001. СПб., 2001.
Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Вып. 1–7. 1992–2002.
Авалиани С. Л. Граф М. С. Воронцов и крестьянский вопрос. Вып. 1–2. Одесса, 1912–1914.
Автобиография графа Семена Романовича Воронцова. // Русский архив 1876. Кн. 1.
Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 2. Тифлис, 1868.
Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 10. Тифлис, 1885.
Алексеев В. Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М., 2002.
Богданович М. И. Смотр при Вертю в августе 1815 года. Б.м., б.г.
Бородино: документы, письма, воспоминания. М., 1962.
Воспоминания князя Дондукова-Корсакова. // Старина и новизна. № 6. 1903.
Воспоминания М. П. Щербинина. // Русский архив. № 11. 1876.
Выписки из дневника светлейшего князя М. С. Воронцова. С 1845-го по 1854 год. СПб., 1902.
Галиченко А. А., Пальчикова А. П. Алупкинский дворец-музей. Путеводитель. Симферополь, 1989.
Годунов В. И. История 3-го уланского Смоленского полка. Либава, 1908.
Давыдов М. А. Оппозиция Его Величества. М., 1994.
Дегоев В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001.

Дегоев В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001.

Дондуков-Корсаков А. М. М. С. Воронцов. // Старина и новизна. 1902. V.

Ерицов А. Д. Патриарх всех армян Нерсес V и князь Михаил Семенович и княгиня Елизавета Ксаверьевна в частной переписке. Тифлис, 1898.

Ермолов А. П. Письма. Махачкала, 1926.

Есаян Сергей. Миниатюрные портреты Воронцовых из собрания А. И. Шуваловой. // Наше наследие. 1999. № 50, 51.

Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 1. М., 1999.

Заблотский-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Т. 2. СПб., 1882.

Записка графа С. Р. Воронцова о русском войске. // Русский архив. 1876. Кн. 3.

Залесский Н. А. «Одесса» выходит в море. Л., 1987.

Захарова О. Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М. С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М., 2001.

Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. 2. СПб., 1879.

Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. Т. 1, 2. М., 1888.

Из архива К. Э. Андреевского. Записки Э. С. Андреевского. Т. 1. Одесса, 1913.

Из писем фельдмаршала кн. М. С. Воронцова к М. П. Щербинину с Кавказа и из чужих краев в Москву. // Русский архив. 1870.

Ильин П. В. М. С. Воронцов и его окружение. // Из глубины времен. Альманах. Выпуск 4. СПб., 1995.

Исмаил-заде Д. И. Илларион Иванович Воронцов-Дашков. // Исторические силуэты. М., 1991.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М., 1982.

Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. М.-Л., 1966.

Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984.

Марин С. Н. Полное собрание сочинений. // Летопись Государственного Литературного музея. № 10. М., 1948.

Микешин М. И. М. С. Воронцов. Метафизический портрет в пейзаже. // Философский век. Альманах. Выпуск 2. Просвещенная личность в российской истории: проблемы историософской антропологии. СПб., 1997.

Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989.

Мурзакевич Н. Н. Автобиография. // Русская старина. 1887. Т. 53-56. 1888. Т. 59. 1889. Т. 61.

Мурзакевич Н. Н. Очерк заслуг, сделанных наукам светлейшим князем Воронцовым. Одесса, 1860.

На память юбилея А. И. Левшина. СПб., 1868.

Наставления, данные М. С. Воронцовым гг. офицерам 12-й дивизии. // Военный сборник. 1859. Май.

Ниве П. А. Отечественная война. СПб., 1911.

Обзор военных действий на Кавказе в 1845 году. Тифлис, 1846.

Огарков В. В. Воронцовы. Их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1892.

Правила для обхождения с нижними чинами 12-й пехотной дивизии. (Приказ начальника 12-й дивизии генерал-лейтенанта графа Михаила Семеновича Воронцова) // Военный сборник. 1859. Февраль.

Переписка А. Я. и К. Я. Булгаковых. // Русский архив. 1900. Кн. 1-3. 1901. Кн. 1-3. 1902. Кн. 1-3. 1903. Кн. 1-3. 1904. Кн. 1-3.

Письма главнейших деятелей в царствовании Александра I (С 1807-1829 году). СПб., 1883.

Письма князя М. С. Воронцова к А. П. Ермолову. // Русский архив. 1890. Кн. 1.

Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1. СПб., 1885.

Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. Сборник документов. М., 1964.

Прожогин Н. «Твой образ милый...» // Творчество. 1981.

Путевые письма Н. М. Лонгинова. Июнь-сентябрь. 1823. // Русский архив. 1905. Кн. 3.

Рибае А. де. Старая Одесса. Одесса, 1990.

Российский М. А. Очерк истории 3-го пехотного Нарвского генерал-фельдмаршала князя Михаила Голицына полка. М., 1904.

Рябинин Д. Д. Биография графа Семена Романовича Воронцова. // Русский архив. 1879. Кн. 1.

Сборник императорского русского исторического общества. 1890. Т. 73.

Сборник императорского русского исторического общества. 1891. Т. 78.

Селинов В. Архитектурные памятники старой Одессы (на укр. языке). Одесса, 1930.

Скальковский А. А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Одесса. Ч. 1. 1850. Ч. 2. 1853.

Соллогуб В. А. Биография генерала Котляревского. Тифлис, 1854.

Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988.

Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1911.

Тургенев А. И. Письма А. Тургенева к Булгаковым. М., 1939.

Тургенев Н. И. Дневник Н. И. Тургенева. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.-Л., 1936.

Филатова Г. Г. Портретная галерея Воронцовых. Вып. 1. Симферополь, 1997.

Харькевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях. Вып.1. Вильна, 1900.

Шерemet В. И. Турция и Андрианопольский мир 1829 года. М., 1975.

Щербатов А. Генерал-фельдмаршал князь М. Н. Паскевич. Т. 2. СПб., 1888.

Щербинин М. П. Биография генерал-фельдмаршала князя М. С. Воронцова. СПб., 1858.

Montandon С. Н. Guide du voyageur en Crimee... Odessa, 1834.

INFO

Удовик В. А.
У 31 Воронцов. — М.: Молодая гвардия, 2004.
— 413[3] с.: ил. — (Жизнь замечат. людей: Сер.
биогр.; Вып. 907).

ISBN 5-235-02728-0

УДК 94(47)(092)
ББК 63.3(2)521

Удовик Вячеслав Афанасьевич
ВОРОНЦОВ

Главный редактор *А. В. Петров*
Зав. редакцией *О. И. Ярикова*
Редактор *И. И. Никифорова*
Художественный редактор *А. В. Никитин*
Технический редактор *Н. А. Тихонова*
Корректор *Г. А. Мещерякова*

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 14.05.2004. Подписано в
печать 07.09.2004. Формат 84x108/32. Бумага
офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура
«Таймс». Усл. печ. л. 21,84+1,68 вкл. Тираж
2000 экз. Заказ 43694.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес
издательства: 127994 Москва, Сущевская ул., 21.

Internet: <http://mg.gvardiya.ru>.
dse1@gvardiya.ru.

E-mail:

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес
типографии: 127994 Москва, Сущевская ул., 21.

---

notes

Примечания

1

Непременный совет был создан в 1801 году как законосовещательный орган при государе, имевший право опротестовывать действия и указы царя. В 1810 году был учрежден Государственный совет, заменивший Непременный.

13 февраля 1807 года Александр I учредил Знак отличия Военного ордена для награждения нижних чинов русской армии — «во изъявление особенной Императорской милости к воинству и в вящее доказательство нашего внимания к заслугам оно́го, искони ознаменованным во всех случаях толиками опытами любви к Отечеству, верности к Государю, ревности к службе и неустрашимой храбрости». Знак отличия внешне почти не отличался от ордена Св. Георгия: имел те же изображения и инициалы, носили его на груди на Георгиевской ленте. Правда, солдатский «Егорий» изготавливался из серебра и не покрывался эмалью. Заслужить его можно было только в бою, за конкретный подвиг «на поле сражения, при обороне крепостей и на водах».

З

В составе русской армии находились и французские роялисты, эмигрировавшие во время Французской революции 1789 года.

---

comments

Комментарии

Воронцов А. Р. Заметки о моей жизни и о различных событиях, совершавшихся в течение этого времени как в России, так и в Европе. // Русский архив. 1883. Кн. 1. С. 270.

Архив князя Воронцова (АКВ). Кн. 5. С. 445. *(Пер. с фр. автора.)*

З

Письма к Вольтеру. Л., 1970. С. 61, 62.

4

АКВ. Кн. 5. С. 450. *(Пер. с фр.)*

5

Там же. С. 455. *(Пер. с фр.)*

Автобиография графа Семена Романовича
Воронцова. // Русский архив. 1876. Кн. 1. С. 39.

Воронцов С. Р. Инструкция господам ротным командирам. // Русский архив. 1912. Кн. 2. С. 142–155.

Полное собрание законов Российской империи
(ПСЗРИ) Т. XX. 1775-1789. С. 236, 237.

9

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 11. Д. 1197.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1781 года. СПб., 1890. С. 504, 505.

Щербинин М. П. Биография генерал-фельдмаршала князя М. С. Воронцова. СПб., 1858. С. 5.

АКВ. Кн. 31. С. 470. *(Пер. с фр.)*

13

AKB. KH. 13. C. 28, 29.

14

AKB. KH. 16. C. 142.

Там же. С. 143.

Собеседник любителей русского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых Российских писателей. 1883. Ч. 10. XVII.

Рябинин Д. Д. Биография графа Семена Романовича Воронцова. // Русский архив. 1879. Кн. 1. С. 489.

АКВ. Кн. 9. С. 267, 268. *(Пер. с фр.)*

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника.
М., 1982. С. 337, 338.

Карамзин И. М. Полное собрание стихотворений. М.-Л., 1966. С. 82.

Автобиография графа Семена Романовича
Воронцова... С. 47.

Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 194.

Автобиография графа Семена Романовича
Воронцова... С. 56.

AKB KH. 16. C. 305, 306.

Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 324, 325.

AKB... KH. 10. C. 320.

Там же. С. 242.

Там же. С. 327.

Суворов А. В. Письма. М., 1986. С. 722.

30

AKB. KH. 16. C. 315.

Суворов А. В. Указ. соч. С. 348.

Там же. С. 730, 731.

Там же. С. 356.

АКВ. Кн. 10. С. 57. *(Пер. с фр.)*

Там же. С. 250.

Там же. С. 33.

Там же. С. 250.

AKB. KH. 10. C. 75.

Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 328.

Там же. С. 352.

Там же. С. 84. *(Пер. с фр.)*

Там же. С. 337.

Автобиография графа Семена Романовича
Воронцова... С. 57.

19-й век. М., 1872. Кн. 2. С. 75.

АКВ. Кн.17. С. 5—13. *(Пер. с фр.)*

Мисайлиди Л. Е. Реликвии семьи Воронцовых в собрании Литературного музея Пушкинского Дома. // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Вып. 7-й. СПб., 2002. С. 139.

Записка графа С. Р. Воронцова о русском войске. // Русский архив. 1876. Кн. 3. С. 345–361.

Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 446.

Там же. С. 147.

50

Там же.

АКВ. Кн. 17. С. 79. *(Пер. с фр.)*

Там же. С. 75. *(Пер. с фр.)*

ПСЗРИ. Т. XXVII. 1802-1805. С. 249.

АКВ. Кн. 17. С. 80, 81. *(Пер. с фр.)*

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 2. Тифлис, 1868. С. 291, 292.

Марин С. Н. Полное собрание сочинений. // Летопись Государственного Литературного музея. № 10. М., 1948. С. 293.

AKB. KH. 36. C. 3, 4.

Марин С. Н. Указ. соч. С. 281

Там же. С. 290.

Там же. С. 301.

61

Там же. С. 299.

Там же. С. 300.

АКВ. Кн. 17. С. 84-87. *(Пер. с фр.)*

АКТЫ... Т. 2. С. 370.

AKB. KH. 36. C. 75-77.

Там же. С. 9.

Там же. С. 74. *(Пер. с фр.)*

Там же. С. 82.

Марин С. Н. Указ. соч. С. 302, 310.

Там же. С. 307.

71

AKB. KH. 36. C. 15.

Там же. С. 79. *(Пер. с фр.)*

Там же. С. 85.

AKB. KH. 36. C. 26.

Тургенев А. И. Хроника Русского. Дневник. (1825-1826) М.-Л. 1964. С. 60, 61.

Воронцов А. Р. Указ. соч. С.227-229.

AKB. KH. 36. C. 88.

Там же. С. 87.

Марин С. Н. Указ. соч. С. 183, 184.

АКВ. Кн. 36. С. 112. *(Пер. с фр.)*

Там же. С. 114. *(Пер. с фр.)*

AKB. KH. 10. C. 316.

Марин С. Н. Указ. соч. С. 121, 122.

Там же. С. 319.

Щербинин М. П. Указ. соч. С. 31.

Марин С. Н. Указ. соч. С. 385.

АКВ. Кн. 10. С. 462-464. *(Пер. с фр.)*

AKB. KH. 37. C. 404.

Российский М. А. Очерк истории 3-го пехотного Нарвского генерал-фельдмаршала князя Михаила Голицына полка. М., 1904. С. 295–302.

Сборник императорского русского исторического общества. 1890.Т. 73. С. 504.

Сборник... Т. 73. С. 475, 476.

AKB. KH. 37. C. 228.

1812-1814. М. 1992. С. 277.

Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях. Вып.1. Вильна, 1900. С. 203.

Бородино... С. 112.

Русский архив. 1912. Кн. 1. С. 506.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М., 1959. Т. 12. С. 49.

Сборник... Т. 73. С. 477.

Марин С. Н. Указ. соч. С. 333, 334.

Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем.
Т. 1. М., 1999. С. 232.

Русский архив. 1912. Кн. 1. С. 527.

1812-1814... C. 236.

103

AKB. KH. 36. C. 454.

AKB. KH. 37. C. 239.

105

AKB. KH. 16. C. 393.

Там же. С. 396.

Марин С. Н. Указ. соч. С. 337.

Русский архив. 1912. Кн. 2. С. 54.

1812-1814... C. 238.

Русский архив. 1912. Кн.2. С. 165.

Там же. С. 63.

Богданович М. И. Смотр при Вертю в августе 1815 года. С. 321. (Год и место издания не указаны.)

Русская старина. 1873. Т. 8. С. 273.

Богданович М. И. Указ. соч. С. 325.

115

1812-1814... C. 307.

Щербинин М. П. Указ. соч. С. 153, 154.

Военный сборник. 1901. № 5. Сообщение о рисунке и рисунок помещены перед первой страницей сборника.

Военный сборник. 1861. № 5. С. 252.

119

AKB. KH. 37. C. 359.

Русский архив. 1912. Кн. 2. С. 195.

121

Там же. С. 389.

Там же. С. 403.

123

Военный сборник. 1859. Февраль. С. 495-502.

Военный сборник. 1859. Май. С. 75-78.

Там же. С. 78.

126

AKB. KH. 36. C. 121-125.

127

AKB. KH. 37. C. 392, 393.

AKB. KH. 39. C. 401, 402.

129

AKB. KH. 37. C. 425.

Там же. С. 426, 427.

Русский архив. 1912. Кн. 2. С. 201.

132

AKB. KH. 37. C. 432.

133

AKB. KH. 36. C. 139, 141, 144.

134

AKB. KH. 37. C. 432.

Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. М., 1999. С. 321.

136

AKB. KH. 39. C. 406.

137

AKB. KH. 37. C. 254.

Брейар Ж. М. С. Воронцов в Мобеже. К истории русского оккупационного корпуса во Франции. 1816–1818 гг. // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Вып. 5-й. СПб., 2002. С. 132.

139

Там же.

140

Там же.

Там же. С. 134.

Сборник... Т. 73. С. 478-480.

Там же. С. 236, 242.

Тургенев А. И. Указ. соч. С. 387.

145

AKB. KH. 37. C. 260.

146

Сборник... Т. 73. С. 226.

Брейар Ж. М. Указ. соч. С. 143.

Там же. С. 142.

Сборник... Т. 73. С. 483.

150

AKB. KH. 37. C. 323-324.

151

Сборник... Т. 73. С. 492.

Там же. С. 494.

153

Там же.

Там же.

Щербатов Л. Генерал-фельдмаршал князь
И. Ф. Паскевич. Т. 1. СПб., 1888. С. 336.

156

Там же. С. 338.

Сборник... Т. 73. С. 499.

158

AKB. KH. 37. C. 336.

Русский архив. 1872. С. 224.

160

Сборник... Т. 73. С. 502.

Брейар Ж. М. Указ. соч. С. 145.

Сборник... Т. 73. С. 499.

Отчет графа Воронцова Государю Императору по возвращении с корпусом из Франции. // Чтения в обществе истории и древностей России. 1858. Кн. 4. С. 69.

Там же. С. 70.

165

Сборник... Т. 73. С. 503.

166

Там же.

Марин С. Н. Указ. соч. С. 321.

Русский архив. 1912. Кн. 2. С. 66.

169

Там же.

170

АКВ. Кн. 37. С. 412, 413. *(Пер. с фр.)*

171

AKB. KH. 39. C. 394.

АКВ. Кн. 35. С. 219. *(Пер. с фр.)*

173

АКВ. Кн. 17. С. 502. *(Пер. с фр.)*

АКВ. Кн. 17. С. 503. *(Пер. с фр.)*

175

АКВ. Кн. 28. С. 371. *(Пер. с фр.)*

Там же. С. 522. *(Пер. с фр.)*

Сборник... Т.73. С. 324.

АКВ. Кн. 17. С. 506. *(Пер. с фр.)*

Русский архив. 1872. С. 2234, 2235.

180

AKB. KH. 39. C. 464.

181

Сборник... Т. 78. С. 18.

Там же. С. 18, 19.

183

АКВ. Кн. 17. С. 510. *(Пер. с фр.)*

Сборник... 1891. Т. 73. С. 325.

185

Там же. С. 353.

186

AKB. KH. 36. C. 223.

Сборник... Т. 73. С. 504.

188

Русский инвалид. 25 января 1820 г. № 19.

Сборник... Т. 73. С. 504, 505.

АКВ. Кн. 17. С. 514, 515. *(Пер. с фр.)*

191

AKB. KH. 33. C. 412, 413.

АКВ. Кн. 35. С. 194, 195. *(Пер. с фр.)*

Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. Л., 1929. С. 43.

Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату
С. И. Тургеневу. М.-Л., 1936. С. 302.

Русская старина. 1871. Т. 3. С. 366.

Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 6. С. 526.

Ермолов А. П. Письма. Махачкала, 1926. С. 34.

Русский архив. 1890. Кн. 2. С. 310-312.

Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 2. С. 327, 328.

200

Там же.

201

Русский архив. 1903. Кн. 2. С. 372.

202

АКВ. Кн. 23. С. 414, 415. *(Пер. с фр.)*

203

Сборник... Т. 73. С. 396.

204

AKB. KH. 36. C. 238.

Русский архив. 1912. Кн. 2. С. 389.

Русский архив. 1903. Кн. 1. С. 457.

207

Там же. С. 450.

Путевые письма Н. М. Лонгинова. Июнь-сентябрь.
1823. // Русский архив. 1905. Кн. 3. С. 567, 568.

209

Там же. С. 570, 569.

На память юбилея А. И. Левшина. СПб., 1868. С. 32,
33.

Давыдов М. А. Оппозиция Его Величества. М., 1994. С. 10.

Есаян С. Миниатюрные портреты Воронцовых из собрания А. И. Шуваловой. // Наше наследие. 1999. № 50, 51. С. 116.

Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 13. С. 34.

Летопись жизни и творчества Александра Пушкина.
1799–1824. Т. 1. М., 1999. С. 321.

215

Там же. С. 324.

216

Там же. С. 325.

217

Там же.

218

Там же. С. 326.

Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди. // Русский архив. 1866. С. 1453, 1454.

Цявловская Т. Г. Муза пламенной сатиры. // Пушкин на юге. Т. 2. Кишинев, 1961. С. 161.

Кулешов В. И. А. С. Пушкин. Научно-художественная биография. М., 2002. С. 172.

Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками. Т. 1. М., 2002. С. 502.

Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 13. С. 67.

Путевые письма Н. М. Лонгинова... С. 572.

225

Кулешов В. И. Указ. соч. С. 133.

Литературное наследство. Т. 33/34. М., 1939. С. 651.

Эфрос А. Рисунки поэта. М., 1933. С. 254.

Сурат И. Геракл или певец Давид? // Московский пушкинист. IV. М., 1977. С. 281.

229

Там же.

Тыркова-Вильямс А. Жизнь Пушкина. Т. 1. М., 2002. С. 420.

Скатов Н. Пушкин. Русский гений. СПб., 2001. С. 353.

Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 13. С. 78.

233

Там же. С. 83.

234

Летопись... 371.

235

Сборник... Т. 73. С. 427.

236

Там же. С. 432.

Галиченко А. А. Реликвии А. Р. Воронцова в собрании Алушкинско-го Государственного заповедника. // Воронцовы — два века в истории России. Владимир, 1992. С. 41.

Липранди И. П. Замечания на воспоминания Ф. Ф. Вигеля. Из дневниковых записей. М., 1873. С. 1, 2, 137-140 и другие.

Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 493.

240

Эфрос А. Указ. соч. С. 240.

Пушкин и его современники. Вып. 37. Л., 1928. С. 140.

Летопись... С. 141.

243

Там же. С. 138, 139.

244

Там же. С. 139.

245

Там же. С. 140.

Иовва И. Ф. Пушкин в документах дела Алексеева-Радича. // Русская литература. № 4. 1978. С. 106, 107.

247

Там же.

На память... С. 31, 32.

Летопись... С. 383.

250

Там же. С. 383, 384.

Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. 1799–1826. СПб., 1874. С. 258.

Эйдельман Н. Я. Вьерарум. Лунин. М., 1995. С. 51.

253

Летопись... С. 394.

Лернер Н. Пушкин в Одессе. // Сочинения А. С. Пушкина под редакцией С. А. Венгерова. Т. 2. СПб., 1908. С. 275.

255

Там же. С. 296.

256

Литературное наследство. Т. 58. 1952. С. 44.

Гласе А. Пушкинская Одесса в письмах графини Е. П. Гурьевой. 1822-1824. Новые материалы. СПб., Итака, Нью-Йорк, 1995. Страницы в книге не указаны.

Летопись... С. 413.

Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 13. С. 94.

Летопись... С. 435.

Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 13. С. 265, 266.

Лернер И. Указ. соч. С. 275, 280.

Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е гг. 1830–1833. Л., 1974. С. 59.

264

Скатов Н. Указ. соч. С. 358, 364.

Лотман Ю. М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и записки. 1960–1990. СПб., 1995. С. 94, 95.

Макогоненко Г. П. Избранные работы. Л., 1987. С. 295.

Тыркова-Вильямс А. Указ. соч. С. 445.

Лернер Н. Указ. соч. С. 295.

Кулешов В. И. Указ. соч. С. 198.

Кулешов В. И. Пушкин. Жизнь и творчество. М., 1994.
С. 91.

Лотман Ю. М. Карамзин. (Сборник) СПб., 1997. С. 172.

Жизнь... С. 502.

273

Русская старина. 1904. Т. 117. С. 358.

Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 1. С. 357.

Пушкин... Т. 13. С. 392.

Вяземский П. П. Собрание сочинений. СПб., 1893. С. 499.

Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 492, 493.

278

Там же.

279

Там же.

Макогоненко Г. П. Творчество... С. 59.

281

Из дневника... С. 1478.

Анненков П. В. Указ. соч. С. 253.

283

Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 52, 53.

Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 13. С. 528.

Летопись... С. 400.

Фомичев С. А. Эпиграмма «Певец Давид был ростом мал...». (Текст, датировка, сатирическая направленность.) // *Временник Пушкинской комиссии.* СПб., 1995. Вып. 26. С. 78-86.

Летопись... С. 406.

Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 304.

Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 13. С. 96.

290

Там же. С. 98.

291

Там же. С. 102, 103.

Там же. С. 51.

Пушкин в воспоминаниях... С. 356, 357.

Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 13. С. 124.

Щеголев П. А. С. Пушкин и граф М. С. Воронцов // Красный архив. 1930 Т. 1 (38). С. 180, 181

Дружников Ю. Узник России. По следам неизвестного Пушкина. М., 1997. С. 171.

Фомичев С. А. Служение муз. О лирике Пушкина.
СПб., 2001. С. 53.

Летопись... С. 419.

Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1913. Т. 5. Вып. 2. С. 134.

300

Там же. С. 136.

Аринштейн Л. М. Пушкин. Непричесанная биография.
М., 1999. С. 61.

302

Летопись... С. 415.

303

Там же. С. 413.

304

Там же. С. 417.

Фомичев С. А. Праздник жизни. Этюды о Пушкине.
СПб., 1995. С. 36.

Цявловская Т. Г. «Храни меня, мой талисман...» // Прометей. Историко-биографический альманах серии «ЖЗЛ». Т. 10. М., 1974. С. 31.

307

Липранди И. П. Из дневника... С. 1478, 1479.

Сиповский В. А. С. Пушкин. // Русский биографический словарь. Притвиц-Рейс. СПб., 1910. С. 227.

Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 6. С. 201.

310

Шильдер Н. Александр I. Т. 4. СПб., 1905. С. 209, 210.

Чистова И. С. Пушкин в салоне Авдотьи Голицыной. // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1989. Т. XIII. С. 197.

Декабрист Н. И. Тургенев... С. 421.

Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939.
С. 161.

314

АКВ. Кн. 17. С. 532. *(Пер. с фр.)*

Русский архив. 1912. Кн. 2. С. 380.

Русский архив. 1872. С. 2189, 2190.

318

Там же. С. 2204.

319

Записная книжка А. Сулакадзева. Архив СПбФИРИ РАН, ф. 238 (коллекция Н. П. Лихачева), карт. 149, № 2, 170.

320

Шильдер Н. Александр I. Т. 4. СПб., 1905. С. 370.

321

Шильдер Н. Николай I. Т. 1. СПб., 1903. С. 247.

322

14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев.
СПб., 1999. С. 213.

323

Сборник... Т. 78. С. 393.

Русский архив. 1901. Кн. 2. С. 232.

325

Сборник... Т. 73. С. 506.

326

AKB. KH. 37. C. 78.

Восстание декабристов. Т. 18. М., 1984. С. 159.

Там же. Т. 15. М., 1959. С. 230, 231.

329

Там же. Т. 1. М., 1925. С. 166.

330

Там же. Т. 17. М., 1980. С. 94.

331

Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом).
Архив Н. М. Лонгинова. Ед. хр. 23632. Л. 45.

Записки и письма И. И. Горбачевского. М. 1925. С. 196.

Оксман Ю. Письмо В. И. Сухачева к графу М. С. Воронцову из Таганрогского тюремного замка. // Декабристы. Неизданные материалы и исследования. М., 1925. С. 76.

Русская старина. 1881. Т. 32. С. 886.

335

Там же. С. 160.

Оксман Ю. Последняя попытка «облегчения участи» А. А. Бестужева. //Декабристы. Неизданные материалы и исследования. М., 1925. С. 89, 90.

337

Там же. С. 92.

338

Там же.

339

Там же. С. 94.

340

AKB. KH. 35. C. 384.

341

Записки декабриста Н. И. Лорера. М., 1931. С. 272.

Аренс Е. И. Конспект по русской военно-морской истории. 1910. С. 223.

Залесский Н. А. «Одесса» выходит в море. Л., 1987. С. 20.

344

Там же. С. 48.

Авалиани С. Л. Граф М. С. Воронцов и крестьянский вопрос. Одесса. Ч. 2. 1914. С. 14.

346

Там же. С. 19.

Фельдман Д. З. М. С. Воронцов и еврейское население южной России в первой половине XIX в. // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Вып. 5-й. СПб., 2000. С. 89.

348

Там же. С. 98.

349

AKB. KH. 39. C. 50.

350

Русский инвалид. 1828. № 260.

351

Русская старина. 1878. Т. 23. С. 455.

Русский архив. 1901. Кн. 3. С. 187.

Русский архив. 1867. С. 1377-1378.

354

АКВ. Кн. 35. С. 473. *(Пер. с фр.)*

355

АКВ. Кн. 17. С. 550. *(Пер. с фр.)*

356

Андреевский Э. С. Записки. Т. 2. Одесса, 1913. С. 324.

Русский архив. 1902. Кн. 1. С. 320.

358

Жизнь Пушкина... С. 513.

Русский архив. 1900. Кн. 2. С. 199, 200.

360

Там же. С. 200.

Исторический вестник. 1887. VII. С. 19.

362

Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 14. С. 131.

363

Одесский альманах на 1831 год. Одесса, 1831. С. 110, 398.

Тимофеев Ф. Следы прошлого. // Русский архив. 1884.
Кн. 1. С. 314..

365

Пушкин А. С. Указ. соч. Т.15. С. 320.

366

Пушкин. Письма последних лет. 1834-1837. Л., 1969.
С. 28.

367

Montandon C. H. Guide du voyageur en Crimée...
Odessa, 1834.

Гессен А. Все волновало нежный ум. М., 1983. С. 109.

369

Русская старина. 1887. Т. 54. С. 157.

370

Там же. С. 160.

371

Там же.

372

Там же.

373

Там же. С. 158.

374

Там же.

375

Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 44.

376

Там же.

377

Там же.

Ободовская И., Дементьев М. Наталья Николаевна Пушкина. По эпистолярным материалам. М., 1995. С. 323.

379

Одесский вестник. 1837. № 81.

380

AKB. KH. 40. C. 499.

Всеподданнейший рапорт Новороссийского генерал-губернатора графа Воронцова. // Русский архив. 1894. Кн. 2. С. 217.

382

Там же. С. 228.

383

Там же. С. 233.

384

AKB. KH. 40. C. 499, 500.

385

Щербинин М. П. Указ. соч. С. 214.

386

AKB. KH. 40. C. 500-502.

387

Щербинин М. П. Указ. соч. С. 216.

Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 162.

389

AKB. KH. 36. C. 154, 155, 175.

Колюбакин Б. М. Воспоминания графа Константина Константиновича Бенкендорфа о Кавказской летней экспедиции 1845 года. 1911. С. 13.

391

Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 162.

Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1. Тифлис, 1907. С. 83.

Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М., 1939. С. 97.

Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Тбилиси, 1953. С. 252, 253.

395

Колюбакин Б. М. Указ. соч. С. 116, 117.

396

Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 169, 171.

397

Обзор военных действий на Кавказе в 1845 году.
Тифлис, 1846. С. 79.

398

Щербинин М. П. Указ. соч. С. 247, 248.

Зотов В. Р. Петербург в 40-х годах. // Исторический вестник. 1890. Т. 39. С. 560.

400

Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 180.

401

Русская старина. 1899. Т. 97. С. 431.

402

Андреевский Э. С. Указ. соч. Т. 3. С. 97.

403

Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 165.

404

Колубакин Б. М. Указ. соч. С. 19.

Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 448, 449.

406

Покоренный Кавказ. СПб., 1904. С. 489, 490.

Движение горцев северо-восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. Сборник документов. Махачкала, 1959. С. 573.

Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 206.

409

Там же. С. 212.

П. В. Анненков и его друзья. Т. 1. 1885. С. 603, 604.

411

Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 336.

412

Там же. С. 349.

413

Там же. С. 363.

414

Русский инвалид. 1850. №. 270.

415

Щербинин М. П. Указ. соч. С. 276–278.

416

Русский архив. 1890. Кн. 1. С.453.

417

Там же. С. 454.

Егоров М. Действия наших войск в Чечне с конца 1852 года по 1854 год // Кавказский сборник. 1895. Т. XVI. С. 398, 399.

Абдулатипов Р. Затмение судьбы. М., 1998. С. 43.

420

Русский архив. 1872 С. 708.

421

Русский архив. 1884. Кн. 1. С. 379.

422

AKB. KH. 36. C. 290.

Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. С. 238.

Движение горцев северо-восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. Сборник документов. Махачкала, 1959. С. 555, 556.

425

Там же. С. 556.

426

AKB. KH. 36. C. 334.

427

Там же. С. 427.

Собриевский А. С. Князь Воронцов и наши архивы.
Ставрополь, 1911. С. 3, 4.

429

Записки декабриста Н. И. Лорера... С. 272.

430

Андреевский Э. С. Указ. соч. Т.1. С. 303.

431

Там же.

432

Соллогуб В. А. Указ. соч. С. 431.

433

Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 466.

434

Там же. С. 463.

435

Там же. С. 464.

436

Русский архив. 1876. Кн. 3. С. 371.

Записки Н. Н. Мурзакевича. // Русская старина. 1887.
Т. 54. С. 144.

438

Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 471.

439

АКТЫ... Т. 10. 1885. С. 103, 104.

Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 470.

Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. Т. 1. М., 1888. С. 367.

442

Русский архив. 1870. С. 2201, 2303.

443

Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 331.

444

Письмо Н. Н. Муравьева к А. П. Ермолову. // Русская старина. 1872. Т. 6. С. 542.

445

Там же. С. 546.

446

Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. 2.
СПб., 1879. С. 276.

*Берже А. П. Н. Н. Муравьев во время его
наместничества на Кавказе. 1854-1856 И Русская
старина. 1873. Т. 8. С. 602, 603.*

448

Там же. С. 615.

Зиссерман А. Л. Фельдмаршал... С. 389.

450

Там же. С. 390, 390, 391.

451

Там же. С. 388.

Зиссерман А. Л. Фельдмаршал... Т. 2. М., 1890. С. 12.

453

Там же. С. 12

454

Русская старина. 1881. Т. 31. С. 495.

455

Русская старина. 1881. Т. 30. С. 680.

456

СПб. ведомости. 5 сентября 1856 года. № 195.

457

Зиссерман А. Л. Фельдмаршал... Т. 1. С. 372.

458

Андреевский Э. С. Указ. соч. Т. 3. С. 355.

459

Одесский вестник. 1856. № 131.

460

Зиссерман А. Л. Фельдмаршал... Т. 1. С. 373.

461

Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 43.

Воронцов-Дашков А. И. Под колесами красного террора. Записки Анны Ильиничны Воронцовой-Дашковой. // Родина. 2002. № 7.

463

AKB. KH. 35. C. V-VI.

464

Одесский вестник. 1856. № 126.

465

Русский архив. 1872. С. 2194, 2235.

466

Андреевский Э. С. Указ. соч. Т. I. С. 127, 303. Т. III. С. 356, 358, 361.

467

Русская старина. 1873. Т. 8. С. 983.

468

Записки Василия Антоновича Инсарского. СПб., 1898.
С. 238, 239. Русская старина. 1881. Т. 30. С. 273.

469

Колюбакин Б. М. Указ. соч. С. 12, 13, 15.

Князь М. С. Воронцов. Воспоминания кн. Дондукова-Корсакова. // Старина и Новизна. 1902. Т.5. С. 119, 121-125, 129, 130, 132-134, 139, 143, 144, 148.

471

AKB. KH. 36. C. 175, 176, 425.

Соллогуб В. А. Биография генерала Котляревского.
Тифлис, 1854. С. 190.

473

На память... С. 30, 31.

474

Русская старина. 1873. Т. 8. С. 263.

475

Марин С. Н. Указ. соч. С. 326.

476

Мурзакевич И. Н. Автобиография. // Русская старина.
1873. Т. 54. С. 140.

477

AKB. KH. 38 C. 397.

Щербатов А. Генерал-фельдмаршал князь
И. Ф. Паскевич. Т. 2. СПб., 1888. Приложение. С. 64.

479

Русский архив. 1887. Кн. I. С. 183.

480

Соллогуб В. А. Указ. соч. С. 431-434, 436, 437, 442, 448, 449.

Стогов Э. И. Очерки, рассказы и воспоминания. //
Русская старина. 1878. Т. 23. С. 118.

Чижевич О. О. Город Одесса и одесское общество. (1837-1877) // Из прошлого Одессы. Одесса, 1894. С. 80, 81.

483

Русская старина. 1873. Т. 7. С. 701.

484

AKB. KH. 37. C. 412.

485

Русский архив. 1910. Кн. 3. С. 685.

486

AKB. KH. 36. C. 570.

487

Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 161-214, 329-365, 441-472.